

ЗМІСТ

Сумна річниця

- Пристайко В., Пшенніков О., Шаповал Ю.* Справа Єврейського антифашистського комітету 6
- Беренштейн О.* Еліє Співак: життя, творчість, доля 21

Свідчать документи

- Спецповідомлення МГБ УРСР «Про реагування єврейського населення на події у Палестині». 30 травня 1948 р. 30
- Спецповідомлення МГБ УРСР «Про реагування єврейського населення у зв'язку з подіями у Палестині». 2 червня 1948 р. 37
- Спецповідомлення МГБ УРСР «Про реагування у зв'язку з розпуском єврейської секції СРПУ і арештами єврейських націоналістів». 4 лютого 1949 р. 42
- Спецповідомлення МГБ УРСР «Про реагування інтелігенції м. Києва у зв'язку з розпуском Єврейського антифашистського комітету і арештами єврейських націоналістів». 16 лютого 1949 р. 46
- Спецповідомлення МГБ УРСР «Про реагування інтелігенції м. Києва у зв'язку з викриттям антипатріотичної діяльності групи критиків». 27-28 лютого 1949 р. 51
- Спецповідомлення МГБ УРСР «Про реагування інтелігенції м. Києва у зв'язку з викриттям антипатріотичної діяльності групи критиків-космополітів». 3 березня 1949 р. 58
- Спецповідомлення МГБ УРСР «Про реагування населення м. Чернівці у зв'язку з викриттям антипатріотичної діяльності групи критиків-космополітів». 23 травня 1949 р. 65
- Спецповідомлення МГБ УРСР «Про націоналістичні настрої працівників Чернівецького єврейського театру». 5 серпня 1949 р. 69
- Інформація МГБ УРСР до МГБ СРСР про арешт групи єврейських письменників в Одеській області. 11 липня 1950 р. 72

Інформація МГБ УРСР до МГБ СРСР про слідство у справі групи заарештованих єврейських письменників в Одеській області. 31 грудня 1950 р.	77
--	----

Людські долі

Документи з архівної кримінальної справи І. Співака	83
Документи з архівної кримінальної справи Н. Забари	147
Документи з архівної кримінальної справи Й. Бухбіндера	225
Документи з архівної кримінальної справи І. Кіпніса	277
Документи з архівної кримінальної справи Ю. Лойцкера	305

Спогади і роздуми

<i>Беренштейн О. М.</i> Талалаєвський: постать поета в інтер'єрі епохи	336
<i>Кацнельсон А.</i> Так було...	346
<i>Клопер Р.</i> 12 августа 1952 года	350
<i>Осадчук П.</i> Мій друг Бухбіндер	357
<i>Полянкер Г.</i> Остання зустріч з Соломоном Міхоелсом	363
<i>Фефер Д.</i> Мой отец Ицик Фефер	382

СУМНА РІЧНИЦЯ

*Володимир Пристайко,
заступник Голови СБУ, генерал-лейтенант
Олександр Пшенніков,
начальник Державного архіву СБУ, полковник
Юрій Шаповал,
керівник Центру історичної політології Інституту
політичних і етнонаціональних досліджень
НАН України, доктор історичних наук*

СПРАВА ЄВРЕЙСЬКОГО АНТИФАШИСТСЬКОГО КОМІТЕТУ

Піввіку тому, у листопаді 1948-го, був ліквідований Єврейський антифашистський комітет (ЄАК) – перша (з часів приходу більшовиків до влади) офіційно санкціонована позакласова громадська організація, що була створена у 1942 році та будувала свою діяльність на чисто національній основі. Ця акція була частиною широкої політико-ідеологічної кампанії, започаткованої і контрольованої тодішнім політичним режимом.

Навряд чи хто з представників колишньої історичної спільноти «радянський народ» хоча б одного разу не чув про «безрідних космополітів». Свого часу їх таврували на форумах громадськості, на партійних зборах, у засобах масової інформації. Це було на початкових етапах горезвісної «холодної війни» у тогочасному біполярному світі.

Насправді боротьба з тим, що у сталінському Радянському Союзі заведено було називати «безрідним космополітизмом», не мала нічого спільного з теоретичною диференціацією двох понять – інтернаціоналізм і космополітизм. У критику «космополітизму» за законами політичної логіки впліталась протидія «низькопоклонству» перед Заходом, його наукою, культурою, мистецтвом.

Наперед було визначено і «переможця» у цій боротьбі: це була радянська, тобто, в першу чергу, російська наука, культура і мистецтво. «Чи лічить нам, – підкреслював у своїй відомій доповіді про журнали «Звезда» і «Ленінград» у вересні 1946 року секретар ЦК ВКП(б) Андрій Жданов, – представникам передової радянської культури, радянським патріотам, роль схилення перед буржуазною культурою або роль учнів?! Звичайно, наша література, яка відображає лад вищий, ніж будь-який буржуазно-

демократичний лад, культуру в багато разів вищу, ніж буржуазна культура, має право на те, щоб навчати інших нової загальнолюдської моралі»¹.

У ті часи вся система пропагандистських і «виховних» засобів була покликана підтверджувати цю тезу. Комплекс обмежувальних заходів паралельно був покликаний боронити «радянську людину» від «розбещуючого» західного впливу. Саме цій меті підпорядковувалась і боротьба проти «космополітів». Крім того, за її допомогою у черговий раз формувався образ «внутрішнього ворога», чергова з підсистем страху, без яких не могла існувати комуністична система. Архівні документи, які відкрилися в останні роки, говорять про те, що режим не просто заохочував такого роду кампанії, а й ретельно готував їх.

Наступ на «космополітів» було започатковано після згаданої доповіді Андрія Жданова. Більш активна і систематична «проробка» вчених, діячів мистецтва, літературознавців, біологів («вейсманістів-морганістів»), мовознавців, театрознавців, яким приписували те, що вони потрапили під вплив Заходу, розпочалася у 1947-му. Тоді, а саме 17 червня 1947 року, до партійних організацій було надіслано «закритого листа» ЦК ВКП(б) «Про справу професорів Ключової та Роскіна», в якому підкреслювалось, що *«небезпечна хвороба низькопоклонства перед закордоном може вражати найменш стійких представників нашої інтелігенції, якщо цій хворобі не буде покладено край»*².

Характерно, що кампанія боротьби проти «космополітизму» в Україні почала готуватись практично **водночас із розгортанням чергового туру гонінь на представників української інтелігенції**. Це й не дивно, адже партійно-державний істеблішмент УРСР завжди діяв за принципом «Коли у Москві ріжуть нігті, у Києві слід різати пальці».

Так, 24 липня 1947 року на зібранні активу інтелігенції Львова заступник Голови Ради Міністрів УРСР, відомий сталінський сикофант Дмитро Мануїльський виступив із доповіддю «Проти українського буржуазного націоналізму». В цій доповіді, зокрема, було піддано брутальній критиці професорів Кріп'якевича і Рудницького, композитора Барвинського, поета Карманського. У колишньому партійному архіві в Києві збереглися надзвичайно цікаві інформації про те, як боляче реагували представники львівської інтелігенції на цей виступ.

Наприклад, старший науковий співробітник Львівського філіалу Академії наук УРСР П. Мечник у колі близьких до нього осіб заявив, що «починається гоніння на українську інтелігенцію, цьому є підтвердженням слова тов. Мануїльського «Ми вам цього ніколи не забудемо». Виступає він непогано, тільки занадто різко, не можна так ображати людей, хоча б Карманського, для чого його чіпати, він вже старий і захистити себе не може». І справді, як засвідчують документи, на поета Карманського те, що він почув від одного з київських вождів, подіяло так, що в одній із розмов із знайомим він сказав: «Прощавайте, не знаю, чи побачимося ми ще після

цього вечора. Я хочу продовжувати свою важку роботу по перекладу Дайте українською мовою, але не впевнений тепер, що мені це дадуть зробити»³. А відомий український історик І. Кріп'якевич одному із своїх знайомих сказав: «Я не знаю, що ще мені потрібно зробити, щоб припинились обвинувачення на мою адресу. Я працюю над історією України так, як цього вимагають, переїхав до Києва»⁴.

Особливо активно пошуки «націоналізму» стимулював Лазар Каганович, який з березня по грудень 1947 року очолював ЦК КП(б)У. Зокрема, він постійно тероризував партійних працівників, Спілку письменників України, вимагаючи від окремих літераторів каяття у «націоналістичних» гріхах.

Звертають, однак, на себе увагу слова Микити Хрущова у його мемуарах про те, що Каганович, сам єврей, у цей час виявляв активні протиеврейські дії⁵. Виникла реальна небезпека того, що створена ним політико-ідеологічна атмосфера могла сприяти загостренню стосунків євреїв і українців.

Ось лише один приклад. 22 серпня 1947 року літератори Ілля Стебун (Кацнельсон) і Євген Адельгейм написали на ім'я Кагановича лист, який фактично мав характер доносу, «про політичне шкідливі і небезпечні погляди серед певної групи українських письменників»⁶. Цікаво те, що крім традиційних обвинувачень в українському націоналізмі, лист містив закиди у антисемітизмі письменникам А. Малишку, В. Бичку, С. Крижанівському, Д. Косарику, І. Неході. «Найчастіше, – читаємо у листі, – антисемітські настрої узгоджуються з поглядом, що справжній українець не може бути борцем проти націоналізму»⁷.

Каганович надав цьому листу надзвичайного значення, що засвідчили його рясні інвективи на полях документу, які могли б стати предметом окремого аналізу. Зокрема, проти обвинувачень в антисемітизмі він написав: «Чому парторганізація не розглянула, адже це з арсеналу Гітлера?»⁸.

Мине небагато часу і автори доносу самі стануть об'єктами критики: уже у 1948 році І. Стебуна та Є. Адельгейма критикуватимуть як «безрідних космополітів». А справжню хвилю антисемітизму, в тому числі побутового, викличуть не українські письменники, а сам режим, інспіруючи боротьбу проти «безрідних космополітів» і пізніше «справу лікарів».

Уже в роки горбачовської «перебудови», у квітні 1989 року, І. Стебун написав листа до редакції газети «Літературна Україна», в якому, згадуючи про критику українських письменників, зауважив: «В той час я був одним із заступників голови правління Спілки письменників України й, на жаль, слухняно виконував категоричні командні вказівки «згори»⁹.

У жовтні 1947 року Л. Каганович розіслав керівникам України «для ознайомлення» текст статті «Про одне шкідливе антирадянське оповідання». Цей матеріал підготували на замовлення ЦК КП(б)У для «Літературной газеты» і запропонували його підписати письменникам Григорієві

Полянкеру і Матвієві Талалаєвському.

Стаття була спрямована проти оповідання письменника Ісаака Кіпніса під назвою «Без хитрощів, без розрахунку», надрукованого однією з газет польського міста Лодзь. Оповідання було присвячене тому, як під час війни українська жінка врятувала від загибелі двох єврейських дітей. Однак і в цьому благородному сюжеті було знайдено «брутальні політичні помилки, які зводять нанівець і навіть перекручують саму ідею розповіді»¹⁰. Критикам не подобалась сама назва твору, оскільки, як зазначалось у статті, «у нашій радянській країні мільйони людей творять патріотичні справи без будь-яких хитрощів або низького розрахунку». А далі ставилось запитання: «Чи може авторові потрібна була згадка про чиїсь «хитрощі», щоб прикрити хитрощі власні?»¹¹.

Проте найбільшу лють і роздратування викликали слова І. Кіпніса про те, що він би хотів, щоб «всі євреї, які проходять тепер твердим переможним кроком берлінськими вулицями, носили на груді поруч з орденами і медалями також і маленький красивий щит Давида». Це було розцінено як вияв сіонізму, неприпустимого для радянського єврея. У статті підкреслювалось: «Кіпніс хоче поставити щит Давида – цю емблему націоналізму – поруч з емблемами Радянського Союзу, що символізують собою братерство і дружбу народів. Не завадило б знати Кіпнісу, що п'ятикутна радянська зірка давно затьмарила і шестикутну зірку Давида, і петлюрівський тризуб, і всіляких орлів й інші націоналістичні емблеми»¹².

Для Ісаака Кіпніса ця історія не завершилася лише критикою: у червні 1949 року він заарештований за обвинуваченням у націоналістичній агітації, а у січні 1950 року його засудили до 10 років виправно-трудових таборів суворого режиму. І лише 1956 року він був звільнений і реабілітований.

До речі, коли вже були заарештовані М. Талалаєвський і Г. Полянкер, їм пригадали серед іншого і те, що, здавалося б, можна було поставити їм у «zasлугу» – їхні критичні оцінки твору Ісаака Кіпніса.

Критика «космополітів» значно посилилася після публікації у газеті «Правда» 28 січня 1949 року редакційної статті «Про одну антипатріотичну групу театральних критиків». У лютому того року Секретаріат ЦК ВКП(б) розглянув питання «Про заяви, що надійшли до ЦК ВКП(б) про діяльність антипатріотичної групи театральних критиків». Невдовзі було ухвалено партійну постанову «Про буржуазно естетські перекинуття у театральній критиці», а в «Правді» вміщено розгромну статтю «До кінця викрити космополітів-антипатріотів»¹³.

Саме відтоді в Україні, як і у всьому тодішньому СРСР, ще більш посилювалось цькування літераторів єврейського походження (О. Борщагівський, А. Гозенпуд, Л. Санов-Смульсон, І. Стебун, Є. Адельгейм, Є. Мартич-Фінкельштейн та ін.). Тепер вже «викриття» супроводжувалось обвинуваченнями у просіоністських симпатіях і єврейському буржуазному націоналізмі. Причому критикували не тільки живих, а й померлих

літераторів, діячів науки і культури.

Те, що у цій кампанії не було дрібниць, засвідчують чимало прикладів. Ось один з них: у червні 1949 року Комітетом у справах мистецтв УРСР було надіслано до секретаря ЦК КП(б)У К. Литвина клопотання про нагородження орденом Леніна народного артиста УРСР диригента Київського оперного театру Самуїла Столермана. В його архівній особовій справі збереглася невеличка записка про те, чим це клопотання завершилось. Цитуємо: «Тов. Кравченко, матеріал цей представлявся у Москві, але від нагородження утримались»¹⁴.

У березні 1949 року пройшов пленум Спілки радянських письменників України з порядком денним «До кінця розгромити космополітв-антипатріотів». У липні 1949 року відбулася Республіканська нарада пропагандистських працівників України. Учасники наради ухвалили звернення до Сталіна. Автори цього розлогого документу не обійшли увагою і питання боротьби з «космополітами». Ось що, зокрема, зазначалося у ньому: «Запевняємо Вас, товаришу Сталін, що ми будемо і надалі виховувати у наших людей животворний радянський патріотизм, ще сильніше зміцнювати ленінсько-сталінську дружбу народів, розвивати українську культуру, національну по формі, соціалістичну за змістом, будемо викривати і вести непримиренну боротьбу проти усіх і всіляких проявів буржуазної ідеології – низькопоклонства, націоналізму, космополітизму»¹⁵.

Тепер викритих «космополітів» звільняли з роботи, засуджували, висилали у віддалені райони СРСР. Поняття «космополіт» поступово перетворювалось на синонім слова «єврей». Тим самим сталінський режим ставив під підозру євреїв як народ і ніби говорив населенню: ми можемо зміцнити наш патріотизм і нашу могутність, лише звільнившись від «антипатріотичного» впливу євреїв. Звертає на себе увагу і те, що в усіх обвинуваченнях незмінне фігурували єврейський націоналізм (сіонізм) і шпигунство на користь іноземних розвідок.

Однак, напевно, ще варто чимало попрацювати над архівними документами, щоб реконструювати події, що передували 1949 року. Йдеться про виявлення в тій чи іншій формі антиєврейських настроїв, про накопичення антиєврейського «пального» матеріалу, який режимом було використано сповна пізніше.

Ось лише один із численних прикладів. У липні 1948 року єврейська громада Кам'янець-Подільського звернулася з проханням дозволити відкрити синагогу. Лист-скаргу було направлено до Голови Верховної Ради СРСР М. Шверника, а копію – М. Хрущову. У листі зазначалося, що у 1946 року влада не дозволила відзначити траурний день масового розстрілу євреїв нацистами у Чернівцях. Влада відмовила також і в тому, щоб поміняти каміння на вулицях міста, оскільки нацисти замостили вулиці камінням з надгробків єврейських могил кладовища у Чернівцях. У 1947 року єврейська

грумада придбала дві кімнати у приватному будинку, щоб було місце для молитви. Однак і тут влада не дозволила, причому, як зазначали автори листа, «нам загрожували, що у випадку виявлення будь-якого зібрання старших людей нас приймуть за підпільну організацію, що виступає нібито проти Радянської влади»¹⁶.

Надзвичайно характерним для тогочасної ситуації є і епізод, описаний у наступному фрагменті листа: «У 1948 році наші представники громади були викликані у місто Проскурів до інструктора культури * при облвиконкомі тов. Резниченка. Останній дав прочитати документ і запропонував розписатися, що вони, представники громади, буцімто поставлені до відома, що синагогу вони не мають право відкривати, і коли ці представники відмовились від такого підпису, їм погрожували арештом і міліцією»¹⁷.

Ще в січні 1948 року у Мінську було організовано вбивство відомого актора Соломона Міхоелса. До речі, той факт, що це було вбивство, у квітні 1953 року підтвердив ніхто інший, як Лаврентій Берія. У листі на ім'я Г. Маленкова він поклав відповідальність за це на колишнього міністра державної безпеки В. Абакумова, який після свого арешту визнав, що виконував пряму сталінську директиву.

З лютого 1948 року на засіданні Секретаріату ЦК ВКП(б) під головуванням Георгія Маленкова було ухвалено рішення про розпуск об'єднань єврейських письменників у Москві, Києві, Мінську і про закриття єврейських альманахів, що видавалися у цих містах. Кількома днями по тому це рішення було підтверджено на засіданні Політбюро ЦК ВКП(б)¹⁸.

Нарешті, 1948 року був ліквідований Єврейський антифашистський комітет (ЄАК). Цей комітет очолював Соломон Міхоелс, а від Радінформбюро, при якому було створено ЄАК, відповідальним був Соломон Лозовський.

Двічі, 12 жовтня 1946 і 26 березня 1948 року, Міністерство державної безпеки СРСР сигналізувало партійно-державним структурам про те, що ЄАК присвоїв собі права бути головним уповноваженим у справах єврейського народу і посередником між цим народом, партією та урядом, а також про антирадянську і націоналістичну діяльність ЄАК. На цій підставі рішенням Політбюро ЦК ВКП(б) від 20 листопада 1948 року ЄАК, як такий, що є «центром антирадянської пропаганди і регулярно подає антирадянську інформацію органам Іноземної розвідки», було ліквідовано¹⁹.

Для багатьох це означало арешти, а для декотрих згодом – смерть. Арешти розпочались і в Україні. Тут, зокрема, наприкінці 40-х – початку 50-х років були піддані арештам і засуджені до різних строків позбавлення волі Мойсей Альтман, Рива Балясна, Йосип Бухбіндер, Абрам Веледницький, Давид Гофштейн (розстріляний у 1952 році по справі ЄАК), Айзик Губерман, Веніамін Гутянський, Ірма Друкер, Натан Забара, Абрам Каган,

* Так у тексті. – *Авт.*

Ісаак Кіпніс, Юхим Лойцкер, Ноте Лур'є, Мойсей Мижирицький (помер в арештантському вагоні), Михайло Пинчевський, Григорій Полянкер, Матвій Талалаєвський, Михайло Шмушкевич та ін.

У 1950 році було ліквідовано Кабінет по вивченню єврейської мови, літератури та фольклору при Академії наук УРСР, який очолював член-кореспондент АН УРСР, мовознавець Ілля (Еліє) Співак. Він був заарештований у січні 1949 року, а пізніше заарештували завідуючого літературним відділом Кабінету Юхима (Хаїма) Лойцкера, а також співробітників М. Берегівського, Б. Вайсмана, М. Майданського, А. Веледницького, Р. Лернера, Х. Кин-Каргородського, І. Спектора та ін.

Вкрай важливе питання про те, як саме були започатковані ці арешти, що було покладено в основу обвинувачень проти згаданих та інших осіб. Насамперед, можна відповідально стверджувати, що згадані діячі не зробили нічого такого, за що заслуговували б на жорсткі оцінки і покарання. Для того, щоб розпочати їхні «справи», за давньою традицією були використані ті або інші їхні критичні зауваження, міркування, оцінки, висловлені, як правило, у приватних розмовах, у різні роки. Всі ці матеріали були віднайдені, дбайливо зібрані і систематизовані, коли прийшов час боротьби із «космополітами». Саме за їхньою допомогою формувався їхній образ як ворогів режиму.

Наприклад, серед іншого «компромату» на М. Талалаєвського знаходимо інформацію про те, що одного разу, у травні 1938 року, він згадав, що Ленін у якійсь статті позитивно відгукувався про Л. Троцького²⁰. У березні 1940 року М. Талалаєвський дозволив собі таке висловлювання: «Євреї — найдревніший народ із найдревнішою культурою і в якій би країні вони не були, вони впливали на культуру цього народу»²¹.

30 грудня 1943 року в одній із розмов він бідкався, що нема де друкувати єврейські вірші. Коли йшлося про Біробіджан, М. Талалаєвський сказав: «Яка це єврейська область? Євреї складають там незначний процент по відношенню до загальної чисельності населення. Та й ті втікають або вимирають за тамтешніх умов. Слід було організувати національну область в тих районах, де єврейського населення багато, в районах України. Я на Україні народився і тут, якби була національна область, я б із задоволенням працював би. Задля чого мене посилати у якийсь Біробіджан?»²².

23 вересня 1944 року він говорив: «Всередині нашої країни здійснюється політика, що, хоча й неофіційно, обмежує права євреїв, їх, наприклад, не призначають на керівні посади, у Києві євреїв навіть взагалі з великим небажанням приймають на будь-яку роботу, для них обмежений в'їзд до Києва та до інших міст. Це поступка українським націоналістам...»²³.

7 грудня 1948-го М. Талалаєвський так реагував на тодішні події: «У Москві закрили єврейську газету, єврейське видавництво «Емес», розпустили єврейський антифашистський комітет, перспектив для розвитку

єврейської літератури немає. У нас євреї повинні асимілюватись»²⁴.

Не було обійдено увагою і те, як письменники реагували на загибель С. Міхоелса. Тоді, у 1948 році, обговорюючи з одним із знайомих із Москви цю подію і висловлюючи думку про те, що це було навмисне вбивство, М. Талалаєвський заявив: «Наші євреї стали нижче на одну голову. Як би хотілося почитати закордонну пресу. Там, напевно, буде написано всю правду». Г. Полянкер прокоментував цю сумну подію так: «Не стало у нас захисту, з ним все-таки рахувались, а тепер зовсім погано буде з єврейською культурою»²⁵. Цікаво, що інформатор, який передавав розмови Г. Полянкера, дав йому оцінку як людині, яка «значно розумніше, хитріше і обережніше Талалаєвського»²⁶.

Особливу увагу було приділено темі створення окремої єврейської республіки. Так, у вересні 1945 року, коли Г. Полянкер приїхав до Києва у відпустку, він чимало розповідав про життя польських євреїв. Це знайшло відбиття у документах: «Торкаючись польських євреїв, Полянкер заявив: «Ось це справжній народ, він любить свою культуру, свою мову, свою пісню, має свою школу. Зрозуміло, вони у Польщі не залишаться, пойдуть або до США, або до Палестини. Що стосується радянських євреїв, то один вихід – республіка єврейська у складі СРСР. Інакше євреям буде зовсім погано. Нас не люблять, до нас погано ставляться»²⁷.

Ретельно були систематизовані патріотичні висловлювання на підтримку успіхів євреїв у різних сферах діяльності. Наприклад, у жовтні 1949 року Г. Полянкер при зустрічі із знайомим у цирку на вечорі чемпіону світу Григорія Новака заявив: «Я хочу дивитись на єврейську гордість. Подивіться, що робиться у цирку, який аншлаг! А подивіться, скільки євреїв!» Звертаючи увагу на наявність у цирку українців, Полянкер заявив: «Я уявляю, як вони шкодують, що Новак не українець, як це їх дратує, що першість світу по атлетиці належить євреям. Ось чому вони нас так не люблять»²⁸.

Збереглися документи, які відбивають процес допитів заарештованих, те, як з них вичавлювали необхідні зізнання. Зокрема, у справі Ю. Лойцкера знаходимо згадки про події 30-х років і про Інститут єврейської пролетарської культури при Академії наук УРСР, який передував Кабінетові і був розтрощений владою ще у 1936 році. Ось яке зізнання примусили підписати Лойцкера: «Після цього * я, Співак, Гофштейн і Фефер розгубилися і припишили. Однак невдовзі у нас виникли надії і можливість продовження націоналістичної роботи серед євреїв, оскільки при Академії наук було створено Кабінет єврейської культури, директором якого у 1937 році вдалося влаштуватись нашому однодумцю Співаку»²⁹.

На очній ставці з І. Співаком Ю. Лойцкер свідчив, що «виконуючи вказівки Міхоелса і Фефера, мені, Кагану і Гофштейну під керівництвом

* Тобто після ліквідації Інституту єврейської пролетарської культури. – *Авт.*

Співака вдалось значною мірою активізувати націоналістичну роботу серед єврейського населення і, за прикладом єврейського антифашистського комітету, перетворити Кабінет єврейської культури у ворожу радянській владі організацію, яка вела боротьбу проти національної політики партії і радянського уряду»³⁰.

До справи І. Співака також були долучені матеріали, які стосувалися Інституту єврейської пролетарської культури при Академії наук УРСР. Зокрема, тут знаходимо витяги із протоколів допиту колишніх співробітників цього інституту, заарештованих ще у 30-ті роки. Наприклад, Хаїм (Борис) Лехтман на допиті 27 грудня 1935 року, проведеному заступником начальника Секретно-політичного відділу УГБ НКВД УСРР П. Рахлісом та оперуповноваженим Грозним, свідчив: «Науково-дослідницька робота інституту характеризується повним відривом від практики соціалістичного будівництва. Більшість секцій інституту у своїх планах обмежувалась розробкою проблем єврейського містечка, буржуазної історіографії дореволюційної єврейської літератури»³¹.

Зрозуміло, тут фігурували і обвинувачення у буржуазному націоналізмі: «Серед наукових співробітників, партійних і безпартійних, неодноразово висловлюється низка неправильних, антипартійних націоналістичних поглядів з питань стану та розвитку єврейських шкіл, єврейської мови і радянського будівництва у єврейських національних районах. Наприклад, керівник філологічної секції Співак, позапартійний, у бесіді з науковими співробітниками, у моїй присутності, наводячи цифри зменшення кількості єврейських шкіл у останній час, стверджував і доводив наявність регресу по лінії розвитку національно-культурного будівництва серед єврейських мас. Ці процеси та явища, доводив Співак, є підсумком асиміляції серед єврейських мас, що розвиваються у зв'язку з політикою, здійснюваною партією по лінії індустріалізації і колективізації»³².

Характерною є прикінцева частина цього протоколу допиту. На запитання, чи є у нього конкретні факти наявності контрреволюційних угруповань в інституті, Х. Лехтман відповів: «Конкретних фактів про наявність організованих контрреволюційних угруповань у мене немає. Однак я повинен підкреслити, що у зв'язку із наявністю компактною групи вихідців з інших партій, а також відсутності партійного керівництва у самому інституті, ґрунт для створення контрреволюційних угруповань безумовно існує»³³.

У справі І. Співака збереглися також витяги із «Доповідної записки про стан Інституту єврейської пролетарської культури», підготовленої у березні 1936 року тодішнім заввідділом науки ЦК КП(б)У Кровицьким, та з висновку, зробленого у червні 1936 року інструктором ЦК КП(б)У Білоцерковським на підставі матеріалів групи рецензентів «Про друковані роботи Науково-дослідного інституту єврейської пролетарської культури». У останньому, зокрема, читаємо: «За всі роки свого існування Інститут

єврейської пролетарської культури нічого не зробив по виданню класиків марксизму-ленінізму єврейською мовою, не займався викриттям єврейських буржуазно-націоналістичних партій, не вів боротьбу із залишками націоналістичної ідеології як в історії, так і в літературі»³⁴.

Використовуючи всі засоби, слідчі за будь-яку ціну прагнули витиснути із заарештованих свідчення про їхню націоналістичну діяльність і у Інституті єврейської пролетарської культури, і пізніше. Наприклад, на очній ставці Ю. Лойцкера та І. Співака 1 червня 1949 року Ю. Лойцкер свідчив «Починаючи з 1932 року у контакті з ним * та іншими нашими однодумцями я справді провадив антирадянську націоналістичну роботу серед єврейського населення України аж до початку Вітчизняної війни.

У 1941 році я і Співак евакуювалися до Уфи і потім знов активізували свою націоналістичну діяльність після створення у 1942 році єврейського антифашистського комітету, членом якого став Співак.

У травні 1942 року він виїздив до Москви на пленум єврейського комітету. Після повернення звідти до Уфи Співак розповів мені про свої зустрічі із главарями комітету – Міхоелсом, Фефером і Епштейном, говорив про свою участь у роботі пленуму, який було проведено, за словами Співака, під знаком єднання євреїв.

Після цього Співак разом зі мною, Каганом і Гофштейном організував в Уфі єврейський мітинг і почав активно розгортати націоналістичну роботу серед євреїв, евакуйованих до Уфи із західних областей Радянського Союзу.

Співак всіляко прагнув відновити в Уфі перервану на початку війни роботу групи Кабінету єврейської культури. У той час він писав про мову і стиль єврейського письменника Переца, націоналістичне ідеалізував його і замазував реакційні боки його творчості»³⁵.

Про ціну такого роду «зізнань» сам Лойцкер невдовзі, у 1953 році, напише у заяві на ім'я Генерального Прокурора СРСР: «Сильним тиском слідчих Рюміна і Меркулова (Ю. Лойцкера у березні 1949 року привезли на допити до Москви. – *Авт.*), погрозами, шантажем, позбавленням сну, а також побоями, знесиленого і доведеного до прострації нескінченними нічними допитами, змусили підписати якісь протоколи, що склались з одних вигадок»³⁶. Ю. Лойцкеру пощастило вижити, а І. Співак, не витримавши допитів, помер у московській в'язниці, у зв'язку з чим його справу було припинено 10 квітня 1950 року³⁷.

Слідство у справі ЄАК тривало до квітня 1952 року. На перших допитах С. Лозовський, І. Фефер та інші заперечували всі висунуті проти них обвинувачення. Однак згодом, під відповідним тиском, всі, крім Б. Шимеліовича, визнали свою «провину», дали свідчення, яких від них вимагали. 18 липня 1952 року Військова колегія Верховного суду СРСР присудила до розстрілу 13 чоловік. 12 серпня усі засуджені були страчені.

* Йдеться про І. Співака. – *Авт.*

У своїй книзі «Моє життя», згадуючи про закриття єврейських видань та культурних закладів, Голда Меїр, яка наприкінці 40-х років розпочала роботу в Москві як ізраїльський посланник, писала: «Що з того, що вони були вірними лінії партії? Надто великий інтерес до Ізраїлю та ізраїльтян виявило російське єврейство, щоб це могло сподобатися у Кремлі. Через п'ять місяців * в Росії не залишилось жодної єврейської організації і євреї прагнули не наближатись до нас більше»³⁸.

Надзвичайно цікавим і важливим є питання про матеріали, свого часу вилучені із фонду ЄАК. Наприклад, у Державному архіві СБУ збереглися деякі рукописи і машинописні тексти, які, напевно, можуть становити інтерес для дослідників. Так, у справі № 36663-ФП є велика тека під назвою «Статті та інші рукописи автора Талалаєвського, одержані з архіву колишнього єврейського антифашистського комітету». Тут знаходимо статтю «Освенцим – місто рабства і смерті», оповідання і багато віршів М. Талалаєвського.

Дотепер не проаналізованими залишаються матеріали, що показують, як саме, в який спосіб режим організував розправу з «космополітами» на низових рівнях. У тодішньому Радянському Союзі практично не було такої сфери життя, установи або вищого учбового закладу, де б не влаштувалися показові викриття.

Наприклад, для України дуже важкими були наслідки відомої серпневої 1948 року сесії Всесоюзної академії сільськогосподарських наук, на якій сталінський фаворит академік Трохим Лисенко отримав остаточну перемогу над «вейсманістами-морганістами». Жертвами цієї перемоги стало багато вчених, серед яких було чимало осіб єврейського походження. У Київському університеті був звільнений завідуючий кафедрою дарвінізму професор С. Гершензон, у Харківському сільськогосподарському інституті – професор Л. Делоне та ін. Всі вони, як правило, ставали жертвами публічного морального «аутодафе».

Ось що писав журнал «Більшовик України», орган ЦК КП(б)У у 1948 році: «Пережитки раболіпства перед західною буржуазною культурою знаходять свій вияв і в недооцінці історичної ролі вітчизняної науки, в схильності деяких наукових працівників перед «авторитетами» західної казенної науки, в некритичному ставленні до їх наукових праць, рекламаних буржуазною пропагандою. Приклад низькопоклонства й плазування перед буржуазною наукою показує група апологетів морганістської школи у нас на Україні, які разом з реакціонерами, мракобісами від науки тягнуть одну й ту саму ноту. Це, насамперед, можна сказати про таких біологів, як Поляков, Делоне, Гершензон, Гришко та інші»³⁹.

Критика, зрозуміло, стосувалась не лише біологів чи генетиків. Так, у

* Тобто у січні 1949 р. – *Авт.*

згаданій публікації критикувались співробітники Львівського торговельно-економічного інституту (за «схиляння» перед західною торговельною технікою), Київського технологічного інституту легкої промисловості (за недооцінку радянської промисловості по випуску реактивів), Харківського автодорожнього інституту (за те, що для розрахунку модуля зачеплення використовується формула Льюїса, а не метод Центрального бюро редуктобудування або метод ленінградського вченого Андозького), Чернівецького університету (за те, що в лекції на тему «Творчість Вальтера Скотта» було дано позитивну характеристику письменнику), Вінницького педагогічного Інституту (за те, що в лекції «Романтизм» було дано позитивне тлумачення цього поняття і не підкреслено «реакційності вчення німецьких романтики) про свободу творчого генія і поетичну інтуїцію») тощо.

У статті засуджувалась теза «наука немає кордонів» і що «питання пріоритету не мають ніякого значення», а далі підкреслювалось: «Головне завдання професорів і викладачів вищих учбових закладів не тільки кафедр суспільних наук, а й спеціальних дисциплін, полягає в тому, щоб правильно подавати історію розвитку нашої науки й техніки, підкреслювати роль російського народу і його передових наукових діячів у створенні світової науки, роль у розвитку передової науки партії більшовиків – єдиної партії, яка ще в період свого формування включила в свою програму боротьбу за науку і науковий, матеріалістичний світогляд»⁴⁰.

Надзвичайно характерним зразком тогочасної критики є стаття «Проти космополітичної брехні та наклепів на українську радянську літературу», вміщена у журналі «Більшовик України» у 1948 році, її було присвячено розгляду 2-го «Словника української літератури», упорядкованою Леонідом Хінкуловим. Тут не тільки підкреслювалось, що «бібліографія, як і всяка наука, є наукою партійною», а й викривались тактичні прийоми «космополітів» – «з одного боку, роздування неіснуючої слави всяких кололітературних людців, з другого – замовчування або паплюження кращих радянських українських письменників»⁴¹.

Такого роду приклади можна було б продовжувати, і всі вони засвідчують масштабність «викривальних» дій, їхню адресність, стратегічні задуми організаторів, які згодом логічно перейдуть до наступного політичного шоу – «справи лікарів-вбивць».

Смерть диктатора докорінно змінила ситуацію. У 1954 році почалась, а у 1955-му закінчилася перевірка матеріалів справи ЄАК. Завершилася тихою посмертною реабілітацією розстріляних. А невдовзі із місць ув'язнення почали повертатись ті, кому пощастило вижити.

Аналізуючи події кінця 40-х і початку 50-х років, можна дійти такого висновку: боротьба з тим, що називали «безрідним космополітизмом», диктувалася іманентною суттю, відповідала природі комуністичного режиму, його прагненням довести винятково передову і прогресивну власну

роль, а також слугувала ефективним засобом ізоляції «радянського народу» від зовнішнього світу. Крім того, це видавалося потрібним для мобілізації людей на подолання повоєнних труднощів, для упокорення інтелігенції, яка дійсно пробувала відчутти себе частиною єдиного світу.

Цілком очевидно, що чимало аспектів теми потребують спеціальних, не заангажованих, заснованих на вивченні архівного і фактичного матеріалу досліджень, які дозволять відтворити складну політико-ідеологічну амальгаму згаданого періоду.

Примітки

- ¹ Алентьев О. Проти низькопоклонства перед буржуазним Заходом // Більшовик України. – 1948. – № 11. – С. 62.
- ² Аксенов Ю.С. Послевоенный сталинизм: удар по интеллигенции // Кентавр. – 1991. – Октябрь-декабрь. – С. 82.
- ³ Центральний державний архів громадських об'єднань України (далі – ЦЦАГОУ). – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4559. – Арк. 3.
- ⁴ Там само.
- ⁵ Хрущев Н.С. Воспоминания. Избранные фрагменты. – М., 1997. – С. 211.
- ⁶ ЦЦАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4515. – Арк. 3.
- ⁷ Там само. – Арк. 10.
- ⁸ Там само.
- ⁹ Стебун І. Щоб ніколи не могло повторитися // Літературна Україна. – 1989. – № 15. – 13 квітня.
- ¹⁰ ЦЦАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 23. – Спр. 4514. – Арк. 3.
- ¹¹ Там само.
- ¹² Там само. – Арк. 5.
- ¹³ Див.: Аксенов Ю.С. Послевоенный сталинизм: удар по интеллигенции. – С. 84-85.
- ¹⁴ ЦЦАГОУ. – Ф. 1. – Оп. 70. – Спр. 1928. – Арк. 1.
- ¹⁵ Там само. – Оп. 23. – Спр. 6258. – Арк. 384.
- ¹⁶ Там само. – Оп. 70. – Спр. 1172. – Арк. 2.
- ¹⁷ Там само.
- ¹⁸ Див.: Аксенов Ю.С. Послевоенный сталинизм: удар по интеллигенции. – С. 84.
- ¹⁹ Див.: Реабилитация. Политические процессы 30-50-х гг. Под общей ред. А. Н. Яковлева. – М., 1991. – С. 323; Неправедный суд. Последний сталинский расстрел. Стенограмма судебного процесса над членами Еврейского антифашистского комитета. Отв. ред. В. П. Наумов. – М., 1994. – С. 7.
- ²⁰ Державний архів Служби безпеки України (далі – ДА СБУ). – Спр. 36663-ФП. – Т. 5. – Додаток.
- ²¹ Там само.
- ²² Там само.
- ²³ Там само.
- ²⁴ Там само.
- ²⁵ Там само.
- ²⁶ Там само.
- ²⁷ Там само.
- ²⁸ Там само.
- ²⁹ Там само. – Спр. 37408-ФП. – Т. 1. – Арк. 55.
- ³⁰ Там само. – Арк. 310.

- ³¹ Центральний оперативний архів Федеральної Служби безпеки Російської Федерації. – Спр. Р-3743. – Т. 2. – Арк. 448.
- ³² Там само. – Арк. 448-449.
- ³³ Там само. – Арк. 449.
- ³⁴ Там само.
- ³⁵ Там само. – Арк. 461-462.
- ³⁶ Шаповал Ю.І. Україна 20-50-х років: сторінки ненаписаної історії. – К., 1993. – С. 280.
- ³⁷ ДА СБУ. – Спр. 37408-ФП. – Т. 3. – Арк. 214.
- ³⁸ Меир Г. Моя жизнь. Автобиография. – Иерусалим, 1989. – Кн. 2. – С. 283.
- ³⁹ Алентьев О. Проти низькопоклонства перед буржуазним Заходом. – С. 55.
- ⁴⁰ Там само. – С. 60.
- ⁴¹ Золотоверхий І. Проти космополітичної брехні та наклепів на українську радянську літературу // Більшовик України. – 1948. – № 4. – С. 63.

СПОГАДИ І РОЗДУМИ

Олег Беренштейн

М.ТАЛАЛАЄВСЬКИЙ: ПОСТАТЬ ПОЕТА В ІНТЕР'ЄРІ ЕПОХИ

Мотл Талалаєвський (1909-1978) не належить до таких яскраво індивідуальних постатей в єврейській літературі як І.Кіпніс, Н.Забара, не кажучи вже про Д.Гофштейна, Дер Ністера, знакових фігур П.Маркіша та Д.Бергельсона. М.Талалаєвський як і Р.Балясна, І.Фалікман, Д.Хайкіна цікавий саме своїм походженням з єврейських мас і творчою та життєвою типовістю, навіть пересіченістю. Він і сам неодноразово декларував приналежність до сільських євреїв, необізнаність з єврейською релігійною освітою і традицією, на відміну від Д.Бергельсона чи Дер Ністера.

З автобіографічних поезій М.Талалаєвського видно, що він походив з дуже бідної родини і заробляв в юності торгівлею вроздріб. Як і Р.Балясна, яка у вірші «Алейхем Шолом» («Ідише культур», 1949, № 11) підкреслювала, що лише «Жовтень» дав їй життєву і творчу перспективу, М.Талалаєвський сформувався повністю у річищі радянської єврейської культури.

Отримавши радянську шкільну освіту, він у 1927-1929 р. р. навчався у Києві — спочатку на рабфаці, а згодом у єврейському педагогічному інституті, який не закінчив, кинувши навчання після другого курсу. У 1934 р. Талалаєвський закінчив Київський інститут народної освіти.

Літературний дебют М.Талалаєвського відбувся у 1927 р. і він став членом київської групи молодих прозаїків і поетів, що їх очолював Д.Гофштейн, і відтоді друкував свої поезії у щоденній загальноукраїнській газеті «Штерн», та у журналах «Проліт», «Ройте велт», «Штерн», «Юнге бой кланг».

Як видно з вірша «Радість», присвяченого Д.Гофштейну (у рукописі, вилученому під час арешту), а також з вірша-відповіді на відомий твір Д.Гофштейна «У зимове надвечір'я» (опублікований у численних радянських виданнях), М.Талалаєвський вважав себе учнем Д.Гофштейна і продовжувачем його каліграфічної, насиченої символікою манери письма.

Фотографія М.А.Талалаєвського з архівної кримінальної справи 36663-ФП, що зберігається у Державному архіві Служби безпеки України

Цей безумовний вплив імпресивного методу Д.Гофштейна присутній в творах М.Талалаєвського як в 20-30-х рр., коли його вірші нагадують добре з «комсомольською» затятістю заримовані лозунги, так і в філософській ліриці 60-70-х, що створювалась в руслі відповідних тенденцій української та й взагалі радянської літератури того часу (М.Рильський, П.Тичина, Е.Межелайтис, Б.Слуцький):

— ось перекреслюються нові смуги електричного світла військових прожекторів в синьому нічному небі, вихоплюю чи на мить чорні хрести літаків («Прожектори»), «зелене око радіоприймача» бачить «республіки й країни», транслюючи звуки життя світу в оселю письменника («Радіоприймач»);

— «хлопчик Мотл» замість «Алеф-Бейс» в хедері вчиться читати «по зорях в чистому небі» («Мої вчителі»);

— ось вже відомий поет і літня людина відчуває себе, що він «маленький атом на земній корі», «крапелька», «молекула»; відчуває «бездонність і безкінечність» зеленого цвіту — цвіту життя. («Роздуми», «Зелені всходи»);

— «Комсомольські, атеїстичні, рабфаківські лозунги 20-30-х рр. змикаються з «технологічністю», «космізмом» (що, однак, віддають газетною шпальтою) 60-х.

У 1930-ті роки вийшло кілька збірок його поезій цілком у дусі соціалістичного реалізму, що можна зрозуміти вже з назв — «Підйом» (1932), «Землі колгоспні» (1934), «На посту» (1934), «Батьківщина» (1935). Були в нього твори і менш ідеологізовані — збірники «Вулиці та провулки» (1930) та «Кохання» (1940).

У другій половині 1950-х років та в 1960-х роках у театрах Києва йшли

п'єси, що М.Талалаєвський написав українською мовою — «Перші конвалії» (1957) та «На світанку» (1964). М.Талалаєвський також переклав українською мовою п'єсу єврейського письменника М.Данієля «Винахідник і комедіант» (про Й.Гутенберга) та повість Й.Бухбіндера «Серед хвиль».

Найцікавішим в історичній ретроспективі є період 1940-х — початку 1950-х років, коли М.Талалаєвський воював на фронті, а потім був репресований і перебував на засланні у Середній Азії.

Під час Другої світової війни, яку М.Талалаєвський закінчив у званні майора, він пройшов шлях від Сталінграда до Берліна і за безпосередню участь у військових діях був нагороджений Орденом Вітчизняної війни та іншими відзнаками. Разом з фронтовим товаришем харківським поетом З.Кацем опублікував російською мовою збірки нарисів та поезій «Разведка боем» (1941), «Сталинградские стихи» (1943), «Легенда» (1946), «Солдат и знамя» (1947). В цих творах ми не знайдемо нічого специфічно національного, вони за формою і змістом не відрізняються від прийнятого в цей період канону. Можна припустити, що якби М.Талалаєвський обмежився російськомовними творами і не був заангажований у літературу на ідиш та у громадські справи, пов'язані з національним самовиявленням, він міг би спокійно пережити період репресій. Однак він — разом з Г.Полянкером та І.Фалікманом був (1947 р.) членом організаційного бюро відродженої секції єврейських письменників при Спілці єврейських радянських письменників України. У 1948 р. він активно публікував свої твори в органі Єврейського Антифашистського Комітету — газети «Ейнікайт» (Москва). У 1947 р. Київський Державний Єврейський театр ім. Шолом Алейхема здійснив постановку п'єси Талалаєвського «На все життя». У 1947 р. він також написав на ідиш п'єсу «Місце під сонцем» та нову збірку віршів «Лехаїм!» (Будьмо!).

У статті про М.Талалаєвського з «Лексикону нової літератури на ідиш» (Нью-Йорк, 1961), що був виданий Всесвітнім Конгресом Єврейської Культури, наводиться бібліографія публікацій поета на Заході — у Монреалі, Нью-Йорку, Парижі (у 1941-1947 рр.). Вона, однак, не є повною — відсутня, наприклад згадка про вірш Талалаєвського «Сталін» до 70-річчя Й.Сталіна, надрукований разом з творами інших єврейських радянських поетів у «Ідише культур» (Нью-Йорк, 1950, № 1). Американські видання, присвячені репресіям щодо єврейських письменників у Радянському Союзі — «Кров на сонці» Г.Вейнройха (Нью-Йорк, 1950) та «Радянська література під склом» Е.Саймонса (Нью-Йорк, 1953), мало що дають для розуміння причин арешту М.Талалаєвського. Втім, сам факт численних публікацій на Заході та в «Ейнікайт», публічні виступи на гостро політичні теми, як, наприклад, у Чернівцях у 1945 р., де Талалаєвський гостро критикував євреїв, що пережили Катастрофу, за їхнє бажання емігрувати до Палестини, словом, літературно-громадська активність могла бути достатньою причиною для підозр.

Радянські довідково-бібліографічні видання згадують про те, що в книзі «Як солдат» (1946) звучить тема Катастрофи і героїзму, що є непрямим свідченням інтересу поета до національної проблематики. Адже, як стверджував американський літературний критик М.Нотович у своїй статті «Єврейські радянські письменники у Червоній Армії» («Ідише культур», 1945, № 12), «ясно виділилися нові тенденції і мотиви, що запанували у творах радянських єврейських письменників внаслідок великого нещастя єврейського народу». Відомий американський літературний критик лівої орієнтації Н.Майзіль, що починав свою літературну кар'єру у Києві разом з Д.Бергельсоном і після війни підтримував зв'язки з діячами єврейської культури Києва (напр. з академіком Е.Співаком), опублікував у лівому журналі «Ідише культур» статтю під назвою «Друга світова війна і єврейська література» («Ідише культур», 1946, № 1), де стверджував, що єврейська література у Радянському Союзі під час війни «по-справжньому освоїла батальний жанр». На його думку, твори єврейських літераторів Радянського Союзу на мові ідиш були «глибоко єврейськими». Незважаючи на «рівні права», «спільні і суттєво схожі тенденції і настрої, проблеми і мрії» представників єврейської літератури та літератур інших народів СРСР, «все ж війна та її катастрофічний вплив на загальне життя єврейського народу мусили все ж, звичайно, інакше відбитися на «творчості значних радянських єврейських митців».

До речі, саме творчість мовою ідиш у цей період як у Радянському Союзі, так і в Польщі, Західній Європі, Північній Америці та Аргентині найбільшою мірою відтворила драматичні і трагічні події Другої світової війни — геноцид, загибель, героїчний опір у гетто, боротьбу у партизанських загонах та регулярних армійських з'єднаннях. Твори літераторів, що писали іншими мовами (наприклад, івритом чи англійською), не могли за своєю масштабністю та інтенсивністю переживань, національним пафосом дорівнювати творам, написаним на ідиш як радянськими письменниками і поетами (І.Фефер, П.Маркіш), так і літераторами, що були далекими від захоплення комунізмом (А.Суцкевер, І.Кацнельсон).

Деякі західні літературні критики дійшли висновку, що єврейська традиція збереглася у творчості єврейських письменників у «радянському і навіть у сталінському вбранні». Ця думка належить Б.Ривкіну, який у книзі «Основні тенденції єврейської літератури в Америці» (Нью-Йорк, 1948) наводить приклад з творів Д.Бергельсона, де «Ілля-пророк з'являється у вигляді Сталіна». Небезпідставно Б.Ривкін ставить питання «Чи повинна ідишкайт (Єврейська релігійна традиція) мати якусь одну форму?». Національно-орієнтований літературний дискурс поступово починає допускати (спочатку у США, потім у Палестині та самому Радянському Союзі) можливість поєднання традиційно-єврейського і радянського, що з безпрецедентною експресією було виражено у вірші І.Фефера «іх бін а ід»

(«Я — єврей», 1943), який одразу одержав міжнародний резонанс. Сталін і Каганович у цьому творі поєдналися з Самсоном і Далілою та іншими біблійними персонажами, а також Бар Кохбою, Макавеями та іншими національними героями. З другого боку, відомий американський письменник Ш.Аш у своєму оповіданні «Тальне житиме» (Зі збірника «Неопалима купина», Нью-Йорк, 1946) змальовує процес повернення молодого єврея — червоноармійця до національно-релігійних традицій рідного хасидського містечка Тальне на Черкащині, яке він визволяв у лавах регулярних частин Радянської Армії. В обох випадках поєднання лояльності до радянського і до традиційно-єврейського, а також солідарність євреїв різних країн, легітимізуються грандіозністю єврейської національної Катастрофи. Надії на об'єднання євреїв різних країн, політичних, ідеологічних та мовно-культурних напрямків підігрівалися також почуттям провини і впевненістю, що євреї програли через відчуженість всередині єврейського світу, що мала згубні наслідки.

Прагнення до солідарності було настільки сильним, що п'єса Д.Бергельсона «Ми хочемо жити» (про спільну боротьбу євреїв та українців з українського села проти нацистів) йшла з аншлагом у 1944 р. у перекладі на іврит у головному національному театрі «Габіма» (Тель-Авів) незважаючи на репутацію Д.Бергельсона як речника радянського патріотизму. У п'єсі члена Єврейського антифашистського комітету Д.Бергельсона своєрідно поєднується радянська та національна і навіть сіоністська символіка, що відповідала настроям багатьох. 50-та вистава п'єси у Тель-Авіві збіглася з прем'єрою у Нью-Йорку 17 грудня 1944 р., яку відвідали як представники радянського істеблішменту у Нью-Йорку на чолі з генеральним консулом, так і діячі єврейської еліти США, а також цвіт єврейсько-американської ліволіберальної інтелігенції.

У цьому контексті можна зрозуміти деякі національні акценти і у творах М.Талалаєвського, про що можна судити з текстів, вилучених під час його арешту.

М.Талалаєвському явно бракує знання традицій і відповідного виховання, тому біблійних і талмудичних мотивів у цих текстах немає, але тим цікавіші ті акценти, в яких виявляє він свої національні почуття.

Якщо у поемі «На весіллі» ми бачимо безпроблемну ідилічну картину єврейського життя у післявоєнному колгоспі, а у вірші «Україна — моя Батьківщина» (до 30-річчя встановлення радянської влади) дано традиційний набір ідеологічно безпечних образів, то у поезії «В одну з ночей» відчувається прихований драматизм (написано у 1943 р. на Південному фронті). Ліричний герой поета відчуває заздрість до азербайджанських друзів, що співали і танцювали всю ніч. Він два з половиною роки не чув ні єврейської пісні, ні мови ідиш, а лише стогін в окопах.

Національний ідеал набуває конкретно-чуттєвих обрисів у нарисі «Такий він — Бін'йомін Мазепа». Командир — єврей Б.Мазепа не лише відзна-

чається хоробрістю, має імпазантну зовнішність (високий на зріст, сильний фізично). Він також бере участь у єврейському культурному житті (до війни був одним з читачів «Штерну»), а відвага, що виділяє Мазепу між товаришами по зброї, має національний мотив — він хоче помститися за єврейських дітей з вулиці Леніна у Києві. Цікаво, що М.Талалаєвський викреслив з тексту нарису кілька речень, де йшлося про те, що Мазепа, батьків якого вбили петлюрівці, на якийсь час забув про свою національну приналежність. Але М.Талалаєвський повернувся до цього мотиву у вірші «Мій другий початок!», який викликав особливу цікавість представників відповідних органів і був єдиним з віршів поета, вилучених при арешті, текст якого було повністю перекладено російською мовою перекладачем — молодшим лейтенантом Гойхманом.

Серед інших фронтових нотаток М.Талалаєвського — численні версії нарису «Євреї на фронті», який від ЄАК було переслано телеграфом у латинській транскрипції до Лондону, а звідти — в редакцію провідної палестинської газети «Давар», що виходила мовою іврит.

Той факт, що нарис було надруковано у 1942 р. у такій престижній газеті як «Давар», вимагає особливого коментарю. Щоденна газета «Давар» видавалася протягом 71 року до 21 травня 1996 року. Офіційний орган профспілок Гістадрут до проголошення незалежності «Давар» був більше, ніж щоденна газета — він був неофіційним рупором населення Ізраїлю, що мав інформативні, просвітницькі та виховні функції. Це була газета, що мала певну ідеологічну лінію — поширювала ідеї соціалістичного сіонізму. Хто хотів мати уявлення про актуальні питання, мусив у підмандатній Палестині читати редакційні статті головних редакторів та публіцистів «Давару» — Б.Кацнельсона, М.Шертока, З.Рубашова, Н.Альтермана та інших. «Давар» символізував особливий спосіб життя, втілював дух піонерів. Давид Бен Гуріон, що регулярно писав до «Давару» і надрукував там свої мемуари, пояснював, що «Давар» — газета, яка повинна скерувати робітничий рух на правильний і здоровий ґрунт. У «Даварі» регулярно друкувався майбутній лауреат Нобелівської премії Ш.Агнон, а також співець сильної людини (з присмаком ніцшеанства) поет Урі Цві Грінберг, що писав як на івриті, так і на мові ідиш.

Появу саме у такій газеті нарису Талалаєвського «Євреї на фронті» можна вважати знаковим явищем. Герої нарису Талалаєвського — сильні, вольові люди, не схожі на традиційні образи діаспорних євреїв. Але в культурі Палестині саме в цей час теж культивували образ нової людини — уродженця країни — сабри, фізично міцного, рішучого, людини дії. Саме таким був кумир палестинської молоді — Урі з роману М.Шаміра «Він йшов по полях». Таких героїчних хлопців оспівувала поетеса Лея Гольдберг, яка часто друкувалася у «Даварі». Нарешті, нарис М. Талалаєвського був цілком у дусі військової організації «Хагана», рупором якої був «Давар», і яка готувалася до боротьби з британською адміністрацією і захоплення влади у

країні. Таким чином, тексти М.Талалаєвського є непрямим свідченням глибокого внутрішнього зв'язку, який існував між збройною боротьбою євреїв на фронтах Другої світової війни і боротьбою за незалежність Ізраїлю. Очевидно, ті, хто займався справою М.Талалаєвського, добре усвідомлювали цей зв'язок...

ВИЛУЧЕНО ПІД ЧАС АРЕШТУ (З ЛІТЕРАТУРНОЇ СПАДЩИНИ М.ТАЛАЛАЄВСЬКОГО)

Під час арешту поета 15 лютого 1952 року було вилучено наступні рукописи:

1. Вірш «Мій другий початок» («Майн цвейтер онгейб»). До машинопису тексту мовою ідиш додано рукописний переклад російською мовою за підписом «молодший лейтенант Гойхман».

2. Нарис «Євреї на фронті» (перекладено уривок з нарису) — чотири примірники чернеток, де текст надруковано мовою ідиш єврейським шрифтом, і один примірник, що надруковано латинським шрифтом. Цей текст було відправлено телеграфом від Єврейського антифашистського комітету у Москві до Лондону і далі у Палестину в редакцію провідної щоденної газети «Давар». Про це свідчать написи на аркуші з текстом та позначення: «Исх. 118 (тел. 321. 24) VII-42 г.».

Мотл Талалаєвський

МАЙН ЦВЕЙТЕР ОНГЕЙБ

Іх гоб офт фаргесн, аз іх бін а ід,
Нор с 'гот дос лебн мір дермóнт ніт ёйнмол.
Дан флег мір цукумен а найе лід
Ун іх флег шверн:
— Ніт фаргесн кёйнмол,
Ун ніт арóйслóзн фун клорн зін
І вер,
 І вос,
 І ву іх бін.
Ді швуе — лід із тіф ін гарц фарблібн
Нор вер кон зогн ці ін кріг
Х'вел лебн блайбн...
Гоб іх ді лід ун от дем гефт фаршрібн
Дем тінт міт ейгн блут фармішт
Ер зол гедіхтер шрайбн.

МІЙ ДРУГИЙ ПОЧАТОК

Я часто забував, що я — єврей,
Але життя мені про це нагадувало не один раз
Тоді мені додався новий вірш
І я поклявся:
— Не забувати ніколи,
І не втрачати ясного розуміння того,
Хто я, що собою являю і де перебуваю.
Цей вірш — клятва глибоко запав мені в душу,
Але хто може сказати чи на війні
Залишусь я живим...
Я цей вірш у цей зошит записав,
Чорнило змішав з власною кров'ю
Щоб воно було густішим.

ЄВРЕЇ НА ФРОНТІ (ІДН АФН ФРОНТ)

(Уривок)

Козаков — колишній оперний співак, а тепер — капітан. Він має свій рахунок до Гітлера. З нашої розмови виявилось, що він не лише співак, але ще й історик за фахом.

«Мені не треба вас довго переконувати — каже Козаков — то під час війни кожен народ, кожна нація повинна показати, на що вона здатна, виявити свій національний талант. Тоді вони зможуть після війни сказати: «Ми показали у бою на що ми здатні».

Далі Козаков розповідає про свої особисті враження: «У бою стаєш особливо щирим. Скажу вам правду, я був одним з тих, хто думав, що талановитий єврейський народ може все грати, співати, мислити, кінець кінцем навіть працювати.

Але воювати? Це вже вибачайте! Я навіть думав, що якщо вже і зустріну ваших братів на війні, то треба буде їх шукати серед комісарів, інтендантів, штабістів, але не там, де ллється кров і де зустрічаються вогонь з вогнем, життя зі смертю. Але на війні я побачив щось таке, що подіяло на мене сильніше, ніж лекція чи книга з національного питання.

Я побачив живих людей. Деякі з них тепер — мої найближчі друзі, про інших можна зараз лише згадувати, тому що їх уже немає в живих».

Задзеленчав польовий телефон. Капітана викликали у штаб бригади на нараду. Часу в нас було обмаль і капітан обмежився лише двома епізодами.

«Це було у найважчі місяці минулого року, коли я потрапив в оточен-

ня. Нас захопили і погнали так, як женуть череду худоби на бойню. Серед нас було багато євреїв. Я бачив як їм виколювали очі, забивали на смерть. Мене здивувало, що ніхто з них не просив пощади в гітлерівських убивць. Більше того коли одна жінка, єврейка, очевидно санітарка, втратила свідомість, до неї одразу підбігли двоє і взяли її за руки. Цих двох було вбито на місці. Жінка напружила всі сили і пішла далі, але вона знову впала, фашист підійшов до неї і вдарив її автоматом, щоб вона підвелася. Тоді вона підвелася, збрала всі сили і дала йому ляпасу у нахабну пику. Німець застрелив її на місці.

Мені вдалося втекти з пекла і вночі в одному селі зустріти двох хлопців, що були у формі Червоної Армії. Вже одне це було величезним ризиком. Щохвилини їх могли схопити. Ми домовилися йти далі. Але мені аж урвало подих і я забув про втому, коли один з них виявився талановитим скрипалем, який вчився в училищі ім. Гнесіна.

Скрипалеві ледь було 19 років. Я спитав його: «Що ти робиш тут?». Він мені відповів: «Те саме, що і ти». «Але я — військовий, а ти?».

Скрипаль тоді мені дослівно відповів так: «А я — єврей!».

«Але тебе, талановитого скрипаля напевно не взяли б на фронт» — сказав я не без задньої думки.

«Мене не треба було брати» — відповів він — «Я пішов сам. Я — єврей. Я маю свій додатковий рахунок до Гітлера. Тепер мені не треба грати, тепер мені треба стріляти». А чому ти не перевдягнешся?» — «Я хочу повернутися в свою частину як червоноармієць.

СВІДЧАТЬ ДОКУМЕНТИ

СПЕЦПОВІДОМЛЕННЯ МГБ УРСР «ПРО РЕАГУВАННЯ ЄВРЕЙСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ НА ПОДІЇ У ПАЛЕСТИНИ»

30 травня 1948 р.

2205/с

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЦК КП(б)У — т. Хрущеву
т. Мельникову
Совет Мин. УССР — т. Коротченко

НАЧАЛЬНИКУ 5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СОЮЗА ССР
Полковнику тов. ВОЛКОВУ

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

о реагировании еврейского населения на события в Палестине

Опубликование в печати сообщения об образовании государства Израиль вызвало оживленные реагирования различных слоев еврейского населения Украины, которое с удовлетворением отмечает создание независимого еврейского государства.

Еврейское население в своих высказываниях одобряет твердую позицию Советского Правительства, отстаивавшего в Организации Объединенных Наций право еврейского народа на создание своего суверенного и независимого государства и официально признавшего его.

Осуждая империалистическую политику правящих кругов Англии, еврейское население высказывает свое возмущение политикой английского правительства, инспирировавшего войну в Палестине и поощряющего вражду между арабами и евреями.

Отмечены также высказывания в отношении непоследовательной и внушающей недоверие политики американского правительства, признавшего государство Израиль только де-факто.

В своих высказываниях еврейское население отмечает, что Советский Союз, честно и безоговорочно признав государство Израиль, еще раз показал свою миролюбивую политику, основывающуюся на уважении к правам и свободе других народов.

Некоторая часть еврейской интеллигенции, выражая сочувствие к судьбе еврейского народа, борющегося за существование своего государства, высказывает желание оказать помощь евреям путем организации и направления в Палестину специальных легионов.

В то же время среди еврейских националистических элементов отмечаются тенденции эмигрировать из СССР в Палестину и принять

гражданство государства Израиль.

Приводим следующие факты реагирования различных слоев еврейского населения в связи с событиями в Палестине.

Научный сотрудник кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР, кандидат филологических наук – МИЖИРИЦКИЙ в беседе с сотрудниками по вопросу о событиях в Палестине говорил:

«...Создание государства Израиль факт большой исторической важности.

Прогрессивные люди всего мира воочию убедились, что Советский Союз последовательно отстаивает права и интересы малых народов.

Америка всячески хотела помешать созданию государства Израиль, а теперь признала его только де-факто...».

Преподаватель средней школы в г. Черновцы, ГОТЕСМАН, обсуждая позицию, занятую разными странами в вопросе о Палестине, сказал:

«...Советский Союз – лучший друг еврейского народа, это видно из политики СССР в Совете Безопасности.

Я не верю, что политика американского правительства является искренней, так как американские капиталисты интересуются нефтью и не хотят потерять акции созданных ими компаний...».

Товаровед Киевской лесотопливной конторы – КУДИЙ, отмечая роль Советского правительства в деле образования и признания еврейского государства, сказал:

«...В этом вопросе большую роль сыграл товарищ ГРОМЫКО, который в Организации Объединенных Наций постоянно ставил вопрос о создании отдельного еврейского государства.

Америка своим признанием государства Израиль маневрирует, это ей нужно в связи с предстоящими выборами.

Вряд ли кто-нибудь из евреев поедет в Палестину, ведь там столкнулись интересы Англии и Америки, значит долго будет беспокойно...».

Заместитель главного бухгалтера китобойной флотилии «Слива» – ГОЛЬДФЕЛЬД, проживающая в гор. Одессе, обсуждая значение твердой политики Советского Союза в Организации Объединенных Наций по вопросу создания государства Израиль, говорила:

«Советский Союз добился еще одной победы, так как именно наши представители настойчиво требовали создания еврейского самостоятельного государства...».

Бухгалтер-ревизор Черновицкого треста столовых и ресторанов – БАРЛАЯ, обсуждая вопрос об образовании еврейского государства, объявившего свободную иммиграцию, заявил:

«Я считаю отцами еврейского государства СТАЛИНА и МОЛОТОВА и я не променяю Советское государство даже на еврейское. Благородное отношение СССР к евреям Палестины только усугубило мою советскую

гордость...».

Работник городского театра в гор. Мукачево, Закарпатской области – ШВИНЕР, характеризуя обстановку в Палестине, сказал:

«...Нам не надо рассчитывать на Англию – это открытый враг и Америку, которая будет поддерживать евреев, поскольку ей это выгодно.

Единственный защитник евреев – это Советский Союз».

Лектор республиканской партийной школы при ЦК КП(б)У – МАЙЛИС, оценивая позицию Советского Союза в вопросе об образовании еврейского государства, скачал:

«...Поведение Советского правительства в палестинском вопросе принципиально и благородно.

Все нации убедятся в правильности национальной политики СССР...».

Заведующий плановым отделом треста «Киевтопливо» – ШРАЙБЕР, выражая возмущение империалистическими планами Англии и Америки, говорил:

«...Англичане и американцы устроили войну из-за нефтяных источников.

Если бы они не мешались, то евреи и арабы помирились бы...».

Профессор Киевского педагогического института, доктор педагогических наук РЕЗНИК, член ВКП(б), в беседе со знакомыми о событиях в Палестине, сказал:

«...В Палестине евреи воюют против арабов, которых натравила Англия. Она не меньше Гитлера повинна в истреблении евреев.

Я очень рад образованию еврейского государства и больше всех потому, что этому помогла наша родина – СССР, что это государство появляется на свет одновременно с развитием демократии, с успехами коммунизма...».

Профессор Киевского института им. Микояна ПОДГАЕЦ, комментируя сообщение о военных действиях в Палестине, сказал:

«...Если еврейская армия в ближайшее время не получит соответствующую поддержку в военном снаряжении и технике, то она долго не продержится.

Англия кровно заинтересована в Палестине...».

Образование государства Израиль вызвало среди националистически настроенной части еврейского населения усиление сионистских настроений и стремление к эмиграции в Палестину.

Преподаватель Киевского финансово-экономического института – НИРШБЕРГ, являющийся членом ВКП(б), в кругу своих знакомых, выражая радость по поводу образования еврейского государства, высказывал сионистские настроения:

«...При богатстве американских и английских евреев, Израиль будет иметь любые нужные капиталы, это будет богатая страна.

Теперь я в своем тайнике души ношу идею своей страны, своего

государства, я уже перестаю быть евреем из России или из Франции, у меня есть своя государственная опора, свои министры и президент, своя армия...».

В дальнейшей беседе НИРШБЕРГ, высказывая желание поехать в Палестину, заявил:

«...То, что там происходит – важнее всего на свете: Израиль тоже будет решать свои социальные вопросы, но сейчас необходимо создать свое государство. Мы очень благодарны Советскому правительству, что оно признало Израиль, но людей и капиталов оно давать не будет, а Америка давала и дает, значит теперь надо ориентироваться на БЕЙДМАНА и мировой сионизм...».

Журналист ВАЙСМАН, прибывший в гор. Киев и оформляющий на работу в редакцию газеты «Молодь Украины», в разговоре по вопросу событий в Палестине, заявил:

«...Я бы немедленно поехал в Израиль. Партийный билет отдал бы и сказал, что в Палестине тоже есть коммунистическая партия, я там также пригожусь...».

Начальник финансового отдела Министерства мебельной промышленности УССР – КОПЕЛЕВИЧ, бывший меньшевик, высказывая мнение о том, что многие евреи стремятся выехать в Палестину, заявил:

«...Если бы разрешили евреям выехать из СССР в Палестину, то, безусловно, нашлось бы очень много желающих, даже среди коммунистов...».

Главный бухгалтер Киевских архитектурных мастерских – БРОДЯНСКИЙ, среди своих знакомых говорил:

«...Живу теперь двойной жизнью – сижу на работе, а мысли все время убегают туда, где наши герои создают свое собственное государство для всех евреев...».

Студент 4 курса Киевского финансово-экономического института САНДЛЕР, член ВКП(б), в беседе с другими студентами о создании государства Израиль высказывал националистические взгляды, при этом он говорил:

«...Для всякого еврея теперь складывается новая ситуация, так как еврей не может не ориентироваться на «свое» государство, хотя бы он и жил за его пределами...».

На замечание одного из студентов о том, что новое государство Израиль будет зависимым от США, САНДЛЕР ответил:

«...Ну и пусть, ведь евреи очень сильны в США и влияние этой страны на Израиль будет в конечном счете тоже еврейским влиянием...».

Сотрудник еврейского отдела библиотеки Львовского филиала Академии Наук УССР – ГОНИЧЕМАК в беседе со знакомыми по вопросу событий в Палестине заявил:

«...Советский Союз даст возможность еврейскому населению выехать в Палестину, и многие из нас уедут туда...».

Заведующий магазином птицеторга в г. Одессе ПОХИС, член ВКП(б), бывший сионист, говорил:

«...Теперь хлынет эмиграция в Палестину со всех концов света...

Меня интересует вопрос, когда евреи смогут свободно выехать из СССР в Палестину...».

Портной швейной мастерской Управления Юго-Западной ж.д. – ФРЕНКЕЛЬ в беседе со знакомыми, высказывая желание выехать в Палестину, говорил:

«...При первой возможности я поеду в Палестину.

Я все время получаю письма от моего брата в Палестине, который писал, что там жизнь хорошая.

Теперь уже еврейское государство будет существовать, так как оно признано Америкой, СССР, Польшей, Чехословакией и Югославией...».

Жительница гор. Киева – ЦЫГАН, высказывая националистические эмиграционные настроения, говорила:

«...Русские ненавидят евреев и вообще здесь не наша родина.

Если бы правительство разрешило выезд в Палестину, мы бы обязательно уехали, ведь у нас там много родственников...».

Житель гор. Киева, резник ЭЙДЕЛЬМАН, сионист, возводя клевету на советских людей и высказывая враждебное отношение к Советской власти, говорил в узком кругу знакомых:

«...Страна антисемитов войдет еврейским «Коссмяч» – освободителем евреев...».

Работница артели «Ленпромкомбинат» в гор. Киеве – РАБИНОВИЧ в беседе среди узкого круга знакомых сказала:

«...Все люди имеют родину, а мы, несчастные евреи, не имеем ее, и только теперь образовалось еврейское государство.

Если бы нам разрешили выехать в Палестину, мы завтра же уехали бы...».

В Черновцах, Львове и других городах Украины некоторые лица высказывают желание организовать отряды добровольцев и готовность отправиться в Палестину для защиты еврейского государства.

По инициативе жителя гор. Львова ЛИЗЕНБЕРГА составлено письмо товарищу СТАЛИНУ от имени львовских евреев, в котором возбуждается ходатайство об организации еврейского легиона и переброски его в Палестину.

Еврейский писатель БУХБИНДЕР, выражая сочувствие борьбе еврейского народа против арабов, говорил:

«...Снова льется кровь евреев в Палестине. Боюсь, что арабы могут задушить еврейское государство. Если бы вербовали добровольцев, то нашлись бы такие, которые поехали бы воевать на стороне евреев, ведь наши люди воспитаны так, что всегда становятся на сторону справедливости...».

Директор еврейского театрализованного ансамбля Сиди-Таль – ХАЛИФ, член ВКП(б), высказался:

«...Если бы Советское правительство обратилось с призывом к евреям СССР, то многие евреи поехали бы Палестинский фронт...».

Продолжая этот разговор, артист этого же ансамбля БЕРКОВИЧ сказал:

«...Если бы все танкисты и летчики – евреи Советского Союза, участвовавшие в Отечественной войне, обратились к товарищу СТАЛИНУ и добились разрешения защищать Палестину, то евреи имели бы государство, а без этого их всех перебьют.

СССР, США и другие страны ограничились только признанием еврейского государства, а не оказывают ему военной помощи...».

Студент 4 курса Киевского юридического института РОЗЕНБЛАТ, высказывая желание помочь евреям в их борьбе за существование своего государства, сказал:

«...Я жить в Палестине не хотел бы, но с большим удовольствием поехал бы туда, чтобы пощипать наших бывших «друзей» (англичан), так как я уверен, что они помогают арабам и сами во всем участвуют. Поехал бы я в Палестину при условии, когда бы была дана гарантия на то, что можно будет вернуться в Советский Союз...».

Следователь прокуратуры Печерского района гор. Киева ГЛУЗОВ в беседе по вопросу событий в Палестине заявил:

«...Если бы организовали корпус по типу польского, я бы пошел первым и перенес бы свой опыт партизанской войны в Палестину.

Хорошо бы пошерстить англичан и американцев, но чтобы потом можно было вернуться на родину...».

Сотрудник треста «Военстройматериалов» в гор. Киеве – АЙЗЕНМАН, обсуждая палестинские события, в присутствии знакомых заявил:

«...Биробиджан – это не наша земля. Палестина – земля наша родная и поэтому мы ее добиваемся. Почему бы нам здесь в СССР не организовать тридцатитысячный отряд, хорошо его вооружить и послать на помощь евреям в Палестину.

Это могли бы сделать сионистские организации, а в СССР они запрещены...».

Бухгалтер управления Житного рынка в гор. Киеве – ПОЛЛАК, член ВЛКСМ, отзываясь с восхищением о борьбе евреев против арабов, сказал:

«...Если бы организовался вооруженный отряд добровольцев «Интернациональная бригада», то я вступил бы в такой отряд и поехал бы защищать евреев в Палестине...».

Зафиксированы также высказывания, обсуждающие эмигрантские настроения некоторой части еврейского населения и подчеркивающие, что настоящей родиной для евреев является Советский Союз.

Начальник планового отдела 6-го конезавода в гор. Киеве – МЕРЗОН, участник Отечественной войны, осуждая желание некоторых евреев ехать в Палестину, заявил:

«...Я обязан в первую очередь защищать свою Советскую родину и я поеду только туда, куда пошлет меня мое правительство».

Заведующий плановым отделом треста «Горснаб» в гор. Киеве – СКУРАТОВСКИЙ, возражая против эмигрантских настроений в среде еврейской интеллигенции, говорил:

«Возможно, в Палестину кто-нибудь поедет, когда кончится война, но это будут единицы. Зачем туда ехать? Раньше ехали потому, что евреев притесняли, а теперь нет необходимости».

МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР

Генерал-Лейтенант

(САВЧЕНКО)

Отп. 6 экз.

1-й т. Хрущеву

2-й т. Коротченко

3-й т. Волкову

4-й т. Мельникову

5-й секр. МГБ УССР

6-й в дело исполн. 5 Упр. МГБ УССР

исп. Эпштейн

осн.: Спецсообщ. УМГБ Ченовицк. обл. от 24.V.48. 3 670, записки по ВЧ из Одессы –

622 от 19. V., из Львова...

Печатала Ромашкевич

ДА СБУ, Київ. – Ф. 3. – Оп. 245. – Пор. 7. – Арк. 143-156.

**СПЕЦПОВІДОМЛЕННЯ МГБ УРСР «ПРО РЕАГУВАННЯ
ЄВРЕЙСЬКОГО НАСЕЛЕННЯ У ЗВ'ЯЗКУ З ПОДІЯМИ У
ПАЛЕСТИНИ»**

2 червня 1948 р.

№ 2524/с

Копія
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
ЦК КП(б)У – т. Хрущеву
МГБ СССР — т. Абакумову

НАЧАЛЬНИКУ 5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ СОЮЗА ССР
Полковнику тов. ВОЛКОВУ

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

о реагировании еврейского населения в связи с событиями в Палестине

События в Палестине продолжают вызывать многочисленные реагирования различных слоев еврейского населения, проживающего на территории Украины.

Выражая сочувствие евреям Палестины, борющимся за существование своего государства, еврейское население высказывает свое возмущение империалистической политикой правящих кругов Англии и Америки и подчеркивает последовательный демократизм Советского государства, осуществляющего принцип равноправия и свободы народов.

Отмечая, что только в Советском Союзе обеспечено свободное развитие наций, еврейское население высказывает свое мнение, что в СССР они обрели свою настоящую родину.

Заведующий клиникой Киевского психоневрологического института – профессор АБАШЕВ, обсуждая сообщение в газете об иммиграции евреев в Палестину, заявил:

«Евреи из Советского Союза не поедут в Палестину, т.к. это бессмысленно. Родина их – СССР...».

Товаровед Облкоопторга в г. Николаеве – ШТЕЙНБЕРГ, высказывая свое мнение по поводу образования еврейского государства, говорил:

«Несмотря на образование еврейского государства, я не поехал бы туда, т.к. проживая в Советском Союзе, я привык к свободной жизни, а там делать нечего...».

Житель гор. Черновцы – БЛАНК в письме к своему знакомому в Палестину, сообщая о жизни в СССР, писал:

«...У нас тихо, мирно и весело в стране. Только веселье наше печалится событиями, происходящими в окружающих нас капиталистических странах, в частности палестинский и греческий вопросы...».

Сотрудник редакции газеты «Молодь Украины» – РОЗЕН, отвечая на вопрос заведующего отделом этой газеты – СТОВБИНА – «поехал бы он защищать Палестину», сказал:

«Я был на войне и защищал свою Родину – Советский Союз».

Часть еврейского населения, выражая сочувствие палестинским евреям, высказывает стремление помочь им в их борьбе за существование своего государства.

Студент Киевского политехнического института ШКОЛЯР в письме к своим знакомым, проживающим в Палестине, писал:

«...У нас в Советском Союзе все поражаются смелостью героев-евреев, мужественно ставших на жизнь и на смерть.

Я бы мог в любую минуту отказаться от спокойной жизни во имя великого национально-освободительного дела...

Если бы я знал, что моя жизнь потребуется для уничтожения хотя бы нескольких англичан, я бы на это пошел...».

Работник артели «Индпошив» в гор. Черновцах – БЕРШАДСКИЙ, демобилизованный офицер – летчик Советской Армии, осуждая проводимую английским правительством империалистическую политику в Палестине, заявил:

«Я бы с удовольствием поехал в Палестину и на своем самолете перевернул эту организованную англичанами кукольную войну...».

Курсант Одесского авиаучилища НАТЕНЗОН, выражая сочувствие палестинским евреям в их борьбе за свое государство, писал своей матери в г. Ростов-на-Дону:

«Если бы была возможность, то отдал бы все во имя победы евреев.

Хотелось бы драться в рядах еврейской армии, против ее врагов, ибо пора покончить с многовековыми страданиями моего народа.

Возможно, я и осуществил бы свое желание, но уверен, что не придется, ибо справедливая, освободительная война моих соплеменников окончится их победой и они обретут свое собственное свободное отечество...».

Преподаватель педагогического института в гор. Николаеве – ЛИСАНСКИЙ в разговоре о событиях в Палестине, говорил среди преподавателей:

«Советскому Союзу необходимо немедленно дать еврейскому государству Израиль оружие, флот и самолеты.

В СССР имеется много летчиков евреев, их следует послать в Израиль для участия в войне против арабов. Это необходимо, чтобы оградить и укрепить еврейское государство, в существовании которого так нуждается еврейский народ всего мира».

Житель гор. Киева – ФРИДМАН в письме к своим родственникам, проживающим в Нью-Йорке, писал:

«Наше новое государство Израиль находится в большой опасности.

Мы все обязаны беспокоиться о нем.

– Больше всех ему могут помочь американские братья. Собирайте деньги! Идите добровольно в еврейскую армию...».

«...Мы имеем большого друга, но помочь он не может и ему нельзя, ибо это может привести к мировой катастрофе».

В связи с образованием государства Израиль, в некоторых городах Украины усилилась антисоветская деятельность сионистских и клерикальных элементов, стремящихся распространить среди евреев националистические идеи и вызвать эмиграционные настроения.

С этой целью сионисты и еврейские клерикалы, не проявляя открыто антисоветских убеждений и прикрываясь лояльным отношением к Советской власти, пытаются использовать легальные возможности для проведения своей враждебной националистической работы.

Так, например, еврейскими клерикалами в гор. Черновцы по поводу событий в Палестине было организовано 1 июня с.г. богослужение в синагоге, на котором присутствовало несколько тысяч человек, в том числе много еврейской молодежи и военнослужащих Советской армии.

Проведение этого богослужения было санкционировано Уполномоченным Совета по делам религиозных культов при Совете Министров СССР по Черновицкой области – БУРКИНЫМ и заместителем председателя Облисполкома – МАРКИНЫМ.

Инициаторами и вдохновителями организации богослужения явились еврейские националисты.

ПЕЧЕНЮК, в прошлом работал в американской организации помощи евреям «Агро-Джойнт», лишился избирательных прав, имеет родственников за границей, до 1948 года был председателем хоральной синагоги в г. Черновцы, в настоящее время без определенных занятий.

МАЛКИН. В период оккупации работал начальником Ахмачетского «лагеря смерти» в Одесской области, издевался над заключенными, поддерживал близкие связи с румынскими карательными организациями; в настоящее время, являясь кантором синагоги, разъезжает по городам Украины и в своих выступлениях протаскивает националистические идеи.

ДАВИД, в прошлом член комитета Черновицкой сионистской организации, в период оккупации пособничал румынским оккупантам, и другие.

После проведения богослужения кантор МАЛКИН в своем выступлении, завуалированной деятельностью по отношению к Советской власти, протаскивал националистические идеи и эмиграционные настроения. Так, например, он заявлял:

«Мы не можем петь божественные песни на чужой земле». Во время выступления раввина ДАВИДА из толпы раздавались возгласы.

«Добивайся, Давид, чтобы выехать в Палестину». «Довольно разговоров, надо действовать» и т.д. В конце богослужения был принят текст приветственной телеграммы товарищу СТАЛИНУ, которая 2 июня с.г. передана по телеграфу в Москву. Телеграмма от имени еврейского населения г. Черновцы была подписана ПЕЧЕНЮКОМ и ДАВИДОМ.

Проведенное богослужение в синагоге активизировало антисоветскую деятельность еврейских клерикалов и сионистов в г. Черновцах, которые проводят среди населения националистическую агитацию за выезд в Палестину и распространяют различного рода провокационные слухи о приезде в Черновцы посла государства Израиль и т.д.

Начальник госпиталя инвалидов Отечественной войны в г. Николаеве – ГОЛЬДШТЕЙН, высказывая клеветнические измышления о положении евреев в СССР, говорил в узком кругу знакомых:

«Я всем своим существом переживаю события в Палестине. А таких, как я, много, если не все. Собраться, обсудить вопрос о помощи... – мы не можем, такая у нас система. Кто рискнет обратиться в исполком за разрешением на созыв собрания? Никто, т.к. каждый побоится, чтобы его в чем-либо не заподозрили. Ведь это неслыханная вещь в стране, именующей себя самой демократической в мире, а демократия в таком загоне». Жительница гор. Киева – НАУКМАН в письме к своим знакомым в Палестину, выражая радость по поводу существования государства Израиль, писала:

«Желаю победы над врагом и введения полного демократического строя... Да здравствует страна, которая должна воссоединить всех евреев мира».

Слесарь Управления водоканала в г. Черновцы – АЛЬТМАН, высказывая эмиграционные настроения, говорил среди своих знакомых:

«Скорее бы разрешили выезд евреев в Палестину – все мои стремления помочь воинам Израиля. Если я не успею попасть в Израиль, тогда останусь в Канаде, где у меня есть родственники. Сейчас главное – выехать из Советского Союза».

Житель гор. Черновцы – ВОЛОХ, без определенных занятий, сказал:

«Идут слухи об организации батальона из еврейской молодежи, который должен отправиться на защиту Израиля.

Я тоже с удовольствием поехал бы в Палестину».

Житель гор. Острог, Ровенской области – ГАЙЧИЙ, демобилизованный офицер Советской армии, в письме к своему знакомому, проживающему в Аргентине, писал:

«Если бы я имел возможность добраться в Палестину, я бы сегодня же уехал туда защищать еврейское государство Израиль, но это только мечта...».

МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР

Генерал-Лейтенант

(САВЧЕНКО)

5 экз.

т. Абакумову

т. Хрущеву

т. Волкову

секр. МГБ УССР

Эпштейн

печатала Ромашкевич

ДА СБУ, Київ. – Ф. 3. – Оп. 245. – Пор. 7. – Арк. 169-176.

**СПЕЦПОВІДОМЛЕННЯ МГБ УРСР
«ПРО РЕАГУВАННЯ У ЗВ'ЯЗКУ З РОЗПУСКОМ
ЄВРЕЙСЬКОЇ СЕКЦІЇ СРПУ І АРЕШТАМИ
ЄВРЕЙСЬКИХ НАЦІОНАЛІСТІВ»**

4 лютого 1949 р.

392/с

Копія
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
экз. № 7
ЦК КП(б)У — т. Хрущеву
т. Мельникову
Сов.Мин. УССР — т. Коротченко
МГБ СССР — т. Абакумову
т. Волкову

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

о реагировании в связи с роспуском еврейской секции ССПУ
и арестами еврейских националистов

В связи с роспуском еврейской секции ССПУ и закрытием кабинета еврейской культуры Академии Наук УССР в среде интеллигенции отмечены следующие реагирования:

Среди значительной части указанных кругов преобладает мнение, что кабинет еврейской культуры никогда не пользовался достаточным авторитетом в научном мире, поскольку он не имел подлинных ученых кадров, а большинство сотрудников кабинета никакой научной работы не вели.

В отношении роспуска еврейской секции ССПУ некоторая часть еврейских писателей высказывает мнение о нецелесообразности дальнейшего издания литературы на еврейском языке в силу ограниченного круга читателей еврейской художественной литературы.

Так писатель КАЦНЕЛЬСОН по этому поводу сказал:

«...На еврейском языке незачем писать, все равно читателя нет. Жаль, конечно, что у способных людей, пишущих по-еврейски, вроде ТАЛАЛАЕВСКОГО, нет возможности разговаривать с широким читателем. Я счастлив, что пишу не по-еврейски и имею большие возможности печататься».

Много различных толкований вызвал также арест еврейских националистов ГОФШТЕЙНА, СПИВАКА, ФЕФЕРА и других.

Большинство представителей еврейской интеллигенции осуждает националистическую деятельность указанных лиц и выражает в связи с этим свое возмущение.

Еврейская поэтесса ХАЙКИНА, осуждая СПИВАКА и других арестованных еврейских националистов, сказала:

«...Я бы с ними не знаю, что сделала! стыдно за них и тяжело на душе. Как это евреи могут забыть, что Советская власть наша спасительница».

Продолжая разговор, она высказала одобрение по поводу состоявшегося решения о роспуске еврейской секции ССПУ, что должно прекратить ссоры и склоки, имевшие место в этой секции.

Артист ЭПЕЛЬБАУМ, прибывший на гастроли в г. Киев в беседе со своими знакомыми с возмущением отзывался о националистической деятельности ФЕФЕРА и ЗУСКИНА, при этом он говорил:

«...Советская власть дала им очень много, даже не по заслугам, а они, мерзавцы, предавали власть и весь еврейский народ. Мне стыдно. Позор для всех работников еврейской культуры».

Писатель СКОМОРОВСКИЙ, узнав об аресте СПИВАКА, высказался:

«...Неужели СПИВАК мог сделать что-нибудь такое плохое? Такой советский, умный и осторожный человек. Но с другой стороны, чтоб его взяли даром, ведь тоже не может быть?».

Член Союза советских писателей Украины критик ВОЛКЕНШТЕЙН в узком кругу сказал:

«...ГОФШТЕЙН всегда являлся несчастьем для еврейских писателей.

Он страдал манией величия, считая себя чем-то вроде «патриарха» еврейского народа. Его бесцеремонное отношение к другим писателям, его бездумность и болтливость отталкивали от него людей.

С тех пор как возникло еврейское государство в Палестине, он стал одержимым мыслями о нем.

Когда его арестовали, я был уверен, что он навлечет неприятности на многих людей, честных и непричастных к сионизму и национализму.

СПИВАК не раз мне говорил, что ГОФШТЕЙН не дает ему покоя, настаивая на националистических и сионистских мероприятиях, которые должен был по его мнению провести кабинет еврейской культуры».

Среди отдельных националистически настроенных лиц отмечены отрицательные реагирования на арест СПИВАКА и ФЕФЕРА, считающих неправильными репрессии против еврейских националистов.

Артист оркестра Киевского театра оперы и балета — ШАПИРО, узнав об аресте директора кабинета еврейской культуры СПИВАКА, заявил собеседнику:

«...Скоро всех бывших и настоящих арестуют. Советская власть считает сионистов чем-то вроде бандеровцев-националистов. В Москве закрыли еврейскую газету, а сотрудников арестовали».

«...А почему уехала обратно в Израиль наша МЕЕРСОН? И почему после ее приезда наш ШЕРТОК 2 часа разговаривал с советским послом? Наверно она рассказала, что она здесь увидела, как тысячи евреев-сионистов находятся в концлагерях».

Преподаватель 56 школы г. Киева РАЙГОРОДСКИЙ по поводу закрытия кабинета еврейской культуры и ареста СПИВАКА и других

еврейских националистов выразил свое мнение следующим образом:

«...Не может быть, чтобы эти люди делали что-нибудь антисоветское, тут сыграла роль какая-нибудь случайность».

Высказывая предположение, что дипломатическая миссия государства Израиль заинтересуется этим вопросом, РАЙГОРОДСКИЙ сказал:

«...Может быть МЕЕРСОН вмешается? Это ведь наш представитель».

В кругах еврейской националистически проявляющей себя интеллигенции отмечается беспокойство и некоторая растерянность в связи с арестами ФЕФЕРА, ЗУ СКИНА, СПИВАКА и других.

Отдельные лица, высказывавшие ранее открыто свои националистические взгляды, в настоящее время ведут себя сдержанно, избегают разговоров на политические темы, пытаются замаскировать свои подлинные убеждения.

Так, например, националистически настроенные писатели БУХБИНДЕР, БАЛЯСНАЯ, доцент КЕРТМАН и др. в настоящее время даже в узком кругу своих знакомых воздерживаются от националистических высказываний и подчеркивают свое отрицательное отношение к деятельности еврейских националистов ФЕФЕРА, ГОФШТЕЙНА и других.

Доцент Киевского госуниверситета ФРАДКИНА в беседе по поводу ареста еврейских националистов, советовала своим близким знакомым воздерживаться от каких-либо высказываний по этому вопросу. При этом она говорила:

«...Я и мой муж исходим сейчас из принципа, что надо молчать. Каждое неосторожное слово сейчас может принести сильнейший вред».

Аналогичные высказывания отмечены со стороны артиста оркестра Киевского театра оперы и балета — КРУПИЦКОГО, проявляющего себя националистически, который говорил своим знакомым:

«Больше никаких разговоров о Палестине я не веду, да и Вам не советую».

Среди украинских кругов интеллигенции в связи с роспуском еврейской секции ССПУ и проводимыми арестами еврейских националистов отмечены также оживленные реагирования.

Поэт Рыльский, узнав о произведенных арестах в Москве бывшего члена антифашистского комитета ЗУСКИНА, профессора ЮДИНА и других в узком кругу заявил:

«...По пустякам таких, мировой известности людей, не посадили бы».

Высказывая предположение, что эти аресты видимо, связаны с сионистской деятельностью указанных лиц, он закончил свои высказывания следующим образом:

«...В общем, все это очень неприятно, грустные дела».

Писатель СЕНЧЕНКО, высказывая аналогичное предположение по вопросу о причинах арестов, сделал следующий вывод:

«...Очевидно, они восприняли наше признание государства Израиль,

как признание такого пути для освобождения еврейства и начали распространять среди советских евреев идею, что путь к освобождению евреев это государство Израиль».

Научный сотрудник института литературы Академии Наук УССР ДЬЯЧЕНКО в беседе с работниками института по поводу расформирования кабинета еврейской культуры сказал:

«...Это произошло потому, что много евреев, считая Америку нашей союзницей в войне, установили связи с родственниками в Америке и получали оттуда деньги и посылки, кроме этого печатали и передавали за границу свои труды, давали сведения о Советском Союзе».

Писатель ЯНОВСКИЙ в беседе о ликвидации секции ССПУ и арестах еврейских националистов сказал:

«...Секция это ерунда. Хуже, что им позакрывали журналы, газеты, издательства. Мне их просто жалко — что они будут есть? Что секция, если арестовывают. Мне всегда жутко, когда аресты начинаются...».

МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР

Генерал-Лейтенант

(САВЧЕНКО)

Разослано: Отпеч. 7 экз.

1 экз. т. Хрущеву 2 экз. т. Волкову

3 экз. в Секр. МГБ УССР

4 экз. в дело исп. 5 экз. Упр.

исп. Эпштейн маш. Якишина

Основание: аг. материалы

Печатала Февральская

ДА СБУ, Київ. – Ф. 3. – Оп. 245. – Пор. 8. – Арк. 18-25.

СПЕЦПОВІДОМЛЕННЯ МГБ УРСР
«ПРО РЕАГУВАННЯ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ М. КИЄВА У ЗВ'ЯЗКУ З
РОЗПУСКОМ ЄВРЕЙСЬКОГО АНТИФАШИСТСЬКОГО КОМІТЕТУ
І АРЕШТАМИ ЄВРЕЙСЬКИХ НАЦІОНАЛІСТІВ»

16 лютого 1949 р.

№ 554/с

Копія
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

экз. № 6

ЦК КП(б) УКРАИНЫ — т. ХРУЩЕВУ Н.С.

т. Мельникову

Совет Мин. УССР — т. Коротченко

МГБ СССР — т. Абакумову

т. Волкову

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

о реагировании интеллигенции г. Киева в связи с роспуском еврейского
антифашистского комитета и арестами еврейских националистов

В связи с роспуском антифашистского еврейского комитета в Москве, закрытием кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР и арестами еврейских националистов продолжается обмен мнениями среди интеллигенции г. Киева.

Наиболее многочисленные реагирования отмечаются среди еврейской интеллигенции, в кругах которой по этому вопросу высказываются различные суждения.

Некоторая часть националистически настроенной еврейской интеллигенции проявляет растерянность и с враждебных позиций утверждает, что якобы имеет место «притеснение в отношении еврейских общественных и научных организаций».

С подобной точки зрения некоторыми еврейскими писателями были восприняты напечатанные в центральной прессе статьи об антипатриотической группе критиков.

Театральный критик ЖЕЛЮВСКИЙ, сотрудник редакции газеты «Киевская правда», считая, что статьи «Об одной антипатриотической группе критиков» направлена специально против еврейской интеллигенции, сказал своим собеседникам:

«Вы обратили внимание, что 80% из упомянутых в статье критиков — евреи?».

Присутствовавший при этом корреспондент газеты «Советское искусство» МАРКУС заметил:

«Но почему же 80? Считайте 95%. Даже ХОЛОДОВ оказался МЕЕРОВИЧЕМ».

Писатель РАЙЦИН по этому поводу сказал:

«Рядом с фамилией ХОЛОДОВА в скобках написано «МЕЕРОВИЧ».

Это не случайно. Уже в постановлении о журнале «Знамя» было специально указано, что настоящая фамилия МЕЛЬНИКОВА — МЕЛЬМАН».

В таком же духе РАЙЦИН высказывается об арестах еврейских националистов считая, что аресты производятся несправедливо. В беседе со своим знакомым по этому вопросу он сказал:

«Говорят, что СТЕБУНА тоже арестовали».

На вопрос: «А за что СТЕБУНА?», РАЙЦИН раздраженно ответил:

«А за что ФЕФЕРА? А за что КАГАНА? Если садят вообще, то не спрашивают за что».

Музыкант ШВАЙГЕР, находящийся в настоящее время без определенных занятий, в беседе по поводу арестов ФЕФЕРА, СПИВАКА и других пытается оправдать их националистическую деятельность, утверждая, что это делалось ими с целью борьбы против усилившегося антисемитизма в СССР.

При этом он говорил:

«...Не думаю, что своим желанием выехать из России они делали преступление против Советской власти, — ведь при ПЕТЛЮРЕ существовало нечто вроде еврейского отряда, который ставил себе целью защищать евреев от погромов, — и только с этой целью они боролись против Советской власти.

И если у ФЕФЕРА и других было желание поговорить с Голдой МЕЕРСОНА, то это нельзя ставить им в вину. Евреи ждали этого момента 2500 лет, когда будет свое государство и вот, явился 1-й консул в Россию. Естественное стремление евреев увидеться и поговорить с еврейским консулом. Но это оказалось преступлением с точки зрения Советской власти, и очевидно эти люди попали за это стремление».

Врач поликлиники ученых ФИШМАН, узнав об аресте ФЕФЕРА, СПИВАКА, ГОФШТЕЙНА и других еврейских националистов, заявила:

«Я потрясена тем, что происходит. Уничтожаются остатки еврейской интеллигенции».

Писатель ПИНЧЕВСКИЙ в разговоре со знакомыми говорит, что в связи с арестами СПИВАКА, ФЕФЕРА и других он находится в удрученном состоянии, что сейчас создалась неблагоприятная обстановка для деятельности представителей еврейской культуры. При этом он высказался:

«...Очень хорошо было бы сейчас уснуть на некоторое время и проснуться когда уже все будет спокойно... Я как-то особенно переживаю все это. Главное, что нельзя работать, не знаешь, будут ли тебя печатать или нет?».

На вопрос собеседника, какое это имеет отношение к нему, ПИНЧЕВСКИЙ ответил:

«...Вы многого не знаете. Никто сейчас ничего не делает, все запуганы.

Я теперь боюсь разговаривать. Сажу дома и не хочу ни с кем встречаться».

Директор Одесского государственного еврейского театра — КОЙФМАН в беседе об арестах еврейских националистов, сказал:

«В нашей труппе настроение страшно подавленное. Распространяются слухи, что будут закрыты все еврейские театры, что с еврейской интеллигенцией дело обстоит плохо.

Я беседовал с еврейским писателем ДРУКЕРОМ, он очень талантливый человек и настоящий еврейский патриот, много лет он связан с ФЕФЕРОМ, которого считает своим учителем и другом.

Когда ДРУКЕР узнал об аресте ФЕФЕРА, он чуть с ума не сошел. По его словам он начал страдать манией преследования...».

Продолжая этот разговор, КОЙФМАН стал передавать провокационные измышления, услышанные им от своих знакомых:

«Сейчас в органах МГБ организована специальная «тройка», которая занимается вылавливанием еврейских националистов из среды еврейской интеллигенции».

Заведующий отделом кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР БЕРЕГОВСКИЙ сказал:

«Я не знаю, как планировать дальше свою работу, так как не знаю, что меня ожидает. Заведующий кабинетом арестован, все помещения опечатаны, сотрудники в смятении потому, что не знают, за что арестован СПИВАК и ожидают той же участи для себя».

Писатель КИПНИС, узнав об аресте ГОФШТЕЙНА, ФЕФЕРА и СПИВАКА и находясь в подавленном состоянии, своим знакомым заявил:

«Какой смысл работать, если меня могут также арестовать, как и ГОФШТЕЙНА?!».

Член Союза советских писателей Украины СТЕБУН, в последнее время, пытаюсь отмежеваться от дружбы с националистами, после ареста СПИВАКА, КАГАНА и других высказывает осуждение их националистической деятельности.

В прошлом году СТЕБУН давал рекомендацию для вступления в партию КАГАНУ, а после ареста последнего лицемерно заявил:

«...У меня уже давно были неясные подозрения о том, что КАГАН живет «нечисто». Ничего не печатая и не имея литературных заработков, он всегда был вполне обеспеченным человеком. Это заставляло меня думать о том, что КАГАН получает деньги из какого-то подозрительного источника».

Отдельные лица высказывают мнение, что арест еврейских националистов и закрытие кабинета еврейской культуры вызовет усиление антисемитских выпадов со стороны определенной части населения.

Доцент Киевского университета ПЛИСЕЦКИЙ, по этому поводу заявил:

«...Арест СПИВАКА дает большой козырь в руки антисемитов. Ко всем евреям, работающим на идеологическом фронте, будут относиться с

подозрением, а откровенные антисемиты явно пользуются этим. Во всяком случае, с антисемитизмом будет труднее бороться».

Писатель ПОЛЯНКЕР высказал аналогичное мнение:

«...Найдутся, конечно, такие, которые будут радоваться. Скажут: вот ваших арестовывают...»

Писатель ТАЛАЛАЕВСКИЙ, считая, что закрытие еврейского альманаха «Дер штерн» связано с общим недружелюбным отношением к еврейским писателям, высказывает возмущение якобы несправедливым решением президиума СОПУ:

«...Наш альманах только начал расти, как, придравшись к некоторым слабым произведениям, его закрыли. Теперь изображают дело так, словно он был гнездом, где собирались политические проходимцы.

Нам надо было перевести несколько украинских произведений, а мы не могли найти — настолько все они слабы. Но этого не замечают, а раздувают ошибки у нас».

Среди украинской интеллигенции по вопросу ареста еврейских националистов наиболее характерные реагирования являются следующие:

Ответственный редактор газеты «Сталинское племя» — АНДРИЕНКО в беседе о причинах арестов СПИВАКА, ДАНИШЕВСКОГО и других еврейских националистов среди своего окружения сказал:

«По поводу этих арестов имеется закрытое письмо ЦК ВКП(б), когда я узнаю его содержание, я расскажу Вам».

Поэт МАЛЫШКО, обсуждая вопрос об аресте СПИВАКА и других еврейских националистов, говорил:

«...Это все звенья ГОФШТЕЙНА. Его сейчас допрашивают, клубочек на следствии разматывается и дойдет до многих.

...В Москве расформирован весь антифашистский еврейский комитет, сразу 400 евреев остались без работы. Но этого мало! Их еще раскусят. Этот комитет занимался антисоветской работой. Все они были агентами капиталистической Америки и Израиля».

Продолжая этот разговор, МАЛЫШКО заявил, что эти аресты вызвали сильное волнение среди писателей евреев. Он рассказал:

«...Соседи видели в окно как поэт ПЕРВОМАЙСКИЙ, узнав об аресте ГОФШТЕЙНА и особенно ФЕФЕРА, хватался за голову и бился головой об стол в своей комнате. Затем наливал из бутылки водку и глушил ее стаканами: он, негодяй, боится за свою шкуру...».

Касаясь смерти МИХОЭЛСА, он высказал следующее мнение:

«...Вы думаете МИХОЭЛСА убили так себе? Бандиты? Нет! Эта смерть весьма загадочна. Ведь с него не сняли даже золотых часов.

Его надо было убить, чтобы замести следы. И убили его по заданию Нью-Йорка или Лондона, куда он ездил вместе с ФЕФЕРОМ. Очевидно, их там завербовали».

МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР
Генерал-Лейтенант

(САВЧЕНКО)

Отп. 7 экз.

1-й тов. ХРУЩЕВУ

2-й тов. МЕЛЬНИКОВУ

3-й тов. КОРОТЧЕНКО

4-й АБАКУМОВУ

5-й тов. ВОЛКОВУ

6-й секр. МГБ УССР

7-й в дело 5 Упр.

Исп. Эпштейн

Основание: аг. материал.

печ. Февральская, Каневская, Якишина

ДА СБУ, Київ. – Ф. 3. – Оп. 245. – Пор. 8. – Арк. 53-61.

**СПЕЦПОВІДОМЛЕННЯ МГБ УРСР
«ПРО РЕАГУВАННЯ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ М. КИЄВА У ЗВ'ЯЗКУ
З ВИКРИТТЯМ АНТИПАТРІОТИЧНОЇ ДІЯЛЬНОСТІ
ГРУПИ КРИТИКІВ»**

27-28 лютого 1949 р.

№ 691/с

Копія
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
экз. № 7
ЦК КП(б)У — т. Хрущеву
т. Мельникову
Сов. Мин. УССР — т. Коротченко
МГБ СССР — т. Абакумову
т. Волкову

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

о реагировании интеллигенции гор. Киева в связи с разоблачением
антипатриотической деятельности группы критиков

Разоблачение в партийной прессе антипатриотической деятельности группы критиков-космополитов с большим удовлетворением встречено общественностью г. Киева, которая расценивает это как новое проявление заботы большевистской партии о дальнейшем подъеме и развитии советской литературы и искусства.

В многочисленных высказываниях отмечается, что критики-космополиты нанесли немалый вред социалистической культуре своим враждебным отношением ко всему новому и передовому, что появлялось в советской литературе и советском театральном искусстве.

Общие суждения сводятся к тому, что антипатриотическая группа украинских критиков-космополитов является прямым ответвлением разоблаченной группы московских критиков.

Высказывается мнение, что разоблачение антипатриотической враждебной группы критиков-космополитов даст возможность избавиться от клеветников, поможет советским писателям еще активнее работать над созданием высокоидейных художественных произведений.

В то же время среди писателей и работников искусства отмечены отдельные попытки оправдать деятельность некоторых критиков, подвергавшихся идейному разгрому в партийной печати.

Писатели ЯНОВСКИЙ, РЫЛЬСКИЙ, режиссер НОРД, артистка ТЮЗа БАРАНОВСКАЯ и некоторые другие, осуждая враждебную сущность космополитизма, в своих высказываниях защищают критика-космополита БОРЩАГОВСКОГО и выражают одобрение его позиции.

Националистически настроенная часть еврейской интеллигенции

воспринимает опубликование статей об антипатриотической деятельности критиков-космополитов с враждебных националистических позиций, высказывая суждение, что в печати подвергаются разгрому только критики еврейской национальности, в отношении которых якобы проводится определенная политика притеснения.

С подобной точки зрения в некоторых кругах воспринята напечатанная 19 февраля с.г. в газете «Киевская правда» статья СТОРЧАКА «Космополитические выродки», в которой, по мнению отдельных лиц, допущены грубые выражения в отношении национальной принадлежности критиков, подвергшихся идейному разгрому.

Наиболее характерными реакциями, отмеченными среди интеллигенции г. Киева, являются следующие:

Писатель ПАНЧ, с удовлетворением отмечая, что выступление партийной прессы направлено к подъему нашей советской литературы, говорил в кругу писателей:

«...Партия справедлива. Делается большое дело, наконец-то можно будет по-настоящему работать, не боясь запугивания этих бандитов...».

Характеризуя антипатриотическую деятельность группы украинских критиков, он заявил:

«...Критиковали они для личной выгоды, иногда для маскировки выступали с партийных позиций, но приносили только вред...».

Писатель СМЕЛЯНСКИЙ, осуждая враждебную советской культуре позицию критиков-космополитов, в беседе среди знакомых, сказал:

«...Они подрывали доверие к партийным требованиям потому, что нельзя было верить критике, слышанной из их уст.

Вся их деятельность была направлена на разъединение писателей, на то, чтобы посеять рознь между украинской и русской литературой...».

Говоря о групповщине в среде критиков и взаимном покровительстве, он сказал:

«...Они выступали единым фронтом. Например, на сентябрьском пленуме у них все было отлично прорепетировано. Все время поддерживают один другого, исправляют, если один ошибается, защищают друг друга.

Всякого, кто осмелится против них выступить, они тотчас же обвиняют в национализме. И точка — рот завязан. Они наперед, предусмотрительно всех уже замарали в национализме.

Старший научный сотрудник института экономики Академии наук УССР ВИРНЫЙ говорил:

«Критики-космополиты специализировались на разгроме театральных постановок. Когда в каком-нибудь киевском театре появлялся на спектакле БОРЩАГОВСКИЙ, все актеры дрожали, потому что через некоторое время спектакль обязательно подвергался разгрому со стороны БОРЩАГОВСКОГО. Удрал из Киева в Москву, БОРЩАГОВСКИЙ продолжал свое грязное дело...».

Писатель КОПЫЛЕНКО при встрече с другими писателями по поводу статьи «До конца разгромить антипатриотическую, буржуазно-эстетскую критику», напечатанной в газете «Правда Украины», восторженно заявил:

«...Вот здорово! Не ожидал такого размаха и остроты. Наконец-то!..».

Поэт МАЛЫШКО, восторженно встретив статьи, разоблачающие антипатриотическое поведение группы критиков, сказал:

«...Добрались таки до этих мерзавцев...».

После опубликования в газете «Правда Украины» редакционной статьи об антипатриотической буржуазно-эстетской группе критиков на Украине, МАЛЫШКО заявил:

«...А что я говорил? Они думали проскочить. Нет, от ЦК не удерешь!»

Прямо так и записано, что это прямое ответвление московской группы. Теперь им крышка...».

Говоря о вредоносной деятельности группы украинских критиков СТЕБУНА, САНОВА, АДЕЛЬГЕЙМА, он подчеркивает, что эти лица проводили свою работу не в интересах народа, а ради личной выгоды:

«...Все национальное они приравняли к националистическому и таким образом спекулировали на борьбе с национализмом потому, что им все равно за что быть, лишь бы самим заработать на этом, ведь народа у них нет за спиной...».

Писатель РАЙНИН, высказывая свое мнение о статьях, направленных против деятельности критиков-космополитов, заявил:

«...Правильно критикуют космополитов-критиков. Но некоторые перехлестывают. Например, в статье СТОРЧАКА, напечатанной в «Киевской правде», сказано, что некоторые критики смотрят на литературную работу, как на «гандель».

Мысль безусловно правильная, но можно было сказать «торгашество». Но это частности. А вообще, этих людей необходимо было вывести на белый свет. СТЕБУН, АДЕЛЬГЕЙМ, САНОВ, ГОРДОН действительно держались группой и ненавидели критику, были нетерпимы к критике по своему адресу.

Некоторых шокирует то, что раскрывают скобки и пишут настоящие фамилии рядом с псевдонимом. Я в этом ничего плохого не вижу. Это доказывает, что космополиты стыдились и своего народа и своего настоящего имени, что они люди без рода и племени...».

Писатель ЯНОВСКИЙ, осуждая критиков-космополитов, в то же время выражает им сочувствие. Своим знакомым он говорит:

«...Я представляю, как сейчас СТЕБУНУ и им всем плохо. Я это знаю потому, что сам в таком положении и по-человечески мне их жаль. Но ведь они всю свою жизнь посвятили тому, чтобы делать зло. Пусть почувствуют, что это такое.

Меня теперь еще сильнее будут бить потому, что одновременно усилят борьбу с национализмом. Но я рад, что этой дряни не будет. Для литературы

это очень важно и хорошо...».

Разбирая деятельность украинских критиков, он говорит:

«...Не нужно рубить с плеча. СТЕБУНА, САНОВА, КАЦНЕЛЬСОНА нужно совсем выбросить из литературы, но АДЕЛЬГЕЙМА уничтожать неразумно, он не такой, как они. СТАРИНКЕВИЧ случайно зачислена в эту группу, хотела блеснуть своей ученостью и скатилась до низкопоклонства. Зато в этой группе должен был бы быть ШАМОТА — выученик СТЕБУНА...».

И далее, делая вывод, он говорит:

«Тут дело серьезное, дело не в каких-то там ляпсусах СТЕБУНА, а очевидно связано с тем, что мы не знаем, может быть с какими-то внутривнутрипартийными делами...».

Актриса Киевского театра юного зрителя БАРАНОВСКАЯ, бывшая ученица БОРЩАГОВСКОГО в театральном институте, говорила среди знакомых:

«...Те, кто знает БОРЩАГОВСКОГО, очень возмущены статьями о нем и переживают за него.

У нас в театре после появления статей в газетах было такое неофициальное обсуждение, в виде «соболезнования» БОРЩАГОВСКОМУ».

Поэт РЫЛЬСКИЙ, прочитав в газете «Правда» статью «Об одной антипатриотической группе критиков», с одобрением отозвался о разоблачении критиков-космополитов, однако, считая БОРЩАГОВСКОГО и других из Московской группы критиков, умными и деловыми людьми, воздерживается от прямых высказываний по этому вопросу.

Он недоволен тем, что в связи с выступлением партийной прессы писателям снова придется обсуждать и критиковать своих товарищей.

При этом он говорит:

«...Опять ругань, ...опять вместо того, чтобы работать, надо выступать, осуждать и ругать.

Теперь у нас начнется... Опять собрания и резолюции — и неизвестно: нам надо будет ругать, или нас будут ругать?».

Поэт Первомайский, в связи с опубликованием в «Правде» редакционной статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», сказал:

«...Борщаговский несомненно способный человек, только уж очень самонадеянный и пронырливый. Он карьерист. Он должен был свалиться, т.к. слишком зарвался. Не по таланту и не по времени. Ему надо было понять, что сейчас задача советских критиков всячески поддерживать каждое мало-мальски ценное произведение, хотя бы даже за счет художественных качеств».

Писатель КРЫЖАНОВСКИЙ, обсуждая напечатанную в газете «Киевская правда» статью «Космополитические выродки», высказал

несогласие с тоном этой статьи, т.к. автором якобы употреблены оскорбительные выражение по адресу критиков-космополитов еврейской национальности.

При этом он сказал:

«...Я не разделяю тона статьи, поскольку критика должна быть партийной и к ней не должны примешиваться различные личные соображения автора...».

Литературный редактор издательства «Радянський письменник» ПАСЕЧНИК, в беседе о напечатанных в прессе статьях против критиков-космополитов, сказал в кругу знакомых:

«...Космополитов правильно критикуют. Но в некоторых статьях проскальзывают такие нотки, которые звучат неприятно, особенно статья СТОРЧАКА. Она как бы перерастает сама себя. Этим искажается ее деловой и глубокий смысл. Критика космополитизма сводится в недостойную ругань с ясным намеком на национальность...».

Журналист ЯГНИЧ, работающий в бюро художественной пропаганды ОСПУ, заявил в беседе со знакомыми:

«...Напечатанная в «Киевской правде» статья СТОРЧАКА «Космополитические выродки» призывает к еврейскому погрому. Я до глубины души возмущен этой мерзостью. О каком «ганделе» там говорится? Это — слово, употреблявшееся антисемитами в отношении местечковых евреев в старой России...».

Преподаватель украинской литературы Киевского госуниверситета — ГУРЬЕВ сказал:

«...Я согласен с правильностью критики, но тон статьи в газете «Киевская правда», где употребляются слова «довгоносики», «гандель» просто не вполне приличен...».

Доцент Киевского госуниверситета КЕРТМАН высказывает следующее мнение по поводу опубликования статей об антипатриотической группе критиков:

«...Сейчас уже нет ни малейшего сомнения, против кого направлены все эти статьи. Достаточно посмотреть на фамилии в скобках. Здесь на Украине это все примет отвратительнейший характер. Только сейчас распоясаются по-настоящему антисемиты. Еврейским писателям не сдобровать...».

Писатель БУХБИНДЕР в беседе со знакомыми говорил:

«...Борьба с космополитизмом приняла формы борьбы с евреями в литературе и искусстве...».

Режиссер Киевского театра русской драмы — ПИЛЯВСКИЙ по этому поводу заявил:

«...Борьба с космополитизмом приняла недостойные и отвратительные формы. Я уверен, что в ближайшее время выступит товарищ Сталин и наведет порядок, посадит на место тех, кто придал нынешней компании эти

ярко выраженные формы...».

Член Союза советских писателей Украины критик ВОЛКЕНШТЕЙН в узком кругу сказал:

«...Я не понимаю, как стало возможным то, что газеты Советского Союза обрушились на евреев. Мы привыкли к дружбе народов, и вдруг наши газеты делают то, что в царское время позволяла себе только черносотенная газета ШУЛЬГИНА «Новое время».

...Еврейские народные массы очень встревожены и удручены всем происходящим. Мало кого из простых людей интересует критика, но шельмование одних еврейских фамилий и особенно раскрытие псевдонимов, совершенно беспрецедентное явление, сильно действует на евреев...».

Старший научный сотрудник института литературы Академии наук УССР ШАХОВСКИЙ сказал:

«...Мало приятно подчеркивание еврейских фамилий. Космополитами могут быть и стопроцентные украинцы и русские. Ведь вполне можно назвать космополитом БЕЛЕЦКОГО, который известен своими эстетскими взглядами на литературу и не раз выступал против украинской литературы, говоря о «неопределенном» течении в ней, говоря даже, что она целиком националистична. Но если будут организационные выводы, а они будут, то нехорошо получится, если побьют очень многих.

...Такое кровопускание опасно и может весьма ослабить кадры критиков и литературоведов.

Конечно, надо было разбить СТЕБУНА, он слишком зазнался.

АДЕЛЬГЕЙМ и СТЕБУН расплачиваются за свою, не всегда лояльную и правильную критику РЫЛЬСКОГО, ЯНОВСКОГО и других, за свои собственные литературные ошибки.

Украинские националистические элементы, конечно, торжествуют и примазываются к критике «космополитизма»...».

Старший научный сотрудник института истории Академии наук ГУСЛИСТЫЙ говорил:

«...Интересно отметить, что в группе разбитых критиков почти все оказались евреями. Бьют критиков-космополитов так сильно, как никогда не били у нас. Создается впечатление, что среди них кто-то арестован и их бьют как политических врагов. Но что бы ни было, несомненно, что их избивание каким-то образом связано с последними арестами ряда евреев, вроде СПИВАКА, ГОФШТЕЙНА и других...».

Заведующий кафедрой русской литературы Киевского пединститута — КАРПОВ, выражая удовлетворение по поводу разгрома критиков-космополитов за их антипатриотическую деятельность, заявил:

«...Я очень доволен, что вывели на чистую воду всех этих евреев КАЦНЕЛЬСОНОВ, СМУЛЬСОНОВ, ГОЗЕНПУДОВ, БЕРДИЧЕВСКИХ, которые пытались командовать украинской литературой и многого в этом достигли...».

МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР
Генерал-Лейтенант

(САВЧЕНКО)

отп. 7 экз.

1-й т. Хрущеву

2-й т. Мельникову

3-й т. Коротченко

4-й т. Абакумову

5-й т. Волкову

6-й секр. МГБ УССР

7-й в дело исполн. 5 Упр. МГБ УССР

исп. Эпштейн

осн: агентурный материал

печатали Якишина, Февральская, Ромашкевич

Верно (подпись)

ДА СБУ, Київ. – Ф. 3. – Оп. 245. – Пор. 8. – Арк. 62-74.

**СПЕЦПОВІДОМЛЕННЯ МГБ УРСР
«ПРО РЕАГУВАННЯ ІНТЕЛІГЕНЦІЇ М. КИЄВА
У ЗВ'ЯЗКУ З ВИКРИТТЯМ АНТИПАТРІОТИЧНОЇ
ДІЯЛЬНОСТІ ГРУПИ КРИТИКІВ-КОСМОПОЛІТІВ»**

3 березня 1949 р.

№ 740/с

Копія
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
экз № 7
ЦК КП(б)У — т. Хрущеву
т. Мельникову
Сов. Мин. УССР — т. Коротченко
МГБ СССР — т. Абакумову
т. Волкову

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

о реагированиях интеллигенции г. Киева в связи с разоблачением
антипатриотической деятельности критиков-космополитов

Разоблачение антипатриотической деятельности группы театральных и литературных критиков-космополитов продолжает оставаться в центре внимания общественности г. Киева и главным образом в писательских и научных кругах.

Особенно оживленный обмен мнениями отмечен в связи с происходившим в г. Киеве пленумом Союза советских писателей Украины, который был посвящен вопросам борьбы с безродным космополитизмом в украинской советской литературе.

Как свидетельствуют материалы, пленум ССПУ прошел на большом политическом уровне, под знаком беспощадной борьбы с носителями враждебной идеологии космополитизма и низкопоклонства и вызвал огромную активность среди писателей.

Доклад Дмитерко, выступления КОРНЕЙЧУКА и подавляющего большинства писателей носили острый критический характер и были восприняты участниками пленума с большим воодушевлением. Содержавшиеся в этих выступлениях требования пресечь подрывную работу антипатриотов и изгнать их из литературы часто сопровождалось бурными аплодисментами и одобрительными возгласами многочисленной аудитории.

Среди писателей единодушно высказывается мнение о том, что такой активности и подъема не было ни на одном из предыдущих пленумов ССПУ.

Резко отрицательно были восприняты на пленуме выступления космополитов, особенно ГОЛОВАНОВСКОГО, САНОВА (СМУЛЬСОНА) и АДЕЛЬГЕЙМА. Эти выступления расцениваются в писательской среде как двурушнические, продиктованные стремлением оправдаться и замазать свои ошибки.

Неискренние выступления космополитов сопровождались неодобрительными репликами из зала, вследствие чего отдельным из них не удалось закончить своих выступлений.

С большим неудовлетворением восприняты выступления на пленуме заместителя Председателя Совета Министров УССР БАЖАНА и поэта-академика РЫЛЬСКОГО. В писательской среде высказывается мнение о том, что БАЖАН, взявший под защиту космополита АДЕЛЬГЕЙМА, изменил принципам партийности во имя личных приятельских отношений. Во время его выступления в зале раздавались возгласы: «Позор!», «Расскажите, как Вы рекомендовали СТЕБУНА на должность проректора университета» и т.д.

Выступление РЫЛЬСКОГО носило беспринципный и некритический характер. Его утверждение о том, что нельзя считать зазорным, если некоторые литературные исследователи рассматривают Лесю УКРАИНКУ как ученицу ГЕЙНЕ, расценивается как попытка помешать разоблачению проповедников теории космополитизма.

Отрицательные отклики зафиксированы также в связи с недостойным поведением РЫЛЬСКОГО во время выступления кинорежиссера САВЧЕНКО. РЫЛЬСКИЙ в своих репликах защищал космополита МАРТЫЧА (ФИНКЕЛЬШТЕЙНА), а когда получил отпор, демонстративно покинул зал.

Со стороны еврейских националистических элементов из числа писателей продолжают иметь место антисоветские высказывания о том, что критика космополитизма якобы приняла формы борьбы против еврейской интеллигенции.

Львовский писатель ГАЛАН, литературовед ХИНКУЛОВ и некоторые другие лица высказывают мнение, что среди отдельных писателей еще не изжиты националистические настроения, в силу чего подвергавшиеся в свое время критике украинские писатели-националисты пытаются сейчас под видом критики космополитов реабилитировать себя и «взять реванш».

Космополит АДЕЛЬГЕЙМ в частном разговоре с критиком КОБЫЛЕЦКИМ с угрозой заявил: «Критикуй, критикуй, потом разберемся».

Наиболее характерными высказываниями являются следующие:

Касаясь выступления БАЖАНА, писатели СМОЛИЧ, МАЛЫШКО, КОЗЛАНЮК и другие с возмущением говорили о том, что приятельские взаимоотношения БАЖАНА с АДЕЛЬГЕЙМОМ и ГОЛОВАНОВСКИМ помешали ему по партийному оценить их антипатриотическую деятельность и подвергнуть ее большевистской критике.

Особое осуждение вызвало поведение БАЖАНА, когда он пытался воздействовать на писателя ГОНЧАРА и высказывал недовольство его выступлением в связи с тем, что ГОНЧАР критиковал либеральное отношение БАЖАНА к космополитам.

Характерно, что перед пленумом ССПУ БАЖАН высказывал

сочувствие АДЕЛЬГЕЙМУ и ГОЛОВАНОВСКОМУ, подвергавшимся разгрому в печати.

Осуждая беспринципное поведение БАЖАНА, редактор газеты «Радянський селянин» — СИДОРЕНКО заявил:

«Мне страшно не понравилось выступление БАЖАНА. Обывательское, непартийное выступление».

Поэт МАЛЫШКО после выступления на пленуме БАЖАНА говорил в кругу писателей:

«Это подлость — взять под защиту АДЕЛЬГЕЙМА. Он его старый друг, вот БАЖАН и защищал его. Но зато народ всыпал БАЖАНУ и он теперь ходит как загаженный. Хоть и жаль его, но пусть больше так не делает».

Писатель ГОНЧАР в свою очередь заявил:

«Из-за дружбы с этим подлецом АДЕЛЬГЕЙМОМ, БАЖАН пошел против своей партийной совести и обязанности коммуниста, громить до конца этих бандитов».

Писатель ШУМИЛО, высказывая свое возмущение выступлением БАЖАНА, взявшего под защиту критика-космополита АДЕЛЬГЕЙМА, заявил:

«Как после этого БАЖАН будет смотреть в глаза писателям. Призывая других к принципиальности, он обнаружил свою беспринципность, поставив личные, приятельские интересы выше партийных, общественных».

Преподаватель Киевского госуниверситета ЗОЗУЛЯ, осуждая поведение БАЖАНА, сказал:

«Как видно, БАЖАНА сильно оплели, — возможно, через жену, — сетью всевозможных личных услуг, подхалимажа и лести, из-за которых он так защищал АДЕЛЬГЕЙМА».

Такую же резкую оценку вызвало выступление поэта РЫЛЬСКОГО и особенно его реплики во время выступления режиссера САВЧЕНКО и демонстративный уход из зала заседаний.

МАЛЫШКО в перерыве между заседаниями, делясь впечатлениями о выступлении РЫЛЬСКОГО, сказал:

«Так уже немощно выступил РЫЛЬСКИЙ, чтобы и фамилии не назвать и никого не обидеть. В такой драке так выступать нельзя».

Поддерживая это суждение, писатель КОПЫЛЕНКО иронически заметил:

«Это все равно, что во время большой драки подойти и пощекотать чуточку своего противника».

Сам РЫЛЬСКИЙ, давая оценку своему выступлению на пленуме, заявил среди близкого окружения:

«В своем выступлении на пленуме я был сдержан, чтобы не приняли это как реванш».

РЫЛЬСКИЙ выражает опасение, что разгромленные в настоящее

время критики-космополиты когда-нибудь сумеют отомстить ему в случае его резких выступлений против них. Он говорит:

«Вы представляете, что будет?... Ведь они найдут способ с нами расправиться. Тем более, что такого способа не нужно искать: обвинят в национализме и крышка!»

Львовская писательница ВИЛЬДЕ после доклада ДМИТЕРКО на пленуме ССПУ заявила:

«Первый приятный пленум. Это хорошо, как на пасху. Только почему у нас умны не вперед, а назад? Ведь я так думала о космополитах еще до присоединения Западной Украины. И не ждали, что так будет. Не знаю еще, как понять — всерьез это, или нарочно? Если бы было всерьез, то ничего лучшего нельзя желать».

Писатель ГОНЧАРЕНКО, одобряя доклад ДМИТЕРКО, на пленуме писателей сказал:

«Чудесный доклад у ДМИТЕРКО. Здорово он его построил и поднес нам несколько сюрпризов с ПЕРВОМАЙСКИМ, МАРТЫЧЕМ, ГОЛОВАНОВСКИМ, но об АДЕЛЬГЕЙМЕ слабо сказал. Побоялся тронуть сильнее своего друга, а напрасно. Ну, хорошо, что народ сказал об этой сволочи».

Писатель СМОЛИЧ, давая положительную оценку работе пленума, говорил:

«Это у нас самый демократический пленум. Писатели выходят на трибуну и говорят то, что думают, с огромной искренностью и, если хочешь, со злостью. Наболело. Вот и говорят о своих болях...

Это один из самых интересных пленумов, хотя и очень жестоких. Ну что ж, когда вырезает хирург серьезную опухоль, без боли не обойдешься. Вырезаем опухоль!».

Писатель КОБЫЛЕЦКИЙ, характеризуя безродных критиков-космополитов, как антипатриотических деятелей, говорил:

«Тысячу раз был прав т. МАНУИЛЬСКИЙ, когда говорил на XVI съезде КП(б)У о том, что некоторые критики-космополиты под видом борьбы с украинским буржуазным национализмом боролись против всего здорового специфично-национального, что несла наша украинская советская литература в общую сокровищницу советской культуры. С позиций безродного космополитизма — СТЕБУН, САНОВ, АДЕЛЬГЕЙМ и иже с ними оценивали историю и развитие украинской литературы».

«Характерно, что такие люди действительно без рода и племени. Так, например, АДЕЛЬГЕЙМ до войны писал, что по национальности швед, потом стал финном, когда началась война с Финляндией, он стал называть себя немцем, когда началась Отечественная война, отрекся от немца и стал евреем. И это не на словах, а писал в документах».

Поэт МАЛЫШКО, говоря об АДЕЛЬГЕЙМЕ как о безродном космополите, говорил:

«АДЕЛЬГЕЙМ — беспаспортный бродяга, он не знает, кто он и откуда, то он швед, то финн, то немец, во время войны с немцами стал другой национальности».

Поэтесса ЗАБИЛА, обсуждая результаты заседания пленума ССПУ, говорила:

«Здорово, что эту банду разоблачили. Доклад очень хороший и убедительный. О поэте ПЕРВОМАЙСКОМ тоже сказано убедительно».

Львовский писатель КОЗЛАНЮК, высказывая одобрение разгрому критиков-космополитов, говорит о том, что литература теперь очистится от чуждого влияния буржуазных эстетов. При этом он сказал:

«...Свежий ветер! Теперь, кажется, можно будет по-настоящему работать».

Писатель МАСЕНКО выражает радость по поводу разоблачения и разгрома критиков-космополитов:

«Я вижу, что время, эпоха сейчас очень справедливая. Мерзость когда-нибудь, да выйдет наружу. Жаль только, что поздно и столько людей искалечено ни за что».

Писатель Остап ВИШНЯ, выражая свое удовлетворение разгромом критиков-космополитов, говорил:

«Дышу! Наконец-то дышу! Хочется всех расцеловать: и КОРНЕЙЧУКА, и ГАЛОЧКУ, и ДМИТЕРКО, и МАЛЫШКО и всех...

Никогда еще не было такого искреннего взаимопонимания между партией и народом».

И далее:

«Космополитов бьют, чего ж я буду ходить так (т.е. сгорбившись). Я буду ходить вот так! (т.е. выпрямившись, поднявши голову выше)».

По поводу некоторых выступлений на пленуме Львовский писатель ГАЛАН высказался:

«На пленуме проявились крайне нездоровые и вредные тенденции... Все свое внимание некоторые уделяют лишь личной и групповой борьбе, в их выступлениях сквозит желание взять реванш за сентябрьский пленум 1947 года. Они стремятся доказать, что всякая критика украинского национализма была неправильной.

Меня возмутило выступление ВОРОНЬКО — в нем чувствовался антисемитский душок... Я уверен, что в слово «космополит» он вкладывал понятие «еврей».

Такие же тенденциозные и неубедительные выступления ШЕРЕМЕТА, ТРИПОЛЬСКОГО. Это стремление расквитаться с теми, кто критиковал их и захватить для своей группы руководящие посты.

Мне рассказывали о безобразных разговорах МОКРЕЕВА в кулуарах, эти разговоры имели погромный характер.

Критику надо вести чистыми руками и нельзя поручать это тем, кого еще недавно били за национализм».

В качестве примера действий националистов на пленуме ГАЛАН заявил:

«На пленуме позволяли ШЕРЕМЕТУ быть чем-то вроде второго председателя. Бросая со своего места в зале замечания и реплики, он как бы руководил настроением зала».

Аналогичное мнение высказал писатель СЕРПИЛИН:

«ШЕРЕМЕТ хочет на этом пленуме перерезать всю советскую критику, чтобы ее вообще не было».

Писатель ЯНОВСКИЙ, высказывая одобрение разгрому критиков-космополитов, выражает недовольство тем, что на пленуме писателей снова критикуют его националистические ошибки. Он заявляет пессимистически:

«Надо радоваться — ведь все так неожиданно правильно. Но мне грустно — почему снова и меня бьют?... Сделали из меня какое-то дежурное блюдо — каждому чтобы поклясться, нужно еще раз ударить меня.

Я понимаю, что нельзя не сказать о борьбе с национализмом, иначе получается просто погром. Но при чем тут я? И что же мне делать?»

Я стараюсь, как могу, и буду дальше стараться, но вот мне наперед закрывают все двери — как же мне исправляться?

Что же мне, вешаться? Это, кажется, единственное, что мне осталось».

Вице-президент Академии Наук СССР БЕЛЕЦКИЙ, сожалея о разгроме критиков-космополитов — ГОЗЕНПУДА и БОРЩАГОВСКОГО, говорил:

«Талантливые критики потерпели поражение... Очевидно, временное».

Используя авторитетных работников с целью прикрытия и ослабления ударов по космополитам, БЕЛЕЦКИЙ в беседе о космополите СТЕБУНЕ, сказал:

«Ведь сам КОРНЕЙЧУК все время покровительствовал ему».

РЫЛЬСКИЙ и МАЛЫШКО, обсуждая результаты общемосковского собрания драматургов и театральных критиков, делали вывод, что не все еще космополиты раскрыты и разоблачены, в частности, упоминая писателя ЭРЕНБУРГА, РЫЛЬСКИЙ говорил:

«Это главный космополит в СССР. Когда я был с ним в Югославии, то он сказал там, что в русской литературе нет и не было драматургии»

МАЛЫШКО по этому вопросу заявил:

«ЭРЕНБУРГ — космополит и кроме того еврейский националист».

Писатель ТАЛАЛАЕВСКИЙ, высказывая недовольство закрытием альманаха «Штерн» и роспуском еврейской секции ССПУ, считает, что борьба с космополитизмом по существу направлена против представителей еврейской интеллигенции.

Не желая выступать на пленуме ССПУ, он говорил.

«Я не намерен выступать на пленуме, поскольку еще до открытия пленума все было расписано по нотам».

Поэт ПЕРВОМАЙСКИЙ после заседания пленума, на котором он был

подвергнут критике, сказал:

«Сегодня — меня и ГОЛОВАНОВСКОГО, завтра — других... все идет как по маслу».

Драматург НЕСТЕРОВСКИЙ высказывает мнение, что борьба против критиков-космополитов принимает форму борьбы против еврейской интеллигенции:

«Из-за одной группы космополитов, оказавшихся евреями, нельзя игнорировать других авторов и не печатать их работ только потому, что они носят еврейские фамилии».

МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР (САВЧЕНКО)

отп. 8 экз.

1-й т. Хрущеву

2-й т. Коротченко

3-й т. Абакумову

4-й т. Волкову

5-й т. Мельникову

6-й секр. МГБУССР

7, 8-й в дело исполн. 5 Упр. МГБ УССР

исп. Эпштейн, Секарев

осн: агентурный материал

печатали Февральская, Ромашкевич

ДА СБУ, Київ. – Ф. 3. – Оп. 245. – Пор. 8. – Арк. 95-107.

СПЕЦПОВІДОМЛЕННЯ МГБ УРСР
«ПРО РЕАГУВАННЯ НАСЕЛЕННЯ М. ЧЕРНІВЦІ
У ЗВ'ЯЗКУ З ВИКРИТТЯМ АНТИПАТРІОТИЧНОЇ
ДІЯЛЬНОСТІ ГРУПИ КРИТИКІВ-КОСПОПОЛІТІВ»

23 травня 1949 р.

№ 1892/с

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

экз. № 4

ЦК КП(б) УКРАИНЫ — т. Сердюку З.Т.

5 Упр. МГБ СССР — т. Волкову

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ

о реагировании населения гор. Черновцы в связи с разоблачением
антипатриотической деятельности критиков-космополитов

Разоблачение антипатриотической деятельности критиков-космополитов и буржуазных националистов вызвало оживленные реагирования среди еврейской части населения гор Черновцы.

Пытаясь извратить политическую важность проводимых мероприятий по ликвидации вредоносной деятельности космополитов, еврейские националистические элементы распространяют различные версии о, якобы, имеющем место притеснении интеллигенции и скрытом походе против евреев.

Житель гор. Черновцы, бывший подданный республики Уругвай — ГЕФНЕР, говоря о разоблачении антипатриотической группы критиков-космополитов, возводил клевету на руководителей партии и Советского правительства.

При этом он говорил:

«...Положение евреев в СССР становится все более невыносимым.

Это самый настоящий антиеврейский курс, который исходит из руководящих правительственных кругов.

Никто не может предсказать, в какую форму это выльется дальше...».

Врач ВАЙНБЕРГ в кругу знакомых высказывал мнение, что борьба с космополитами есть политический маневр Советского правительства против евреев. При этом он заявлял:

«...В последнее время «Литературная газета» мне опротивела, я ее даже в руки не беру. Там сейчас не найдешь ничего интересного и серьезного.

Газета занята исключительно кампанией против «антипатриотических театральных критиков». По-видимому, мы находимся накануне важных событий, а Советское правительство использует эту кампанию для того, чтобы подогреть патриотизм своих людей...».

В таком же духе высказывался зубной врач 2-й госполиклиники

ТОКГАУЗ:

«...Советскому Союзу неудобно в открытой и грубой форме проявлять свои антиеврейские тенденции. Это нужно было преподнести под каким-нибудь соусом. Таким образом, был состряпан вариант с антипатриотами-критиками, который является ярким проявлением русского шовинизма...».

Утверждая, что якобы все евреи, проживающие в СССР, тяготеют к сионизму, заявлял:

«...В день праздника «Иом кипур» посланник государства Израиль МЕЕРСОН посетила главную Московскую синагогу. Прием, оказанный ей и в особенности то триумфальное шествие, которое сопровождалось при выходе из синагоги, далеко перешагнуло рамки обычной вежливости. По рассказу очевидца, еврейской национальное движение приняло очень широкий масштаб, потеряв свой первоначальный местный характер...».

Работник Черновицкой швейной фабрики индивидуального пошива МАФЕРШТЕЙН, возвратившись после командировки из гор Москвы, распространял провокационные слухи. Он говорил:

«...В Москве сейчас арестовывают очень много евреев, снимают с руководящих должностей и вообще лишают работы, называя их космополитами. Арестован весь цвет прогрессивной еврейской интеллигенции...».

Далее, обвиняя одного из руководителей партии и Советского правительства в антисемитизме, говорил:

«...Что касается космополитизма, то это выдумка на лучшие еврейские кадры, это издевательство против евреев...».

Инструктор-методист Облздравотдела КНОЭЛЬ, выражая беспокойство и растерянность в связи с разгромом космополитов, говорил:

«...Среди еврейского населения жуткая паника. Ожидается со дня на день переселение евреев в Биробиджан, куда они будут направлены со всех концов СССР».

Уже разосланы секретные циркуляры по этому вопросу, чтобы ни в коем случае не препятствовать законному желанию евреев концентрироваться на одной территории и иметь свою определенную республику.

Большевики считают, что таким образом им удастся избавиться от евреев. Но большевики со своей политикой по еврейскому вопросу попали в тупик...».

Юрисконсульт Госарбитража КОЛЧИН, высказывал следующие измышления в связи с разоблачением группы безродных космополитов:

«...Сколько я прожив в СССР, но такой теории как безродный космополитизм я еще не слышал. Этот «шедевр» марксистско-ленинской теории означает абсолютный конец всякой критике».

Это абсолютная цензура, полное лишение свободы слова и полный зажим всякой критики...».

Преподаватель средней школы № 13 гор. Черновцы АЙЗЕН в беседе по поводу разгрома группы космополитов антипатриотов говорил:

«...Идет прямое гонение на евреев. Евреи, правда, привыкли к этому, они преследовались в России при царе, в Румынии — жандармами, но сейчас я просто не понимаю, что делается. Если СТЕБУН или СМУЛЬСОН писали об украинской литературе, то ведь они обогнали украинскую культуру, почему же их преследуют как евреев...».

Зубной врач Черновицкой поликлиники КРУТЯНСКИЙ, высказывая подобные клеветнические измышления, утверждал:

«...Это настоящая, открытая антиеврейская кампания, напоминающая мне антиеврейские кампании в царское время...».

Жена КРУТЯНСКОГО, поддерживая его высказывание, сказала:

«...Освобождение евреев от тяжелой жизни в СССР может принести только война...».

Профессор Черновицкого мединститута член ВКП(б) МАНГЕЙМ, распространяя клеветнические измышления, говорил:

«Сейчас арестовываются научные работники такие, как, например, академик ШТЕРН и другие. Я это расцениваю как преследование евреев...».

Технорук артели «Трудзеркало» ШЛАФМАН в беседе о новостях дня, сообщил:

«Идут упорные слухи по городу о том, что будут выселять евреев из Черновиц в Биробиджан. Эти слухи также широко распространились в гор. Львове...».

Служащий областной конторы «Заготзерно» член ВКП(б) ВИНОКУР, выражая свое несогласие с проводимой борьбой против космополитов, сказал:

«...Я считаю, что имеются перегибы либо в ЦК партии, либо скорее всего на местах...».

Начальник цеха артели «Стахановец» НОВАК, он же секретарь парторганизации артели, отрицательно реагирует на проводимые мероприятия по разгрому критиков-космополитов и считает, что борьба с космополитизмом есть якобы нарушение ленинско-сталинской национальной политики.

Комментируя лекцию, прочитанную заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КП(б)У тов. СОСНОВСКИМ на тему «Советский патриотизм и буржуазный космополитизм», говорил:

«Это является явным наступлением против евреев. Нас назвали космополитами...».

Аналогичные высказывания отмечены со стороны секретаря парторганизации артели им. Ватутина, инженера СЕГАЛ. Он говорил:

«Пришла большая беда для нашего брата. Такой политики к евреям со стороны Советской власти не было, она появилась лишь только теперь...».

Секретарь парторганизации артели «Трудзеркало» МИСИОЖНИК,

высказывая свое несогласие с проводимым советской общественностью разоблачением антипатриотической деятельности критиков-космополитов, говорил:

«...Почему-то только теперь вдруг стали плохими людьми ВАРШАВСКИЙ, БОРЩАГОВСКИЙ, КАЦНЕЛЬСОН, ЮЗОВСКИЙ и другие, которых они обвиняют в буржуазном космополитизме. Почему партия и правительство раньше к ним не присматривались? И вот непонятно, в силу какой политики нанесен по ним внезапный удар. Все же это люди очень ценные».

МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР

Генерал-Лейтенант

(САВЧЕНКО)

отп. 5 экз.

1-й тов. Сердюку

2-й тов. Волкову

3-й секр. МГБ УССР

4-й и 5-й в дела 5 Упр. исп. Меланченко

Осн.: Спецсообщ. УМГБ Черновицкой обл.

№ 431/1 от 28.3.1949 г.

ДА СБУ, Київ. – Ф. 3. – Оп. 245. – Пор. 8. – Арк. 184-190.

**СПЕЦПОВІДОМЛЕННЯ МГБ УРСР
«ПРО НАЦІОНАЛІСТИЧНІ НАСТРОЇ ПРАЦІВНИКІВ
ЧЕРНІВЕЦЬКОГО ЄВРЕЙСЬКОГО ТЕАТРУ»**

5 серпня 1949 р.

2712/с

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
экз. № 5

СПЕЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ
о националистических настроениях работников
Черновицкого еврейского театра

После снятия Черновицкого еврейского театра с государственной дотации руководство театром, вместо мобилизации имеющихся возможностей по укреплению финансового положения, стало на путь утверждения, что театр без дотации существовать не может.

К переводным пьесам советской тематики, заменившим в репертуаре театра мещанско-буржуазные пьесы, осужденные советской общественностью, руководство театром относится пренебрежительно и не принимает мер к популяризации новой тематики.

Художественный руководитель театра ГОЛЬДБЛАТ, говоря о положении театра, заявил:

«...Заставляют нас ставить переводные пьесы, а на них еврейские зрители не хотят ходить».

Тяжелое финансовое положение, в котором оказался театр, послужило причиной возникновения среди артистов и обслуживающего персонала нездоровых настроений. Среди них распространено мнение о том, что советское правительство якобы намерено ликвидировать еврейские театры.

В связи с этим вопрос о сохранении Черновицкого еврейского театра стал предметом обсуждений на собраниях коллектива театра, а также отдельных групп артистов, на которых принимаются решения идти на разные «уступки», но сохранить театр.

Для того, чтобы скрыть действительное финансовое состояние театра, администрация в своей отчетности, представляемой Комитету по делам искусств решила искусственно снизить задолженность по зарплате.

При попустительстве руководства и парторганизации театра группа артистов внесла предложение отказаться от получения на руки месячной зарплаты, сдав ее в фонд театра. Администрацией это предложение было принято, после чего некоторые актеры, получающие высокие оклады, расписались в получении денег, а их фактически не получили.

Однако впоследствии, боясь ответственности за совершенный подлог, администрация театра уничтожила документы на «выданную» зарплату и решила избрать другой способ сбора средств. По предложению отдельных

сотрудников театра, ряд актеров подали заявление о предоставлении им месячного отпуска за свой счет, в действительности же отпуск был использован только отдельными лицами, в то время, как подавляющая часть продолжала работать. Одновременно некоторые актеры дали согласие при выездах на параллельные спектакли получать вместо положенных 3 процентов суточных — 1 процент.

В целях увеличения посещаемости театра, руководством выделены лица для распространения билетов на предприятиях. Эти лица, как установлено, проводят среди еврейского населения националистическую агитацию, распространяя измышления о якобы предвзятом отношении советской власти к еврейским театрам и призывают и связи с создавшейся якобы антисемитской обстановкой ответить частым посещением театра.

Художественный руководитель театра ГОЛЬДБЛАТ распространяет версию о том, что Комитет по делам искусств якобы задерживает посылку театра на гастроли по городам СССР умышленно, с тем, чтобы еще более ухудшить финансовое положение театра и заставить артистов уйти с работы, что облегчит в дальнейшем постановку вопроса о нерентабельности театра и его ликвидации.

В мае с.г. руководством театра была приглашена для проведения концерта актриса СИДИ-ГАЛЬ. Обращаясь к ней, ГОЛЬДБЛАТ сказал, что она, как еврейская актриса, обязана поддержать театр своим выступлением.

Встретив в связи с этим возражение со стороны директора Черновицкой филармонии КОСТИНСКОГО, ГОЛЬДБЛАТ заявил ему:

«...Разве недостаточно того, что нас жмут сверху, а Вы еще хотите помочь им... Неужели Вас еврейская совесть не мучает?».

Подобное поведение руководителя театра способствовало усилению националистических настроений среди сотрудников коллектива.

Актриса еврейского театра Ада СОНЦ в беседе с КОСТИНСКИМ сказала:

«...Спасать театр могут только люди, имеющие еврейскую душу».

Работник театра ОРЕНШТЕЙН среди коллектива распространяет слух о том, что положение Черновицкого еврейского театра такое же как Московского и Киевского, находящихся якобы накануне своего закрытия.

МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР

Генерал-Лейтенант

(САВЧЕНКО)

отп. 5 экз.

1-й тов. Мельникову;

2-й тов. Волкову;

3-й секр. МГБ УССР;

4-й и 5-й в дела 5 Упр. исп. Меланченко.

Осн: Спецсообщение Черновицк. УМГБ № 885 от 7.VII-49 г.

(Хранится во 2 Отделе 5 Упр. МГБ УССР у тов. Егорова)

Печатала Каневская

ДА СБУ, Київ. – Ф. 3. – Оп. 245. – Пор. 8. – Арк. 238-241.

ІНФОРМАЦІЯ МГБ УРСР ДО МГБ СРСР ПРО АРЕШТ ГРУПИ ЄВРЕЙСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ В ОДЕСЬКІЙ ОБЛАСТІ

11 липня 1950 р.

18071/п

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Экз. № 6

МИНИСТЕРСТВО ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР — тов. АБАКУМОВУ
НАЧАЛЬНИКУ 2 ГЛАВНОГО УПР МГБ СССР — тов. ПИТОВРАНОВУ
ЦК КП(б)У — тов. МЕЛЬНИКОВУ
ЦК КП(б)У — тов. НАЗАРЕНКО

УМГБ Одесской области в марте-мае с.г. арестована группа еврейских писателей, занимавшихся активной националистической и шпионской деятельностью в пользу США: —

ВАЙНЕРМАН Хунель-Мовша Аврум Шмулев — 1903 г. рождения, уроженец м. Лучины, Житомирской области, еврей, гр-н СССР, беспартийный, с высшим образованием.

ДРУКЕР Ирма Хаимович — 1906 г. рождения, уроженец м. Чернобыль, Киевской области, еврей, беспартийный, со средним образованием.

ЛУРЬЕ Натан Михайлович — 1906 г. рождения, уроженец с. Роскошное, Гуляй-Польского р-на, Запорожской области, еврей, беспартийный, с высшим образованием.

Указанные лица — выходцы из семей слугителей религиозного культа, в детстве занимались в еврейской школе «Хедер», изучали талмуд и получили воспитание в националистическом духе.

На протяжении долгих лет, вращаясь в среде националистически настроенных лиц, ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ окончательно скатились на путь национализма и открытой борьбы с Советской властью.

Занявшись литературной деятельностью в 1924 году, ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ, подражая «авторитетам» в еврейской литературе — буржуазным националистам ФЕФЕРУ, БЕРГЕЛЬСОН, НИСТЕРУ, на всем протяжении времени протаскивали в своих произведениях националистические взгляды, за что неоднократно подвергались критике в печати.

Находясь в среде буржуазных националистов АБРАМА, МЕЛАМЕДА, БЕЛОВА, ШНЕЕРА и всецело разделяя их взгляды, ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР И ЛУРЬЕ вначале принимали активное участие в организации националистических сборищ, под видом литературных вечеров и собраний в Херсоне, Одессе, на которых выступали со своими произведениями и речами в националистическом духе, а в дальнейшем, будучи писателями,

стали ориентироваться на западноевропейскую и американскую «культуру», всячески популяризируя американскую буржуазную литературу и печать.

Вместе с тем, пребывая в кругу АБРАМА, МЕЛАМЕДА и др. возглавлявших евсекцию писателей Одессы, встречались с приезжавшими в СССР американскими реакционными писателями АПАТОШУ, РЕЙЗЕНОМ и КАГАНОМ, которые через указанных националистов добывали всевозможную клеветническую информацию о Советском Союзе и положении евреев в СССР, а затем помещали по возвращению за границу в иностранной прессе.

Так, ДРУКЕР в 1927 году, через ЛАПИРОВА — агронома «ДЖОЙНТА», встречался с приезжавшим в СССР редактором американской газеты «Форвертс» — КАГАНОМ Эйб, с которыми разъезжал по еврейским колониям Херсонской области и помогал последним «ознакамливаться» с ними.

ВАЙНЕРМАН в 1929 году в гор. Одессе встречался с приезжавшим в СССР, под видом прогрессивного американского писателя РЕЙЗЕНОМ Аврумом, поместившем затем в реакционной прессе США клеветнические «впечатления» о поездке в СССР.

Как показал ВАЙНЕРМАН, клеветническую информацию РЕЙЗЕН собрал в Одессе от еврейских писателей, с которыми он встречался, но лично он РЕЙЗЕНУ такой информации не представлял.

ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ, поддерживая между собой связь как до Отечественной войны, так и после, продолжали свою националистическую деятельность, покрывая антисоветские вылазки и восхваляя националистические «труды» друг друга.

Собирая вместе, а также среди своего окружения и обсуждая т.н. «еврейский вопрос в СССР», клеветали на политику партии в национальном вопросе, обвиняли Советское правительство в «государственном антисемитизме».

В 1945 году ВАЙНЕРМАН, являясь постоянным корреспондентом газеты «Эйникайт» по Одесской области, договорился с американским шпионом ГОНТАРЕМ в Москве присылать в Еврейский антифашистский комитет для посылки за границу очерки и стихи, в которых, на фоне заслуг отдельных лиц еврейской национальности в СССР, излагались бы сведения социально-экономического характера.

С этого времени ВАЙНЕРМАН, в виде художественных очерков, систематически направлял в «ЕАК» информацию о колхозном строительстве и промышленности г. Одессы и Одесской области.

ВАЙНЕРМАН на следствии показал, что американские шпионы ФЕФЕР и ГОНТАРЬ, интересуясь Одесской областью, направляли ему телеграфные запросы о высылке сведений по структуре и количественному охвату партийной учебной населению области, о количестве евреев, проживающих в гор. Одессе и области, однако он их якобы не выполнил, т.к.

такие сведения трудно было представить в виде художественной корреспонденции.

Арестованные ДРУКЕР и ЛУРЬЕ, будучи в свою очередь корреспондентами Еврейского антифашистского комитета, также начиная с 1946 года направляли в адрес ФЕФЕРА и ГОНТАРЯ сведения об экономике Одесской и Херсонской областей и работе Одесского порта.

В 1946 году ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ в гор. Одессе встретились в гостинице «Лондонской» с прибывшим из Москвы американским разведчиком ГОЛЬДБЕРГОМ и сопровождавшим его ФЕФЕРОМ, где им передали клеветническую информацию об отношении советских органов к религии, еврейским семьям, возвратившимся из эвакуации и о положении еврейских писателей в СССР.

По просьбе ГОЛЬДБЕРГА связать его с представителями еврейской общины гор. Одессы, ВАЙНЕРМАН предложил свои услуги и совместно с ДРУКЕРОМ и ЛУРЬЕ устроил ему и ФЕФЕРУ конспиративную встречу с габе (старостой) еврейской синагоги, между которыми состоялась длительная беседа.

В беседе габе жаловался на якобы плохое отношение к еврейской общине со стороны местных властей, которые также не обращают внимания на памятники еврейской культуры, имеющиеся в Одессе

ГОЛЬДБЕРГ и ФЕФЕР тогда же указали ВАЙНЕРМАНУ, ДРУКЕРУ и ЛУРЬЕ, что их больше не интересует поэзия, а интересуют очерки со сведения о восстановлении и развитии промышленности, сельского хозяйства, вопрос еврейской общины и быт населения.

Арестованные дали свое согласие на выполнение этих установок и вторично намеревались встретиться с ФЕФЕРОМ, но в связи с выездом ,его и ГОЛЬДБЕРГА в г. Черновцы, встреча не состоялась.

В декабре 1946 года, получив телеграмму от ФЕФЕРА с сообщением о приезде в Одессу заместителя редактора американской еврейской газеты «Морген-Фрай-хайт» — НОВИК Пауля, ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ встретили его и провели в гостинице «Лондонской» беседу, в процессе которой НОВИК интересовался положением еврейских писателей в СССР, трудами, над которыми они работают и заявил, что американских «читателей» интересуют все новости о Советском Союзе, в том числе успехи стахановцев предприятий и мастеров полей.

НОВИК предложил писать об этом в Америку через антифашистский еврейский комитет в Москве, на что ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ дали свое согласие.

Шпионская информация ВАЙНЕРМАНОМ, ДРУКЕРОМ и ЛУРЬЕ направлялась в редакцию газеты «Эйникайт» и Еврейский антифашистский комитет в Москве вплоть до ареста ФЕФЕРА, ГОНТАРЯ и других.

В процессе разработки ВАЙНЕРМАНА, ДРУКЕРА и ЛУРЬЕ УМГБ Одесской области было установлено, что с ними поддерживает тесную связь

еврейский националист —

ХЕЙФЕЦ Хаим Львович — 1896 г. рождения, уроженец г. Хорол, Полтавской области, еврей, беспартийный, с высшим образованием, преподаватель Одесского строительного техникума.

ХЕЙФЕЦ в прошлом являлся учеником известного сионистского поэта БЯЛИКА, в Одессе окончил высшую еврейскую школу и состоял в сионистской организации.

ХЕЙФЕЦ среди своего окружения проводил активную антисоветскую и националистическую пропаганду, клеветал на политику партии и Советского правительства, сравнивая советский строй со средневековьем и инквизицией.

Считал себя представителем «пятой колонны» в СССР и «маравом» — человеком вынужденно надевшим маску лояльности по отношению к Советской власти.

ХЕЙФЕЦ хранил у себя сионистскую литературу, вел дневник антисоветского содержания.

Называя ХЕЙФЕЦА в числе своих соучастников, ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ характеризуют его как убежденного националиста и врага советской власти.

ХЕЙФЕЦ 25 июня с.г. арестован.

Следствие по делу ВАЙНЕРМАНА, ДРУКЕРА, ЛУРЬЕ И ХЕЙФЕЦА УМГБ Одесской области ведется в направлении полного разоблачения их в проведении националистической и шпионской деятельности и вскрытия их антисоветских связей.

О результатах будем информировать.

ЗАМ. МИНИСТРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР

Генерал-Майор

(ПОПЕРЕКА)

ДА СБУ, Київ. – Ф. 1. – Оп. 94. – Пор. 30. – Арк. 92-99.

**ІНФОРМАЦІЯ МГБ УРСР ДО МГБ СРСР ПРО СЛІДСТВО У
СПРАВІ ГРУПИ ЗААРЕШТОВАНИХ ЄВРЕЙСЬКИХ
ПИСЬМЕННИКІВ В ОДЕСЬКІЙ ОБЛАСТІ**

31 грудня 1950 р.

413/к

Копія
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
экз. № 8

МИНИСТРУ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ — тов. АБАКУМОВУ В.С.
ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОЮЗА ССР
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ — тов. ОГОЛЬЦОВУ С.И.
НАЧАЛЬНИКУ 2 ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР
ГЕНЕРАЛ-МАЙОРУ — тов. ПИТОВРАНОВУ Е.П.
ЦК КП(б)У — тов. МЕЛЬНИКОВУ Л.Г.

Управлением МГБ Одесской области в течение марта-декабря 1950 года реализовано дело, по которому разрабатывалась группа еврейских националистов, занимавшихся шпионажем в пользу США и проводивших активную националистическую работу среди еврейского населения.

Мы уже информировали Вас своим № 1807/п от 11 июля его том, что вначале по делу были арестованы:

ВАЙНЕРМАН Хунель-Мевша Аврум Шмулевич, 1902 года рождения, с высшим образованием, еврейский писатель;

ДРУКЕР Ирма Хаимович, 1906 года рождения, со средним образованием, еврейский писатель и литературный критик;

ЛУРЬЕ Натан Михайлович, 1906 года рождения, с высшим образованием, еврейский писатель.

В ходе следствия установлено, что указанные лица являются выходцами из семей служителей религиозного культа, в детстве занимались в еврейской школе «ХЕДЕР», изучали талмуд и получили воспитание в националистическом духе.

На протяжении долгих лет, вращаясь в среде националистически настроенных лиц, окончательно скатились на путь национализма и открытой борьбы с советской властью.

Занявшись литературной деятельностью в 1925 году ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ, подражая «авторитетам» в еврейской литературе — буржуазным националистам — ФЕФЕРУ, БЕРГЕЛЬСОНУ, на всем протяжении времени протаскивали в своих произведениях националистические взгляды, за что неоднократно подвергались критике в печати.

Находясь в среде бундовцев АБРАМА, МЕЛАМЕДА, буржуазных националистов БЕЛОВА, СПИВАКА (в разное время арестованы и осуждены) и всецело разделяя их взгляды, принимали участие в организации националистических сборищ, под видом литературных вечеров и собраний в Херсоне и Одессе, на которых выступали со своими националистическими произведениями, а в дальнейшем, будучи писателями, стали ориентироваться на западноевропейскую и американскую «культуру», всячески популяризуя американскую буржуазную литературу и печать.

Пребывая в кругу АБРАМА, МЕЛАМЕДА и других, возглавлявших европейскую секцию писателей Одессы, встречались с приезжавшими в СССР американскими реакционными «писателями» АПАТОШУ, РЕЙЗЕНОМ и КАГАНОМ, которые через указанных националистов добывали всевозможную клеветническую информацию о Советском Союзе и положении евреев в СССР, а затем помещали в иностранной прессе.

В 1941-1942 гг., проживая на Кавказе, ВАЙНЕРМАН, ЛУРЬЕ и ДРУКЕР вместе с еврейскими националистами ЛЮМКИСОМ, ЗАБАРА и ГУБЕРМ АНОМ (арестованы в 1950 году), устраивали на квартире ГУБЕРМАНА сборища, где высказывали свои антисоветские пораженческие взгляды, возводили клевету на Советскую Армию и руководителей Советского правительства, высмеивали советский строй и патриотизм советских людей.

После Отечественной войны ВАЙНЕРМАН, ЛУРЬЕ и ДРУКЕР еще теснее закрепив между собой связь, активизировали антисоветскую деятельность, восхваляли перед общественностью националистические «труды» друг друга, обсуждали т н «еврейский вопрос в СССР», среди своего окружения клеветали на политику партии в национальном вопросе, приписывали Советскому правительству «государственный антисемитизм».

В ходе дальнейшего следствия установлено, что ВАЙНЕРМАН Хунель-Мевша Аврум Шмулевич и ДРУКЕР Ирма Хаимович являются агентами американской разведки, по заданию которой занимались шпионажем.

ВАЙНЕРМАН показал, что к шпионской работе он был привлечен в 1946 году бывшим заведующим отдела редакции еврейской газеты «ЭЙНИКАЙТ» ГОНТАРЕМ (арестован МГБ СССР), ставшим впоследствии литературным редактором бывшего «Еврейского антифашистского комитета» в Москве.

От ГОНТАРЯ ВАЙНЕРМАН в апреле 1946 года получил прямое задание по сбору, для американцев шпионских сведений экономического и политического характера.

ГОНТАРЬ инструктировал ВАЙНЕРМАНА, чтобы он, пользуясь правом корреспондента газеты «ЭЙНИКАЙТ», проникал на предприятия и новостройки, собирал там необходимые шпионские сведения, облакал их в форму литературных очерков и направлял в Еврейский антифашистский

комитет».

Он требовал, чтобы в таких «очерках» на фоне описания работы отдельных евреев, в зашифрованном виде излагались бы конкретные данные о работе предприятия, колхоза или совхоза в целом, ибо эти данные будут служить источником сведений для американской разведки.

Аналогичные задания и инструктаж ВАЙНЕРМАН получал от бывшего заместителя председателя «Еврейского антифашистского комитета» ФЕФЕРА (арестован МГБ СССР), который в апреле 1946 года приезжал в Одессу вместе с американским разведчиком — редактором еврейской газеты в США ГОЛЬДБЕРГОМ.

Кроме того, на протяжении 1946-1948 годов, ВАЙНЕРМАН получал ряд конкретных заданий путем отдельных запросов о высылке разного рода сведений, которые требовал «Еврейский антифашистский комитет» для американцев.

В сведениях о численности еврейского населения Одессы он должен был отражать не только цифровые данные, но и указать процентное их отношение к общему количеству населения, количество рабочих и инженерно-технических работников из числа евреев, занятых в промышленности этих городов.

Выполняя эти задания, ВАЙНЕРМАН успел направить в США через редакцию газеты «ЭЙНИКАЙТ» и «Еврейский антифашистский комитет» около 45 таких «очерков», содержащих в замаскированном виде шпионские данные о работе Одесского порта, Херсонского консервного завода, о восстановлении промышленных объектов и сельского хозяйства.

ВАЙНЕРМАН также направил точные сведения о количестве еврейского населения города Одессы, которые ему удалось получить при содействии бывшего председателя исполкома городского Совета депутатов трудящихся КАРПОВА (умер).

ДРУКЕР Ирма Хаимович также признал, что в октябре 1945 года он был привлечен к шпионской работе ФЕФЕРОМ, который, обучая его этому «ремеслу», говорил:

«...Вы учитесь писать у биробиджанского поэта ЭМИОТА: коротко, ясно, то, что нужно. За границей наши хозяева очень довольны такими материалами и, если Вы будете давать такие материалы, Вы сумеете заработать больше, чем получите стабильную зарплату...

...Имейте в виду, чтобы Вы не писали, Вы пишете для заграницы, чтобы в тексте был подтекст, который нужен для заграницы...»

При этом ДРУКЕР получил задание, аналогичное тому, которое давалось ВАЙНЕРМАНУ.

ДРУКЕРУ рекомендовалось вместе с ВАЙНЕРМАНОМ и ЛУРЬЕ организовать «литературные вечера», привлекать на них еврейскую интеллигенцию: врачей, ученых, инженерно-технических работников, сближаться с ними и использовать их как базу для сбора через них

необходимую для заграницы информацию, а также в целях проведения националистической работы.

ДРУКЕР направил в бывший «Еврейский антифашистский комитет» до 15-ти «очерков», содержащих националистическую пропаганду и клевету на Советский Союз.

В апреле 1946 года ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ организовали встречу ФЕФЕРА и американского разведчика ГОЛЬДБЕРГА со старостой еврейской религиозной общины ВИРЕНБАУМОМ, который в их присутствии передал ГОЛЬДБЕРГУ антисоветскую клеветническую информацию о якобы существующем в Советском Союзе «искривлении» национальной политики по отношению к евреям.

Арестованный ЛУРЬЕ Натан Михайлович не дал показаний о своей принадлежности к агентуре американской разведки, однако признал, что начиная с 1946 года он неоднократно встречался в Москве с ныне арестованными МГБ СССР американскими шпионами ФЕФЕРОМ, МАРКИШЕМ и другими, от которых получал задания писать для заграницы статьи и очерки.

Выполняя эти задания, он систематически посылал в «Еврейский антифашистский комитет» информацию о Советском Союзе, которая затем печаталась в США и Палестине.

Следственными мероприятиями установлено, что в целях выполнения указаний американских шпионов ГОНТАРЯ и ФЕФЕРА, ВАЙНЕРМАН, ДРУКЕР и ЛУРЬЕ расширяли круг своих связей среди националистически настроенной еврейской интеллигенции, из числа которой в

Одессе была создана антисоветская националистическая группировка. В состав этой группировки кроме ВАЙНЕРМАНА, ДРУКЕРА и ЛУРЬЕ входили:

ХЕЙФЕЦ Хаим Герш Лейбович, 1896 года рождения, уроженец г. Хорол, Полтавской области, с высшим образованием, преподаватель Одесского строительного техникума, в прошлом участник сионистской организации, окончивший в Одессе нелегальные четырехмесячные курсы преподавателей истории сионизма.

МИНДЕЛЬ Исак Ильич, 1901 года рождения, уроженец гор. Вильнюс, Литовской ССР, еврей, гражданин СССР, беспартийный, с высшим образованием, директор Одесской средней школы рабочей молодежи.

ТАШЛЫЦКИЙ Хаскель Львович, 1894 года рождения, уроженец г. Первомайска, Одесской области, еврей, гражданин СССР, беспартийный, с высшим образованием, преподаватель физики школы рабочей молодежи в Одессе.

МЕРХЕР Зельман Арон Моисеевич, 1899 года рождения, уроженец с. Дзиковка, Винницкой области, еврей, гражданин СССР, в прошлом член ВКП(б), исключен в 1933 году, с высшим образованием, преподаватель Одесского ремесленного архитектурно-художественного училища.

АЛЕК Соломон Борисович, 1888 года рождения, уроженец м. Хорону, Гродненской губернии, еврей, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1919 года, в прошлом анархист, председатель артели имени 3-й пятилетки в Одессе.

ПЯСЕЦКИЙ Израиль Наумович, 1907 года рождения, уроженец г. Умань, Киевской области, еврей, гражданин СССР, член ВКП(б), заведующий клубом Одесского обкома союза работников потребкооперации.

ГУБЕРМАН Айзик Шмулевич, 1906 года рождения, уроженец м. Фельштаны, Винницкой области, еврей, гражданин СССР, бывший член ВКП(б), исключен в 1950 году за национализм, еврейский писатель, бывший председатель Одесского отделения союза советских писателей.

Указанные лица на основании имевшихся на них компрометирующих материалов в УМГБ Одесской области и показаний ВАЙНЕРМАНА, ДРУКЕРА и ЛУРЬЕ были арестованы.

Все арестованные дали признательные показания о проводимой ими организованной антисоветской националистической деятельности, о распространении среди еврейского населения антисоветской пропаганды, переданной радиостанциями «Голос США», «Голос Израиля» и «Би-Би-Си», о проведении агитации за массовый выезд евреев из СССР за границу.

Все они систематически собирались на нелегальные сборища в квартире ХЕЙФИЦА, который был организатором антисоветской националистической группировки

Следствием установлено также, что арестованный АЛЕК в 1946 году встречался с приезжавшими в Одессу шпионами ФЕФЕРОМ и ГОЛЬДБЕРГОМ, от которых получил задание писать новеллы и очерки для еврейской прессы Америки.

Арестованный ПЯСЕЦКИЙ в 1946 году передал ФЕФЕРУ и заместителю редактора еврейской газеты «МОРГЕН-ФРАЙКАНТ» (США) Паулю НОВИКУ антисоветскую клеветническую информацию о положении евреев в СССР.

Следствие по делу (кроме ГУБЕРМАНА, арестованного 4 декабря 1950 года) закончено и направляется по подсудности.

Материалы в отношении других лиц, прошедших по показаниям арестованных, выделены в отдельное производство.

МИНИСТР ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР

Генерал-Лейтенант

(Н. КОВАЛЬЧУК)

ВЕРНО: ОПЕРУПОЛНОМОЧ. 2 УПРАВЛ. МГБ УССР

лейтенант

(подпись)

(ЛУХТИОНОВ)

Отп. 8 экз.

1-й тов. Абакумову

2-й тов. Мельникову

3-й тов. Назаренко — лично доложит Министр

4-й тов. Коротченко — нет

5-й тов. Питовранову

6-й тов. Огольцову

7-й и 8-й 5 Упр. МГБ УССР

Печатала Февральская

ДА СБУ, Київ. — Ф. 1. — Оп. 94. — Пор. 30. — Арк. 146-156.

ЛЮДСЬКІ ДОЛІ

ДОКУМЕНТИ З АРХІВНОЇ КРИМІНАЛЬНОЇ СПРАВИ І. СПИВАКА

ЦЕНТРАЛЬНИЙ ОПЕРАТИВНИЙ АРХІВ ФЕДЕРАЛЬНОЇ СЛУЖБИ БЕЗПЕКИ
РОСІЙСЬКОЇ ФЕДЕРАЦІЇ, СПРАВА Р-3743, Т.Т. 1, 2

№ 1

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. МИНИСТРА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УССР
Генерал-Майор
(подпись)
(ПОПЕРЕКА)
13 января 1949 года

«АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ»
ИО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ВОЙСК МВД УКРАИНСКОГО
ОКРУГА
Подполковник Юстиции
(подпись)
(КОНСТАНТИНОВИЧ)
13 января 1949 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(на арест)

гор. Киев

12 января 1949 года

Я, Начальник 2 отдела 5 Управления МГБ УССР — Подполковник ВОЛОШИН, рассмотрев поступившие материалы на СПИВАКА Илью Григорьевича, он же Эль Гершович, 1890 года рождения, уроженца м. Васильков, Киевской области, еврея, беспартийного, члена-корреспондента Академии Наук УССР, директора кабинета еврейской культуры Академии Наук УССР, проживающего в г. Киеве, по ул. Короленко № 61, кв. 3, —

НАШЕЛ:

СПИВАК поддерживает преступную связь с одной из иностранных разведок, которую снабжает секретной информацией о положении в Советском Союзе.

Являясь участником антисоветской подпольной еврейской националистической организации, на протяжении ряда лет высказывал враждебные взгляды.

В 1940 году проявлял недовольство решением партии и правительства о закрытии института еврейской культуры заявляя, что «институт закрыли враги народа и антисемиты».

Тогда же с враждебных позиций осуждал мероприятия органов Советской власти по изъятию врагов народа.

Изданная СПИВАКОМ книга «Культура языка» была в свое время изъята, как националистическая.

В годы Отечественной войны за СПИВАКОМ отмечались отдельные националистические высказывания.

По возвращении в Киев из эвакуации и до последнего времени, со стороны СПИВАКА зафиксированы антисоветские выпады против ВКП(б) в национальном вопросе, клеветнические утверждения о якобы бедственном положении евреев в СССР и восхваление жизни евреев в капиталистических странах.

Уделяя в разговорах много внимания Палестине, СПИВАК высказывает сожаление, что в СССР нет настоящего вождя, который бы возглавил сионистское движение.

СПИВАК поддерживает обширную переписку с еврейскими кругами за границей, с гордостью заявляя, что ему присылают из Америки книги с надписью: «Стойкому защитнику тысячелетней еврейской культуры».

Руководимый Спиваком кабинет еврейской культуры является местом, вокруг которого концентрируются и группируются националистические элементы.

На основании изложенного, —

ПОСТАНОВИЛ

СПИВАКА Илью Григорьевича подвергнуть аресту и обыску.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА 5 УПР МГБ УССР Подполковник (подпись)	(ВОЛОШИН)
СОГЛАСНЫ: ЗАМ. НАЧ. 5 УПР. МГБ УССР Полковник (подпись)	(ТАНЕЛЬЗОН)
НАЧ. СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР Полковник (подпись)	(ЦЕПКОВ)

5

УССР
Министерство Государственной Безопасности

ОРДЕР № 151

13го февраля 1949 г.

Выдан Министерством Государственной Безопасности УССР
Колесников

предназначен: *ареста и обыска*
Спивак

Илью Григорьевича (д.р. Березовича)

аресту *д.р. 10.02.1908*

Министр Государственной Безопасности УССР

Начальник оперативного отдела МГБ

РАВНА: *И.Е. Волынец*
Александр М.В. Шашинский
Подполковник Михаил Колесников

Ордер на арест Спивака И.Г.

№ 2

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. МИНИСТРА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УССР
Генерал-Майор
(подпись)
(ПОПЕРЕКА)
13 января 1949 года

«АРЕСТ САНКЦИОНИРУЮ»
ИО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
ВОЙСК МВД УКРАИНСКОГО ОКРУГА
Полковник Юстиции
(подпись)
(КОНСТАНТИНОВИЧ)
13 января 1949 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(об избрании меры пресечения)

гор. Киев

12 января 1949 года

Я, Начальник 2 отдела 5 Управления МГБ УССР — Подполковник ВОЛОШИН, рассмотрев поступившие материалы на СПИВАКА Илью Григорьевича, он же Эль Гершович, 1890 года рождения, уроженца м. Васильков, Киевской области, еврея, беспартийного, члена-корреспондента Академии Наук УССР, директора кабинета еврейской культуры Академии Наук УССР, проживающего в г. Киеве, по ул. Короленко 61, кв. 3, —

НАШЕЛ:

Что СПИВАК Илья Григорьевич подозревается в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а», 58-10 ч.1 и 58-11 УК РСФСР, и, принимая во внимание, что СПИВАК, находясь на свободе, может уклониться от следствия и суда, руководствуясь ст.ст. 143 и 156 УПК УССР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда СПИВАКА Ильи Григорьевича избрать содержание под стражей, о чем в порядке ст. 144 УПК УССР объявить арестованному под расписку в настоящем постановлении.

В соответствии со ст. 158 УПК УССР копию постановления направить Прокурору и передать начальнику тюрьмы для приобщения к личному тюремному делу.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА 5 УПР МГБ УССР Подполковник (подпись)	(ВОЛОШИН)
СОГЛАСНЫ: ЗАМ НАЧ. 5 УПР. МГБ УССР Полковник (подпись)	(ТАНЕЛЬЗОН)
НАЧ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР Полковник (подпись)	(ЦЕПКОВ)
Настоящее постановление мне объявлено 13 января 1949 года (подпись)	(СПИВАК)

№ 3

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УССР
Генерал-Майор (подпись) (ПОПЕРЕКА)
13 января 1949 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (об этапировании)

гор. Киев

13 января 1949 года

Я, Начальник 2 отдела 5 Управления МГБ УССР Подполковник ВОЛОШИН, рассмотрев материалы о преступной деятельности СПИВАКА Ильи Григорьевича, он же Эль Гершович, 1890 года рождения, уроженца м. Васильков, Киевской области, еврея, беспартийного, жителя г. Киева, —

НАШЕЛ:

СПИВАК арестован МГБ УССР и обвиняется по ст.ст. 58-1 «а», 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

В соответствии с указаниями МГБ СССР для ведения дальнейшего следствия подлежит этапированию в Москву, а поэтому, —

ПОСТАНОВИЛ:

Арестованного СПИВАКА Илью Григорьевича, он же Эль Гершович, этапировать спецконвоем в вагонзак в г. Москву, в распоряжение Начальника следчасти по особо важным делам МГБ СССР.

Копию настоящего постановления направить Прокурору войск МВД Украинского округа и Начальнику отдела «А» МГБ УССР для сведения, Начальнику внутренней тюрьмы МГБ УССР — для исполнения.

НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА 5 УПР. МГБ УССР
Подполковник (подпись) (ВОЛОШИН)
СОГЛАСЕН: ЗАМ. НАЧ. 5 УПР. МГБ УССР
Полковник (подпись) (ТАНЕЛЬЗОН)

№ 4

аж-2

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Полковник (подпись) (ЛИХАЧЕВ)
18 января 1949 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о принятии дела к следственному производству)

Гор. Москва, 1949 года, января 18 дня

Я, следователь Следственной части по особо важным делам МГБ СССР капитан МЕРКУЛОВ, рассмотрев материалы следственного дела № 2095 по обвинению СПИВАК Эля Гершовича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а», 58-10 и 58-11 УК РСФСР, —

НАШЕЛ:

СПИВАК Э.Г. арестован 13 января 1949 года МГБ УССР как участник антисоветской националистической организации, проводивший шпионскую работу против советского государства.

17 января с.г. следственное дело по обвинению СПИВАК поступило в Следчасть по особо важным делам МГБ СССР для ведения следствия.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 110 УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело № 2095 по обвинению СПИВАК Эля Гершовича принять к своему следственному производству.

Копию постановления направить Прокурору для сведения.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР

Капитан

(подпись)

(МЕРКУЛОВ)

№ 5

ея-2

Копия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого СПИВАК Ильи Григорьевича

от 18 января 1949 года

СПИВАК И.Г., 1890 года рождения, урож. г. Васильков, Киевской области, еврей, гр-н СССР, беспартийный, доктор филологических наук.

Вопрос: Вы, очевидно, знаете причины вашего ареста?

Ответ: Нет, никаких преступлений против Советского государства я не совершал и причины ареста меня органами МГБ мне неизвестны. Очевидно, поводом к этому явилось стечение каких-то независящих от меня обстоятельств.

Вопрос: Не стечение обстоятельств, а ваша антисоветская деятельность привела вас в тюрьму, об этом вы будете допрошены подробно, а сейчас расскажите, из какой семьи вы приходите?

Ответ: Мой отец — СПИВАК Герш Вольфович был ремесленником. В городе Василькове Киевской области он имел свою кустарную мастерскую, в которой изготовлял различные металлические изделия. После Октябрьской революции отец долгие годы работал в кустарной артели в гор. Киеве. Умер он в начале 1943 года.

Мать моя — СПИВАК (РАБИНОВИЧ) Ципа Шлемовна была домашней хозяйкой, умерла в 1924 или 1925 году.

Проживая в семье отца, в 1904 году я окончил в гор. Василькове городскую школу и потом стал работать учителем.

Сначала я давал частные уроки в гор. Василькове, а в 1916 году поступил на работу учителем в Глуховскую гимназию бывшей Черниговской губернии. Работая в гимназии в 1916-17 годах, я одновременно учился в Глуховском учительском институте, который окончил экстерном в начале гражданской войны, примерно в 1918 году.

Вопрос: Чем вы занимались в период гражданской войны?

Ответ: В 1918 году я выехал из г. Глухова к своей семье в гор. Васильков, где устроился на работу учителем в местной школе.

В связи с начавшимися в гор. Василькове еврейскими погромами со стороны белогвардейцев, я вместе со всей своей семьей переехал в г. Киев.

В период пребывания в Киеве деникинцев я ничем не занимался, а после освобождения города частями Красной Армии стал работать учителем во вновь открывшихся еврейских школах.

Вопрос: Известно, что в то время ваши близкие родственники эмигрировали за границу. Расскажите об этом.

Ответ: В 1918 году из гор. Киева выехал в Америку мой родной брат СПИВАК Рувим Гершович.

В последние годы он проживал в гор. Канзас-Сити, где имел собственную гостиницу и стал миллионером. *Вопрос:* В силу каких причин ваш брат эмигрировал в Америку? *Ответ:* Об этом мне ничего не известно. Брат уехал за границу без ведома нашей семьи.

Другие мои родственники, так же как и я, постоянно проживали на Украине.

Я до 1926 года работал преподавателем еврейской литературы и языка в различных школах гор. Киева, а в 1926-27 годах преподавал еврейский язык в педагогическом техникуме в гор. Харькове и работал методистом в Наркомпросе Украины.

С 1928 по 1932 год я проживал в Одессе, работал там преподавателем еврейского языка в педагогическом институте и на курсах переподготовки учителей.

В 1933 году я вновь переехал в гор. Киев, где поступил в институт еврейской культуры научным сотрудником и потом исполнял обязанности заведующего отделом языковедения.

В 1936 году руководящие работники института за националистическую антисоветскую деятельность были арестованы органами НКВД, а институт еврейской культуры был закрыт.

В том же году при Академии Наук УССР был создан кабинет еврейской культуры, и президиум Академии назначил меня директором

этого кабинета. Работая в этой должности, в 1939 году я был избран членом-корреспондентом Академии Наук УССР и проживал в Киеве до начала Отечественной войны.

Вопрос: А где вы находились во время войны?

Ответ: В июле 1941 года вместе с другими сотрудниками Академии Наук УССР я эвакуировался в гор. Уфу. Там я определенной должности не занимал, числился академиком и жил в Уфе до 1943 года.

В начале 1943 года Академия Наук Украины переехала в г. Москву. Здесь я стал готовить докторскую диссертацию на тему «Новое словотворчество» и после защиты диссертации в марте 1944 года мне была присвоена научная степень доктора филологических наук.

В мае 1944 года я выехал из Москвы в гор. Киев, где продолжал работать директором кабинета еврейской культуры вплоть до дня моего ареста.

Протокол читал, показания с моих слов записаны верно.

Спивак

ДОПРОСИЛ: СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Капитан (подпись) (МЕРКУЛОВ)

№ 6

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО
ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Полковник (подпись) (ЛИХАЧЕВ)
26 января 1949 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о предъявлении обвинения)

Гор. Москва, 1949 года, января 26 дня

Я, следователь Следчасти по особо важным делам МГБ СССР капитан МЕРКУЛОВ, рассмотрев следственный материал по делу № 2095 и приняв во внимание, что СПИВАК Эля Гершевич достаточно изобличается в том, что занимался шпионской работой в пользу иностранной разведки, которую снабжал информацией о Советском Союзе.

Будучи врагом советской власти, группировал вокруг себя антисоветски настроенных еврейских националистов, вместе с которыми проводил вражескую работу против партии и советского государства, —

ПОСТАНОВИЛ:

Руководствуясь ст.ст. 128 и 129 УПК РСФСР, привлечь СПИВАК Эля

Гершевича в качестве обвиняемого по ст.ст. 58-1 «а», 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР, о чем объявить обвиняемому под расписку в настоящем постановлении.

Копию постановления направить прокурору.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
капитан (подпись) (МЕРКУЛОВ)

Настоящее постановление мне объявлено 27 января 1949 года.
Подпись обвиняемого: *Спивак*

№ 7

ея-2

Копия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА арестованного СПИВАК Эля Гершевича от 27 января 1949 года

СПИВАК Э.Г., 1890 года рождения, уроженец гор. Василькова Киевской области, еврей, гр-н СССР, из семьи ремесленника, беспартийный, член-корреспондент Академии Наук УССР, до ареста работал директором кабинета еврейской культуры в г. Киеве.

Допрос начат в 23 час. 40 мин.

Вопрос: Вам предъявлено обвинение по статьям 58-1 «а», 58-10 ч 1-я и 58-11 УК РСФСР в том, что занимались шпионской работой в пользу иностранной разведки, которую снабжали информацией о Советском Союзе; группировали вокруг себя антисоветски настроенных еврейских националистов, вместе с которыми проводили вражескую работу против партии и советского государства. Сущность обвинения вам понятна?

Ответ: Да, понятна.

Вопрос: Признаете себя виновным в предъявленном вам обвинении?

Ответ: Я признаю себя виновным в том, что на протяжении многих лет проводил националистическую антисоветскую работу.

Являясь членом еврейского антифашистского комитета, проводившего в последние годы антисоветскую деятельность, я по указаниям руководителей этого комитета МИХОЭЛСА, ЭПШТЕЙНА и ФЕФЕРА использовал возглавлявшийся мною кабинет еврейской культуры Академии Наук УССР для националистической работы среди еврейского населения Украины.

Группируя вокруг себя еврейских националистов, я проводил вражескую работу, направленную к искусственному обособлению еврейского населения, отрыву его от русского, украинского и других

народов Советского Союза и к распространению среди евреев враждебной советской власти националистической идеологии. Свои националистические взгляды я протаскивал и в ряде своих научных работ, в которых с антимарксистских позиций излагал национальный вопрос.

Я пытался ревизовать научное Ленинско-Сталинское положение о том, что такое нация.

Признаю также, что в течение нескольких лет я поддерживал связь с еврейскими кругами в США, откуда получал различную националистическую буржуазную литературу и через еврейский антифашистский комитет направлял в Америку информацию о мероприятиях, проводимых в Академии Наук УССР, и посылал статьи и доклады научного характера.

Вопрос: Эти материалы направлялись в американскую разведку?

Ответ: Я не отрицаю, что информация, направлявшаяся руководителями еврейского комитета в США, носила шпионский характер, но был ли комитет непосредственно связан с американской разведкой, не знаю.

Вопрос: О своей преступной связи с границей вы рассказали далеко не полностью. Покажите, с кем из иностранцев вы лично встречались?

Ответ: В начале 1946 года я имел встречу в г. Киеве с редактором одной из еврейских американских газет ГОЛЬДБЕРГОМ, приехавшим в Советский Союз для ознакомления с делами еврейского комитета в СССР.

Вопрос: Расскажите об этой встрече подробно.

Ответ: Находясь в Киеве, ГОЛЬДБЕРГ посетил еврейский кабинет Академии Наук УССР, где и произошла наша встреча. Я сообщил ему о том, чем занимается кабинет еврейской культуры, и каковы наши планы на будущее. Потом ГОЛЬДБЕРГ выступил с речью перед собравшимися в кабинете евреями и упрекал нас в том, что мы слабо разворачиваем националистическую работу среди евреев, не используем всех возможностей, не решительно ставим вопросы перед советским правительством. ГОЛЬДБЕРГ обещал нам поддержку со стороны еврейских кругов США в налаживании работы среди еврейского населения.

После общей беседы, в узком кругу ГОЛЬДБЕРГ говорил о необходимости активизации националистической работы среди евреев на Украине, о налаживании тесной связи с местечковыми евреями в Америке и требовал присылки в США более полной информации о Советском Союзе.

Вопрос: Что вами и делалось впоследствии?

Ответ: Да, такую работу потом мы проводили.

Допрос прерван в 05 ч. 45 мин.

Протокол читал, показания с моих слов записаны верно (Спивак)

ДОПРОСИЛ: СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Капитан (подпись) (МЕРКУЛОВ)

№ 8

ж-2

Копия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованного СПИВАКА Эля Гершовича
от 7 февраля 1949 года

СПИВАК Э.Г., 1890 г. рождения, уроженец г. Василькова, Киевской области, еврей, гр-н СССР, беспартийный. До ареста — директор Кабинета еврейской культуры, член-корреспондент Академии Наук УССР.

Допрос начат в 23 часа.

Вопрос: В своих анкетах и биографиях вы указывали, что в прошлом ни в каких политических партиях не состояли. Почему вы сообщили о себе неправильные сведения?

Ответ: О моем прошлом я показал правильно. Я был далек от политики и ни к каким партиям, организациям и группировкам не примыкал.

Вопрос: До Октябрьской революции вы где проживали?

Ответ: В гор. Василькове, Киевской области. Там мой отец — СПИВАК Герш Вольфович владел кустарной мастерской по изготовлению ювелирных и металлических изделий, а я работал учителем еврейского языка.

Вопрос: Как известно, в гор. Василькове существовали тогда буржуазно-националистические организации. Надо полагать, вы были осведомлены о них?

Ответ: В гор. Василькове были низовые ячейки Бунда, объединенной еврейской партии «Фарейнигте» и буржуазно-националистической сионистской партии «Поалей-цион», которые вели тогда борьбу против большевизма.

Вопрос: В этой борьбе принимали участие и вы?

Ответ: Я сочувствовал еврейским организациям, но в их работе не участвовал.

Вопрос: Не лгите. Проверкой установлено, что, проживая в гор. Василькове, вы многие годы являлись участником еврейской буржуазно-националистической партии «Поалей-цион». Не лучше ли вам признаться в этом?

Ответ: Не хочу, чтобы следствие считало меня лжецом и скажу правду. Я скрывал от органов советской власти свое прошлое

Воспитываясь в мелкобуржуазной семье богатого ремесленника, я с детства впитал в себя националистические взгляды и еще в юношеские годы примкнул к еврейской сионистской партии «Поалей-цион».

По заданию местной организации этой партии я вел националистическую работу среди еврейского населения в гор Василькове, пропагандировал национал-шовинистические идеи и выступал против политики большевистской партии в национальном вопросе.

Должен, однако, сказать, что после установления советской власти на Украине, я порвал связь с еврейскими националистическими организациями и изменил свои политические взгляды

Вопрос: Но следствию известно другое. Еще в первые годы революции вы связались с активными врагами советской власти и в контакте с ними вели антисоветскую работу. Не дожидаясь дальнейшего изобличения, говорите правду.

Ответ: С 1919 года я постоянно проживал в г. Киеве и действительно вращался в кругу лиц, ранее состоявших в националистических партиях. Однако ни с кем из них по преступной работе связан не был.

В те годы я активно занялся преподавательской работой в еврейских школах, одновременно написал ряд книг по еврейской филологии, а также напечатал несколько учебников на еврейском языке.

Вопрос: В которых протаскивали свои вражеские националистические взгляды?

Ответ: Ничего вредного в моих произведениях не было.

Вопрос: А почему ваша книга «Культура языка» была изъята Главлитом?

Ответ: Книга «Культура языка» в 1935 году действительно была запрещена Главлитом, но не потому, что в ней пропагандировались националистические идеи, а вследствие того, что устарели приводившиеся в ней цитаты.

Вопрос: Не пытайтесь выкрутиться. Враждебным советской власти национализмом были насыщены и другие ваши произведения. Рассказывайте, как вам удавалось протаскивать эти книги в печать?

Ответ: Не буду скрывать, что в начале 1920-х годов в некоторых своих книгах и статьях я излагал в националистическом духе ряд вопросов, касавшихся еврейской культуры и допускал политически вредные трактовки.

Все мои произведения того времени печатались в еврейском издательстве «Культур-Лига» в гор. Киеве, где я имел знакомых из числа националистически настроенной еврейской интеллигенции.

Вопрос: Которые и помогали вам издавать националистические книги. Так надо понимать вас?

Ответ: Да. По издательству «Культур-Лига» я был знаком с литераторами ГОРОХОВЫМ, НУСИНОВЫМ, ЛЕВИТАНОМ, а также еврейскими поэтами ГОФШТЕИНОМ, ФЕФЕРОМ и КВИТКО.

Вопрос: Как установлено следствием, вместе с этими лицами вы вели вражескую работу. Покажите об этом.

Ответ: С ЛЕВИТАНОМ, НУСИНОВЫМ, ГОФШТЕИНОМ, ФЕФЕРОМ и другими еврейскими националистами я был знаком поверхностно и

преступных отношений с ними не имел.

К тому же надо отметить, что кроме печатания книг с националистическими трактовками, никаких несоветских проявлений с моей стороны не было.

Вопрос: Лжете. Арестованный ФЕФЕР И.С., являвшийся вашим единомышленником, на допросе 11 января 1949 года показал, что, проживая на Украине, вы группировали вокруг себя врагов советской власти, орудовавших в свое время в еврейском издательстве «Культур-Лига» и в контакте с ними вели борьбу против партии и советского правительства.

Прекратите запирательство и рассказывайте правду.

Ответ: ФЕФЕР ошибается. От лиц, подвизавшихся в «Культур-Лиге», я стоял далеко и ни в каких антисоветских группировках не участвовал.

Вопрос: О вашей подрывной работе против советской власти показывает и другой ваш сообщник арестованный ГОФШТЕЙН Д.Н.

На допросе 21 января 1949 года он показал:

«...На Украине нам удалось направить воспитание еврейского населения в националистическое русло... СПИВАК вел активную антисоветскую работу по объединению евреев на Украине. Я, ЭПШТЕЙН и ФЕФЕР помогали СПИВАКУ в этом...».

Нужны ли новые доказательства совершенных вами преступлений?

Ответ: Признаю, что я хотел скрыть от следствия свои преступные дела и связи, но поскольку мои сообщники сознались, мне нет смысла продолжать запирательство.

После установления советской власти на Украине, когда БУНД, сионистская партия «Поалей-цион», в которой я состоял, и другие буржуазно-националистические организации были ликвидированы, усилиями еврейских националистов удалось сохранить в г. Киеве единственную легальную еврейскую организацию — «Культур-Лигу», созданную в 1918 году.

Вокруг этой организации группировалась значительная часть враждебных элементов из числа евреев. Там подвизались бывшие бундовцы — НУСИНОВ, ГОРОХОВ, ФЕФЕР; активные сионисты — ГОФШТЕЙН, ЛИБЕРБЕРГ; выходцы из еврейской партии «Фарейнигте» — БЕРГЕЛЬСОН, ЛЕВИТАН и националистически настроенные еврейские поэты — КВИТКО и МАРКИШ.

Поселившись в 1919-1920 гг. в гор. Киеве, я связался с этими лицами и вместе с ними продолжал вести националистическую работу среди еврейского населения.

Через еврейские школы, студии, театры, издательства мы насаждали враждебную советской власти националистическую идеологию; доказывали, что евреи должны оставаться обособленной нацией со своей национальной культурой.

Допрос прерван в 05 час. 8/II-1949 г.

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно.

(Спивак)

ДОПРОСИЛ: СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Капитан (подпись) (МЕРКУЛОВ)

№ 9

кп-2

Копия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА арестованного СПИВАКА Эля Гершовича от 28 февраля 1949 года

СПИВАК Э.Г., 1890 года рождения, уроженец г. Василькова, Киевской области, еврей, гр-н СССР, из семьи ремесленника, до ареста — директор Кабинета еврейской культуры и член-корреспондент Академии Наук УССР.

Допрос начат в 23 ч. 30 мин.

Вопрос: Сколько времени вы работали в институте еврейской культуры в г. Киеве?

Ответ: Моя работа в этом институте продолжалась до 1936 года.

Вопрос: В связи с чем она была прервана?

Ответ: Органам советской власти стало известно, что институт еврейской культуры превратился в центр вражеской националистической деятельности на Украине, в связи с чем он был закрыт, и его руководители — ЛИБЕРБЕРГ, ГОРОХОВ, ЛЕВИТАН, МЕРКИН арестованы.

ГОФШТЕЙН и ФЕФЕР своевременно из института ушли, и им удалось увильнуть от ответственности. Я же своими публичными приспособленческими выступлениями на украинском языке сумел в тот момент не только реабилитировать себя, но и избежал наказания. В 1937 году я был назначен на должность директора вновь созданного при Академии Наук УССР Кабинета еврейской культуры.

Вопрос: Который, как установлено следствием, вы использовали опять-таки во вражеских целях?

Ответ: После закрытия института и ареста ряда наших сообщников я, ГОФШТЕЙН и ФЕФЕР растерялись и некоторое время не знали, что нам предпринять. Но с назначением меня в 1937 году директором Кабинета еврейской культуры, у нас появились новые надежды на возможность продолжения националистической работы среди евреев на Украине.

В то время мне удалось напечатать ряд книг на еврейском языке, в которых я по-прежнему протаскивал свои буржуазно-националистические

взгляды и идеализировал еврейскую культуру.

В 1939 году я был избран членом-корреспондентом Академии Наук СССР, и мне удалось увеличить штат сотрудников Кабинета еврейской культуры и организовать в Кабинете новый отдел — еврейской литературы.

Прикрываясь вывеской Кабинета, и под всякими благовидными предложениями, я и мой заместитель ЛОЙЦКЕР организовывали при Кабинете вечера еврейской интеллигенции, на которых в завуалированной, а подчас и открытой форме, пропагандировали национализм. В этой антисоветской работе нам оказывали помощь наши единомышленники ГОФШТЕЙН и ФЕФЕР.

Вопрос: Вы связались и с другими врагами советской власти. Говорите о них.

Ответ: Расскажу и об этом. В 1937-1938 годах я познакомился в Киеве с еврейским писателем КАГАНом А. Я. В еврейских кругах на Украине КАГАН был известен, как убежденный националист. Поэтому мы быстро нашли с ним общий язык и он стал частым посетителем Кабинета еврейской культуры, а также участником националистической работы.

Примерно к тому же времени относится мое знакомство и с еврейским писателем ЭПШТЕЙНОМ, о котором я слышал еще в 1918-1920 годах, как об активном бундовце.

Известен мне был также и ярый националист, актер МИХОЭЛС С.М., разъезжавший с гастролями по Украине. Однако до Отечественной войны тесной связи по антисоветской работе с этими лицами мне установить не удалось. Она наладилась лишь после создания в 1942 году Еврейского антифашистского комитета.

Вопрос: Известно, что вы являлись членом этого комитета. Когда вы были введены в его состав?

Ответ: В мае 1942 года, находясь в эвакуации в г. Уфе, я получил от ЭПШТЕЙНА телеграмму, в которой он предлагал мне выехать в Москву для участия во втором пленуме Еврейского антифашистского комитета.

В Москве я встретился с ЭПШТЕЙНОМ и МИХОЭЛСОМ. Они информировали меня о создании Еврейского антифашистского комитета и еврейской газеты «Эйникайт», уточнили их цели и задачи. Из бесед с ними я понял, что вокруг комитета группируются еврейские националисты, которые под его вывеской намерены вести работу по объединению еврейского населения.

Ознакомившись с составом Еврейского антифашистского комитета, мне стало ясно, что он действительно попал в руки врагов советской власти.

Достаточно сказать, что во главе комитета оказались такие матерые националисты, как МИХОЭЛС, ЭПШТЕЙН, ФЕФЕР, а их ближайшими помощниками стали НУСИНОВ, ГОФШТЕЙН и возвратившиеся из эмиграции еврейские писатели БЕРГЕЛЬСОН, КВИТКО, МАРКИШ. В

состав комитета были включены также я, писатель ДОБРУШИН, академик Лина ШТЕРН, близкий друг ЭПШТЕЙНА — ЮЗЕФОВИЧ и главный врач Боткинской больницы ШИМЕЛИОВИЧ.

Вопрос: С кем из них вы обсуждали задачи вашей нелегальной работы?

Ответ: О задачах Еврейского антифашистского комитета меня подробно информировали ФЕФЕР и БЕРГЕЛЬСОН, с которыми я не раз встречался, находясь в Москве. Они, так же как МИХОЭЛС и ЭПШТЕЙН, считали, что надо использовать комитет «в интересах еврейской нации».

Вопрос: А точнее?

Ответ: ФЕФЕР и БЕРГЕЛЬСОН говорили, что кроме выполнения официальных задач, комитет должен вести работу в направлении объединения евреев, проживающих в СССР, с той целью, чтобы со временем поставить перед советским правительством Вопрос: о создании еврейской республики

Вполне разделяя замыслы руководящей верхушки комитета, я в свою очередь заявил ФЕФЕРУ и БЕРГЕЛЬСОНУ, что в последнее время националистические настроения среди еврейского населения приняли широкое распространение и еврейское государство надо создавать не в Палестине, а у нас в Советском Союзе

ФЕФЕР и БЕРГЕЛЬСОН также утверждали, что война с Германией создала благоприятные условия для разрешения «еврейской проблемы» в СССР и выразили уверенность, что комитет найдет поддержку со стороны еврейского населения

Вопрос: Разве вы только на это рассчитывали?

Ответ: Руководящая верхушка Еврейского антифашистского комитета в деле создания еврейской республики возлагала большие надежды на евреев, проживающих в США ФЕФЕР, в частности, говорил, что в Америке проживает много евреев, которые связаны с евреями, проживающими в СССР, родственными узами. Несомненно, — говорил ФЕФЕР — американские евреи сделают для нас все и окажут нам большую материальную и культурную помощь.

Я, как националист, все эти замыслы вполне разделял и утверждение меня членом комитета воспринял с радостью, так как считал, что предоставляется легальная возможность для широкого развертывания националистической деятельности среди еврейского населения в СССР. Тут же я принял активное участие в работе второго пленума Еврейского антифашистского комитета.

Вопрос: На котором выступали с националистической речью?

Ответ: Я выступил на пленуме с речью, в которой всячески превозносил патриотизм евреев и призывал еврейский народ к объединению, к единству действий.

Вопрос: Это вы делали по заданию МИХОЭЛСА?

Ответ: Да; еще задолго до начала пленума я неоднократно встречался с МИХОЭЛСОМ и ЭПШТЕЙНОМ в гостинице «Москва» и по их поручению заблаговременно приготовил текст речи, который тщательно ими был отредактирован.

Вопрос: Какие еще задания вы получали от МИХОЭЛСА и ЭПШТЕЙНА?

Ответ: Перед отъездом в Уфу конкретных заданий мне не давалось, но я и без этого понимал, что необходимо вести работу среди еврейского населения в направлении поддержания у евреев национального самосознания.

Допрос прерван в 5 часов.

Протокол мною прочитан, показания с моих слов записаны верно

(Спивак)

ДОПРОСИЛ: СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Капитан (подпись) (МЕРКУЛОВ)

№ 10

ел. 5

Стенограмма

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА арестованного СПИВАКА Эля Гершовича

от 31 мая 1949 года

СПИВАК Э.Г., 1890 года рождения, уроженец г. Василькова, Киевской области, еврей, гр-н СССР, беспартийный. До ареста – директор Кабинета еврейской культуры, член-корреспондент Академии Наук УССР.

Вопрос: Проверкой установлено, что в прошлом вы являлись участником еврейской буржуазно-националистической партии «Поалей-Цион».

Ответ: Да. Воспитываясь в мелкобуржуазной семье богатого ремесленника, я с детства впитал в себя националистические взгляды и еще в юношеские годы примкнул к еврейской буржуазно-националистической партии «Поалей-Цион» в г. Василькове.

По заданию местной организации этой партии я вел националистическую работу среди еврейского населения, выступая против национальной политики большевиков.

Вопрос: Вражескую работу вы проводили и в последующий период. Не так ли?

Ответ: После установления советской власти на Украине, когда буржуазно-националистические еврейские партии были ликвидированы, усилиями еврейских националистов удалось сохранить в гор. Киеве единственную легальную еврейскую организацию, каковой являлась «Культур-Лига», созданная в 1918 году.

Вокруг этой организации группировалась значительная часть враждебных элементов из числа евреев. Там подвизались бывшие

бундовцы НУСИНОВ, ГОРОХОВ, ФЕФЕР, активные сионисты ГОФШТЕЙН, ЛИБЕРБЕРГ; выходцы из еврейской партии «Фарейнигте» БЕРГЕЛЬСОН, ЛЕВИТАН и националистически настроенные еврейские поэты КВИТКО и МАРКИШ.

Поселившись в г. Киеве, в 1919-1920 гг. я связался с этими лицами и в контакте с ними продолжал вести националистическую работу среди еврейского населения. Мы считали, что советская власть не разрешила «еврейской проблемы» и по существу ничего евреям не дала, что необходимо в связи с этим бороться против национальной политики советского правительства.

Через еврейские школы, студии, театры, издательства мы насаждали враждебную советской власти националистическую идеологию, доказывали, что евреи должны всегда оставаться обособленной нацией со своей национальной культурой.

Не находя себе места в советской действительности, БЕРГЕЛЬСОН, КВИТКО и МАРКИШ в начале двадцатых годов бежали из Советского Союза за границу, НУСИНОВ выехал в Москву, а ГОФШТЕЙН через некоторое время эмигрировал в Германию.

Вопрос: А вы, оставаясь на Украине, продолжали творить свои антисоветские дела?

Ответ: До 1926 года я работал преподавателем в еврейских школах и техникумах г. Киева, где всячески стремился привить молодежи националистические взгляды.

В написанных мною и изданных «Культур-Лигой» учебниках и статьях я протаскивал вредную буржуазно-националистическую идеологию. Проводимую мною в тот период вражескую работу я контактировал с бывшим бундовцем ГОРОХОВЫМ, заведывавшим еврейским сектором в отделе народного образования в г. Киеве, а также ЛЕВИТАНОМ, который пробрался на руководящий пост в Наркомпрос Украины и в 1926 году перетащил меня к себе в г. Харьков на должность методиста Центрального еврейского бюро Наркомпроса.

Теперь, уже непосредственно под руководством этих врагов советской власти, я вел работу среди еврейского населения, выполняя их задания.

Вопрос: Какие именно?

Ответ: При составлении программ для еврейских школ мы игнорировали изучение актуальных советских тем и главное внимание обращали на еврейских классиков и буржуазно-националистическую культуру.

На возглавляемых мною учительских семинарах и курсах переподготовки учителей, я выступал как противник ассимиляции евреев, пропагандировал национализм и давал понять учителям, чтобы они направляли воспитательную работу среди еврейской молодежи в националистическое русло.

Используя свое служебное положение в Наркомпросе, я и ЛЕВИТАН,

при поддержке других еврейских националистов, всеми мерами стремились евреизировать школы на Украине. С этой целью мы вводили преподавание на еврейском языке даже в тех школах, где большая часть учащихся совершенно не говорила по-еврейски.

В 1928 году ЛЕВИТАН перевел меня на преподавательскую работу в еврейский педагогический техникум в г. Одессе, где я вел пропаганду национализма среди студентов, и написал националистическую книгу для высшей школы под названием «Культура языка».

Вопрос: И за это усердие ваши сообщники сделали вас профессором?

Ответ: Да. В 1929 году с помощью моих покровителей ЛЕВИТАНА и ГОРОХОВА мне в Одесском институте социального воспитания было присвоено звание профессора языка.

Профессорскую кафедру я не преминул использовать для проповедования националистических взглядов. Я всячески превозносил еврейскую буржуазную культуру и восхвалял все еврейское. К тому времени мои единомышленники — ЛЕВИТАН, ГОРОХОВ и ЛИБЕРБЕРГ пробрались к руководству институтом еврейской культуры при Украинской Академии Наук, куда в 1932 году перешел на работу и я — сначала научным сотрудником, затем руководителем филологической секции.

Вопрос: Где продолжали вести борьбу против советской власти?

Ответ: Я признаю это. Еврейские националисты на Украине и всякого рода враждебные антисоветские элементы из числа евреев объединились в тридцатых годах вокруг института еврейской культуры при Академии Наук УССР.

Кроме названных мною ЛЕБЕРБЕРГА, ЛЕВИТАНА и ГОРОХОВА, в институте орудовали такие националисты, как бывший польский писатель, бундовец — МЕРКИН (ЭРИК); активный сионист — ГОФШТЕЙН, возвратившийся из-за границы в конце двадцатых годов; бывший бундовец — ХИНЧИН, националист — ЛОЙЦКЕР. Время от времени в институт приезжал из Москвы НУСИНОВ. В аспирантуре института подвизался и ФЕФЕР.

Ведя борьбу против национальной политики партии, эти лица печатали на еврейском языке книги, альманахи, статьи, пронизанные националистическими трактовками; идеализировали Бунд и другие буржуазно-националистические еврейские партии; искажали цитаты из работ Ленина и Сталина по национальному вопросу, особенно где речь шла о разоблачении Бунда и контрреволюционного троцкизма.

Засевшие в институте националисты игнорировали разработку вопросов, касавшихся советской культуры, не допускали к печати научные работы на актуальные советские темы и работы, направленные на разоблачение еврейских националистов.

Вопрос: Рассказывайте о себе — какую вражескую работу проводили вы в период

пребывания в институте?

Ответ: Кроме работы по языковедению, которая сама по себе носила националистический характер, я был членом редакции еврейского журнала «Афн шпрах фронт», где мы печатали статьи только еврейских авторов.

На страницах этого журнала я и ЛОЙЦКЕР излагали идеологически вредные, националистические взгляды по вопросам состояния и развития в Советском Союзе еврейского языка, а в кругу наших приближенных открыто высказывали свои вражеские настроения, выступая против политики партии и правительства, направленной на естественную ассимиляцию евреев.

Так продолжалось до 1936 года, после чего антисоветская работа нами была прервана.

Вопрос: В связи с чем?

Ответ: Мы провалились. Органам советской власти стало известно, что институт еврейской культуры превратился в центр вражеской националистической деятельности на Украине, в связи с чем он был закрыт, а его руководители ЛИБЕРБЕРГ, ГОРОХОВ, ЛЕВИТАН, МЕРКИН, ХИНЧИН арестованы. ГОФШТЕЙН и ФЕФЕР своевременно из института ушли, и им удалось увильнуть от ответственности. Я же своими публичными приспособленческими выступлениями на украинском языке сумел в тот момент не только избежать наказания, но и пробраться на должность директора вновь созданного при Академии Наук УССР Кабинета еврейской культуры.

Вопрос: Который, как установлено следствием, вы использовали опять-таки во вражеских целях?

Ответ: После закрытия института и ареста ряда наших сообщников я, ГОФШТЕЙН, ФЕФЕР и ЛОЙЦКЕР растерялись и некоторое время не знали, что нам предпринять. Но, с назначением меня в 1937 году директором Кабинета еврейской культуры, у нас появились новые надежды на возможность продолжения националистической работы среди евреев на Украине. Тем более, что в Кабинете, кроме меня и ЛОЙЦКЕРА, стали работать другие еврейские националисты.

Вопрос: Назовите их.

Ответ: Это бывшие сотрудники института еврейской культуры БЕРЕГОВСКИЙ, МАЙДАНСКИЙ, ЛЕРНЕР и ВЕЛЕДНИЦКИЙ

БЕРЕГОВСКИЙ еще в начале 20-х годов был тесно связан с орудовавшими в «Культур-Лиге» врагами советской власти ЛИБЕРБЕРГОМ, ГОРОХОВЫМ, ГОФШТЕЙНОМ и БЕРГЕЛЬСОНОМ. Он был основателем и руководителем еврейской музыкальной школы при «Культур-Лиге», а с 1927 года работал в институте еврейской культуры руководителем фольклорного отдела БЕРЕГОВСКИЙ враждебно относился к советскому фольклору и игнорировал его в своей

научной деятельности.

Подчинив работу фольклорного отдела националистическим целям, БЕРЕГОВСКИЙ организовывал в институте экспедиции по сбору старых еврейских религиозно-синагогальных песнопений и националистических преданий.

При создании Кабинета еврейской культуры в 1936 году БЕРЕГОВСКИЙ занял ту же должность — заведующего фольклорным отделом и по-прежнему активно поддерживал распространявшуюся в свое время в еврейском институте антисоветскую «теорию» об отмирании фольклора при советской власти.

МАЙДАНСКИЙ и ЛЕРНЕР, будучи националистами, являлись рьяными приверженцами старой еврейской культуры. В 20-х годах они работали учителями в еврейских школах на Киевщине, а затем поступили в институт еврейской культуры, где поддерживали тесную связь с активным врагом советской власти ШТИФОМ, прибывшим на Украину в 1927 году из-за границы, куда он бежал из России после Октябрьской революции.

Работая под руководством ШТИФА в лингвистическом отделе института, МАЙДАНСКИЙ и ЛЕРНЕР всячески стремились сохранить буржуазное «культурно-историческое наследие» еврейского народа и выступали противниками естественной ассимиляции евреев в Советском Союзе.

Такую же линию они стали проводить вместе со мной, ЛОЙЦКЕРОМ и БЕРЕГОВСКИМ в Кабинете еврейской культуры.

При поддержке этих националистов и моих единомышленников из еврейской секции Союза советских писателей Украины, а также научных работников из числа евреев, в 1937 году я был избран членом-корреспондентом Академии Наук УССР, где в националистических целях мне удалось увеличить штат работников Кабинета еврейской культуры и организовать в Кабинете новый отдел — еврейской литературы.

В этот отдел мною был зачислен известный мне с 1932 года еврейский националист, близкий друг ФЕФЕРА, ВЕЛЕДНИЦКИЙ, который до дня ликвидации института еврейской культуры работал там аспирантом, под руководством польского бундовца МЕРКИНА (ЭРИКА).

Вместе с МЕРКИНЫМ ВЕЛЕДНИЦКИЙ участвовал в проводимой институтом вражеской работе, печатая свои стихи националистического характера.

Подобрав, таким образом, штат Кабинета еврейской культуры из числа моих единомышленников, я вместе с ФЕФЕРОМ, ГОФШТЕЙНОМ и, примкнувшим к нам еврейским писателем, националистом КАГАНОМ, стал развертывать на Украине националистическую работу среди еврейского населения.

Прикрываясь вывеской Кабинета, под всякими благовидными предложениями, мы организовывали при Кабинете вечера еврейской интеллигенции, на которых в завуалированной, а подчас и открытой форме пропагандировали национализм.

В начале Отечественной войны я, ФЕФЕР, ГОФШТЕЙН, КАГАН, ЛОЙЦКЕР, БЕРЕГОВСКИЙ и МАЙДАНСКИЙ эвакуировались в гор. Уфу и потом вновь активизировали националистическую деятельность после создания в 1942 году Еврейского антифашистского комитета.

Вопрос: Известно, что вы являлись членом этого комитета. Когда вы были введены в его состав?

Ответ: В мае 1942 года, находясь в г. Уфе, я получил телеграмму от ответственного секретаря Еврейского антифашистского комитета ЭПШТЕЙНА, в которой он предлагал мне выехать в Москву для участия во втором пленуме Еврейского антифашистского комитета.

В Москве я встретился с ЭПШТЕЙНОМ и МИХОЭЛСОМ. Они информировали меня о создании Еврейского антифашистского комитета и еврейской газеты «Эйникайт», уточнили их цели и задачи. Из бесед с ними я узнал, что вокруг комитета группируются еврейские националисты: выходцы из Бунда, «Фарейнигте», сионисты, которые под вывеской комитета намерены повести работу среди еврейского населения СССР.

Ознакомившись с составом Еврейского антифашистского комитета, мне стало ясно, что он действительно попал в руки врагов советской власти. Достаточно сказать, что во главе комитета оказались такие матерые националисты, как МИХОЭЛС, ЭПШТЕЙН и ФЕФЕР, а их ближайшими помощниками стали НУСИНОВ, ГОФШТЕЙН и возвратившиеся из эмиграции еврейские писатели БЕРГЕЛЬСОН, КВИТКО, МАРКИШ.

В состав комитета были включены также я, писатель ДОБРУШИН, главный врач Боткинской больницы ШИМЕЛИОВИЧ, близкий друг ЭПШТЕЙНА ЮЗЕФОВИЧ.

Вопрос: С кем из них вы обсуждали задачи вашей нелегальной работы?

Ответ: О задачах Еврейского антифашистского комитета меня подробно информировали ФЕФЕР и БЕРГЕЛЬСОН, с которыми я не раз встречался, находясь в Москве. Они, так же, как МИХОЭЛС и ЭПШТЕЙН, считали, что надо использовать комитет «в интересах еврейской нации».

Вопрос: А точнее?

Ответ: ФЕФЕР и БЕРГЕЛЬСОН говорили, что кроме выполнения официальных задач, комитет должен повести работу в направлении объединения евреев, проживающих в СССР, с той целью, чтобы со временем поставить перед советским правительством вопрос о выделении евреям территории для создания еврейской республики.

Вполне разделяя вражеские замыслы руководящей верхушки комитета, я, в свою очередь, заявил ФЕФЕРУ и БЕРГЕЛЬСОНУ, что в последнее время националистические настроения среди еврейского населения СССР приняли широкое распространение, и еврейское государство надо создавать не в Палестине, а у нас в Советском Союзе.

ФЕФЕР и БЕРГЕЛЬСОН также утверждали, что война Советского Союза с Германией создала благоприятные условия для разрешения «еврейской проблемы» в СССР и выразили уверенность, что комитет найдет поддержку со стороны еврейского населения.

Вопрос: Разве вы только на это рассчитывали в своих антисоветских замыслах?

Ответ: Руководящая верхушка Еврейского антифашистского комитета в деле создания еврейской республики возлагала большие надежды на евреев, проживающих в США. ФЕФЕР, в частности, мне говорил, что в Америке проживает очень много евреев, которые связаны с евреями, проживающими в СССР, родственными узами. Несомненно, — говорил ФЕФЕР, — американские евреи сделают для нас все и окажут нам большую материальную и культурную помощь.

Кроме того, влиятельные еврейские круги в Америке, — говорил ФЕФЕР, — смогут через правительство США сделать соответствующее давление на советское правительство в отношении «территориального оформления» евреев, проживающих в СССР. Я, как националист, все эти замыслы вполне разделял и утверждение меня членом комитета воспринял с радостью, так как увидел легальную возможность для широкого развертывания националистической деятельности среди еврейского населения в СССР.

По возвращении в Уфу, я встретился с КАГАНОМ, ЛОЙЦКЕРОМ, МАЙДАНСКИМ и БЕРЕГОВСКИМ, которых информировал о создании Еврейского антифашистского комитета и газеты «Эйникайт», а также сообщил им, что в связи с этим для нас открываются большие возможности для проведения работы по объединению евреев и поддержанию у них национального самосознания.

Мои сообщники восторженно восприняли эти сообщения и тут же вместе со мной и ГОФШТЕЙНОМ приняли активное участие в подготовке митинга евреев, эвакуированных в Уфу из западных областей Советского Союза.

После этого я, ГОФШТЕЙН, КАГАН и ЛОЙЦКЕР имели постоянную связь с главарями Еврейского антифашистского комитета, по заданию которых писали статьи в газету «Эйникайт» и сообщали им о положении эвакуированных на восток евреев.

Однако по настоящему развернуть свою деятельность среди евреев в Уфе мы не успели, так как в начале 1943 года вся наша группа переехала на жительство в Москву.

В Москве мы узнали, что МИХОЭЛС и ФЕФЕР выехали в США как

представители Еврейского антифашистского комитета.

После их возвращения из Америки комитетом активизировалась националистическая деятельность среди еврейского населения СССР.

Вопрос: Какие преступные связи установили МИХОЭЛС и ФЕФЕР в Америке?

Ответ: Из бесед с ФЕФЕРОМ и МИХОЭЛСОМ я узнал, что, находясь в США, они связались с реакционными сионистскими кругами, в частности с главным раввином нью-йоркской еврейской общины ВАЙСОМ, а также с одним из еврейских реакционных лидеров, миллионером РОЗЕНБЕРГОМ, который устраивал им встречи и помогал завязывать связи с руководителями еврейских организаций в Америке.

Кроме того, они установили связь с американским комитетом еврейских писателей и ученых, во главе которого стояли реакционные писатели ШОЛОМАШ и ГОЛЬДБЕРГ.

Как рассказывали ФЕФЕР и МИХОЭЛС, они договорились в США с главарями американского еврейского конгресса о совместном издании еврейского ежегодника Нью-Йорк — Москва, который намеревались распространять в Советском Союзе. Понятно, что эта затея усилила бы националистические тенденции и повела бы к отчуждению их от советской власти.

ФЕФЕР, кроме того, сообщил мне, что он и МИХОЭЛС добились сближения и взаимопонимания с влиятельными еврейскими кругами США и заручились их поддержкой в проведении националистической работы в Советском Союзе, получив от них указание о том, что евреям в СССР надо, прежде всего, добиваться своей самостоятельности.

По этому поводу ФЕФЕР и ЭПШТЕЙН утверждали, что поскольку «опыт Биробиджана» не удался, надо предпринимать меры к тому, чтобы создать еврейскую республику в другом месте, и что наиболее подходящей для этого территорией является Крым. Я благосклонно отнесся к этому, вполне разделяя замыслы главарей комитета в отношении Крыма.

Хотя ФЕФЕР и не говорил мне прямо, что проект создания еврейской республики в Крыму они с МИХОЭЛСОМ привезли из Америки, но их последующая деятельность не оставляла в этом никакого сомнения, так как работу Еврейского антифашистского комитета они направили на достижение именно этой цели и в их деятельности стало заметно чувствоваться американское влияние.

Вопрос: А как отнеслись к этим замыслам другие ваши сообщники?

Ответ: Идея создания еврейской республики в Крыму пропагандировалась главарями Еврейского антифашистского комитета не только среда членов комитета, но и в широких кругах еврейской общественности.

Мои сподвижники ЛОЙЦКЕР, БЕРЕГОВСКИЙ и МАЙДАНОВСКИЙ, находясь в Москве, не раз посещали Еврейский антифашистский комитет, где встречались с МИХОЭЛСОМ, ФЕФЕРОМ и их

приближенными. Они были в курсе проводимой комитетом вражеской националистической деятельности и, в частности, так называемого «крымского проекта».

В отношении передачи евреям Крыма я беседовал с ЛОЙЦКЕРОМ, БЕРЕГОВСКИМ и МАЙДАНСКИМ. Им я сообщил, что по этому вопросу МИХОЭЛСОМ и ФЕФЕРОМ предпринимаются активные меры и что уже возбуждено ходатайство перед советским правительством.

Будучи националистами, ЛОЙЦКЕР, БЕРЕГОВСКИЙ и МАЙДАНСКИЙ также считали, что евреям в СССР нужна «своя» территория и вполне поддерживали вражескую затею руководящей верхушки комитета о передаче Крыма евреям для создания республики. Но была ли им известна заинтересованность американцев в этом деле, я не знаю.

Вопрос: Вам известно, что МИХОЭЛС и ФЕФЕР привезли из Америки не только «крымский план», а получили от американцев и другие задания. Расскажите об этом.

Ответ: От ФЕФЕРА и МИХОЭЛСА я узнал и то, что еврейские лидеры в США потребовали от них, чтобы евреи, проживающие в СССР, установили тесную связь с еврейскими землячествами в Америке и подробно сообщали бы о своей жизни в Советском Союзе.

Как говорили ФЕФЕР и МИХОЭЛС, американцы потребовали также усилить посылку в США информации о внутреннем положении Советского Союза, на что ФЕФЕР и МИХОЭЛС дали свое согласие.

Вопрос: И по прибытии в СССР свое обязательство выполняли вместе с вами?

Ответ: Да.

Во исполнение полученных от американцев указаний, ФЕФЕР, МИХОЭЛС и ЭПШТЕЙН стали проводить в широком масштабе работу по сбору и пересылке информации в Америку. В крупные промышленные центры ими были посланы из Москвы корреспонденты «Эйникайт» и еврейские литературные работники, которые и использовались для добывания интересовавших американцев сведений.

К этой вражеской работе, как я уже показал подробно ранее, были привлечены также я, ГОФШТЕЙН и КАГАН, выехавшие в мае 1944 года на Украину по указанию МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА.

Вопрос: Другие ваши сообщники тоже направляли шпионские материалы в Америку?

Ответ: Мне известно лишь, что в 1947 году ЛОЙЦКЕР составил информацию о работе и планах Кабинета еврейской культуры на Украине. Эти сведения он направил в комитет, а оттуда они были пересланы в США.

В отношении участия БЕРЕГОВСКОГО и МАЙДАНСКОГО в сборе и пересылке в Америку информации я конкретными данными не располагаю.

Должен отметить, что последние годы МИХОЭЛС и ФЕФЕР

постоянно требовали от меня, КАГАНА и ГОФШТЕЙНА активизации работы и сбора более широкой информации о положении дел на Украине. Они предлагали заводить новые связи, посылать в районы своих представителей и устанавливать непосредственный контакт с еврейскими кругами США.

Вопрос: А разве у вас такой связи не было?

Ответ: В 1945 году ГОФШТЕЙНУ удалось установить контакт с еврейскими землячествами в США, и по его инициативе многие местечковые евреи Украины связались с американскими евреями.

Лично ГОФШТЕЙН имел связь с Коростышевским землячеством в Америке, откуда получал много писем и посылок.

Я и ЛОЙЦКЕР в течение нескольких лет были связаны с американским еврейским союзом «Икуф», с редакцией журнала «Эйникайт» и нью-йоркской газетой «Морген фрайгайт». В этой газете в 1945 году я и ЛОЙЦКЕР опубликовали свое обращение к еврейским организациям США с просьбой высылать нам в Киев, в Кабинет еврейской культуры американские издания на еврейском языке, и вплоть до последнего времени получали из Америки письма и различную буржуазно-националистическую литературу.

Еврейские издательства в Нью-Йорке часто помещали обо мне статьи и очерки, как о «стойком защитнике еврейской культуры», печатали произведения КАГАНА и ГОФШТЕЙНА, а также статьи ЛОЙЦКЕРА.

То, что наши имена были известны за границей, льстило нам, и мы всячески старались угодить нашим американским покровителям.

ГОФШТЕЙН и КАГАН печатали в американских газетах и журналах свои статьи националистического, тенденциозного характера и посылали туда информацию о жизни евреев на Украине, о работе Кабинета еврейской культуры. Но американцы не вполне довольствовались получаемыми от нас материалами и нашей националистической работой, требовали более широких связей и более полной информации. Я, в частности, неоднократно получал письма с такими требованиями от руководителей «Икуфа».

Больше того, для детального ознакомления с нашей националистической работой и дачи практических указаний в начале 1946 года американцы прислали в Советский Союз своего представителя ГОЛЬДБЕРГА.

Вопрос: Кто такой ГОЛЬДБЕРГ?

Ответ: Бениамин ГОЛЬДБЕРГ — один из редакторов реакционной еврейской газеты в Америке «Дер Тог» и руководитель комитета еврейских писателей и журналистов. Он разъезжал по разным городам Советского Союза и усиленно интересовался внутренним положением страны. Руководители Еврейского антифашистского комитета всячески лебезили перед ним, смотрели на него, как на своего высокого покровителя и

организовывали ему поездки по Советскому Союзу.

МИХОЭЛС, ФЕФЕР и ЭПШТЕЙН афишировали ГОЛЬДБЕРГА, как «истинного друга» СССР, устраивали ему пышные приемы, чем сознательно вводили в заблуждение еврейскую общественность Советского Союза, не посвященную в истинные цели приезда в СССР этого американского шпиона.

Когда в начале 1946 года ГОЛЬДБЕРГ выехал из Москвы в Киев, ФЕФЕР прислал ГОФШТЕЙНУ специальную телеграмму о том, чтобы организовать ему хороший прием и предоставить полную возможность ознакомиться с положением на Украине.

Выполняя это поручение, ГОФШТЕЙН и КАГАН устраивали ГОЛЬДБЕРГУ посещения синагоги и различных учреждений г. Киева, организовывали ему встречи с еврейскими писателями Украины и другими представителями советской интеллигенции.

Вопрос: Не выгораживайте себя. Вы ведь тоже встречались с ГОЛЬДБЕРГОМ?

Ответ: С ГОЛЬДБЕРГОМ я встречался два раза в моем служебном кабинете в Академии Наук УССР и имел с ним продолжительные беседы.

Вопрос: Прежде чем принимать американского шпиона ГОЛЬДБЕРГА в здании Академии Наук, вы поставили об это в известность президиум Академии?

Ответ: Нет, не поставил

Вопрос: Но вы обязаны были сделать это?

Ответ: Да, по правилу нужно было сообщить об этом руководству Академии.

Вопрос: Тогда почему же отступили от этого правила?

Ответ: Благодаря моей халатности.

Вопрос: Неправда. Известно, что ГОЛЬДБЕРГА вы снабжали шпионской информацией. Это вы делали тоже по халатности?

Ответ: Мне не хотелось говорить правду о своих встречах с ГОЛЬДБЕРГОМ, так как этот факт еще нагляднее показывает преступный характер моих отношений с американцами. Сейчас расскажу все, ничего не скрывая.

В первое посещение ГОЛЬДБЕРГОМ Кабинета еврейской культуры я, ЛОЙЦКЕР, ГОФШТЕЙН и КАГАН устроили ему встречу с представителями еврейской интеллигенции г. Киева и сотрудниками Кабинета, в числе которых были БЕРЕГОВСКИЙ и МАЙДАНСКИЙ. Перед собравшимися ГОЛЬДБЕРГ выступил с речью, в которой восхвалял жизнь евреев за границей и упрекал нас в том, что мы слабо разворачиваем националистическую работу среди еврейского населения, не используем все имеющиеся у нас для этого возможности, очень мало требуем от своего правительства, и нерешительно ставим перед советскими властями вопросы в отношении разрешения «еврейской проблемы» в СССР. Призывая в завуалированной форме к активизации националистической деятельности, ГОЛЬДБЕРГ обещал нам поддержку со стороны американских еврейских кругов в устройстве жизни евреев,

проживающих в Советском Союзе.

После общей беседы мы условились с ГОЛЬДБЕРГОМ встретиться еще раз в моем кабинете, в узком кругу, так как он хотел у меня выяснить ряд интересовавших его вопросов.

Вопрос: Что именно интересовало ГОЛЬДБЕРГА?

Ответ: При второй встрече, состоявшейся в тот же день, ГОЛЬДБЕРГ просил информировать его о деятельности Кабинета еврейской культуры на Украине. Я подробно сообщил ему о проделанной нами работе по каждому отделу Кабинета, рассказал о том, как восстанавливаются и работают еврейские организации на Украине, каковы перспективы для развития еврейской культуры и националистической работы среди евреев.

При этой встрече присутствовали также мой заместитель ЛОЙЦКЕР и заведующий фольклорным отделом БЕРЕГОВСКИЙ, которые дополняли мою информацию и уточняли отдельные вопросы, интересовавшие ГОЛЬДБЕРГА.

Все эти данные ГОЛЬДБЕРГ записывал себе в блокнот и обещал помочь нашему Кабинету в создании полиграфической базы.

Вопрос: Какие еще сведения вы передали ГОЛЬДБЕРГУ?

Ответ: Другими вопросами в беседе со мной он не интересовался.

В заключение ГОЛЬДБЕРГ потребовал, чтобы мы смелее развертывали националистическую работу среди еврейского населения.

Вопрос: И в этих целях вы опять использовали возглавлявшийся вами Кабинет еврейской культуры?

Ответ: Да, еще в 1944 году, перед моим выездом на Украину, я, МИХОЭЛС, ФЕФЕР и ЭПШТЕЙН договорились о том, что Кабинет еврейской культуры должен стать той первой еврейской националистической организацией на Украине, которая способствовала бы созданию там других таких же ячеек.

Мы договорились использовать Кабинет «в интересах еврейской нации» и добиваться расширения нашего влияния на Украине.

Вопрос: Для чего?

Ответ: С тем, чтобы показать, что евреи представляют значительную силу и облегчить разрешение вопроса о создании еврейской республики в Крыму.

МИХОЭЛС, ЭПШТЕЙН и ФЕФЕР говорили, что они предпринимают активные шаги в этом направлении, возбуждают ходатайство перед советским правительством и что «территориальное оформление» евреев должно разрешиться в ближайшем будущем. ЭПШТЕЙН, например, в одной из бесед со мной в присутствии ФЕФЕРА заявил: «Скоро твой Кабинет станет еврейской Академией в Крыму».

Вопрос: А вы намерены в президенты этой Академии?

Ответ: Выходило так.

Выполняя указания ФЕФЕРА и МИХОЭЛСА, мне, ЛОЙЦКЕРУ, ГОФШТЕЙНУ и КАГАНУ удалось значительно активизировать националистическую работу среди еврейского населения и по примеру Еврейского антифашистского комитета, превратить Кабинет еврейской культуры во враждебную советской власти организацию, которая вела борьбу против национальной политики партии и советского правительства.

Большую помощь в этой работе оказывали сотрудники Кабинета, наши сообщники БЕРЕГОВСКИЙ и МАЙДАНСКИЙ, возвратившиеся на Украину одновременно со мной в мае 1944 года, а также ЛЕРНЕР и ВЕЛИДНИЦКИЙ, которых я перетащил в Киев из эвакуации в 1946 году.

Я, ГОФШТЕЙН, КАГАН и ЛОЙЦКЕР всячески стремились обособить еврейское население, заразить его националистическими настроениями и помешать естественному процессу ассимиляции, происходившему в еврейской массе.

Подхватив лозунг «Жив народ еврейский», неуклонно культивировавшийся Еврейским антифашистским комитетом и газетой «Эйни-кайт» со дня их основания, мы искусственно насаждали еврейскую культуру на Украине. Причем, под «народом еврейским» подразумевались не только евреи, проживающие в СССР, а некое «мировое еврейство» и под культурой еврейской — «общееврейская культура», без какого бы то ни было классового разграничения.

О такой «культуре» и «еврейском народе» мы разглагольствовали на многих вечерах еврейской интеллигенции, организовывавшихся Кабинетом как в здании Академии Наук, так и в ряде клубов крупных промышленных предприятий.

На этих еврейских вечерах, которые устраивались под всякими благовидными предлогами, мы делали обзоры националистических произведений ФЕФЕРА, ГОФШТЕЙНА, КАГАНА, МАРКИША, воспевали и приукрашивали все еврейское: культуру, быт, язык, классику; всячески превозносили и раздували роль евреев в жизни СССР, умалчивая при этом или упоминая лишь мимоходом о русском, украинском и других народах Советского Союза.

Один из таких вечеров, организованный Кабинетом в большом зале Академии Наук в конце 1944 года в день памяти еврейского поэта ШВАРЦМАНА, был превращен нами в еврейскую националистическую демонстрацию. Нам удалось собрать на вечер большое количество евреев, проживающих в г. Киеве, и придать этому мероприятию явно националистический характер.

Я, ЛОЙЦКЕР и КАГАН в своих выступлениях всячески возвеличивали ШВАРЦМАНА, как героя, воспевали еврейскую культуру, выпячивали «особые» страдания еврейского населения от немецко-фашистских захватчиков в отрыве от других народов

Советского Союза.

Об этом вечере мы много писали и говорили, раздували его значение, всячески подчеркивали, что на Украине вновь «звучало еврейское слово» и давали понять евреям, что им необходимо объединение.

Вопрос: Этим не ограничивалась ваша антисоветская деятельность. Говорите о других своих вражеских делах.

Ответ: Я, КАГАН, ГОФШТЕИН и ЛОЙЦКЕР организовывали в Кабинете расширенные совещания, на которых приглашали бывших учителей еврейских школ и представителей еврейской интеллигенции с промышленных предприятий. Обсуждая на этих совещаниях вопросы о немецко-фашистских зверствах, о произведениях еврейских писателей мы стремились привить присутствовавшим националистические взгляды, поднять национальное самосознание евреев.

Ревностными участниками этих еврейских сборищ были также ВЕЛЕДНИЦКИЙ, БЕРЕГОВСКИЙ и МАЙДАНСКИЙ.

ВЕЛЕДНИЦКИЙ выступал с докладами о еврейских писателях-классиках, идеализировал их и в националистическом духе воспевал «еврейское литературное наследие».

БЕРЕГОВСКИЙ, делая доклады о еврейской народной песне, смаковал религиозно-традиционные песнопения, по-прежнему игнорируя советский фольклор.

С целью усиления националистической работы я и ЛОЙЦКЕР принимали активные меры к тому, чтобы наладить печатание на еврейском языке наших произведений. Совместно с бюро еврейской секции Союза писателей Украины нам удалось создать еврейскую типографию, а в 1947 году мы добились издания в Киеве еврейского альманаха «Дер Штерн».

Наряду с этим я неоднократно направлял сотрудников Кабинета в экспедиции по сбору материалов о зверствах немецко-фашистских захватчиков только над еврейским населением, несмотря на то, что расследованием фашистских зверств занималась комиссия по истории Отечественной войны при Академии Наук УССР. Мы хотели показать «особые страдания» еврейского народа и создать впечатление, что ужасы войны были возложены, главным образом, на его плечи.

В такие экспедиции, по моему заданию, выезжали в 1945-1947 гг. в Черновицкую и Каменец-Подольскую области МАЙДАНСКИЙ, БЕРЕГОВСКИЙ и ЛЕРНЕР. Они же собирали материалы о зверствах фашистов над евреями в гор. Киеве.

Вопрос: Известно, что для вражеской работы вы использовали не только Кабинет еврейской культуры, но и другие еврейские организации на Украине. Так ведь?

Ответ: К националистической деятельности мы стремились привлечь еврейское бюро Союза советских писателей Украины и использовать альманах

«Дер Штерн» в своих целях. Это облегчалось тем, что ГОФШТЕИН был членом еврейского бюро, КАГАН являлся членом Союза писателей Украины, а ЛОЙЦКЕР входил в состав редакции альманаха.

Бюро еврейской секции писателей Украины, отдавая дань в своей работе еврейской тематике, подогревало националистические чувства у определенной части еврейского населения, искусственно насаждало еврейскую культуру, что вело к обособлению евреев и тормозило их приобщение к общесоветской культуре на русском и украинском языках.

Вопрос: Кем возглавлялось бюро еврейских писателей на Украине?

Ответ: В последние годы бюро еврейской секции Союза советских писателей Украины возглавлял ПОЛЯНКЕР Григорий Исаакович.

Вопрос: С ним вы давно знакомы?

Ответ: ПОЛЯНКЕРА я знаю с начала 1930-х годов, когда он был студентом еврейского отделения в Киевском педагогическом институте, где я читал лекции по истории еврейского языка.

Будучи приверженцем еврейской культуры, ПОЛЯНКЕР начал свою литературную карьеру на еврейском языке. Он был примитивным писателем, но его близость к ФЕФЕРУ сделала его положение в еврейской литературе привилегированным. При помощи ФЕФЕРА он в предвоенные годы стал редактором еврейского журнала «Советише литератур» в гор. Киеве, а после войны пробрался к руководству бюро еврейской секции Союза писателей Украины, хотя эта должность ему был не под силу ни по его дарованию, ни по его общему культурному уровню.

Совместно со своим ближайшим помощником, пронырливым ловкачем ТАЛАЛАЕВСКИМ в 1946-1948 годах ПОЛЯНКЕР активно включился в националистическую работу среди евреев на Украине.

«Спасая» еврейскую культуру, ПОЛЯНКЕР и ТАЛАЛАЕВСКИЙ посвятили альманах «Дер Штерн» узко-национальной еврейской тематике и всякими путями, вплоть до хождения по квартирам евреев, распространяли этот альманах среди населения.

Вместе с ГОФШТЕЙНОМ и КАГАНОМ они разъезжали по городам Украины (Бердичев, Житомир, Черновцы), где созывали еврейское население, читали свои произведения на еврейском языке и вели националистическую пропаганду.

Установив контакт в националистической работе с еврейским бюро писателей, я, ЛОЙЦКЕР и КАГАН неоднократно приглашали ТАЛАЛАЕВСКОГО, ПОЛЯНКЕРА, а также еврейских писателей БЕНДОСА и БАЛЯСНУЮ на расширенные совещания при Кабинете; привлекали их к участию в еврейских вечерах, устраивавшихся в клубах промышленных предприятий, поручая чтение написанных ими произведений на еврейские темы и на еврейском языке.

Давая рецензии помещаемым в альманахе материалам, я и ЛОЙЦКЕР

особенно акцентировали на необходимость издания произведений именно на еврейском языке, замазывали националистические проявления в альманахе; чрезмерно восхваляли произведения ГОФШТЕЙНА, ФЕФЕРА с националистическими трактовками.

В своих вражеских делах мы не упускали и другие легальные возможности.

Вопрос: Какие?

Ответ: Я хочу сказать о еврейском театре в гор. Черновцы, появление которого на Украине в 1945 году нас, еврейских националистов, очень обрадовало. Мы считали, что театр может сыграть большую роль в пропагандировании враждебной советской власти националистической идеологии и поэтому в 1946 году Кабине по моей инициативе установил с ним связь.

Как только театр приезжал на гастроли в Киев, я, ЛОЙЦКЕР и ГОФШТЕЙН устраивали в Кабинете встречи с работниками театра и делали обзоры спектаклей. На этих встречах мы восхваляли постановки театром таких пьес, в которых возвеличивался старый, патриархальный еврейский быт и превозносилась роль евреев в Отечественной войне. Имея в виду, что такие постановки вызывали восторженные националистические чувства у зрителей, мы всячески их поощряли и, когда репертком театра присылал к нам в кабинет для рецензирования рукописи пьес с националистическими трактовками, давали им хвалебные отзывы.

На встречах с труппой театра часто выступали также ВЕЛЕДНИЦКИЙ и ТАЛАЛАЕВСКИЙ. Они затушевывали националистическую направленность спектаклей, превозносили на все лады «успехи» еврейского искусства и его деятелей, в частности ГОЛЬДБЛАТА — художественного руководителя еврейского театра в гор. Черновцы.

Вопрос: Покажите о ГОЛЬДБЛАТЕ подробно.

Ответ: ГОЛЬДБЛАТА Моисея Исааковича я знаю как еврейского актера с тридцатых годов, когда он приезжал с гастролями на Украину вместе с МИХОЭЛСОМ в составе московского еврейского театра. Потом он работал в биробиджанском театре, а с 1939 года стал художественным руководителем еврейского театра в гор. Киеве.

У киевского еврейского театра в то время не было своего «национального лица» — давались разношерстные, случайные постановки. ГОЛЬДБЛАТ считал себя призванным сделать это «лицо». Продолжая националистические традиции МИХОЭЛСА, он сделал упор в работе театра на старые еврейские классические постановки и придал спектаклям националистический характер.

Эта враждебная направленность ГОЛЬДБЛАТА в работе театра была усилена им с возвращением театра на Украину в 1945 году. В этот период я ближе сошелся с ГОЛЬДБЛАТОМ, не раз встречался с ним в

Кабинете еврейской культуры и в театре.

Из разговоров с ним я еще раз убедился, насколько он был «влюблен во все еврейское». В беседах о еврейской культуре ГОЛЬДБЛАТ высказывал мне свои националистические взгляды, восхваляя еврейское искусство и восторгаясь «величием еврейского народа».

В своей театральной деятельности в послевоенное время ГОЛЬДБЛАТ с новой силой проявил свою страсть к идиллической, патриархальной сценической трактовке еврейских классиков и к пьесам, в которых выпячивался героизм евреев и их «особые» страдания в период Отечественной войны.

Достаточно указать на постановку ГОЛЬДБЛАТОМ в 1946 году явно националистической пьесы ПИНЧЕВСКОГО «Я живу». В этом спектакле все было рассчитано на разжигание националистических настроений у зрителей и даже на занавесе было выведено в древнееврейском стиле крикливое изречение: «Жив народ еврейский!»

ГОЛЬДБЛАТ так же, как и Кабинет еврейской культуры, игнорировал постановки пьес нееврейских авторов и на нееврейские темы. В результате получилось, что театр, находившийся на Украине, не имел в своем репертуаре ни одной украинской пьесы.

В 1946-1948 гг. ГОЛЬДБЛАТ имел тесную связь с главарями Еврейского антифашистского комитета ФЕФЕРОМ и МАРКИШЕМ, ставил их пьесы и встречался с ними, когда они приезжали на Украину.

Вопрос: Как установлено, ФЕФЕР бывал и у вас в Кабинете еврейской культуры. Для какой цели он приезжал?

Ответ: ФЕФЕР был в Киеве в 1947 году. Он на месте ознакомился с состоянием националистической работы среди евреев на Украине и в беседе со мной заявил, что у Кабинета еврейской культуры главным сейчас является не научная работа, а сплочение еврейского населения, борьба с ассимиляцией евреев и организованная массовая националистическая деятельность. Такую линию мы и проводили.

Достаточно сказать, что за последние четыре года Кабинетом была напечатана всего лишь одна научная работа в четыре печатных листа, а расходовалось ежегодно полмиллиона рублей государственных средств. Даже плановая работа Кабинета была подчинена нами националистическим целям.

БЕРЕГОВСКИЙ и ЛЕРНЕР, например, занимаясь составлением сборника еврейского народного творчества, включили в этот сборник материалы с националистическими проявлениями о еврейском «мученичестве» и «героизме».

МАЙДАНСКИЙ при составлении очерков по истории еврейской грамматики использовал главным образом еврейские книжные материалы средневековья.

Работы ВЕЛЕДНИЦКОГО о еврейской драматургии отличались

националистической идеализацией старой еврейской классики и литературной патриархальщины. Стремясь обособить еврейскую культуру, мы занимались преимущественно еврейской тематикой, всячески приукрашивали еврейской «национальное» наследие, без достаточного учета влияния русской и украинской культуры.

Кабинет забыл свои основные функции и зарекомендовал себя защитником «судеб еврейских» на Украине. В Кабинет и ко мне лично потянулись с разных концов Украины националистически настроенные элементы. Я и ЛОЙЦКЕР получали в адрес Кабинета много писем, проникнутых националистическим духом и содержащим жалобы на имевшие якобы место факты антисемитизма и дискриминации по отношению к евреям.

Я стал слыть за заступника евреев, и они в своих письмах именовали меня «стойким защитником тысячелетней культуры».

Чтобы сделать наши связи с еврейским населением более широкими и усилить наше влияние на Украине, я, ЛОЙЦКЕР и ГОФШТЕЙН намеревались организовать в городах, где есть евреи, постоянные еврейские ячейки вроде музеев, клубов и библиотек, которые, по нашим замыслам, облегчили бы ведение вражеской работы среди еврейского населения.

С этой целью мы не раз писали и ходили в Министерство просвещения Украины, налаживали связь с еврейскими писателями на периферии, однако наша антисоветская деятельность была прервана арестом ГОФШТЕЙНА, вслед за которым был арестован и я.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочитан.

Спивак.

ДОПРОСИЛ: СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Капитан (подпись) (МЕРКУЛОВ)

№ 11

шв.2

Копия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованного СПИВАК Эля Гершовича

от 28 ноября 1949 года

СПИВАК Э.Г., 1890 года рождения, уроженец г. Василькова, Киевской области, еврей, гражданин СССР, до ареста – директор Кабинета еврейской культуры и член-корреспондент Академии Наук УССР.

Допрос начат в 13 час. 15 мин.

Вопрос: После упразднения Кабинета еврейской культуры там обнаружено

большое количество газет и журналов со снимками врага народа ТРОЦКОГО и других врагов партии, а также со статьями о них. Каким образом вы приобрели эту контрреволюционную литературу?

Ответ: Журналы и газеты со статьями врагов советского народа поступили в Кабинет еврейской культуры в 1947-48 годах в числе литературы, возвращенной в Академию Наук УССР из Германии.

Вопрос: Для какой же цели вы хранили эти материалы?

Ответ: Поскольку литературы в Кабинет поступило в 1947⁸ годах очень много, мы еще не успели полностью ее обработать и изъять то, что подлежало уничтожению.

Вопрос: К материалам с антисоветскими статьями доступ был свободный?

Ответ: Ими могли пользоваться только сотрудники Кабинета еврейской культуры.

Вопрос: И лица, посещавшие Кабинет?

Ответ: Нет. Поступившие из Германии книги и сборники старых газет и журналов, еще необработанные нами, хранились в закрытой комнате, куда могли заходить только работники Кабинета.

Вопрос: Не хитрите, СПИВАК. Известно, что к хранившейся вами в Кабинете контрреволюционной литературе доступ был свободен и для лиц посторонних. Говорите правду.

Ответ: Я не знаю случаев, чтобы этой литературой пользовался кто-либо кроме сотрудников Кабинета.

Допрос прерван в 17 час. 00 мин.

Протокол читал, показания с моих слов записаны верно:

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Капитан (подпись) (МЕРКУЛОВ)

№ 12

Стенограмма

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованного СПИВАКА Эля Гершовича

от 5 января 1950 года

СПИВАК Э.Г., 1890 года рождения, уроженец г. Василькова, Киевской области, еврей, гр-н СССР, беспартийным. До ареста – директор кабинета еврейской культуры, член-корреспондент Академии Наук УССР.

Вопрос: Признав себя виновным в антисоветской деятельности, вы, однако, не полностью рассказали о своих вражеских делах и связях. Показывайте все до конца.

Ответ: Я признался, что в силу своих националистических настроений на

протяжении многих лет имел преступную связь с такими же, как я, еврейскими националистами: ФЕФЕРОМ, ГОФШТЕЙНОМ, КАГАНОМ, ЛОЙЦКЕРОМ, вместе с которыми вел борьбу против национальной политики партии и советского правительства.

Считая, что национальный Вопрос: в отношении евреев в Советском Союзе разрешается неправильно, еще в довоенные годы мы под вывеской возглавляемого мною Кабинета еврейской культуры Академии Наук УССР проводили националистическую работу среди еврейского населения.

Эта вражеская деятельность была значительно активизирована нами после создания в 1942 году Еврейского антифашистского комитета, у руководства которого оказались такие матерые националисты как МИХОЭЛС, ФЕФЕР, ЭПШТЕЙН, БЕРГЕЛЬСОН, МАРКИШ и др.

Зная о моих прошлых националистических делах на Украине, МИХОЭЛС, ФЕФЕР и ЭПШТЕЙН в мае 1942 г включили меня в состав еврейского комитета, под прикрытием которого мы стали группировать националистически настроенных евреев и повели работу по объединению и обособлению еврейского населения с тем, чтобы со временем поставить перед советским правительством вопрос о выделении евреям территории для создания «своей» еврейской республики.

Вопрос: И в своих вражеских устремлениях ориентировались на американцев?

Ответ: Это верно. Как я уже показывал ранее, руководящая верхушка Еврейского антифашистского комитета в деле создания еврейской республики и развертывания националистической деятельности возлагала большие надежды на евреев, проживающих в Америке. В связи с этим главари Еврейского антифашистского комитета установили в 1943 году связь с реакционными еврейскими кругами США.

Вопрос: Преступную связь?

Ответ: Да. В конце 1943 года МИХОЭЛС и ФЕФЕР выезжали в Америку, где добились, как они потом рассказывали, сближения и взаимопонимания с влиятельными еврейскими деятелями США, заручившись их поддержкой в проведении националистической работы среди евреев Советского Союза.

По указаниям американских богатеев, ФЕФЕР и МИХОЭЛС сразу же после своего приезда из США направили деятельность комитета на то, чтобы создать еврейскую республику в Крыму.

Вопрос: Какие еще задания МИХОЭЛС и ФЕФЕР получили в Америке?

Ответ: От ФЕФЕРА и МИХОЭЛСА я узнал и то, что еврейские лидеры в США потребовали от них, чтобы евреи, проживающие в СССР, устанавливали тесную связь с еврейскими землячествами в Америке, которым регулярно и подробно сообщали бы о своей жизни в Советском Союзе.

Как говорили ФЕФЕР и МИХОЭЛС, американцы потребовали также

больше посылать в США информации о внутреннем положении СССР, на что ФЕФЕР и МИХОЭЛС дали свое согласие.

Вопрос: Иными словами, обязались снабжать американцев шпионскими сведениями о Советском Союзе?

Ответ: Да. Во исполнение полученных от американцев указаний, ФЕФЕР, МИХОЭЛС и ЭПШТЕЙН в широком масштабе стали проводить работу по сбору и пересылке в Америку информационных материалов о Советском Союзе. В крупные промышленные центры ими направлялись из Москвы корреспонденты издававшейся комитетом газеты «Эйникайт», и еврейские литературные работники, которые использовались главарями комитета для добывания интересовавших американцев сведений.

Вопрос: Не выгораживайте себя. Вы ведь тоже были использованы для этой цели?

Ответ: После освобождения г Киева от немецко-фашистских захватчиков, я и мои сообщники ЛОЙЦКЕР, КАГАН и ГОФШТЕЙН по указанию МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА выехали на Украину для развертывания националистической работы среди еврейского населения. Наряду с этим МИХОЭЛС и ФЕФЕР дали нам задание регулярно информировать их о положении на Украине, а также установить из Киева непосредственный контакт с еврейскими организациями США.

О том, как проводилась нами эта преступная работа, я подробно рассказал на предыдущих допросах и дополнить свои показания мне больше нечем.

Вопрос: Неправда. Вы скрываете еще ряд своих сообщников по антисоветской деятельности на Украине. Выдавайте свои вражеские связи.

Ответ: Мне остается лишь повторить, что из числа орудовавших на Украине еврейских националистов, сбором информации для американцев, насколько мне известно, занимались КАГАН и ГОФШТЕЙН. Не отрицаю, что я и ЛОЙЦКЕР тоже не раз направляли МИХОЭЛСУ и ФЕФЕРУ для отправки в США подробные сведения о Кабинете еврейской культуры, о евреях-ученых, работавших в Академии Наук СССР, о перспективах развития еврейской культуры и возможностях националистической деятельности в условиях Украинской ССР.

Вместе с тем, как я уже показывал ранее, мне, ЛОЙЦКЕРУ, ГОФШТЕЙНУ и КАГАНУ удалось значительно активизировать антисоветскую националистическую работу среди еврейского населения и по примеру Еврейского антифашистского комитета превратить Кабинет еврейской культуры во враждебную советской власти организацию, вокруг которой мы группировали националистические элементы из числа евреев.

Вопрос: Кого именно вы привлекли к своим вражеским делам?

Ответ: Прежде всего, я и ЛОЙЦКЕР втянули в националистическую работу подчиненных нам сотрудников Кабинета еврейской культуры

БЕРЕГОВСКОГО, МАЙДАНСКОГО, ЛЕРНЕРА, ВЕЛЕДНИЦКОГО и ШТУТМАНА, о которых я уже дал показания на предыдущих допросах

Вопрос: А другие сотрудники Кабинета разве стояли в стороне от проводимой вами националистической деятельности?

Ответ: Нет. В ней принимали участие и такие работники Кабинета как МИЖИРИЦКИЙ и ВАЙСМАН.

Вопрос: Расскажите о них подробно.

Ответ: МИЖИРИЦКОГО Моисея Ефимовича я знаю с 1923-1924 гг. как еврейского националиста, который всю свою жизнь посвятил работе в интересах «еврейской нации».

В 1920-х годах МИЖИРИЦКИЙ работал педагогом-воспитателем в еврейских детских домах в гор. Киеве, где так же, как и я и другие орудовавшие на Украине еврейские националисты, прививал молодежи националистические взгляды, воспитывая ее изолированно, в полном отрыве от учащихся других национальностей.

В 1930 или 1931 году МИЖИРИЦКИЙ одновременно с ЛОЙЦКЕРОМ окончил еврейское отделение Московского педагогического института, после чего поступил в аспирантуру при институте еврейской культуры в г. Киеве. В этом институте МИЖИРИЦКИЙ работал в литературном отделе под руководством врага советской власти, бывшего польского писателя, бундовца МЕРКИНА (ЭРИКА), арестованного потом органами НКВД.

Как МЕРКИН, так и другие, засевавшие в институте еврейские националисты, вели тогда активную борьбу против национальной политики ВКП(б) и советского правительства. Через еврейские школы, газеты, журналы и издательства они одурманивали еврейское население буржуазно-националистической идеологией, стремясь к отчуждению евреев от советской власти. В этой вражеской работе принимал участие и МИЖИРИЦКИЙ. Он писал и печатал в еврейских газетах и журналах многочисленные статьи и монографии о еврейской культуре, в которых с националистических позиций превозносил еврейских классиков и современных еврейских писателей — БЕРГЕЛЬСОНА, КИПНИСА и других.

После закрытия института еврейской культуры в 1936 году МИЖИРИЦКИЙ в течение ряда лет занимался литературной и педагогической деятельностью, а в 1945 году был принят мною на работу в Кабинет еврейской культуры научным сотрудником литературного отдела.

В период работы в Кабинете МИЖИРИЦКИЙ привлекался мною и моим заместителем к националистической работе среди еврейского населения. Он выступал с речами на устраиваемых нами, под всякими благовидными предлогами, еврейских вечерах, на которых мы воспевали и приукрашивали все еврейское: быт, культуру, язык, классику;

раздували роль евреев в жизни СССР, умалчивая при этом или упоминая лишь мимоходом о русском, украинском и других народах Советского Союза.

Занимаясь в Кабинете составлением очерка еврейской советской литературы, ВЕЛЕДНИЦКИЙ и ЛОЙЦКЕР включили в этот очерк свои статьи с националистическими трактовками, возвеличивали еврейских писателей и вместе с тем вопросы развития еврейской культуры освещали без учета влияния культуры других народов Советского Союза и в первую очередь русского народа.

По моим заданиям в 1945-1946 гг. МИЖИРИЦКИЙ принимал активное участие в сборе материалов для задуманной главарями Еврейского антифашистского комитета так называемой «Черной книги», в которой показывались зверства немецко-фашистских захватчиков только над евреями. Эта работа проводилась нами также в националистических целях. Мы хотели показать особые страдания еврейского народа в Отечественной войне и создать впечатление, что тяготы войны были возложены главным образом на его плечи. Говоря о МИЖИРИЦКОМ, следует еще отметить, что в 1945-1948 годах он не раз направлял свои националистические статьи о зверствах немцев над евреями в Еврейский антифашистский комитет. Часть этих статей печаталась в газете «Эйникайт», которая, кстати сказать, была превращена главарями комитета в трибуну еврейской националистической пропаганды.

Вопрос: А какие материалы добывал МИЖИРИЦКИЙ для американцев?

Ответ: Насколько мне известно, сбором материалов для отправки в США МИЖИРИЦКИЙ не занимался.

Вопрос: Теперь расскажите о ВАЙСМАНЕ.

Ответ: ВАЙСМАН мне известен с 1928-1929 гг., когда он, работая учителем еврейского языка на Киевщине, печатал свои статьи в еврейской газете «Дер Эмес», издававшейся в Москве под редакцией известного в еврейских кругах националиста ЛИТВАКОВА. В 30-х годах ВАЙСМАН принимал активное участие в киевской еврейской газете «Штерн», печатая в ней свои хроникерские заметки о евреях и националистического характера статьи о еврейской литературе.

Более близко с ВАЙСМАНОМ я познакомился в 1945 году. Он прибыл тогда из эвакуации в гор. Киев и, явившись ко мне в Кабинет еврейской культуры, изъявил желание работать в Кабинете научным сотрудником. Зная ВАЙСМАНА как старого приверженца древнееврейской культуры и считая, что он будет полезен в наших националистических делах, я и ЛОЙЦКЕР зачислили его в аппарат Кабинета на вспомогательную научную работу литературного и лингвистического отделов

ВАЙСМАН участвовал в ряде националистических мероприятий,

проводившихся нами под вывеской Кабинета еврейской культуры. Он оказывал помощь ЛОЙЦКЕРУ, МИЖИРИЦКОМУ и ВЕЛЕДНИЦКОМУ в составлении очерка еврейской советской литературы, в котором, как я уже говорил, протаскивались ими националистические взгляды. ВАЙСМАН писал рецензии по материалам еврейского альманаха «Штерн», замазывая при этом имевшиеся в нем националистические проявления.

В 1947-1948 гг. ВАЙСМАН печатал в газете «Эйникайт» свои статьи о работе Кабинета еврейской культуры, об устраиваемых нами в Киеве еврейских вечерах и по другим вопросам.

Будучи недоволен национальной политикой партии, ВАЙСМАН не раз высказывал в кругу работников Кабинета свои враждебные взгляды. Он выражал недовольство положением евреев в Советском Союзе, высказывал враждебные настроения в отношении ассимиляции еврейского населения в СССР и в националистическом духе обсуждал события в Палестине, считая ее «обетованной» землей для всех евреев, в том числе и проживающих в СССР.

Вопрос: Известно, что не только на этих лиц вы опирались в своей преступной деятельности.

Ответ: По антисоветской националистической работе на Украине я, ЛОЙЦКЕР, ГОФШТЕЙН и КАГАН имели тесную связь с Бюро еврейской секции Союза советских писателей Украины.

Как я уже показывал ранее, вместе с руководителями этого Бюро — еврейскими писателями ПОЛЯНКЕРОМ и ТАЛАЛАЕВСКИМ мы искусственно насаждали еврейскую культуру, стремились обособить еврейское население и тянули его в националистическое болото. Мы сколотили при Кабинете «еврейский актив», который привлекали к проводимым нами в националистических целях массовым мероприятиям.

Вопрос: Во время упразднения Кабинета еврейской культуры там были изъяты списки так называемого «культактива» Кабинета. Вы об этом «активе» говорите?

Ответ: Да. Мысль о создании при Кабинете постоянного «актива» из числа националистически настроенных евреев у меня и ЛОЙЦКЕРА возникла в конце 1944 года после одного еврейского вечера, организованного нами в конференц-зале Академии Наук УССР в день памяти еврейского поэта ШВАРЦМАНА.

На этот вечер нам удалось собрать много евреев и придать этому мероприятию, как я уже показывал, националистический характер.

Чтобы иметь опору среди еврейского населения, мы решили участников вечера взять на учет, занесли их в список с указанием места работы, адреса и в последующем приглашали этих лиц на устраиваемые нами еврейские сборища.

Свой «культактив» мы систематически пополняли, зачисляя в него, прежде всего, еврейских писателей, которые помогали нам развернуть массовую работу, а также бывших участников еврейских националистических организаций, бывших еврейских учителей и тех, кто, интересуясь нашей работой, проявлял в той или иной мере националистические настроения.

Кроме того, мы брали на учет и таких евреев, которые лишь владели еврейским языком, то есть являлись, по нашему мнению, не ассимилированными.

Вопрос: В списке «культактива» Кабинета еврейской культуры значится КИПНИС И.Н. Надо полагать, вы не случайно включили его в число своих единомышленников?

Ответ: Писатель КИПНИС был известен мне, ЛОЙЦКЕРУ, а также и другим нашим сообщникам, как ярый еврейский националист.

Еще в первые годы существования советской власти на Украине КИПНИС группировался с враждебными элементами из числа евреев, подвизавшихся в еврейском издательстве «Культур-лига», которое являлось детищем бундовцев, сионистов и выходцев из других буржуазно-националистических еврейских партий.

Принимая деятельное участие в работе «Культур-лиги», КИПНИС связался тогда с активными еврейскими националистами — ГОФШТЕЙНОМ, ФЕФЕРОМ, НУСИНОВЫМ, КВИТКО, МАРКИШЕМ, вместе с которыми насаждал среди еврейского населения враждебную советской власти националистическую идеологию.

При содействии этих лиц в 1925-1926 гг. КИПНИСУ удалось опубликовать свою шовинистическую реакционную книгу «Месяцы и дни», в которой он в завуалированной форме призывал евреев к объединению и борьбе против русских и украинцев за имевшие место в прошлом еврейские погромы.

Впоследствии эту антисоветскую книгу КИПНИС сумел каким-то образом переправить в Америку, где она охотно переиздавалась и усиленно популяризировалась еврейскими реакционными кругами.

Во многих других своих произведениях довоенного периода КИПНИС также протаскивал националистические взгляды, за что в 1935 году был исключен из Союза советских писателей Украины. Однако благодаря содействию и заступничеству ФЕФЕРА и ГОФШТЕЙНА, возглавлявших тогда еврейскую секцию писателей на Украине, в 1937 году КИПНИС вновь был принят в члены Союза писателей.

Будучи противником национальной политики советской власти, КИПНИС продолжал писать националистического характера произведения вплоть до последнего времени.

Поскольку эта его писанина в Советском Союзе не могла быть напечатана, КИПНИС стремился сбыть ее за границу. Немалую помощь

в этом КИПНИСУ оказывал ФЕФЕР, который через Еврейский антифашистский комитет переправлял его националистические произведения в Америку.

Американцам КИПНИС пришелся по вкусу: они не раз издавали его труды, восторгаясь «талантливостью» КИПНИСА и в 1945 году еврейская печать США отмечала день его пятидесятилетия.

Свои националистические произведения КИПНИС печатал и в Польше. Так, в 1946 году он сумел опубликовать свой рассказ шовинистического содержания в еврейской газете «Новая жизнь», издающейся в г. Лодзь. Об этом факте стало известно Союзу советских писателей Украины, и КИПНИС был заклеен общественностью как еврейский националист.

Однако и после этого он не унимался. Прикидываясь обиженным советской властью человеком, КИПНИС ходил в Киеве по квартирам своих знакомых, среди которых вел антисоветские разговоры об «ущемлениях и притеснениях» писателей в Советском Союзе.

Реакционная еврейская печать США, в частности газета «Форвертс» взяла КИПНИСА под свою защиту и использовала его вражеское поведение для распространения клеветнических измышлений в отношении свободы слова и печати в Советском Союзе. Запутавшись в своих вражеских делах, КИПНИС дошел до того, что стал обивать пороги киевской общины и искать покровительства у раввина, от которого получал денежные подачки как «безработный и обиженный писатель».

Вопрос: КИПНИСА и вы поддерживали. Так ведь?

Ответ: Да, сочувствуя КИПНИСУ, я, ЛОЙЦКЕР, ФЕФЕР и МАРКИШ не раз оказывали ему материальную помощь.

Как своего единомышленника, я и ЛОЙЦКЕР включили КИПНИСА в список «Культактива» Кабинета еврейской культуры и приглашали его на наши еврейские вечера.

Вопрос: В списках вашего еврейского «актива» числятся и другие еврейские писатели. Вы, очевидно, знаете их?

Ответ: Помню, что в числе состоявшихся у нас на учете евреев фигурировали и такие еврейские писатели, как ШЕХТМАН, ТАБАЧНИКОВ, ВОЛКЕНШТЕЙН и БЕНДАС.

Вопрос: Это тоже ваши единомышленники?

Ответ: Да. ШЕХТМАН мне известен как еврейский писатель с националистическими настроениями, для литературного творчества которого была характерна оторванность и отдаленность от советской действительности.

В 1946-1947 гг. ШЕХТМАН, бывая у меня в Кабинете, высказывал свое недовольство положением еврейской культуры в Советском Союзе, и условиями жизни еврейских писателей в СССР

В 1948 году ШЕХТМАН вошел в состав Бюро еврейской секции Союза советских писателей Украины и совместно с ПОЛЯНКЕРОМ и ТАЛАЛАЕВСКИМ не раз участвовал в организовывавшихся нами еврейских вечерах, которым, как я уже показывал, мы стремились придать националистический характер.

Писателю ТАБАЧНИКОВУ тоже не чужды были националистические взгляды, которые он не раз выражал в беседах с сотрудниками кабинета в 1946-1948 гг. Приходя в Кабинет еврейской культуры, ТАБАЧНИКОВ высказывал вражеские измышления по поводу «ущемления» еврейских писателей и «плохих условий» их жизни в Советском Союзе.

ВОЛКЕНШТЕЙНА мы зачислили в свой «актив», поскольку знали о его прошлых националистических делах: в 20-х годах он был одним из активных участников еврейской националистической организации писателей, именовавшейся «Бой», которая противопоставляла себя Союзу советских писателей Украины и выступала против национальной политики советской власти. Однако в последующие годы ВОЛКЕНШТЕЙН отошел от еврейской литературы и никакого участия, насколько мне известно, в националистических делах не принимал.

БЕНДАС Давид — близкий друг ГОФШТЕЙНА и ЛОЙЦКЕРА. Это старый приверженец еврейской культуры, работавший на протяжении многих лет преимущественно в еврейских учреждениях.

В конце 1920-х годов БЕНДАС был преподавателем в еврейском техникуме в Киеве, затем в 1932-36 гг. работал аспирантом в литературном отделе института еврейской культуры под непосредственным руководством рьяного националиста, бундовца МЕРКИНА (ЭРИКА), репрессированного впоследствии за антисоветскую деятельность.

После закрытия этого института в 1936 году БЕНДАС стал активно работать опять-таки на еврейском поприще — в киевской еврейской газете «Штерн», а в послевоенное время являлся членом Бюро еврейской секции Союза писателей Украины.

Хотя антисоветских, явно националистических проявлений со стороны БЕНДАСА мне наблюдать не приходилось, но характер его многолетней работы, ограниченной лишь узко-национальными еврейскими интересами, а также его близость к ГОФШТЕЙНУ и ЛОЙЦКЕРУ, не оставляли сомнений в том, что БЕНДАС настроен националистически.

В связи с этим мы стремились втянуть его в националистическую работу, и в конце 1948 года я принял его в аппарат Кабинета на должность ученого секретаря.

В 1947-1948 гг. БЕНДАС неоднократно выступал в Киеве на еврейских литературных вечерах, на которых ГОФШТЕЙН, КАГАН, ЛОЙЦКЕР, ПОЛЯНКЕ? и ТАЛАЛАЕВСКИЙ в националистическом духе всячески превозносили евреев, раздували их роль в жизни

Советского Союза.

Вопрос: А БЕНДАС им подпевал?

Ответ: В выступлениях БЕНДАСА, которые мне приходилось слышать, ничего предосудительного не было.

Вопрос: Не выгораживайте своих сообщников. Показывайте о них всю правду.

Ответ: С писателями ШЕХТМАНОМ, ТАБАЧНИКОВЫМ, ВОЛКЕНШТЕЙНОМ и БЕНДАСОМ я общался очень мало и дополнить свои показания о их националистических делах мне больше нечем.

Вопрос: Рассказывайте о других ваших единомышленниках, участвовавших в проводимой вами на Украине антисоветской деятельности.

Ответ: Теперь я назвал всех известных мне по Украине еврейских националистов.

Вопрос: Нет, не всех. В списке созданного вами при Кабинете «еврейского актива» значатся: ГУТЯНСКИЙ, ТОКАРЬ и БАЛЯСНАЯ. Разве вы их не знаете?

Ответ: ГУТЯНСКИЙ, ТОКАРЬ и БАЛЯСНАЯ — это еврейские литературные работники, проживавшие в Киеве. Я был знаком с ними на протяжении ряда лет, но близких отношений ни с кем из них не имел.

Поскольку в еврейских кругах ГУТЯНСКИЙ, ТОКАРЬ и БАЛЯСНАЯ слыли активными сподвижниками еврейской культуры, я и ЛОЙЦКЕР включили их в список лиц, которых можно привлекать к националистической работе.

Вопрос: В каких же преступных делах они участвовали?

Ответ: ГУТЯНСКИЙ и БАЛЯСНАЯ не раз выступали на еврейских вечерах как в период эвакуации в гор. Уфе, так и в последние годы в Киеве.

Следуя нашему примеру, ГУТЯНСКИЙ и БАЛЯСНАЯ расхваливали в своих выступлениях «особый героизм» евреев на фронтах Отечественной войны, призывали евреев к объединению вокруг антифашистского комитета.

О ТОКАРЕ мне было известно, что в прошлом он состоял в Бунде. Посещая Кабинет, ТОКАРЬ интересовался «еврейскими делами», иногда присутствовал на наших сборищах, однако националистических проявлений с его стороны я не замечал.

Вот все, что я имею рассказать следствию об этих лицах.

Вопрос: В число евреев, состоявших у вас на учете, был также и профессор РЕЗНИК Я.Б. Почему вы о нем до сих пор умалчиваете?

Ответ: Расскажу и об этом еврейском националисте.

РЕЗНИКА Якова Борисовича я знаю с 1920-х годов. В то время РЕЗНИК был одним из наиболее активных участников националистической работы среди еврейского населения Украины, в чем, безусловно, сказалась сохранившаяся у него «культурно-национальная» отрывка Бунда, членом которого он ранее состоял. В 1920-х годах РЕЗНИК проявлял большую активность в создании на

Украине еврейских школ, детских домов, воспитательная работа, в которых строилась на националистических началах, в полной изоляции от нееврейской молодежи.

РЕЗНИК был тесно связан с главарями Центрального еврейского бюро Наркомпроса Украины, которые проводили искусственную евреизацию школ, вводя преподавание на еврейском языке даже в тех учебных заведениях Украины, где многие учащиеся совершенно не говорили по-еврейски. Так же, как и я, РЕЗНИК осуществлял тогда теоретическое и практическое руководство школьным процессом, прикрывая свою вражескую националистическую деятельность в области народного образования разглагольствованиями о «самобытности» и «специфичности» еврейской культуры.

Примерно в 1928-1929 гг. РЕЗНИК поступил в Киевский институт еврейской культуры, где орудовали, как я уже говорил, враги советской власти, матерые еврейские националисты ЛИБЕРБЕРГ, ЛЕВИТАН, ЭРИК, ГОРОХОВ и другие. Сблизившись с ними, РЕЗНИК стал занимать в институте руководящее положение: возглавлял педагогическую секцию, был членом совета института и некоторое время исполнял обязанности директора. Вместе с этими лицами РЕЗНИК участвовал в националистической работе, направленной на обособление еврейского населения, на отчуждение евреев от советской власти. При участии РЕЗНИКА институтом издавались на еврейском языке книги, статьи, журналы, пронизанные националистическими трактовками, игнорировалась разработка вопросов, касавшихся советской культуры, и все научные и общественные мероприятия были подчинены националистическим устремлениям.

В 1936 году в момент закрытия института и ареста его главных руководителей ЛИБЕРБЕРГА, ГОРОХОВА, ЛЕВИТАНА, ЭРИКА РЕЗНИКУ как-то удалось увильнуть от ответственности, и в последующем в еврейских делах, насколько мне известно, он участия не принимал, переключившись на научную работу на русском и украинском языках.

Вопрос: А в послевоенное время у вас с РЕЗНИКОМ преступной связи разве не было?

Ответ: Нет. Хотя я и ЛОЙЦКЕР зачислили РЕЗНИКА в свой «культактив» и он продолжал встречаться с нами в Кабинете еврейской культуры, но в нашей националистической работе в послевоенный период он не участвовал.

Вопрос: В списках вашего «актива» фигурируют и другие научные работники еврейской национальности. Показывайте и о них.

Ответ: Я помню, что мы включали в состав так называемого «культактива» Кабинета профессоров СЛАВИНА, ГУБЕРГРИЦА, ФИАЛКОВА, МИНЦА, а также доцентов ПОДГАЕЦ, САХАРНОГО и многих других

евреев, проживавших в Киеве.

Националистическая деятельность всех этих лиц нам не была известна, но мы брали их на учет и рассылали им приглашения на еврейские вечера, стремясь заинтересовать нашей работой как можно больше евреев и усилить свое влияние на еврейское население.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочитан

(Спивак)

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Капитан (подпись) (МЕРКУЛОВ)

№ 13

ел. 3

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА арестованного ФЕФЕРА Исаака Соломоновича

от 26-го марта 1949 года

ФЕФЕР И.С., 1900 года рождения, уроженец м. Шпола, Киевской области, из семьи сельского учителя, еврей, с незаконченным высшим образованием, член ВКП(б) с 1919 года. До ареста – ответственный секретарь Еврейского антифашистского комитета, еврейский поэт, член Союза советских писателей.

Вопрос: На прошлых допросах вы показывали о том, что еврейские националисты до последнего времени вынашивали надежды на получение для евреев Крыма. Что практически вами предпринималось в этом направлении?

Ответ: Незадолго до смерти МИХОЭЛСА, я беседовал с ним о ближайших перспективах работы Еврейского антифашистского комитета.

Несмотря на то, что прошел ряд лет с того момента, как было написано письмо о передаче евреям Крыма, мы не потеряли веру в «крымский проект». Во-первых, нас утешал тот факт, что никакого официального решения по этому вопросу не было. Во-вторых, пережив после пребывания ГОЛЬДБЕРГА в СССР нашу тактику в отношении Биробиджана, мы все же сомневались в концентрации там больших еврейских масс. Мы полагали, что придет время, когда советское правительство займется еврейским вопросом и в интересах оздоровления настроений еврейского населения положит конец его рассеянности по территории СССР и соберет его в одно место. В связи с этим, как мы думали, Крым есть единственное место, которое сможет привлечь евреев.

Вопрос: И уже намечали кандидатуры в состав правительства еврейской республики?

Ответ: Вопрос о будущем «правительстве» еврейской республики неофициально, но весьма оживленно обсуждался членами президиума Еврейского антифашистского комитета. Это было вскоре после посылки нами письма в правительство с просьбой отдать Крым евреям. Возмнив себя чуть ли не государственными деятелями, мы уже заранее распределяли «министерские портфели» между наиболее активными националистами.

Разговоры о «правительстве» еврейской республик в Крыму обычно начинал ЭПШТЕЙН при появлении в комитете МИХОЭЛСА. «Наш президент», — говорил ЭПШТЕЙН, указывая на МИХОЭЛСА и выдавая этими репликами свои сокровенные чаяния.

Вопрос: Которые гнездились не только у ЭПШТЕЙНА, но и у вас?

Ответ: Не скрою, что такие разговоры отвечали моим настроениям и желаниям. Импонировали они и другим членам президиума Еврейского антифашистского комитета МИХОЭЛСУ, ШИМЕЛИОВИЧУ, КВИТКО, МАРКИШУ.

Вопрос: Как же предполагалось распределить портфели в этом «правительстве»?

Ответ: По единодушному мнению членов президиума комитета МИХОЭЛС намечался на пост президента еврейской республики в Крыму. В качестве премьер-министра ЭПШТЕЙН намечал себя. Это, однако, не вызывало восторга у других членов президиума, так как ЭПШТЕЙН и в Еврейском антифашистском комитете не проявил себя как хороших организатор. Тем не менее, он никому не хотел «уступить» этот пост и при разных обстоятельствах, в особенности в 1944 году — году наибольших надежд на положительное разрешение крымской проблемы, ЭПШТЕЙН продолжал «формирование» еврейского правительства.

Главному врачу Боткинской больницы ШИМЕЛИОВИЧУ был обещан пост министра здравоохранения, при полном его удовлетворении. Заведующему кафедрой института права при Академии Наук СССР ТРАЙНИНУ Арону Наумовичу — министра юстиции, еврейскому поэту КВИТКО — министра народного просвещения, ГАЛКИНУ — заместителя министра просвещения, ЮЗЕФОВИЧУ — руководителя еврейских профсоюзов, МАРКИШУ — председателя союза еврейских писателей.

Вопрос: А вы на какой пост прочились?

Ответ: Меня ЭПШТЕЙН прочил председателем комитета по делам искусств.

Вопрос: Не скромничайте, ФЕФЕР Известно, что вам, как «отличившемуся» во время пребывания в Америке, был обещан пост министра иностранных дел.

Ответ: Я не помню, чтобы меня прочили на пост министра иностранных дел еврейской республики. Возможно, что ЭПШТЕЙН и говорил кому-нибудь из членов президиума комитета об этом, но лично со мной такого разговора не было.

Вопрос: При распределении этих «государственных постов» не был забыт, конечно, и ваш киевский единомышленник СПИВАК?

Ответ: Нет, СПИВАКА мы тоже не забыли. Когда в 1944 году СПИВАК возвращался из Уфы в Киев и, будучи проездом в Москве, заходил в Еврейских антифашистский комитет, я и ЭПШТЕЙН посвятил и его в сущность «крымской проблемы». Мы сказали ему, что поскольку «опыт Биробиджана» не дал положительных результатов, нами предприняты меры, чтобы создать еврейскую республику в другом месте и что наиболее подходящей территорией для этого является Крым. При этом ЭПШТЕЙН в моем присутствии заявил СПИВАКУ, что скоро его кабинет еврейской культуры станет еврейской академией в Крыму, и предложил ему готовиться к этому.

В положительное разрешение «крымской проблемы» мы верили еще и потому, что ГОЛЬДБЕРГ, как я уже показывал ранее, обещал оказать нам содействие путем соответствующего влияния на советское правительство через правительство США. В связи с этим, мы решили, что необходимо напомнить американцам о Крыме и в 1948 году направили в Крым еврейского писателя Самуила ГОРДОНА, чтобы послать в Америку новые сведения.

ГОРДОН привез ряд очерков, из которых было видно, что в Крыму уже нет национальных еврейских колхозов, и евреи работают совместно с русскими. Но на отдельных примерах и фактах ГОРДОН в своих очерках показал, что, несмотря на этот процесс ассимиляции, захвативший еврейские колхозы, в Крыму все же есть сила, на которую можно опереться при реализации «крымского проекта». Очерки ГОРДОНА были отправлены в Америку. Наряду с этим, мы также решили усилить помощь Биробиджану, сделав все, чтобы собрать там побольше евреев. Имея несколько сот тысяч евреев в Биробиджане, мы были бы силой, с которой бы считались

Вопрос: В чем выражалась ваша «помощь» Биробиджану?

Ответ: Через газету «Эйникайт» и Бюро объединения еврейских писателей мы начали вести широкую агитационную работу по привлечению евреев в Биробиджан. Бюро объединения еврейских писателей специально обсуждало этот вопрос и вынесло решение о посылке на Украину группы писателей для вербовки евреев, желающих выехать на жительство в Еврейскую автономную область. Я помню, что в 1947 году на Украину поехали писатели Э.ГОРДОН, ГАЛМШТЕЙН и другие.

С этой же целью Еврейский антифашистский комитет устроил ряд встреч ответственных партийно-советских работников Биробиджана с представителями еврейского населения Москвы и других городов.

Одновременно мы усилили поток информации о Биробиджане в США.

Уже после смерти МИХОЭЛСА редактор газеты «Эйникайт» ЖИЦ и писатель МАЛАМУД написали брошюру о Биробиджане «Биробиджан

сегодня», которая также была отправлена в Америку.

Американцы высоко оценили присланные материалы и «Амбиджан» даже прислал комитету в качестве подарка автомашину «Линкольн». Это надо было понимать, что мы на правильном пути. Но в 1948 году, в связи с образованием еврейского государства Израиль, перед Еврейским антифашистским комитетом встали новые проблемы. Началась «осада» комитета: непрерывные звонки по телефону и посещения. Несколько раз мне звонил ЛОЗОВСКИЙ, желая уточнить события. В комитет приходил полковник ДРАГУНСКИЙ, просивший нас оказать ему содействие в выезде «на фронт» в Палестину. Приходил профессор ЭТИНГЕР и выражал недовольство тем, что мы молчим. Мой старый знакомый РОГАЧЕВСКИЙ подал в комитет официальное заявление о создании еврейской дивизии. Приходили десятки евреев и просили содействовать им в выезде в Палестину для защиты своей древней родины.

Вопрос: Какую позицию занял Еврейский антифашистский комитет в связи с образованием государства Израиль?

Ответ: Для меня создание еврейского государства было крупным радостным событием, но я считал, что реального значения для нас — евреев СССР — это не имеет. Я знал, что у нас ничего не изменится, и не может измениться под влиянием этого, небольшого для СССР, внешнеполитического события. Меня интересовал этот Вопрос: больше с точки зрения внутренней, то есть, с точки зрения использования этого события для усиления и роста националистических настроений внутри страны. Поэтому мы не только старались затормозить поток этих настроений, но всячески содействовали этому. Мы создавали впечатление у желающих добровольно выехать «на фронт» в Палестину, что это не исключается, то есть фактически поощряли эти тенденции путем занесения в списки добровольцев, обещая им поставить этот Вопрос: перед правительством, что нами и было сделано.

В газете «Эйникайт» был опубликован ряд статей о еврейском государстве, призванных усилить националистические настроения. Эти статьи были написаны мною, БЕРГЕЛЬСОНОМ и работником комитета ГОЛЬБЕРГОМ.

Но это нас не удовлетворяло. Мы искали встреч с работниками дипломатической миссии государства Израиль, прибывшей в СССР в сентябре 1948 года, чтобы с их помощью связаться с Америкой по поводу «крымского проекта».

Вопрос: Вам это удалось?

Ответ: Нет, связь с миссией государства Израиль мы не установили. Я стремился сделать это официально и разговаривал по этому поводу с заместителем министра иностранных дел СССР ЗОРИНЫМ, ставя вопрос о приеме. Однако, положительных результатов не добился. Тем временем

заволновались некоторые члены президиума комитета. Они порицали пассивность комитета в такой момент и настаивали на активизации нашей работы. «Нам никогда не простят нашу трусость в такой момент», — говорил ШИМЕЛИОВИЧ, являвшийся претендентом на роль председателя комитета. Он же настаивал на срочном обсуждении палестинского вопроса на президиуме Еврейского антифашистского комитета.

Надо сказать, что в это время все внимание еврейской массы было переключено на миссию государства Израиль в Москве, и мы почувствовали, что теряем связь с еврейским населением.

Об этом свидетельствовала и большая еврейская демонстрация, устроенная в октябре 1948 года в Москве в Спасо-Голенищевском переулке, когда руководительница миссии государства Израиль МЕЕРСОН посетила синагогу.

Эти две еврейские демонстрации: на похоронах МИХОЭЛСА и в честь миссии представляли собой важнейший итог нашей деятельности за 6 лет существования комитета.

Вопрос: Вы присутствовали на демонстрации у синагоги?

Ответ: Нет, никто из членов президиума комитета на демонстрации у синагоги не присутствовал. На другой день мне звонили по телефону С.ГОРДОН, РОГАЧЕВСКИЙ и КУШНИРОВ и порицали меня за то, что я «не был в этот день с народом».

Вопрос: Кроме попытки установить связь с миссией государства Израиль, что еще вы предпринимали в целях использования палестинских событий для вашей подрывной работы?

Ответ: В начале ноября 1948 года мы провели заседание президиума комитета, посвященное палестинской проблеме. На этом заседании было решено организовать митинг, посвященный еврейскому государству, который предполагалось транслировать по радио.

По нашему мнению этот митинг должен был поднять престиж комитета среди еврейского населения СССР и за рубежом. Мы рассчитывали выступить на митинге так, чтобы еврейские организации США поняли, что создание еврейского государства не только снимает «крымскую проблему», а, наоборот, делает ее более актуальной, вследствие близости Крыма к Палестине.

При наличии еврейской республики в Крыму мы бы легче установили «общееврейский фронт».

Палестинские события лили воду на нашу мельницу. Мы видели бурный рост националистических настроений среди евреев и были уверены в том, что после отпадения Палестины, как реальной возможности разрешить их национальные интересы, эти настроения могут быть пущены в ход для нашей конечной цели, заключавшейся в концентрации евреев на территории СССР – в Крыму или Биробиджане –

с привлечением американского капитала. Мы планировали, благодаря дипломатическим отношениям с Палестиной, послать туда делегацию и где-нибудь в нейтральной зоне встретиться с ГОЛЬДБЕРГОМ и РОЗЕНБЕРГОМ для обсуждения ситуации и принятия новых решений. Но, как раз в момент открытия этих возможностей, был ликвидирован Еврейских антифашистский комитет, окончательно перешедший на вражеский путь, ставший послушным исполнителем воли американских буржуазных националистов и нанесший огромный вред советскому государству.

Протокол с моих слов записан верно, мною прочитан.

Фефер

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ
МГБ СССР
майор (подпись) (КУЗЬМИН)

№ 14

кп-2

ВЫПИСКА

ИЗ ДОКЛАДНОЙ ЗАПИСКИ О СОСТОЯНИИ ИНСТИТУТА ЕВРЕЙСКОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Проверкой, проведенной отделом науки ЦК КП(б)У, установлено:

1. Институт еврейской пролетарской культуры с первого дня своего существования установил связь с контрреволюционными организациями и элементами, находящимися в Польше. При открытии института были посланы в г. Варшаву приглашения: центральному органу Бунда; бывшему министру Центральной Рады Зильберфарбу; известному еврейскому фашисту ДУБНОВУ.

2. На протяжении ряда лет работники института поддерживают связь с контрреволюционными элементами из-за границы. Нами установлено, что институт посещали и принимались работниками института следующие лица:

а) бывший министр Центральной Рады Зильберфарб дважды приезжал в институт из Варшавы в 1930 году. Его сестра ШТИФ до сих пор работает в институте. Ее муж член ЦК сеймовцев, сама ШТИФ быв. член партии сеймовцев. Недавно на ее имя в институт были присланы фашистские листовки из Германии...

...5. Институт является центром сосредоточения многочисленных представителей бывших буржуазных еврейских партий. На всех руководящих участках института сидят бывшие активные деятели еврейских контрреволюционных партий...

...Руководитель секции литературы, указанный выше ЭРИК (МЕРКИН). В его секции из 8 работников – 7 выходцев из Бунда и других

буржуазных партий...

...В секции филологии работают: ДОБИН, 1914-1919 гг. состоял в партиях: Бунд, сионистов и еврейских специалистов. Являлся одним из руководителей киевской организации Бунда. ЛОЙЦКЕР — бывший сионист. СЛУЦКИЙ — был в партии Бунда и сионистов, редактировал троцкистский словарь. ВИЛЕНКИН — был в Бунде...

...6. В работах института пропагандируются националистические бундовские идеи и явно игнорируется и извращается Ленинская национальная политика.

За все время существования института не издана ни одна книга, вскрывающая контрреволюционную националистическую сущность Бунда и сионизма. За 1935 год задержаны 3 книги, подготовленные институтом, извращающие ленинизм.

Институт готовит к изданию архив ЛИБЕРМАНА, одного из основоположников бундизма, которого институт пытается представить, как одного из первых марксистов. Для этой работы был специально вызван из Америки два года тому назад — МАРМОР — сионист 1914-1919 гг.

ЗАВ. ОТДЕЛОМ НАУКИ ЦК КП(б)У

(КРОВИЦКИЙ)

ВЕРНО: СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР

Капитан

(подпись)

(МЕРКУЛОВ)

4.III-49 з.

СПРАВКА: Подлинник находится в арх. след. деле № 246271.

№ 15

кп-1

ВЫПИСКА

из заключения (на основе материалов группы рецензентов)
О печатных работах Научно-исследовательского Института еврейской пролетарской культуры

За все годы своего существования Институт Еврейской Пролетарской Культуры ничего не сделал по изданию классиков марксизма-ленинизма на еврейском языке, не занимался разоблачением еврейских буржуазно-националистических партий, не вел борьбы с остатками националистической идеологии как в истории, так и в литературе.

Институт избегал разработки современных вопросов литературы, этнографии, языка, экономики и истории послеоктябрьского периода.

Значительная часть работ института и его сотрудников пронизана явно националистическими трактовками, идеализацией бунда и троцкизма. Основным методом протаскивания контрреволюционных идей

национализма и троцкизма была публикация на страницах выпускаемых институтом книг большого количества цитат контрреволюционеров без всякой критики, а в редких случаях критики не партийной, беззубой...

...Все работы института по языковедению пронизаны национализмом, отрицательным отношением ко всем новым явлениям в еврейском языке, ставшими в результате пролетарской революции. В журнале «Ди идише шпрах» («Еврейский язык»), а затем в журнале «Афн шпрахфронт» («На языковом фронте») печатались статьи Штифа, Добина и других, доказывавших, что вся советская еврейская пресса и публицистика пользуются непоправимым * еврейским языком, что является следствием руссификации его. Язык еврейской советской публицистики называется «бумажным языком». Современному еврейскому языку противопоставлялись архаические элементы, пронизанные религиозным содержанием.

ИНСТРУКТОР ЦК КП(б)У

(БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ)

5.VI-36 г.

ВЕРНО: СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР

Капитан

(подпись)

(МЕРКУЛОВ)

СПРАВКА: Подлинник находится в арх.следств. деле № 246271 по обвинению Левитана, Меркина и др.

№ 16

ел. 6

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. МИНИСТРА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ УССР

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ (подпись) (ОГОЛЬЦОВ)

10 апреля 1950 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о прекращении следственного дела)

Гор. Москва, 10 апреля 1950 года.

Я, ст. следователь Следчасти по особо важным делам МГБ СССР, капитан МЕРКУЛОВ, рассмотрев материалы следственного дела № 2095 по обвинению СПИВАКА Эля Гершовича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а», 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР,—

НАШЕЛ:

СПИВАК Эля Гершович (он же Илья Григорьевич), 1890 года рождения, уроженец гор. Василькова Киевской области, еврей, гражданин

* Так у тексті. — Авт.

СССР, из семьи богатого ремесленника, беспартийный, бывший директор Кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР, — был арестован 13 января 1949 года за вражескую деятельность против советского государства.

Произведенным по делу расследованием установлено, что СПИВАК Э.Г., являясь врагом советской власти, на протяжении многих лет группировал вокруг себя еврейских националистов, вместе с которыми вел борьбу против партии и советского правительства.

В 1943 году вместе со своими сообщниками МИХОЭЛСОМ, ФЕФЕРОМ и ЭПШТЕЙНОМ установил вражескую связь с еврейскими организациями Америки, направлял американцам шпионские сведения о евреях-ученых, работавших в Академии Наук УССР, а также о перспективах развития еврейской культуры и возможностях усиления националистической деятельности в условиях Украинской ССР.

В 1946 году дважды встречался в Киеве с американским разведчиком ГОЛЬДБЕРГОМ, которого информировал о работе кабинета еврейской культуры и других еврейских организаций Украины.

Будучи допрошен в качестве обвиняемого, СПИВАК Э.Г. виновным себя признал и, кроме того, в преступной деятельности изобличается показаниями арестованных его сообщников ФЕФЕРА И.С., ЛОЙЦКЕРА Х.Б., ГОФШТЕЙНА Д.Н., КАГАНА А.Я., ГОНТАРА А.Ю, МАРКИША П.Д., БЕРГЕЛЬСОНА Д.Р., очными ставками с ФЕФЕРОМ и ЛОЙЦКЕРОМ, а также другими материалами, приобщенными к делу.

Находясь под стражей, СПИВАК Э.Г. 4 апреля 1950 года умер.

Согласно имеющимся в деле врачебной справки от 4 апреля 1950 года и акта судебно-медицинского вскрытия трупа от 6 апреля 1950 года, смерть СПИВАКА наступила от самопроизвольного кровоизлияния в головной мозг.

Руководствуясь ст. 4 п. 1 УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело № 2095 по обвинению СПИВАКА Эля Гершовича дальнейшим производством прекратить и сдать на хранение в отдел «А» МГБ СССР.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР

Капитан

(подпись)

(МЕРКУЛОВ)

СОГЛАСЕН: ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДЧАСТИ

ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР

генерал-майор

(подпись)

(ЛЕОНОВ)

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
Генерал-майор (*подпись*) (И.САВЧЕНКО)
21 октября 1954 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гор. Москва, 1954 г., октября 19 дня.

Я, старший следователь Следственного управления Комитета Госбезопасности при Совете Министров СССР майор БУЛЬГИН, рассмотрев материалы архивно-следственного дела № М-3061 по обвинению СПИВАКА Эля Гершовича, 1890 года рождения, уроженца Киевской области, гражданина СССР, еврея, беспартийного, бывшего директора кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР и заявление его жены ДРУГОБИЦКОЙ С.П.,

НАШЕЛ:

СПИВАК Э.Г. был арестован 13 января 1949 года МГБ Украинской ССР за антисоветскую националистическую деятельность.

Находясь под стражей, 4 апреля 1950 г. СПИВАК Э.Г. умер, в связи с чем дело по его обвинению дальнейшим производством было прекращено.

Установлено, что предварительное следствие по делу СПИВАКА было закончено и с материалами дела он ознакомлен.

На следствии СПИВАК в предъявленном ему обвинении по ст. 58-1 «а», 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР виновным себя признал и показал, что на протяжении ряда лет он группировал еврейских националистов и среди них «вел националистическую работу, выступая против национальной политики большевиков».

Во время работы директором кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР, как заявил СПИВАК, ему «удалось превратить кабинет еврейской культуры во враждебную Советской власти организацию и, начиная с 1937-1938 гг., использовать его для развертывания националистической работы среди евреев Украины».

Кроме того, СПИВАК показал, что по прямым указаниям и под руководством руководителей бывшего Еврейского Антифашистского Комитета в Москве ФЕФЕРА и БЕРГЕЛЬСОНА он установил преступную связь с еврейскими организациями Америки и через них снабжал американскую разведку шпионскими сведениями и клеветническими материалами о перспективах развития еврейской культуры в Советском Союзе.

В 1946 году СПИВАК дважды встречался в Киеве с американцем ГОЛЬДБЕРГОМ, которому в устной форме передал клеветническую

информацию о положении евреев в СССР.

Преступная деятельность СПИВАКА подтверждается показаниями ФЕФЕРА И.С., ГОФШТЕЙНА Д.А., БЕРГЕЛЬСОНА Д.Р. и МАРКИША П.Д., которые в 1952 году расстреляны по приговору Военной Коллегии Верховного суда СССР.

Жена СПИВАКА – ДРУГОБИЦКАЯ С.П. обратилась с ходатайством о пересмотре дела СПИВАКА и его реабилитации.

Учитывая, что оснований для пересмотра дела не имеется,

ПОЛАГАЛ БЫ:

Ходатайство ДРУГОБИЦКОЙ о пересмотре дела ее мужа СПИВАКА Э.Г. оставить без удовлетворения.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ 1 ОТДЕЛА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

майор

(подпись)

(БУЛЫГИН)

СОГЛАСЕН: ЗАМ. НАЧ. 1 ОТДЕЛА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

полковник

(подпись)

(МОТАВКИН)

И.О. НАЧ. СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

полковник

(подпись)

(КОЗЫРЕВ)

№ 18

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА

полковник юстиции (подпись) (Д.ТЕРЕХОВ)

24 января 1956 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Гор. Москва 19 января 1956 года

Военный прокурор отдела Главной военной прокуратуры подполковник юстиции ПЕТРОВ, рассмотрев архивно-следственное дело № М-3061 по обвинению СПИВАКА Ильи Григорьевича (он же Эля Гершович), 1890 года рождения, уроженца гор. Васильков, Киевской области, из кустарей, еврея, гражданина СССР, с высшим образованием, беспартийного, доктора филологических наук, члена-корреспондента Академии Наук Украинской ССР, ранее не судимого, до ареста — директора Кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР.

НАШЕЛ:

СПИВАК И.Г. был арестован бывшим МГБ УССР 13 января 1949 года,

а 10 апреля 1950 года дело о нем постановлением Следственной части по особо важным делам при МГБ СССР за смертью обвиняемого на основании ст. 4 п. 1 УПК РСФСР было прекращено.

СПИВАК, как это видно из дела, был арестован за преступные связи с руководителями Еврейского антифашистского комитета — МИХОЭЛСОМ, ФЕФЕРОМ и другими.

26 января 1949 года СПИВАКУ было предъявлено обвинение в том, что он занимался шпионской работой в пользу иностранной разведки и, будучи врагом Советской власти, группировал вокруг себя антисоветски настроенных еврейских националистов, вместе с которыми проводил вражескую работу против Партии и Советского государства.

Допрошенный по существу предъявленного обвинения СПИВАК, признав себя виновным, показал, что он, как член Еврейского антифашистского комитета, по указанию руководителей БАК МИХОЭЛСА, ФЕФЕРА и других использовал возглавлявшийся им кабинет еврейской культуры при Академии Наук УССР для националистической работы среди еврейского населения Украины.

Далее СПИВАК заявил, что по прямым указаниям руководителей ЕАК МИХОЭЛСА, ФЕФЕРА, БЕРГЕЛЬСОНА и др. он установил преступную связь с еврейскими организациями Америки и снабжал их через ЕАК информацией шпионского характера, главным образом о состоянии и перспективах развития еврейской культуры на Украине.

В 1946 году, как показал СПИВАК, он дважды встречался в Киеве с редактором одной из еврейских американских газет ГОЛЬДБЕРГОМ, которому рассказал о работе Кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР и других еврейских организаций на Украине.

Произведенной в 1955 году Прокуратурой СССР проверкой установлено, что дело бывших руководителей ЕАК — ФЕФЕРА, КВИТКО, МАРКИША, БЕРГЕЛЬСОНА и других, в преступных связях с которыми якобы состоял СПИВАК, сфальсифицировано бывшими работниками МГБ СССР врагами народа АБАКУМОВЫМ, РЮМИНЫМ, КОМАРОВЫМ, ЛИХАЧЕВЫМ и др., в связи с чем по заключению Генерального Прокурора СССР дело ЛОЗОВСКОГО, ФЕФЕРА, КВИТКО и др. 22 ноября 1955 года Военной Коллегией Верховного суда СССР прекращено за отсутствием в действиях указанных выше лиц состава преступления по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР.

Проверкой также установлено, что ГОЛЬДБЕРГ является прогрессивным деятелем США и за активную деятельность в пользу СССР разрабатывается американской разведкой. После возвращения из поездки в СССР, он опубликовал в американской печати несколько объективных статей о жизни евреев в Советском Союзе.

Таким образом, хотя СПИВАК на следствии и признал себя виновным в преступных связях с членами ЕАК, однако, как теперь установлено,

обвинение ему было предъявлено необоснованно.

Поскольку прекращение дела СПИВАКА за смертью обвиняемого является неправильным, руководствуясь ст. 221 УПК РСФСР,

ПОСТАНОВИЛ:

Постановление Следственной части по особо важным делам при МГБ СССР от 10 апреля 1950 года о прекращении дела СПИВАКА за смертью обвиняемого изменить: дело по обвинению СПИВАКА Ильи Григорьевича (он же Эля Гершович) прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления по ст. 4 п. 5 УПК РСФСР

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР ОТДЕЛА ГВП

Подполковник юстиции

(подпись)

(М. ПЕТРОВ)

СОГЛАСЕН: ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА

Полковник юстиции

(подпись)

(В.КРИСЬКО)

19 января 1956 года

**ДОКУМЕНТИ З АРХІВНОЇ КРИМІНАЛЬНОЇ СПРАВИ Н. ЗАБАРИ
ДА СБУ, КИЇВ, СПРАВА 32347-ФП**

№ 1

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного БАЙТЕРА Исаака Ионовича

от 1 октября 1949 года

БАЙТЕР И.И., 1910 года рождения, уроженец г. Белая Церковь, Киевской области, УССР, еврей, из семьи торговца, гр-н СССР, беспартийный. До ареста – старший инженер по релейной защите и автоматике ТЭЦ-12 Мосэнерго.

Вопрос: Просмотром изъятой у вас при аресте переписки устанавливается, что в числе ваших связей были люди исключительно еврейской национальности, причем некоторые из них известны нашим органам как еврейские националисты. Что означает эта ваша национальная обособленность?

Ответ: Не отрицаю, что я действительно ограничивал круг своих близких знакомых только лицами еврейской национальности, с которыми и вел обширную переписку. К евреям я относился с несколько большим вниманием и симпатиями, нежели к другим национальностям и в этом, конечно, есть элементы национальной обособленности.

Признавая это, я, тем не менее, должен сказать, что национальная ограниченность ни в чем другом у меня не проявлялась.

Вопрос: При заполнении анкет и составлении автобиографий вы указывали, что ни знакомых, ни родственников за границей не имеете. Это правда?

Ответ: Конечно! С какой стати я стал бы лгать?

Вопрос: Однако переписка с «друзьями» вас выдает с головой и в этом вопросе.

Ответ: Сохранив переписку, я действительно поступил опрометчиво, и теперь у меня нет иного выхода, как только признать, что наличие за границей родственников и знакомых я действительно скрывал.

Вопрос: Называйте — кого из своих связей за границей вы скрывали?

Ответ: Еще до революции в Аргентину выехал и там остался на жительство мой дядя по линии отца – БАЙТЕР Авраам. Другой дядя – БАЙТЕР Ефим и тетя АШНИС Шейндл со своими семьями проживали в Бесарабии, когда она входила еще в состав Румынии.

В 1922 году из Советской России выехал в Палестину и там проживает до настоящего времени мой родственник ГРИНФЕЛЬД Иона.

В 1927 году мой двоюродный брат ЭЛЬБЕРТ Бенчик не пожелал проживать в Советском Союзе и, забрав семью, также выехал в

Палестину.

В городе Канзас (США) проживает родной брат моего друга СПИВАКА Шлеймы Гершевича – СПИВАК Рувин – коммерсант, владелец отеля и кинотеатра.

С этими лицами в той или иной степени я поддерживал связь и жизнью каждого из них интересовался.

Проживая в Москве и работая в системе Мосэнерго, где я занимал ведущее положение старшего инженера по релейной защите и автоматике, я полагал, что эти свои связи мне лучше всего скрыть.

Вопрос: И скрыть потому, что они носили преступный характер?

Ответ: Не сказал бы. Я просто исходил из беспринципного суждения обывателя: «Как бы чего не вышло».

Вопрос: Из чего бы вы не исходили, а от признания своих вражеских дел и связей вам не уйти. Не прикидывайтесь простачком и начинайте рассказывать о совершенных вами преступлениях.

Ответ: Свои ошибки я признал, а вражеских дел у меня не было. Уличить в этом меня никто не сможет.

Вопрос: Не храбрится. Упоминаемый вами СПИВАК открыткой из Киева в январе 1947 года вас известил: «От Рувина письмо с хорошими вестями. Догадываешься?»

Потрудитесь ответить, что это означает?

Ответ: Хотя особенности стиля письма и заставляют обратить на себя внимание, однако ничего особенного в нем нет. СПИВАК мне писал, что его брат Рувин письмом из Америки сообщил ему о положительном решении вопросов, связанных с созданием еврейского государства в Палестине.

Лично меня этот вопрос интересовал не более, чем всю советскую общественность.

Вопрос: Опять лжете. В 1948 году своим родственникам вы писали:

«...Положение Ионы ни на минуту мне покоя не дает. Я только и думаю о нем и с замиранием сердца слежу за его напряженной борьбой.

...Никогда, мои милые, я не жаждал так находиться рядом с ним, как в эти дни. Но, увы, пока я лишен возможности выбраться к нему.

...Милый, далекий, но столь близкий мне Иона! Я всеми фибрами души связан с тобой. Твои горести — мои горести, твои печали — мои печали, твоя радость, которая несомненно наступит, будет и моей радостью, моей отрадой, моим счастьем...».

Это тот самый Иона ГРИНФЕЛЬД, о существовании которого вы скрывали от органов советской власти?

Ответ: Как мне ни тяжело, но другого пути, как только признать это, у меня не осталось. В своем письме я действительно писал о том самом ГРИНФЕЛЬДЕ, который не пожелал проживать в Советском Союзе и выехал в Палестину.

Вопрос: Кому же посвящалась ваша исповедь националиста?

Ответ: Я вижу, что попался основательно и выкручиваться дальше уже нет смысла. Свои националистические чувства я изливал в письме БОДАНКИНУ Марку Иссаковичу и ЗАКУ Натану Моисеевичу, проживавшим в городе Черкассы, Киевской области.

Вопрос: Таким же националистам, как и вы?

Ответ: Да, это верно, так как и БОДАНКИН и ЗАК мне действительно были известны как кадровые еврейские националисты.

Еще в далеком прошлом оба они являлись членами еврейской националистической организации, присвоившей себе в обманных целях для популярности среди еврейского населения ярлык социалистической партии и именовавшейся «ЦСП» (сионистская социалистическая партия). В 1923-1924 гг. за проведение враждебной против партии и правительства деятельности, БОДАНКИН и ЗАК арестовывались органами ОГПУ.

Объявив в те же годы через газету о своем желании порвать с националистами БОДАНКИН и ЗАК дали обязательство прекратить антисоветскую деятельность, в связи с чем из-под стражи были освобождены. Со стороны БОДАНКИНА и ЗАКА это было своеобразным маневром и актом двурушничества, так как националистической деятельности они не прекратили и в 1938 году, как участники контрреволюционного националистического сионистского подполья были арестованы вновь. В 1946 году, отбыв срок наказания, БОДАНКИН и ЗАК вернулись из лагерей в город Черкассы, однако в январе 1949 года были арестованы в третий раз.

Все это время БОДАНКИН и ЗАК поддерживали письменную связь с Палестиной, где у БОДАНКИНА проживали родители, а у ЗАКА – брат, упоминаемый выше – ГРИНФЕЛЬД Иона. В адрес БОДАНКИНА и ЗАКА из Палестины шли разнообразные посылки и письма, последние содержали в себе информацию о положении в Палестине и сионистском движении за границей.

В долголетней переписке изворотливые корреспонденты выработали свой условный язык, являвшийся своеобразным шифром, придающий письмам бытовой характер и скрывающим от глаз цензуры сокровенные националистические мысли и информацию.

Со всей поступающей из-за границы информацией единомышленники знакомили и меня и мы, в зависимости от характера получаемых оттуда сведений, торжествовали и поздравляли друг друга с успехами на «нашей улице» или предавались «унынию и скорби».

Приведенные мне выше в качестве улик письма СПИВАКА ко мне и мое в адрес БОДАНКИНА и ЗАКА являются своеобразным образцом такой переписки, причем упоминаемый в моем письме БОДАНКИНУ и ЗАКУ Иона символизирует собой, как это было между нами обусловлено, – Палестину. Так под маркой родственной или

дружеской переписки мы обменивались националистической информацией, высказывали друг другу свои сокровенные националистические чувства и чаяния.

Между нами также было условлено, что на случай ареста кого-либо из нас, как это имело место в прошлые годы с БОДАНКИНЫМ и ЗАКОМ, оставшиеся на свободе должны известить об этом друг друга условной фразой – «такой-то серьезно заболел прежней болезнью». Именно таким образом меня известил СПИВАК об аресте БОДАНКИНА и ЗАКА В 1949 году.

Как видите, я достаточно откровенен, от органов следствия ничего скрывать не собираюсь и готов рассказать абсолютно все.

Вопрос: В таком случае вам придется начать с рассказа о своих прошлых делах и связях.

Ответ: Мое прошлое безупречно и касаться его не следует.

Вопрос: По мнению ваших единомышленников, оно, может быть и «безупречно», однако органам следствия вы известны как старый кадровый националист.

Ответ: В оценке моей личности органы следствия ошибаются.

Не скрою, что за развитием событий в Палестине я следил с интересом, весть о создании государства Израиль встретил восторженно, а все неудачи еврейского народа в борьбе за национальную независимость воспринимал как неудачи личного порядка. Проблему разрешения пресловутого еврейского вопроса – устройства так называемого «еврейского очага» – я усматривал в создании самостоятельного еврейского государства, этой идеей жил и иногда делился своими мыслями в переписке с друзьями. Это я признаю и за это достаточно наказан фактом моего ареста.

Вопрос: Которого по счету?

Ответ: Я арестован впервые.

Вопрос: Лжете. За национализм вы арестовывались еще в 1926 году. Если не начнете и теперь говорить правду, будем вас изобличать.

Ответ: Против факта никуда не уйдешь, придется говорить правду. Я действительно являюсь старым кадровым националистом-сионистом, познавшим антисоветское подполье еще в юношеские годы.

Вырос я в патриархальной еврейской семье мелкого торговца – бакалейщика, воспитавшей меня в националистическом духе. Влияние семьи и постоянно соприкосновение с местечковой еврейской буржуазией, зубрежка еврейских канонов, древнееврейского языка и истории, культ преклонения перед всем истинно-еврейским и пренебрежительное отношение ко всему нееврейскому сделали из меня типичного еврейского националиста.

В 14 лет, проживая в городе Белая Церковь, я стал членом контрреволюционной подпольной националистической организации молодежи сионистов-социалистов, а в 16 лет уже сам руководил ею.

Эта организация была антисоветской, резко враждебно настроенной против комсомола и еврейских секций, организованных при местных Советах депутатов трудящихся и проводящих в жизнь национальную политику большевистской партии и советского правительства. Агитируя еврейских молодых рабочих и кустарей против комсомола, члены нашей организации вели активную антисоветскую работу, направленную на отрыв еврейской молодежи от участия в социалистическом строительстве. Так называемый социалистический ярлык, который организация себе пришивала, служил лишь приманкой для привлечения молодежи при проводимой нами вербовочной работе в организацию.

Основной задачей организации являлось воспитание националистических кадров и идеологическая обработка еврейской молодежи с целью склонения ее к выезду в Палестину. Еврейская молодежь обрабатывалась нами в духе неприязни к советской действительности и вражды к национальной политике партии правительства, ей внушалась мысль, что родиной евреев является Палестина и, что пребывание свое в Советском Союзе каждый еврей должен рассматривать только как временную и печальную необходимость. Рекомендовалось и поощрялось любое мероприятие, направленное к усилению национальной замкнутости и ограниченности. С целью поднятия националистического духа члены организации устраивали для еврейской молодежи так называемые торжественные вечера, на которых распевались еврейские и древнееврейские песни.

Деятельность нашей организации направляли представители контрреволюционной националистической организации, именуемой себя партией сионистов-социалистов, нелегальный подпольный центр которой находился в то время в Киеве. Представители этого центра были связаны с местными доверенными людьми, через которых нам и передавалась нелегальная националистическая литература, директивы и указания, являвшиеся вехами в нашей антисоветской деятельности. От киевского же центра мы получили в 1925 году шапирограф, который был использован нами для изготовления и распространению антисоветских листовок с националистическими призывами к еврейскому населению города Белая Церковь. Шапирограф служил нам также средством изготовления своей внутренней нелегальной газеты и размножения националистических директив.

Развернув националистическую деятельность в условиях нелегального существования, организация вынуждена была строиться для удобства проведения сборов своих членов по группам. Собирались мы по два раза в неделю на квартирах членов организации поочередно с соблюдением крайних мер осторожности. На случай необходимости сбора одновременно всех групп нами использовались затаенные места

за городом: в лесу, на кладбище и иных местах редко посещаемых населением. Для соблюдения осторожности на случай предупреждения выслеживания места сборища и ареста участников его, нами выставлялись обязательные посты, на которые возлагалась ответственность за обеспечение безопасности.

В начале 1926 года нашей организации, насчитывающей к этому времени что-то около 50 членов, был нанесен удар, – органы ОГПУ обезглавили ее, произведя арест руководителей. Арест руководителей внес в организацию некоторое замешательство, часть членов ее из-за боязни возможных репрессий от организации отошла, но уж зато оставшиеся члены, в числе которых находился и я, представляли из себя актив, не давший организации развалиться. Как раз в это время я и возглавил организацию, став одним из ее руководителей. Организация была сохранена, антисоветская деятельность ее была продолжена.

В октябре 1926 года было назначено одно из общих собраний организации. Местом сбора было русское кладбище за городом. Как всегда, мы соблюдали осторожность: являлись поодиночке из разных направлений, выставили посты, однако все было тщетно. Нас незаметно окружили и, оказавшись в засаде, мы вынуждены были сдать. Органы ОГПУ захватили нас врасплох, – на месте сборища вместе с нами были захвачены наша газета, националистическая литература и еще какие-то документы, свидетельствующие о проводимой нами антисоветской деятельности.

Вопрос: Будучи арестованы, вы рассказали о деятельности организации?

Ответ: Нет, не рассказал. Несмотря на наличие против меня серьезных улик, я на протяжении 2-х недельного пребывания под арестом изворачивался как мог, никого из участников организации не назвал, и сам ни в чем не признался.

Из-под стражи я был освобожден под подписку о невыезде, однако по прошествии недели снова арестован и подвергнут допросу. На сей раз о деятельности организации я на допросах рассказал и во всем признался.

Вопрос: Чем прикидываться добровольно раскаявшимся, не лучше ли признать, что вы были вынуждены рассказать под давлением улик?

Ответ: Пожалуй, это так. Находясь в заключении, я встретился со многими членами организации из Таращи и Сквиры, в беседах с которыми выяснил, что нашему делу органы ОГПУ нанесли большой урон, что для продолжения антисоветской деятельности у нас нет ни почвы, ни сил, что всякое сопротивление с нашей стороны не только бесполезно, но может осложнить положение и привести к усилению репрессий. Это обстоятельство, а также и то, что на допросах в ОГПУ я был во всем изобличен изъятой у меня на квартире националистической перепиской и документами, окончательно решило линию моего дальнейшего поведения. О своем участии в националистической

организации я на следствии все рассказал и изъявил желание опубликовать в советской прессе заявление о полном своем разрыве с националистами, деятельность и существо которых я там же признавал контрреволюционными.

Мое заявление было опубликовано в местной газете «Радянська Нива» и в еврейской газете «Дер Штерн», издававшейся в то время в Харькове и являвшейся органом ЦК КП(б)У.

За совершенные преступления я наказания не понес, так как во всем раскаялся.

Вопрос: Называйте вещи своими именами. Не раскаялись, а пошли на двурушничество и установление новых преступных связей.

Ответ: Это верно, ибо от своих националистических убеждений и намерений установить новые связи я не отказался.

После моего освобождения из-под стражи, последовавшего в результате ловко проведенного мною двурушничества, я уже не мог оставаться в гор. Белая Церковь, так как был достаточно скомпрометирован.

В этот тяжелый для меня период жизни на помощь мне пришли уже известные следствию БОДАНКИН и ЗАК, незадолго перед этим сами арестовывавшиеся как участники антисоветского националистического подполья. В 1927 году они организовали мой выезд из Белой Церкви и пристроили меня в городе Киеве.

По приезде в Киев я сразу же установил связь с другом детства – Григорием Яковлевичем ГОЛЬДОРТ. До переезда в Киев оба мы проживали в городе Белая Церковь, Киевской области и являлись членами еврейской подпольной молодежной националистической организации сионистского толка. Таким образом, еще до переезда в Киев я знал ГОЛЬДОРТА как еврейского националиста и был связан с ним по антисоветской деятельности, примерно, с 1924 года. По приезде в Киев я возобновил с ним антисоветскую связь.

ГОЛЬДОРТ принадлежал к очень религиозной еврейской семье, отец его был служителем в синагоге. Будучи воспитан как «истый сын еврейского народа» ГОЛЬДОРТ подобно мне преклонялся перед еврейской культурой, признавал только древнееврейскую литературу и во всех своих делах и поступках был убежденным буржуазным националистом-сионистом.

Проживая в городе Белая Церковь ГОЛЬДОРТ являлся одним из активнейших членов и доверенным лицом у руководства контрреволюционной подпольной националистической организации молодежи сионистов-социалистов, активным членом которой был в то время и я. В начале 1926 года, когда органы ОГПУ произвели арест руководителей организации, ГОЛЬДОРТ каким-то путем избежал ареста и, возглавив организацию и, став ее руководителем, не дал организации развалиться.

К моменту моего ареста в октябре 1926 года ГОЛЬДОРТУ удалось выехать в гор. Киев и только таким образом вторично избежать ареста и ответственности за свою активную антисоветскую деятельность.

В Киеве ГОЛЬДОРТ пристроился на учебу в педагогический еврейский техникум, был завсегдаем и своим человеком в еврейской библиотеке имени Бинчевского и, проявляя интерес к еврейскому литературному творчеству, довольно быстро вошел в молодую группу начинающих еврейских писателей, группировавшихся вокруг библиотеки.

Как явствует из сказанного ГОЛЬДОРТ и здесь остался верен своим националистическим наклонностям, ограничив свои жизненные интересы и потребности преимущественно узкими рамками еврейского общества и культа.

В эту то пору деятельности ГОЛЬДОРТА я и установил с ним связь. Зная меня по белоцерковской организации еврейских националистов-сионистов как своего единомышленника и одного из руководителей организации, ГОЛЬДОРТ свел меня в библиотеку Бинчевского и там познакомил с отъявленным еврейским националистом ЗАБАРА Натаном Ильичем, входившим в то время в группу начинающих еврейских писателей.

ЗАБАРА представлял для меня несомненный интерес, связь с ним позволяла мне следить по нелегальной печати, доставляемой из-за границы, за развитием сионистского движения в странах Запада. Меня и ГОЛЬДОРТА ЗАБАРА снабжал довольно свежими номерами нелегальных еврейских газет «Гайнт» и «Момент», издававшихся в Варшаве и являвшихся типичными националистическими газетенками. ЗАБАРА передавал нам также номера запрещенной к распространению в Советском Союзе газеты «Давар», издававшейся на древнееврейском языке в Палестине и являвшейся органом сионистов. Нет нужды говорить, что эти националистические газетенки ЗАБАРА доставал какими-то нелегальными путями, о которых он, соблюдая необходимые элементы конспирации, мне не говорил. Это была продувная бестия, отвечавшая на все мои вопросы о существовании националистического подполья и причастности к нему ЗАБАРЫ, а также возможной связи организации с заграницей, шутками.

Так, перебравшись после освобождения из-под ареста в Киев, я вновь обрел единомышленников-националистов.

Так продолжалось до 1930 года, пока ГОЛЬДОРТ не уехал по окончании техникума работать в еврейской трудовой школе в городе Золотоноше. В том же году я поступил учиться на рабфак, однако в 1931 году был разоблачен как националист и с учебы снят. Это обстоятельство несколько охладило мой националистический пыл и в последующие годы, несмотря на то, что на учебу мне удалось восстановиться, я новых связей с националистами не искал. С

ЗАБАРОЙ я продолжал встречаться до моего отъезда в 1937 году в Москву, с ГОЛЬДОРТОМ поддерживал регулярную переписку, встретившись с ним за этот период времени только лишь в 1935 или 1936 году, когда он приезжал в Киев на похороны своего отца.

В 1937 году я окончил Киевский индустриальный институт и в качестве инженера выехал на работу в Москву.

Вопрос: Где, как известно, вы имели встречу с ГОЛЬДОРТОМ?

Ответ: Правильно. В 1938 или 1939 году ГОЛЬДОРТ приезжал в Москву из Курска, где он проживал, по делам службы и на протяжении нескольких дней находился у меня. В последующем я также встречался с ним, поддерживая дружескую связь.

Вопрос: Не дружескую, а преступную.

Ответ: Отрицать это было бы бессмыслицей, ибо преступные дела мы действительно творили с ГОЛЬДОРТОМ вплоть до последнего дня. В период Отечественной войны советского народа против гитлеровских захватчиков мы встретились с ГОЛЬДОРТОМ в Новосибирске и, окопавшись в глубоком тылу, стали группировать вокруг себя националистические кадры. Сколотив группу еврейских националистов, мы организовывали антисоветские собрания, на которых возводили гнуснейшую клевету на советскую действительность и активно проповедовали националистические идеи. В Новосибирске мы отсидели с ГОЛЬДОРТОМ всю войну.

Вопрос: Каким же образом вы и ГОЛЬДОРТ оказались в Новосибирске?

Ответ: Я прибыл в Новосибирск в 1941 году по эвакуации. Обосновавшись в «Новосибирскэнерго» в должности начальника электролаборатории ТЭЦ № 1, я сообщил о месте своего пребывания ГОЛЬДОРТУ, проживавшему в то время в Саратове. В 1942 году, в период наступления немцев на Волге, ГОЛЬДОРТ бежал из Саратова, ухитрившись сначала переправить ко мне семью, а затем прибыть в Новосибирск и лично.

В Новосибирске ГОЛЬДОРТ окопался довольно основательно и, проживая там до последнего времени, занимает должность заведующего кафедрой русского языка Новосибирского пединститута.

Вопрос: А теперь расскажите, из кого и как вам удалось сколотить антисоветскую националистическую группу?

Ответ: Антисоветской группировке евреев в Новосибирске было положено начало в 1942 году. В Новосибирске в то время находилась группа евреев, проживавших до этого в панской Польше и очутившихся в СССР, как в стране, предоставившей им убежище от гитлеровских зверств. Двое из них – ГОРТМАН Миша и Вульфович Айзик работали на ТЭЦ № 1, первый электромонтером и второй кузнецом. Я и жена ГОЛЬДОРТА, работавшая здесь же, познакомились с ними и стали оказывать им знаки внимания. Занимая на ТЭЦ № 1 начальствующее положение, я старался их лучше устроить, помог им с жилплощадью.

С прибытием в Новосибирск ГОЛЬДОРТА еврейская группировка стала разрастаться. На квартире ГОЛЬДОРТА я познакомился с польскими евреями ГЕТЛЕРОМ Яшей – работником отдела снабжения одного из новосибирских номерных заводов и ГУТМАРКОМ Пейси, подвизавшимся тогда в Новосибирске. Кроме них я был представлен на квартире ГОЛЬДОРТА преподавателю истории Новосибирского пединститута КАНТОРУ Самуилу и директору заочного новосибирского педучилища МЕРКИНУ Абраму Захаровичу.

Все мы стали группироваться вокруг ГОЛЬДОРТА, а его квартира была превращена в место постоянных антисоветских собраний еврейских националистов. ГОЛЬДОРТ стал душой и идейным вдохновителем нашей националистической группы.

Все наши беседы велись вокруг так называемых еврейских дел. Польские евреи рассказывали нам о жизни евреев в панской Польше, на все лады превозносили порядки и жизнь в ней, очень много говорили о Палестине и стремлении евреев всего мира к объединению для борьбы за создание своего еврейского государства. Мне, ГОЛЬДОРТУ, МЕРКИНУ и КАНТОРУ, как еврейским националистам, разговоры о Палестине были особенно по душе, все мы очень живо интересовались палестинской проблемой и считали ее положительное решение жизненно важным для евреев. Националистические высказывания польских евреев мы всячески поощряли и принимали в них самое активное участие.

Одновременно с этим мы вели различные антисоветские разговоры, возводили махровую клевету на Ленинско-Сталинскую национальную политику и советский демократизм. Допуская враждебные выпады по адресу великого русского народа и охаивая его выдающихся людей, мы нагло утверждали, что русский народ играет ведущую роль только потому, что в течение многих веком он поработал другие народы и особенно евреев, которых мы именовали не иначе, как многострадальным народом, народом героев и ученых, народом талантов, отнимал у них материальные и духовные ценности и присваивал все это себе. Русских большевиков мы цинично именовали могильщиками еврейской культуры и клеветнически утверждали, что на фоне великодержавного шовинизма они будто бы взрастили махровый цвет антисемитизма, но, не смея прибегать к физическому истреблению евреев, насильственно ассимилируют их.

Все наши встречи и собеседования носили ярко выраженную националистическую окраску, резко враждебную политике партии и правительства. Идеологически все мы являлись по существу врагами советской власти, с завистью смотрящими на польских евреев, намеревавшихся по окончании войны выехать в Польшу, а оттуда в Палестину. Я, ГОЛЬДОРТ, МЕРКИН и КАНТОР сожалели, что, являясь гражданами СССР, этой возможности не имеем и поэтому

особенно охотно изощрялись в антисоветской националистической клевете.

В сентябре 1945 года, в связи с необходимостью выезда на работу в Москву, я должен был расстаться со своими единомышленниками. Под предлогом прощального вечера нами было организовано на квартире ГОЛЬДОРТА антисоветское сборище, на котором участниками его провозглашались националистические речи, тосты и пожелания. Оголтелой националистической речью разразился ГОЛЬДОРТ. Перечислив мои достоинства, как пламенного националиста, ГОЛЬДОРТ закончил свою речь древнееврейским священным пожеланием: «в будущем году будем в Иерусалиме», как нельзя лучше отвечавшим нашим националистическим стремлениям.

Участник сборища ГУТМАРК выступил с резкой антисоветской клеветой, охаивал положение евреев в Советском Союзе, восхвалял меня, как еврейского националиста и непримиримого врага ассимиляции.

Вечер сопровождался пением древнееврейских песен и гимна сионистов «Еще не пропала наша надежда» и сборище в целом вылилось в своеобразную демонстрацию махровых националистических идей.

Перед выездом из Новосибирска ГОЛЬДОРТ поручил мне установить в Москве связь с еврейским антифашистским комитетом и комитетом польских евреев, рассчитывая на то, что через главарей этих организаций мне удастся узнать, каково будущее евреев вообще и советских евреев в частности.

Вопрос: Вы установили связь с ними?

Ответ: Ни с кем из главарей этих организаций я знаком не был, однако кое-какие шаги к установлению связи с националистами я все же предпринял. По приезде в Москву я сразу же установил связь с еврейским националистом ОРЛАНД, которого знал еще по Киеву с 1929-1930 гг.

ОРЛАНД Гершл, будучи еврейским писателем, занимал в ЕАК должность редактора отдела корреспонденции для заграничной еврейской прессы, имел тесное общение с членами комитета и еврейскими писателями и, как мне казалось, в «еврейских делах» был человеком сведущим.

Местом нашей встречи я избрал ЕАК, однако, ОРЛАНДА там не застал и вынужден был оставить ему записку с просьбой позвонить мне по телефону на службу. ОРЛАНД мне позвонил, и наша встреча состоялась на его квартире на Раушской набережной. Таким образом, наша связь была налажена, и до смерти ОРЛАНДА в марте 1946 года я систематически встречался с ним. В осведомленности и готовности ОРЛАНДА ориентировать меня о положении «еврейских дел» я не ошибся. ОРЛАНД мне, прежде всего, рассказал, что руководство

еврейским антифашистским комитетом захвачено еврейскими националистами, что члены комитета подобраны также из националистов и это заметно сказывается на всей его деятельности. На вопрос о том, какую же позицию комитет занимает в палестинском вопросе, ОРЛАНД ответил, что за последнее время сионистское движение в странах Запада якобы приобрело большую популярность и размах, евреи усиленно объединяются для борьбы за создание своего независимого государства, и позиция комитета в этом вопросе довольно откровенно была высказана через газету «Эйникайт» еще в 1944 году умершим Шахно ЭПШТЕЙНОМ, прямо заявившим в своей статье, что «никто не может отрицать права евреев на создание своего государства в Палестине». Это заявление ЭПШТЕЙНА, сделанное с ведома и одобрения руководителей комитета в печати, было живо подхвачено и использовано еврейскими националистами для пропаганды антисоветских националистических идей среди еврейского населения Советского Союза.

В целях внушения еврейскому населению мысли о том, что еврейский народ может обойтись и без пролетарского интернационализма и социалистического содружества наций зарвавшиеся заправила комитета объединили вокруг себя еврейских литераторов и поэтов всех мастей, которым дали прямые установки рекламирования во всех формах еврейской печати передовых людей советской науки и культуры, вышедших из еврейского народа, как «гениев и творцов», на которых якобы зиждется вся советская действительность. Жульническим подтасовыванием и мошенническими комбинациями, умышленно замалчивая социалистические условия, позволившие этим людям выйти в число передовых, еврейские националисты стремились создать как в СССР, так и за границей мнение, что советская наука, культура, искусство и весь экономический уклад держатся только на этих людях и без «еврейских корифеев» якобы ничего из себя не представляли бы. Показ различных героических эпизодов из Отечественной войны всего советского народа против гитлеровских захватчиков сопровождался демонстрацией целой галереи только героев-евреев, якобы отстоявших страну от грозившей опасности. Многонациональный Советский Союз не существовал, существовали многочисленные еврей-герои, на которых, как на «китах», и держалась советская земля.

Эта пропаганда разжигала в наиболее отсталых еврейских кругах, еще не изживших элементы национальной ограниченности и замкнутости, националистические страсти, утверждала, что евреям не к чему жить на «чужой» земле с другими народами и звала к объединению и борьбе за «свое» палестинское «отечество».

Главари комитета отравляли сознание еврейского населения ядом буржуазного национализма также путем организации различных

вечеров – встреч с так называемыми «еврейскими деятелями», в число которых обычно включались еврейские писатели, герои Советского Союза и социалистического труда, люди искусства и науки. На эти встречи рассылались «избранникам» специальные пригласительные билеты, вечера проходили в чисто еврейском стиле. На такие вечера ОРЛАНД водил меня дважды. Один из них был посвящен творчеству еврейского писателя ГАЛКИНА, на втором, происходившем в марте 1946 года в помещении еврейского комитета, писатель СУЦКЕВЕР рассказывал о своих впечатлениях о Нюрнбергском процессе. ОРЛАНД мне сообщил, что СУЦКЕВЕР махровый националист-сионист.

ОРЛАНД мне также рассказал, что комитетские националисты теснейшим образом связаны с еврейскими заграничными кругами, главным образом США, Англии и Палестины, от которых в адрес комитета приходит масса литературы на древнееврейском языке. С большим удовлетворением ОРЛАНД показывал мне различные сборники, изданные на древнееврейском языке в Палестине, у него же я видел несколько книг палестинского издания видного еврейского поэта-националиста БЯЛИКА.

Вокруг этого антисоветского мусора еврейские националисты-комитетчики подняли большую шумиху, выдавали его за классическую литературы и отзывались о ней не иначе как о шедевре искусства. Не мудрено, что в определенных еврейских кругах приобретение такой литературы, частью уцелевшей от старых времен, а в большинстве просачивавшейся различнейшими путями и особенно через комитет из-за границы, считалось чуть ли не делом еврейской чести.

Так, вместе с ядом национализма в еврейские круги проникала различная дрянь и пакость, громко именуемая нами литературой.

Не довольствуясь своей связью с ОРЛАНДОМ, встречи с которым не совсем полно отвечали моим националистическим стремлениям, я до последнего времени систематически слушал английские радиопередачи и фиксировал все, что в той или иной мере касалось Палестины, посещал лекционный зал Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, где периодически читались публичные лекции по палестинскому вопросу, и различные еврейские вечера, организуемые главарями комитета в клубе писателей на улице Воровского и Колонном зале Дома Союзов, где еврейские националисты организовывали «встречи» прибывшего из Америки ГОЛЬДБЕРГА с советскими евреями, являлся завсегдаем синагоги и еврейского театра.

Это были места скопления евреев, умилявшие мои националистические чувства. Здесь во время еврейских сборищ можно было услышать различные антисоветские сплетни и националистический «разговор по душам», ставший особенно частым

и откровенным со времени прибытия в Москву представителя государства Израиль, которому, кстати сказать, московские еврей-националисты, а глядя на них и обыватели, устроили в синагоге поистине раболопскую встречу.

Все, что мне удавалось подхватить в этих «злачных» местах, различнейшие комитетские сплетни и небылицы, передаваемые мне ОРЛАНДОМ, я щедро оснащал своими собственными досужими «размышлениями» и вымыслами и в многократных письмах в Новосибирск к ГОЛЬДОРТУ выдавал за действительные жизненные факты. От меня к ГОЛЬДОРТУ шла беспардонная клевета на советскую действительность, в своих письмах я делал недопустимые сравнения положения евреев в Англии и Советском Союзе, клеветнически утверждая о лишении еврейского народа свобод в СССР и полноте их в Англии. В подтверждение я приводил слышанные мною от ОРЛАНДА данные о количестве депутатов евреев в английском парламенте и Верховном Совете Союза ССР, которые говорили далеко не в пользу Советского Союза.

С видом знатока я с апломбом сообщал ГОЛЬДОРТУ, что среди московских евреев националистическое движение принимает широкие размеры, иллюстрируя сказанное описанием отдельных массовых сцен. Так, в июне 1948 года я подробно описал ему торжественный молебен, который состоялся в синагоге, особо остановив внимание ГОЛЬДОРТА на вывешенном лозунге «Народ Израиля жив». Здесь же я утверждал, что если бы правительство разрешило выезд в Палестину, массы евреев двинулись бы туда. В 1949 году с глубоким чувством сожаления я подробно сообщал ГОЛЬДОРТУ о ликвидации газеты «Эйникайт», закрытии издательства «Дер Эмес» и Антифашистского еврейского комитета, арестах еврейских писателей, объяснив все это тем, что советское правительство, будучи якобы напуганным широтой движения еврейского народа за свою «национальную независимость» приняло решение ликвидировать еврейские очаги. Реакция на эти события, как я писал ГОЛЬДОРТУ, у еврейского населения самая отрицательная.

Вопрос: Как реагировал ГОЛЬДОРТ на ваши антисоветские измышления?

Ответ: Все, что я описывал ГОЛЬДОРТУ, последний в ответных письмах ко мне с удовольствием смаковал, распинался в своей приверженности к «нашим» идеям, поносил русских, требовал от меня более подробного и тщательного описания «приятных новостей о Палестине» и «жизни» евреев в центре, с нетерпением ожидал «свободы для нашего многострадального народа».

Наша переписка приняла настолько откровенные антисоветские формы, что я не на шутку стал опасаться провала и разоблачения. В связи с этим я неоднократно предупреждал ГОЛЬДОРТА о соблюдении крайней степени осторожности и писал ему, что советские

карательные органы очень стали следить, ищут со свечами националистов на еврейской улице. Цензура тщательно просматривает письма еврейские и древнееврейские. Веревока сейчас затянута еще туже, нужно быть осторожным.

Эти предупреждения ГОЛЬДОРТУ были понятны, мои опасения он вполне разделял и в свою очередь предупреждал меня о необходимости быть осторожным.

Вопрос: Но ведь одними предупреждениями ни ГОЛЬДОРТ, ни вы не ограничились. Рассказывайте, к каким формам отношений вы прибегали?

Ответ: В своей осторожности мы действительно перешли от пожеланий к делу. Переписываясь друг с другом, мы отказались от услуг почты и поручали доставку «корреспонденции» своим «нарочным». Такими «нарочными» являлись наши общие знакомые по Новосибирску, периодически приезжавшие в Москву по делам службы. В существо наших отношений они посвящены не были и мою переписку с ГОЛЬДОРТОМ считали дружеской. Из всех случайных «нарочных» был один, который во всех наших делах являлся человеком не случайным и разбирался в них в совершенстве. Это был наш единомышленник МЕРКИН, которого я назвал ранее при перечислении своих антисоветских связей. МЕРКИН приезжал в Москву неоднократно, привозил письма от ГОЛЬДОРТА и отвозил их ему, от МЕРКИНА мы ничего не скрывали. Так была решена нами «тайна переписки».

Вопрос: А теперь расскажите, каким образом еврейские националисты приобретали враждебную Советскому Союзу литературу?

Ответ: Как я уже ранее сказал, враждебную Советскому Союзу литературу националисты получали из Америки, Англии и Палестины через комитет, теснейшим образом связанный с еврейскими кругами этих государств.

Антисоветская литература привозилась из-за границы и различными лицами еврейской национальности, выезжавшими туда со служебными целями. Так, лично я знаю, что еврейский писатель ЗАБАРА, с которым, как уже известно следствию, я находился в период моего пребывания в Киеве в антисоветской связи, в 1947 году привез из Германии для комитета массу еврейской националистической литературы, изданной в различных странах запада еврейскими националистами.

ЗАБАРА пробыл в Германии около 2-х лет, подвизаясь там в редакции немецкой газеты «Теглихе Рундшау» («Ежедневное обозрение»), выходящей в советской оккупационной зоне. Находясь в Германии, ЗАБАРА в моральном и политическом отношении окончательно разложился. В 1947 году у меня было с ЗАБАРОЙ три встречи.

Вопрос: О них расскажите подробно.

Ответ: В марте-апреле 1947 года, после нескольких лет перерыва во встречах, ЗАБАРА неожиданно посетил меня в Москве. Он рассказал, что прибыл из Берлина, где работал в редакции газеты «Теглихе Рундшау», якобы для того, чтобы сдать еврейскому театру написанную им пьесу. На время пребывания в Москве ЗАБАРЕ была предоставлена правлением Союза советских писателей комната под Москвой в дачном городке советских писателей Переделкино, где на протяжении 10 примерно дней он и проживал. По приглашению ЗАБАРЫ я посетил его в Переделкино и здесь убедился, что, как и в прежние годы, он занимается приобретением нелегалщины и снабжением ею еврейских националистов. ЗАБАРА показал мне массу журналов, газет и брошюр на еврейском и древнееврейском языке, изданных в различных странах запада. Все это была еврейская националистическая литература сионистского направления.

Заинтересовавшись ею, я спросил ЗАБАРУ, где и для каких целей он достал ее. ЗАБАРА ответил, что литература была специально подобрана им за границей по поручению руководителей еврейского антифашистского комитета, и что привез он ее для передачи комитету. Бегло просмотрев литературу, я обратился к ЗАБАРЕ с просьбой дать и мне кое-что. Просьба моя была удовлетворена, и я получил от ЗАБАРЫ несколько еврейских газет, журналов и брошюр, а также доклад лидера сионистов БЕН ГУРИОНА, ныне премьер-министра еврейского государства Израиль на конгрессе сионистов 1946 года по палестинскому вопросу.

В беседах со мной ЗАБАРА очень много и красочно говорил о растущем на западе движении сионистов, что среди еврейского населения Германии, Франции и других стран запада возникают стихийные и многочисленные собрания и митинги евреев, что «идея» борьбы за создание своего самостоятельного еврейского государства в Палестине охватила такие широкие еврейские массы всего мира, что это не могло не коснуться определенной части и советских евреев. В этой связи ЗАБАРА мне рассказал, что имеют место случаи, когда советские евреи, находящиеся в Советской Армии на офицерских должностях, перебегают якобы к американцам и англичанам специально для того, чтобы уйти на «свою родину» в Палестину и с оружием в руках отстаивать ее от чьих бы то ни было посягательств. ЗАБАРА говорил, что уже тогда в Палестине воевали некоторые евреи офицеры Советской Армии, бежавшие в Палестину через западные зоны оккупации Германии.

О побеге офицеров евреев из Советской Армии ЗАБАРА отзывался сочувственно и весьма одобрительно.

С большим чувством удовлетворения ЗАБАРА мне также говорил, что, находясь в Германии, он имел неограниченные возможности

общения с евреями, проходившими службу в американской армии, совместно с ними он праздновал по всем религиозным традициям еврейскую пасху, имел с ними многочисленные беседы о Палестине.

Зная ЗАБАРУ еще по Киеву как морально нечистоплотного типа, я в этот раз убедился в его окончательном падении. Окончательно потеряв моральный облик, ЗАБАРА похвалялся мне своим развратным образом жизни, необузданным разгулом и пьяными оргиями с немками, рассказывая об этом своем падении как о делах, достойных похвалы. В 1947 году ЗАБАРА выехал в Киев, и я больше с ним не встречался.

Вопрос: Куда вы дели литературу, полученную от ЗАБАРЫ?

Ответ: Вскоре после отъезда ЗАБАРЫ в Киев, в Москву по делам службы приехал МЕРКИН. Я ознакомил его с полученной от ЗАБАРЫ литературой, а при отъезде МЕРКИНА в Новосибирск вручил ему для передачи ГОЛЬДОРТУ специально переписанный мною для него от руки доклад БЕН ГУРИОНА, одну газету и две брошюры. К этой литературе я приложил для ГОЛЬДОРТА обстоятельное письмо с подробным описанием своих встреч с ЗАБАРОЙ и полученных от него сведений. В этом же письме я настоятельно рекомендовал ГОЛЬДОРТУ всю полученную от меня литературу и письма, как документы, уличающие нас в антисоветской связи и деятельности, уничтожить путем сожжения.

Оставшуюся у меня литературу я после тщательного изучения уничтожил. Поступил ли также и ГОЛЬДОРТ, я не знаю.

Протокол допроса с моих слов записан правильно, мною прочитан.

(Байтер)

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ
ПО ОСОБОВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
подполковник (подпись) (ШИШКОВ)

Подлинник протокола допроса БАЙТЕРА И.И. находится в следделе № 2258.

ВЕРНО: СТ. ОПЕРУПОЛН. 6 ОТДЕЛЕНИЯ ОТДЕЛА 2/3 2 ГЛ. УПР. МГБ СССР
Подполковник (подпись) (ГРОМОВ)

№ 2

Стенограмма

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого ГОЛЬДОРТА Григория Яковлевича

29 декабря 1949 года гор. Новосибирск

ГОЛЬДОРТ Г.Я., 1909 года рождения, уроженец г. Белая Церковь, Киевской области, еврей, гражданин СССР, из семьи служителя религиозного культа, беспартийный, с высшим образованием, кандидат филологических наук.

До ареста – зав. кафедрой русского языка
Новосибирского Педагогического института.

Допрос начат в 10 ч.30 мин.

Вопрос: Вы арестованы как старый кадровый националист. Когда и в силу каких причин вы стали на путь антисоветской националистической деятельности?

Ответ: Я твердо придерживаюсь национальной политики советской власти, в силу чего националистической деятельностью не мог заниматься. На каком основании мне предъявляются такие тяжелые обвинения, для меня не понятно.

Вопрос: Вам лучше, чем кому-либо другому известно совершенное вами преступление. Показывайте правду.

Ответ: Я честный советский ученый и не намерен был заниматься преступной деятельностью. Считаю, что органы МГБ должны поверить моей искренности, так как мои политические убеждения безупречны.

Вопрос: Не хотите ли вы этим сказать, что «безупречно» и ваше прошлое?

Ответ: Этого я не скажу. Мое прошлое меня действительно компрометирует.

Вопрос: Вы готовы в этот откровенно сознаться?

Ответ: Я расскажу всю правду

Вопрос: Рассказывайте.

Ответ: Родился я в семье служителя религиозного культа и воспитывался под влиянием националистических убеждений отца, а также окружавшей меня мелкобуржуазной среды.

С детских лет я читал преимущественно еврейскую националистическую (сионистскую) литературу и, таким образом, постепенно сформировался как националист.

В 1922 году в г Беляя Церковь, Киевской области, познакомился с участниками еврейской нелегальной антисоветской националистической организации «Гашомер-Гацаер» (молодой страж) – сестрами БАЛЯСНЫМИ и через них вступил в эту организацию. Основной задачей организации являлось проведение контрреволюционной националистической работы по отрыву еврейских детей и юношества от пионерской организации и комсомола, по привитию молодежи националистических и сионистских взглядов о том, что еврейский народ имеет якобы особые интересы и особую тяжелую судьбу, что «еврейский вопрос» может быть разрешен только путем создания самостоятельного буржуазного государства в Палестине и что поэтому всей еврейской молодежи нужно готовиться к переезду туда.

В соответствии с этим на собраниях организации, происходивших подпольно, осуждалась национальная политика советской власти в отношении еврейского населения и, в частности то, что Советское

государство якобы не учитывает коренных интересов еврейского народа, не разрешает сионистским националистическим организациям проводить свою работу среди еврейской молодежи. Кроме того, на собраниях организации читалась еврейская сионистского толка художественная литература и при обсуждении ее велась агитация в том духе, что всем евреям, проживающим в Советском Союзе, нужно эмигрировать в Палестину.

Таким образом, деятельность организации, активным участником которой я являлся, направлялась к отрыву еврейской молодежи от социалистического строительства.

Велась усиленная работа по вовлечению в организацию новых лиц, для чего каждому участнику поручалось обрабатывать в националистическом духе своих знакомых из числа молодежи, на предмет вступления их в организацию.

В целях конспирации, организация делилась на группы, и собрания этих групп устраивались нелегально на квартирах членов организации. Собрания всех участников организации и торжественные вечера, посвященные еврейским религиозным праздникам, происходили за городом в таких местах, как кладбище и пригородный лес, с соблюдением необходимых мер предосторожности (выставлялись посты и т.д.).

Общее руководство организацией осуществлялось представителями контрреволюционного националистического центра, находившегося в гор. Киеве, присылавшего директивы и нелегальную националистическую литературу для обсуждения их на собраниях членов организации.

В 1924 году меня, как активного члена организации, назначили руководителем одной из групп в 10-12 человек. В связи с этим, моя практическая деятельность в организации с этого времени выражалась в том, что я проводил собрания группы, на которых с антисоветских и националистических позиций освещал жизнь еврейского народа в СССР, призывал к тому, чтобы противопоставлять мероприятиям партии и советской власти среди еврейского населения сионистскую работу, направленную к отрыву еврейской молодежи от советской действительности и достижению основных целей сионизма – созданию еврейского буржуазного государства в Палестине.

Вопрос: Сколько человек насчитывала ваша организация?

Ответ: В состав белоцерковской организации «Гашомер Гацаер» входило, приблизительно, 80 человек.

Вопрос: Кто был руководителем?

Ответ: Руководителями организации, существовавшей в гор. Белая Церковь, являлись два человека – Исак ЛАНДА и Соломон ДУБИНСКИЙ, оба тогда студенты Белоцерковского механического техникума.

Вопрос: Какой период действовала названная вами организация?

Ответ: Организация «Гашомер Гацаер» существовала, насколько я сейчас помню, с 1921 до середины 1925 года, после чего была разгромлена органами ОГПУ.

Вопрос: Вы арестовывались по делу «Гашомер Гацаер»?

Ответ: Нет, мне удалось избежать ареста.

Вопрос: Каким путем вам удалось избежать ареста?

Ответ: В 1925 году, как я уже показал выше, наша организация была разгромлена органами ОГПУ и ряд ее активных членов были арестованы. Меня тогда почему-то к ответственности не привлекли, а вскоре я уехал в Киев. В 1926 году, когда я уже учился в Киевском педтехникуме, меня вызвали в ОГПУ и предложили поместить декларацию в местной газете о своем организационном и идейном разрыве с «Гашомер Гацаер» и об осуждении ее антисоветской деятельности. Я это сделал, но исходил при этом исключительно из формальных соображений, так как по существу продолжал оставаться убежденным националистом до последнего времени.

Вопрос: После разгрома «Гашомер Гацаер» вы не только остались убежденным националистом, но и не порвали организационных связей с ее участниками и продолжали вести организованную антисоветскую работу. Почему вы об этом не говорите?

Ответ: Из участников организации «Гашомер Гацаер» после 1925 года я продолжал поддерживать связь только с одним лицом БАЙТЕРОМ Исаком Ионовичем.

Вопрос: Какую связь. Говорите откровенно.

Ответ: Я имею в виду преступную связь.

Вопрос: В чем конкретно она выражалась?

Ответ: БАЙТЕРА я знаю с юных лет, по совместному участию в существовавшей в г. Белая Церковь организации «Гашомер-Гацаер». В 1927 году он приехал в г. Киев, куда я, как показал выше, выехал раньше, и между нами была вновь установлена связь БАЙТЕР и я часто посещали друг друга на квартирах и во время этих встреч вели националистические разговоры, возводя при этом враждебную клевету на Советское правительство. В частности, мы сходились на том, что мероприятие Советского правительства по организации автономной еврейской области в Биробиджане – беспочвенная затея, не приносящая разрешения «еврейского вопроса».

Мы утверждали, что в силу отдаленности и суровости природы, идея строительства еврейской автономной области в Биробиджане не пользуется популярностью среди еврейского населения. Вместе с этим, мы приходили к выводу, что местом сосредоточения всех евреев может быть только Палестина.

Примерно в 1929 году я познакомил БАЙТЕРА с националистом ЗАБАРА Натаном Ильичем, входившим в то время в группу

начинающих еврейских писателей, и с которым я имел несколько встреч, как с единомышленником. Позднее наши связи укрепились и в 1928-29 гг. ЗАБАРА снабжал меня и БАЙТЕРА буржуазно-националистическими газетами и журналами, которые давали нам возможность следить за развитием сионистского движения в зарубежных странах, что нас, как националистов, очень интересовало. В связи с чтением этих газет и журналов, между мной, БАЙТЕРОМ и ЗАБАРОЙ, происходили совместные националистические беседы, в ходе которых мы осуждали национальную политику советской власти, утверждая, что партия и Советское государство якобы тормозят развитие еврейской культуры и не дают возможности вести национальную работу в еврейских школах и других культурных организациях.

В 1929 году, по окончании Киевского педтехникума, я был направлен преподавателем еврейского языка и литературы в Золотоношскую семилетнюю школу. Однако связь моя с БАЙТЕРОМ не прекратилась. Приезжая изредка из Золотоноши в Киев, я встречался с ним, и по-прежнему между нами проходили националистического содержания разговоры.

Вопрос: Ваша националистическая деятельность в Киеве не ограничивалась связью с БАЙТЕРОМ и ЗАБАРОЙ. Показывайте откровенно.

Ответ: Кроме БАЙТЕРА и ЗАБАРЫ я еще поддерживал связь как с националистом со своим товарищем по учебе в киевском педтехникуме Исаком ВАЙНШТОКОМ, который был не только националистом, но и питал к советской власти классовую ненависть как сын репрессированного в 1920 году купца.

Вопрос: И теперь вы до конца не договариваете. Назовите всех лиц, с которыми вы поддерживали преступную связь в Киеве?

Ответ: Никого больше я назвать не могу.

Вопрос: Неправда. В Киеве вы вели активную националистическую деятельность и были связаны с рядом националистов.

Ответ: Я настаиваю на своих показаниях и утверждаю, что, проживая в Киеве, я поддерживал преступную связь исключительно с БАЙТЕРОМ, ЗАБАРОЙ и ВАЙНШТОКОМ.

Вопрос: К этому вопросу мы еще вернемся, а сейчас покажите, какую антисоветскую работу вы проводили в последующее время?

Ответ: Никакой антисоветской националистической работы, начиная с 1932 года и по день моего ареста, я не проводил.

Вопрос: Выходит, что вы изменили свои националистические убеждения?

Ответ: Нет, по убеждениям я оставался, как и прежде, националистом, однако, практически ничем себя не проявил.

Вопрос: Это неправда. Вы не только не прекратили своей антисоветской националистической деятельности, а за последние годы активизировали ее. Покажете об этом?

Ответ: Должен признать, что я нередко бывал в 1938-1939 гг. в Москве, где встречался со своим старым единомышленником БАЙТЕР и вел антисоветские националистические разговоры, сводящиеся к тому, что Советское правительство якобы стремится ассимилировать евреев насильно, ликвидируя их национальную культуру и язык.

В 1942 году в связи с войной, БАЙТЕР эвакуировался из Москвы в гор. Новосибирск и известил об это письмом меня. Я также уволился в Саратовском пединституте и в 1943 году переехал в Новосибирск.

Таким образом, с 1943 года, между мной и БАЙТЕР опять установилась систематическая личная связь, и мы по-прежнему вели свои антисоветские националистические разговоры, но никакой активной антисоветской работой мы не занимались.

Вопрос: Опять вы показываете неправду. Назовите фамилии еврейских националистов, с которыми вы, проживая в г. Новосибирске, поддерживали связь?

Ответ: Проживая в г. Новосибирске, я имел знакомых из числа евреев, но это были обычные знакомые, а не националистические связи.

Вопрос: Назовите этих «обычных» знакомых?

Ответ: В 1943-46 гг., проживая в г. Новосибирске, я познакомился со следующими лицами:

1. ГУТМАРК Пейсак, польский еврей, эвакуированный в Новосибирск из Белоруссии. Познакомился с ним приблизительно в 1945 году в Белорусском еврейском театре, в котором он работал артистом.

2. ГАРТМАН Мендл, польский еврей, эвакуированный в Новосибирск из западных районов Украины. Познакомился с ним в 1944 году на одном из спектаклей Белорусского еврейского театра. Работал жестянщиком на ТЭЦ-2.

3. КАНТОР Самуил Борисович, преподаватель истории Новосибирского Пединститута. Познакомился с ним в 1945 г.

4. МОСТКОВА Эсфирь Моисеевна – учительница русского языка, знаю ее как студентку Новосибирского Пединститута.

5. ШМЕРЛИН Юзеф, польский еврей, по профессии бухгалтер. Познакомила меня с ним в 1946 году его жена – учительница русского языка МОСТКОВА Эсфирь Моисеевна.

6. ГЕТЛЕР Яков, польский еврей, эвакуированный в Новосибирск из западных районов Украины. Познакомился я с ним через нашего общего знакомого Айзик ВУЛЬФОВИЧ в 1944 году. В то время он работал снабженцем на химзаводе.

7. МЕРКИН Абрам Захарович – директор заочного Новосибирского Педучилища, мой сосед по дому. Знакомы с ним с 1944 года.

Вопрос: Судя по должностному положению нельзя верить, чтобы все эти лица могли вас заинтересовать просто как знакомые. С какой целью вы вступали с ними в связь?

Ответ: Я затрудняюсь ответить на этот вопрос.

Вопрос: Тяжело признаться? Предупреждаем вас, что правду вам все равно не скрыть.

Ответ: Но я все же показываю правду. Это были самые обычные знакомства.

Вопрос: Лжете. Где же ваша искренность, о которой вы на протяжении всего допроса говорите?

Ответ: Я не знаю, что еще отвечать

Вопрос: Вы намеренно искали встреч с антисоветским элементом, в силу чего и знакомились с указанными лицами. Вы начнете говорить правду?

Ответ: Дальше лгать я не намерен. В действительности, перед знакомством с этими лицами у меня были вполне определившиеся цели, в осуществлении которых я вступал с ними в антисоветскую связь. Дело в том, что связь с одним только БАЙТЕРОМ меня удовлетворить не могла, так как я не получал желаемых мне результатов.

После приезда в Новосибирск, я поставил своей задачей группировать вокруг себя антисоветски и националистически настроенных лиц с тем, чтобы вместе с ними проводить организованную контрреволюционную работу и этим внести возможно больший вклад в сионистское движение.

Вопрос: Вы добились этого?

Ответ: Не скрою, что проводимая мною организованная антисоветская деятельность нанесла известный вред Советскому государству.

Вопрос: Таким образом, приехав в г. Новосибирск, вы стали на путь организованной борьбы с советской властью?

Ответ: Да.

Вопрос: В чем она выразилась?

Ответ: В Новосибирске я создал антисоветскую группу. Все выше названы лица как «знакомые», в действительности, являлись участниками созданной мною антисоветской националистической группы.

Вопрос: При каких обстоятельствах вы создали антисоветскую националистическую группу?

Ответ: Прежде всего, я хочу показать о своей преступной связи с участником группы БАЙТЕРОМ, который был ко мне наиболее близок по совместной антисоветской и националистической деятельности. Я уже показал выше, что БАЙТЕРА знаю как националиста с 1923 года.

В период 1943-46 гг., когда я и он жили в Новосибирске, мы часто приходили друг к другу в гости и почти при каждой нашей встрече делились своими националистическими взглядами и соображениями. Общая тенденция наших разговоров была такова, что сосредотачивали свое внимание почти исключительно на вопросах еврейской жизни, клеветнически утверждали, что в Советском Союзе якобы глушится еврейская культура и производится насильственная ассимиляция, что

приведет к полному исчезновению еврейского языка, национальных традиций и вообще евреев как нации.

Мы утверждали, что Советское правительство ведет якобы неправильную национальную политику по отношению к евреям, в результате чего они расселены по стране небольшими группами и, следовательно, поставлены советской властью в более худшие условия, чем любая другая национальность СССР.

Мы с враждебных позиций рассматривали работу по развитию в Биробиджане еврейской автономной области и сходились на том, что в данном случае Советское правительство несправедливо отнеслось к евреям, проживающим в СССР, предоставив им автономию на совершенно неподходящей территории, т.е. отдаленной и с суровым климатом.

Мы с БАЙТЕРОМ систематически читали еврейскую газету «Эйникайт» и тщательно следили за сообщениями о сионистском движении в Палестине и за ее пределами. И несмотря на то, что газета освещала вопросы сионизма с большевистских позиций, мы все же истолковывали этот вопрос со своих националистических позиций и обвиняли газету в необъективности.

Во всех своих разговорах мы с БАЙТЕР сходились на том, что якобы для успешного разрешения «еврейского вопроса» необходимо создать самостоятельное еврейское государство в Палестине, куда переселить всех евреев, проживающих в разных странах.

Мы также считали необходимым поднять среди советских евреев массовое движение за выезд в Палестину и, таким образом, понудить Советское правительство дать на это свое согласие.

В процессе бесед с БАЙТЕРОМ мы клеветнически утверждали, что в последние годы в СССР якобы наблюдается усиление антисемитизма, недружелюбного отношения к евреям и что Советское правительство не ведет с этим никакой борьбы.

В сентябре 1945 года, перед отъездом БАЙТЕРА в Москву, у меня на квартире был устроен прощальный вечер, в котором участвовала большая часть наших единомышленников – ГАРТМАН, ГЕТЛЕР, КАНТОР, ВУЛЬФОВИЧ, ГУТМАРК и знакомый БАЙТЕРА – СОЛОДКИЙ Наум Ермолаевич.

На этом вечере мы восхваляли БАЙТЕРА как «истинного» еврея, т.е. еврея националистически настроенного и желали ему успеха в дальнейшей националистической деятельности.

Вопрос: Под видом «прощального» вечера вами было организовано антисоветское сборище. Так это?

Ответ: Да. На вечере присутствовали участники нашей националистической группы и лица, разделявшие наши сионистские взгляды (ВУЛЬФОВИЧ, СОЛОДКИЙ). По существу это было антисоветское сборище, где обсуждались националистического

порядка вопросы и распевались буржуазно-националистические песни.
Вопрос: С БАЙТЕРОМ Вы не порывали антисоветской связи и в последующее время?

Ответ: Связь моя с БАЙТЕРОМ продолжалась до дня его ареста органами МГБ, только приняла иные формы.

В течение 1946-1949 гг. мы вели друг с другом антисоветского характера переписку. БАЙТЕР аккуратно информировал меня о положении дел в Палестине, настроениях еврейских националистов и снабжал контрреволюционной националистической литературой.

Во всех своих письмах он подчеркивал свою приверженность к националистическим «идеям» и, зная меня как своего ближайшего единомышленника, откровенно излагал антисоветские и националистические настроения, сообщая последние новости о Палестине и о националистическом еврейском движении за рубежом.

Передавая содержание своих националистических разговоров с писателями-националистами ЗАБАРОЙ и ОРЛАНДОМ, он подчеркивал, что, по словам ОРЛАНДА, среди членов еврейского антифашистского комитета и в редакции газеты «Эйникайт» распространены националистические сионистские настроения, что такими же настроениями охвачена якобы значительная часть еврейского населения Москвы и других городов. Однако, комитет не может отразить этих сионистских стремлений и чаяний еврейского народа потому, что над ним установлен твердый партийный контроль.

Далее БАЙТЕР сообщал мне, что ОРЛАНД и многие другие писатели и журналисты из евреев придают огромное значение возникновению еврейского государства в Палестине и что большинство из них желают переехать туда.

В одном из писем БАЙТЕР с особым удовлетворением сообщил мне о якобы широком распространении националистического движения среди московских евреев, подтвердив эту клевету ссылкой на торжественный молебен в московской синагоге по случаю создания государства Израиля, во время которого, якобы, толпы московских евреев приветствовали посла вновь созданного еврейского государства. При этом он добавлял, что, судя по всему, многие советские евреи поехали бы в Палестину, если бы Советское правительство дало на это разрешение.

В последнем из своих писем в апреле 1949 года БАЙТЕР с сожалением сообщил мне о закрытии Советским правительством газеты «Эйникайт» и еврейского антифашистского комитета, в связи с разоблачением националистической деятельности этих организаций и сионистским влиянием с их стороны на еврейское население СССР.

Далее БАЙТЕР с возмущением писал, что в Советском государстве нет возможности придерживаться открыто своих националистических убеждений и вести соответствующую работу, что после войны якобы

со свечами ищут националистов на еврейской улице, и что никаких смягчений в политической жизни евреев нет, что «веревочка» сейчас затянута еще туже.

Вопрос: Откуда вам известно, что БАЙТЕР арестован органами МГБ?

Ответ: Об этом мне сообщил родственник БАЙТЕРА (дядя) БАТЕР, проживающий в г. Новосибирске.

Вопрос: Вы поддерживали антисоветские измышления БАЙТЕРА, изложенные им в письмах к вам?

Ответ: Я полностью разделял высказанные БАЙТЕРОМ антисоветские националистические взгляды и с удовольствием читал его письма.

Со своей стороны, в 1946-1947 гг. в письмах БАЙТЕРУ я передавал новости о Палестине и сионистском движении в зарубежных странах, которые я узнал, прочитав несколько номеров Лодзинской еврейской газеты «Дас Ное Лебн», издававшейся ППР при соучастии представителей «левых» сионистских группировок Польши и Бунда. Направление этих писем было националистическим. Я с удовольствием отмечал рост сионистского движения среди зарубежных евреев и сетовал на то, что в нашей стране не освещаются эти «замечательные» события в жизни еврейского народа. Я просил БАЙТЕРА и в дальнейшем описывать «приятные» новости о Палестине, информировать о жизни евреев в центре.

В одном из своих писем я жаловался БАЙТЕРУ на издевательское отношение ко мне как к еврею со стороны части граждан русской национальности и расценивал это проявлением антисемитизма, называя последних черносотенными субъектами и пуришкевичами.

Я указывал ему при этом, что существующее в СССР положение якобы сделало нас маленькими людьми, с ограниченными интересами и спрашивал его, когда наконец будет создано еврейское государство и мы сможем жить как настоящие люди.

Я признаю, что писал антисоветскую клевету, ибо никаких притеснений со стороны Советского государства я не переживал, а наоборот, мне была дана возможность получить ученую степень и доверено преподавать русский язык. Мой труд высоко оплачивался и я жил, ни в чем не нуждаясь.

Вопрос: Каким образом вы получали Лодзинскую газету «Дас Ное Лебн»?

Ответ: Экземпляры этой газеты я получал в «Союзе польских патриотов».

Вопрос: Каким образом доставлялись ваши письма к БАЙТЕРУ и его к вам?

Ответ: Учитывая, что наши письма носили антисоветский националистический характер, я и БАЙТЕР поручали доставку их нашим знакомым: Абраму МЕРКИНУ, Исаку и Еве БАТЕР (родственники БАЙТЕРА), инженеру ТЭЦ ШВАРЦУ и работнице завода им. Чкалова Евгении КОНЕЦ-ПОЛЬСКОЙ.

МЕРКИН Абрам, на которого можно было полностью положиться, привозил мне два раза из Москвы от БАЙТЕРА по несколько

зарубежных буржуазно-националистических газет и журналов.

Вопрос: Вы заранее договаривались с БАЙТЕРОМ о таких формах связи?

Ответ: Мы сознательно передавали письма через знакомых, а не по почте, так как подобная форма связи, учитывая антисоветский характер переписки, обеспечивала безопасность последней.

Кроме того, в целях конспирации, мы предупреждали друг друга о необходимости сжигать письма и литературу и применяли условные выражения. На конвертах не указывали адрес и фамилию получателя.

Вопрос: Какими журналами и газетами снабжал вас БАЙТЕР?

Ответ: В 1946 году БАЙТЕР прислал мне через МЕРКИНА, находившегося в командировке в Москве несколько экземпляров зарубежных еврейских буржуазно-националистических газет и журналов. Одна из этих газет, выходящая в Париже, носила название «Унзер Ворт» («Наше слово») и являлась органом французской организации «левой» сионистской партии «Поалей Цион», другая газета под названием «Палестайн пост» на еврейском языке выходила в Палестине. Из Палестины были также два бюллетеня – древнееврейский бюллетень, название которого я забыл и один польский бюллетень также «левых» сионистов. Точного содержания этих газет и журналов я теперь не помню, знаю только, что все они были насквозь пропитаны духом национализма и пропагандировали на своих страницах идеи сионизма и создания еврейского буржуазного государства в Палестине

Вместе с этими изданиями БАЙТЕР прислал мне через МЕРКИНА переписанный от руки доклад сионистского лидера нынешнего премьер-министра Израиля Давида БЕН-ГУРИОНА на 22-м всемирном сионистском конгрессе, состоявшемся, кажется в Женеве приблизительно в 1945 году.

Доклад БЕН-ГУРИОНА представлял собой политический отчет крупнейшей сионистской партии Палестины о том, как она подготавливает экономически, культурно и политическое образование еврейского государства и обеспечение свободной эмиграции туда лиц еврейской национальности. Доклад носил ярко выраженный националистический и буржуазный характер.

Эти журналы, газеты, а также текст доклада БЕН-ГУРИОНА я читал не только сам, но и ознакомил с ними своего единомышленника ШМЕРЛИНА.

Вопрос: Став, таким образом, на путь распространения антисоветских националистических документов?

Ответ: Да.

Вопрос: С какой целью вы это делали?

Ответ: Делал я это с антисоветской и националистической целью.

Вопрос: Где хранится полученная Вами от БАЙТЕРА националистическая литература?

Ответ: Полученную мною от БАЙТЕРА националистическую литературу, в интересах конспирации, я уничтожил.

Вопрос: Откуда получал эту литературу БАЙТЕР?

Ответ: В одном из писем БАЙТЕР мне писал, что еврейскую националистическую литературу он получает через нашего общего знакомого по гор. Киеву писателя Натана ЗАБАРА, работавшего после войны в Берлине, в редакции советской газеты БАЙТЕР при этом указывал, что именно ЗАБАРА ему передает еврейские газеты и журналы, часть из которых он мне пересылает.

Вопрос: Вы виделись с БАЙТЕРОМ в Москве?

Ответ: Да. Во время научной командировки в Москву летом 1948 года, в связи с разработкой мною докторской диссертации, я проживал 15 дней на квартире у БАЙТЕРА.

В беседах с ним мы по-прежнему вели антисоветский разговор, делились мнениями по ходу борьбы вокруг создания государства Израиль и, узнав о провозглашении этого нового государства, мы от души поздравляли друг друга с осуществлением этой долголетней нашей личной мечты и мечты всех своих сторонников.

Мы сходились на том, что теперь якобы всем ясно, насколько жизненным и исторически оправданным оказалось сионистское движение, если создание Израиля стало большой волнующей международной проблемой.

БАЙТЕР мне также рассказывал, что его знакомый из еврейского антифашистского комитета (фамилию забыл) якобы говорил ему, что в комитет, в связи с войной в Палестине поступают многочисленные заявления советских евреев, желающих поехать сражаться в еврейских войсках Израиля, и что неизвестно только – согласится ли на это Советское правительство. Нам, конечно, страстно хотелось, чтобы этот вопрос разрешился положительно.

У БАЙТЕРА дома я видел и читал несколько еврейских буржуазно-националистических газет и журналов, название которых сейчас не помню. Содержание их было примерно такое же, как и тех, которые он присылал мне в Новосибирск.

Вопрос: В чем еще заключалась ваша антисоветская связь с БАЙТЕРОМ?

Ответ: Возможно, я упустил некоторые моменты из моей преступной связи с ним, но насколько это сохранилось в моей памяти к сегодняшнему дню, я показал все.

Вопрос: Вы показали о характере своей преступной связи с БАЙТЕРОМ, упустив при этом других участников группы. Покажите об этом.

Ответ: Помимо БАЙТЕРА я, начиная с 1943 года в разное время, установил преступные связи и при встречах вел антисоветские националистические беседы с МЕРКИНЫМ, ГЕТЛЕРОМ, ГУТМАРКОМ, КАНТОРОМ, ШМЕРЛИНЫМ, ГАРТМАНОМ, МОСТКОВОЙ, которые, как я показал ранее, являлись участниками

созданной мною националистической группы.

Помимо индивидуальных антисоветских бесед с каждым из названных мною лиц, мы очень часто устраивали антисоветские сборища, местом для которых обычно была моя квартира.

В кругу своих единомышленников я клеветал на национальную политику Советского государства и действительное положение еврейского народа в СССР, утверждая при этом, что в последние годы в стране якобы наблюдается усиление антисемитизма и со стороны Советского правительства не принимается никаких мер для его изжития.

Я заявлял, что евреи в СССР находятся якобы в безвыходном положении, что их всячески притесняют и игнорируют во всех областях общественной и культурной жизни, что в нашей стране проводится политика насильной * ассимиляции евреев.

Выступая против всего прогрессивного, направленного на борьбу с национализмом, я, в частности, осуждал статью советского писателя И.ФЕФЕРА в московской газете «Эйникайт» лишь за то, что он не поддерживает стремления и чаяния сионистов.

Преследуя цель всячески опорочить национальную политику советской власти, я клеветнически утверждал о том, что еврейская молодежь в Советском Союзе ничего не знает о своем народе, забыла свою культуру и язык и что настоящую еврейскую молодежь можно видеть среди эвакуированных из бывшей панской Польши и других капиталистических стран.

Вместе с этим, разжигая и внедряя в сознание своих единомышленников чувство национальной неприязни к другим народам Советского Союза и, в первую очередь, к русскому народу, я говорил, что Советское правительство опирается якобы исключительно на русский народ, что ведет в итоге к росту в стране великодержавного шовинизма, в то время, как еврейский народ, как я выражался – народ героев и талантов, приносится в жертву политическим нуждам страны.

Я с возмущением утверждал, что евреям не дана возможность широко отмечать памятные даты юбилеев своих национальных писателей – классиков, ученых и восхвалять свое историческое прошлое, в то время, как юбилеи русских выдающихся людей отмечаются как знаменательные даты истории.

В основе этих разговоров всегда лежало сочувствие националистическому движению сионистов и признание их борьбы за осуществление своих «идей» правильным и справедливым делом.

Наряду с этим, на созываемых нами так называемых вечеринках, поднимались тосты за возвращение еврейской культуры и произносилось традиционное священное пожелание: «В будущем году

* Так у тексті. — *Авт.*

будем в Иерусалиме».

Вопрос: Называйте вещи своими именами. Это были не «вечеринки», а заранее обусловленные антисоветские сборища националистов.

Ответ: Да, это было так. Все эти «вечеринки» по существу являлись антисоветскими сборищами, на которых велась злобная националистическая агитация.

Вопрос: Как реагировали участники сборищ на ваши антисоветские националистические высказывания?

Ответ: Мне трудно восстановить в памяти конкретные факты преступной деятельности каждого участника группы. Но достоверно то, что все они не только полностью поддерживали мои антисоветские националистические взгляды, но сами нередко их высказывали. ГУТМАРК, например, ярко проявлял себя как еврейский националист. Он неоднократно жаловался на положение евреев в СССР, высказывал свое возмущение по поводу того, что даже в еврейских театрах пренебрегают еврейской культурой и языком и ведут репетиции на русском языке.

Рассказывая о том, что до войны он был коммунистом в Польше, ГУТМАРК говорил, что за годы пребывания в СССР он разочаровался в коммунистическом движении и в советском строе и заявлял, что якобы только путем сионизма еврейский народ обеспечит свое будущее. Он неоднократно подчеркивал, что отныне будет отдавать все свои силы только националистическому еврейскому движению и при первой возможности постарается выбраться в Палестину.

МОСТКОВА Эсфирь, ее муж ШМЕРЛИН всегда с увлечением говорили обо всякой ставшей им известной новости из Палестины, выражали сожаление, что не могут лично участвовать в войне евреев в Палестине за создание и укрепление родного им еврейского государства.

МОСТКОВА часто говорила, что хотя она ранее была оторвана от еврейской жизни и не знает даже еврейского языка, на трагическом опыте еврейского народа и вследствие болезненного переживания ею якобы враждебного отношения со стороны русских к евреям, она собственным умом дошла до сионистских убеждений и теперь горячо сочувствует сионизму, считая, что только осуществление его целей может решить все наиболее важные вопросы жизни еврейского народа. Она при этом клеветнически утверждала, что положение евреев в нашей стране становится якобы все более тяжелым из-за растущего антисемитизма, что еврейская культура и жизнь в СССР полностью отсутствуют и что еврейская культура может развиваться только в Палестине на древнееврейском языке.

Такие разговоры она вела при полном одобрении со стороны ее мужа ШМЕРЛИНА, который, проживая ранее в Польше, был сионистом и занимался активной националистической деятельностью.

Участники группы ГАРТМАН и ГЕТЛЕР, будучи выходцами из буржуазных семей, полностью солидаризировались с нашими националистическими взглядами и, кроме того, высказывали резкую клевету на советский строй.

ГАРТМАН, в частности, неоднократно утверждал, что социализм он представлял себе более совершенным и гуманным, чем это наблюдал в Советском Союзе. И в связи с этим делал злобные выпады против коммунистической партии и Советского государственного строя, утверждая, что внутри партии якобы нет демократии, а народ вообще зажат коммунистами и не имеет никакой свободы. У русских коммунистов, говорил он, социализм создан только якобы для них самих

Что касается ГЕТЛЕРА, то он враждебно относился ко всему русскому, ко всему советскому и высказывал недовольства по поводу всякой мелочи из существующей действительности.

Присутствия на проводимых нами антисоветских собраниях, ГАРТМАН и ГЕТЛЕР очень часто восхваляли жизнь и порядки в бывшей панской Польше, много говорили о стремлении евреев к объединению за создание своего еврейского государства.

Участник нашей националистической группы КАНТОР выражал недовольство положением евреев в стране и утверждал о якобы безнаказанном распространении антисемитизма, приводя по этому поводу ряд клеветнических слухов.

Когда советская делегация выступала в ООН по палестинскому вопросу, он утверждал, что не верит в искренность и прочность этой позиции советской делегации, и считал, что она продиктована конъюнктурными внешними политическими соображениями.

Нередко среди единомышленников КАНТОР утверждал, что как историк он не видит, и нет основания видеть, ничего светлого и разумного в зигзагах истории, и что в последние годы он склоняется к распространенному среди буржуазных историков скептическому афоризму, что история учит только тому, что она никогда, никого, ничему не научила.

Националистических взглядов придерживался и наш соучастник МЕРКИН Абрам, который очень часто не двусмысленно высказывался по отдельным вопросам советской жизни, называя, например основы марксизма-ленинизма «божьим законом». Он считал отношение партии и правительства к православной церкви неправильным, порождающим шовинизм. В то же время он высказывал возмущение тем, что якобы еврейский народ не признается полноправным народом, что в советских условиях он полностью ассимилируется, теряет свою культуру и язык.

МЕРКИН был в курсе моих преступных связей с БАЙТЕРОМ, лично доставлял мои письма к БАЙТЕРУ и привозил мне от него ответы и

контрреволюционную литературу.

Дать более конкретные показания о преступной деятельности каждого участника группы я затрудняюсь, так как за давностью времени не помню точно содержания антисоветских высказываний персонально каждого из них.

Вопрос: Следствию известно, что помимо изложенной вами антисоветской работы, вы занимались еще преступной деятельностью по месту службы. Покажите об этом.

Ответ: Работая в Новосибирском Педагогическом институте, я имел намерение обработать в антисоветском националистическом духе, а затем привлечь к националистической деятельности еврейскую молодежь из числа студентов института.

В этих целях, встречаясь со студентами-евреями, я под благовидными предложениями приглашал их к себе на дом, принимал от некоторых из них экзамены у себя на квартире и оказывал им повышенное внимание, после чего начинал разговор о «еврейских» делах.

В 1946-47 гг. я имел неоднократные беседы со студентом литературного факультета Ильей ЗАКШЕБЕРОМ по вопросу о росте якобы антисемитизма в стране. ЗАКШЕБЕР в частности жаловался, что именно по этой причине, не взирая на то, что он отлично учится, его не оставили при кафедре литературы. Будучи у меня в доме в 1947 году, он передавал мне клеветнический антисоветский слух о том, что якобы Советское правительство издало секретную инструкцию, согласно которой евреев запрещено продвигать по службе и вообще ставить на руководящие посты.

В 1945 году, после приема у себя на квартире экзамена по общему языкознанию от студента факультета иностранных языков пединститута ШОГАНАСА, я с ним завел разговор о древнееврейском языке, который он хорошо знал и о его обучении до войны в древнееврейской школе в Латвии. ШОГАНАС со своей стороны охотно пошел на мой разговор и стал мне рассказывать о развитии древнееврейского языка в Палестине, о жизни евреев там и об их мужественном поведении при попытке нападения со стороны арабов.

В 1947 году у меня на квартире, по моему приглашению, был студент литературного факультета АГРАНОВИЧ. После некоторых моих наводящих замечаний, носивших националистическое содержание, АГРАНОВИЧ стал интересоваться событиями в Палестине, спрашивал мое мнение о том, будет ли там еврейское государство. И я постарался внушить ему, что вопрос создания самостоятельного государства в Палестине является актуальным вопросом для всех евреев, в том числе и для проживающих в СССР.

Действуя таким путем, я стремился постепенно развращать советскую молодежь и способствовал усилению ее националистических настроений, вследствие чего ЗАКШЕБЕР, ШОГАНАС и АГРАНОВИЧ

стали проявлять повышенный интерес к сионистскому движению.

Привлечь же указанных лиц к антисоветской деятельности нашей группы я не смог, так как по окончании института они разъехались в разные города и встречаться с ними я, естественно, не имел возможности.

Вот все, что я имел показать по существу своей преступной националистической деятельности.

Вопрос: Нет, не все. Следствие располагает данными о том, что вы пытались писать антисоветского характера документы. Признаете ли это?

Ответ: Да, признаю. В 1946 году я написал статью, озаглавленную мной «Что должен знать и делать каждый еврей», причем эпиграфом ее служили слова основоположника сионизма доктора ГЕРЦЛЯ «Если захочешь – это не будет мечтой», относившейся к основной цели сионизма — созданию еврейского государства в Палестине.

Содержание написанной мною статьи было пронизано такими мыслями, что в целях предотвращения дальнейших бедствий еврейского народа, необходимо организовать еврейское государство в Палестине, обеспечить воспитание еврейских детей и молодежи в духе преданности своему народу и любви к его культуре. Привлечь все прогрессивные силы еврейского народа и соответствующие международные организации для борьбы с возможными повторными попытками физического и духовного уничтожения евреев.

Далее в этой статье отмечалась необходимость созыва международного конгресса всех слоев еврейского народа для обсуждения проблем дальнейшей жизни последнего.

Вместе с этим я с возмущением осуждал взгляды той части евреев (коммунистов), которые, на мой взгляд, равнодушны к судьбам своего многострадального народа, не хотят понимать, что ему всегда при больших исторических потрясениях грозят опасности кровавых преследований.

Я также указывал, что только общими усилиями евреев возможно преодолеть процесс ассимиляции, который в последние десятилетия все более усиливается.

Таково в общих чертах было содержание написанной мною в националистическом духе статьи. Каких-либо других антисоветских документов я не писал.

Вопрос: Какую цель вы преследовали, написав эту националистическую статью?

Ответ: У меня было желание, чтобы данная статья служила если не программой действий, то во всяком случае, учитывалась евреями в борьбе за свою государственную самостоятельность.

Вопрос: И что вы в этом направлении делали?

Ответ: Опубликовать эту статью, в силу ее реакционного содержания, я не имел возможности. Поэтому познакомил с ней лишь некоторых

участников созданной мной группы. Затем, получив предупреждение от БАЙТЕРА, что еврейские националисты преследуются, я уничтожил ее.

Вопрос: Это была только статья?

Ответ: Да, это была только статья, но в ней поднимались вопросы борьбы еврейского народа за свою самостоятельность.

Вопрос: Какую борьбу вы имели в виду?

Ответ: Содержание написанной мной статьи отстаивало националистические сионистские взгляды и определяло пути сионистского движения, целью которого является создание самостоятельного буржуазного государства в Палестине.

Таким образом, по существу это была программа действий для националистически настроенных лиц.

Вопрос: У вас при обыске изъяты рукописи по «философии». Покажите о ваших убеждениях в этом вопросе.

Ответ: Начитавшись еще в молодости КАНТА, я продолжительный период времени разделял реакционные взгляды идеалистической философии.

Я считал, что в ряде областей исследования надо допустить идеалистическую философию, что в происхождении бытия и его закономерностей есть что-то таинственное и непознаваемое. Таким образом, в вопросе о познаваемости мира я стоял на позициях агностицизма.

Диалектику я трактовал не как научный метод познания и революционного действия, а как нечто мистическое, считая, что диалектика наряду с положительным моментом содержит в себе нечто трагическое и непознаваемое.

В годы юности я очень любил Достоевского и та дань таинственному, мистическому, которую отдавал этот писатель, воспринималась мною как моя собственная точка зрения. Я идеализировал реакционные черты в творчестве Достоевского.

Я признаю также, что реакционную идеалистическую точку зрения в некоторой части проводил и в лингвистике. Я считал затруднительным, а то и невозможным точно познать и определить значение слов.

Такая трактовка вопросов лингвистики находится в противоречии с материалистической теорией МАРРА.

В последнее время я осознал антинаучность и несовместимость своей теории с диалектическим и историческим материализмом и понял, что культивирую реакционные метафизические воззрения, но все же стоял на своих позициях как идейный враг коммунизма, поэтому в изъятых у меня при аресте философских записках имелись указанные выше реакционные умозаключения.

Допрос окончен в 0 ч. 30 мин. 30 декабря 1949 года, производился с перерывом от 16ч. 30 мин. до 20 ч. 00 м. 29-го декабря с.г.

Протокол допроса с моих слов записан правильно, мною прочитан —

ДОПРОСИЛИ: ЗАМ. НАЧ. СЛЕДОТДЕЛА УМГБ НСО

Подполковник (ИВАНЧЕНКО)

НАЧ. ОТД-НИЯ СЛЕДОТДЕЛА

Майор (РИВКИН)

Стенографировала Горячева

ВЕРНО: О/УП. 3 ОТД-Я 2 ОТД. УМГБ НСО

ст. лейтенант (ЛЫСКОВ)

Подлинный протокол допроса ГОЛЬД ОРТ находится в следственном деле № 1263.

ОПЕР. УП. 3 ОТД-Я 2 ОТД.

Ст. лейтенант (ЛЫСКОВ)

ВЕРНО: СТ. ОПЕР. УП. 6 ОТД-Я ОТДЕЛА 2-3

2 ГЛ. УПР. МГБ СССР

майор (подпись) (КРИВОВ)

№ 3

нп-3

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного ФЕФЕРА Исаака Соломоновича

от 4 ноября 1950 года

ФЕФЕР И.С., 1900 года рождения, уроженец мест. Шпола, Киевской области, из семьи сельского учителя, еврей, с незаконченным высшим образованием, состоял в ВКП(б) с 1919 года. До ареста – ответственный секретарь Еврейского антифашистского комитета, еврейский поэт, член Союза советских писателей.

Вопрос: При ликвидации Еврейского антифашистского комитета было обнаружено значительное количество антисоветской националистической литературы, хранившейся в библиотеке комитета. Из каких источников вы получали эту литературу?

Ответ: Еврейская националистическая литература поступала в Еврейский антифашистский комитет из-за границы, главным образом из Америки. После того, как комитет установил связь с зарубежными еврейскими организациями, мы стали иметь возможность получать от этих организаций любую литературу на еврейском языке, вплоть до таких реакционнейших изданий, как газета «Форвертс» и журнал «Цукунфт», выходящие в США.

Книги на еврейском языке комитет получал из Всесоюзной библиотеки иностранной литературы. Кроме того, должен сказать, что несколько десятков националистических изданий мы получили в 1947 году не совсем обычным путем.

Вопрос: Нелегально?

Ответ: Да. Националистическую литературу нам привез Натан ЗАБАРА,

работавший в Берлине.

Вопрос: Кто такой ЗАБАРА?

Ответ: ЗАБАРА Натан, отчество его не помню, – еврейский писатель, до войны проживавший в Киеве. В 1941 году ЗАБАРА был мобилизован в Советскую Армию и служил корреспондентом какой-то армейской газеты. После занятия частями Советской Армии Берлина ЗАБАРА работал в газете «Рундшау» – органе советской военной администрации гор. Берлина.

Вопрос: Когда вы установили преступную связь с ЗАБАРОЙ?

Ответ: В 1946 году, когда ЗАБАРА приезжал в Москву в отпуск и посетил Еврейский антифашистский комитет.

Вопрос: А до 1946 года вы разве не встречались с ЗАБАРОЙ?

Ответ: Встречался. Я познакомился с ЗАБАРОЙ в начале 30-х годов в Киеве, в одно из своих посещений Нацмениздата Украины. В дальнейшем точек соприкосновения с ЗАБАРОЙ у меня не было, и я даже не могу вспомнить нашего разговора с ним при знакомстве. Не помню также, чтобы я встречал ЗАБАРУ на собраниях писателей или литературных вечерах в Киеве, хотя он и слыл одаренным молодым романистом. В кругу еврейских литераторов о ЗАБАРЕ говорили, что «он идет стороной, но приходит вовремя», т.е. ЗАБАРА представлял из себя плодовитого «кустаря-одиночку» в литературе.

Перу ЗАБАРЫ принадлежит несколько романов, в том числе «Из страны в страну», «Отец», «Ниловка».

Из книг ЗАБАРЫ я читал только последнюю, причем она произвела на меня впечатление полной беспомощности в художественном отношении, помноженной на идейную путаницу.

Вопрос: А точнее – это роман, извращавший советскую действительность?

Ответ: Да, это правильно. Роман «Ниловка» по своему содержанию является произведением, чуждым советской литературе.

Вопрос: Выше вы показали, что преступную связь с ЗАБАРОЙ установили в 1946 году. Однако, как известно, ЗАБАРА еще в 1943 году присылал в комитет свои фронтовые очерки националистического характера. Кто привлек ЗАБАРУ к сотрудничеству в комитете?

Ответ: Не знаю. В Еврейском антифашистском комитете во время войны сотрудничало много еврейских писателей и журналистов, в том числе и таких, которые находились в Советской Армии. Возможно, что ЗАБАРА тоже присылал нам свои очерки, но я их не читал. Хочу заметить, что кроме меня корреспонденцию, поступавшую в комитет, просматривали бывший ответственный секретарь комитета ЭПШТЕЙН и редакторы комитета.

Я помню лишь, что в конце 1944 или в 1945 году ЗАБАРА, находясь вместе с воинской частью за границей, прислал на мое имя посылку, чем я был весьма удивлен.

Вопрос: Что находилось в этой посылке?

Ответ. Посылка состояла из мужского пальто, пишущей машинки, шерстяного свитера и колоды карт. Как оказалось, эти вещи предназначались не мне.

Вопрос: А кому?

Ответ: Самому ЗАБАРЕ. В 1946 году он приехал в Москву из Берлина и зашел ко мне в Еврейский антифашистский комитет, чтобы забрать посылку. Извинившись за такой «сюрприз», ЗАБАРА объяснил, что при отправке посылки требовалось указать полностью имя и отчество получателя, а он якобы из всех своих знакомых по имени и отчеству помнил только меня.

ЗАБАРА похвастался мне работой в «Рундшау» и показал свои статьи, опубликованные в этой газете. Затем мы пошли с Забарой ко мне на квартиру за посылкой и по пути договорились через день вновь встретиться в комитете.

Вопрос: С какой целью?

Ответ: Чтобы подробно побеседовать с ним о положении евреев в Германии, так как меня этот вопрос очень интересовал.

Вопрос: Эта беседа состоялась?

Ответ: Да.

Вопрос: Что же сообщил вам ЗАБАРА?

Ответ: Прежде всего, ЗАБАРА привел мне данные о численности евреев в различных зона оккупации Германии и рассказал об их жизни и занятиях.

По словам ЗАБАРЫ, в советской зоне газеты и журналы на еврейском языке не издаются, в то время, как в американской зоне выходит множество изданий, посвященных вопросам еврейской жизни. При этом ЗАБАРА с возмущением заявлял, что все попытки евреев добиться разрешения советских оккупационных властей издавать еврейские газеты и журналы ни к чему не приводили.

Далее ЗАБАРА рассказал, что все евреи, проживающие в Берлине, объединены в еврейскую общину, деятельность которой субсидируется «Джойнтом» – буржуазной еврейской организацией, существующей в США.

Вопрос: Какую конкретно деятельность еврейской общины в Берлине субсидировал «Джойнт»?

Ответ: ЗАБАРА говорил, что еврейская община в Берлине занималась восстановлением имущественных прав богатых евреев, пострадавших от гитлеровцев, и оказание им материальной помощи.

Денежные средства для этой цели община получала от «Джойнта».

Вопрос: А что говорил вам ЗАБАРА о подрывной работе, которую представители «Джойнта» вели в Берлине?

Ответ: Насколько я помню, ЗАБАРА упоминал, что представители «Джойнта» оказывали содействие евреям, желавшим выехать из Берлина в Америку или Палестину.

Вопрос: Вы хотите сказать, что американцы занимались нелегальной переброской евреев из советской зоны оккупации Германии в Америку?

Ответ: По-видимому, это так и было, но я сейчас уже не помню, шла ли речь о нелегальной переброске евреев или только об оказании им содействия в выезде из Берлина.

Должен сказать, что сведения, привезенные нам ЗАБАРОЙ, заинтересовали руководство Еврейского антифашистского комитета, и мы с МИХОЭЛСОМ решили заслушать информацию ЗАБАРЫ на заседании президиума комитета.

В своей информации ЗАБАРА коснулся тех же вопросов, что и в беседе со мной, и лишь несколько расширил ее за счет описания национальных еврейских обрядов – свадеб, похорон и т.д.

Подчеркнув в своем выступлении, что евреи в Берлине находятся под сильным влиянием американцев, оказывающих им материальную помощь и ведущих широкую националистическую пропаганду, ЗАБАРА упрекнул руководство комитета в том, что никто из нас до сих пор там не побывал.

В связи с этим ЗАБАРА внес предложение послать в Берлин представителя Еврейского антифашистского комитета для развертывания националистической работы среди евреев, проживающих в советской зоне оккупации Германии.

Поскольку решение вопроса о посылке нашего представителя в Берлин было не в компетенции Еврейского антифашистского комитета, мы ограничились тем, что назначили ЗАБАРУ корреспондентом комитета в Берлине и поручили ему время от времени информировать нас о положении евреев в Германии. Кроме того, я и МИХОЭЛС дали ЗАБАРЕ задание приобрести для Еврейского антифашистского комитета и доставить в Москву еврейскую националистическую литературу, издававшуюся в американской и английской зонах оккупации Германии.

Вопрос: ЗАБАРА выполнил это задание?

Ответ: Выполнил. В 1947 году он вторично приехал в Москву из Берлина и привез нам заказанную литературу. Большинство привезенных им книг, брошюр и журналов были американского происхождения и носили ярко выраженный националистический характер. Кроме того, в них превозносился американский образ жизни и помощь, которую американцы оказывали еврейскому населению в Германии.

Привез ЗАБАРА также несколько журналов сионистского направления. Помню, что в одном из них была статья под названием «Выход из Европы», в которой автор призывал евреев к эмиграции в Палестину.

Вопрос: Через кого ЗАБАРА доставал указанную литературу?

Ответ: ЗАБАРА говорил, что порою своей службы он имел возможность

бывать в американской и английской зонах оккупации Германии, однако свои связи в этих зонах ЗАБАРА не называл.

Вопрос: Неправда. Забара арестован и на следствии показал, что информировал вас о своей связи с сионистами и американскими офицерами в Берлине. Почему вы это скрываете?

Ответ: На прошлых допросах я дал откровенные показания о совершенных мною преступлениях и назвал все свои преступные связи, в том числе и с американцами.

Поверьте, что мне нет никакого смысла скрывать связи ЗАБАРЫ, я просто их не знаю.

Протокол допроса с моих слов записан правильно, мною прочитан.

(Фефер)

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ
ПО ОСОБОВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР

майор

(КУЗЬМИН)

Копия верна: (подпись)

Подлинник протокола находится в следственном деле 2021.

№ 4

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного КАГАНА Абрама Яковлевича

от 20 апреля 1949 года

КАГАН А.Я., 1900 г.р., уроженец гор. Бердичева, еврей, гр-н СССР, беспартийный, образование среднее, из семьи торговца. До ареста – еврейский писатель, проживал в Киеве.

Допрос начат в 13.00.

Вопрос: Следствию известно, что, проживая в Киеве, вы поддерживали связь с еврейским писателем ЗАБАРОЙ. Когда вы с ним познакомились?

Ответ: С еврейским писателем ЗАБАРОЙ Натаном Ильичем я познакомился в середине 30-х годов в Киеве. В то время он впервые начал заниматься литературной деятельностью и как к старшему писателю, обращался ко мне за консультацией. До начала Отечественной войны мне приходилось корректировать рукописи его произведений на еврейском языке, которые Укрнацмениздательством предназначались для издания.

Вопрос: Какого характера были эти произведения?

Ответ: По своим убеждениям ЗАБАРА еврейский националист. В беседах со мною высказывал познания еврейской литературы, древнееврейского языка и будучи сторонником сохранения еврейской культуры, выступал против ассимиляции евреев, проживающих в

Советском Союзе. Произведения ЗАБАРЫ были пропитаны этими настроениями и носили националистический характер.

В 1937 году «Укрнацмениздательством» было напечатано его произведение «Из страны в страну», отрывок которого ЗАБАРА пытался в 1948 году переиздать на украинском языке, но Гослитиздательство Украины указало ЗАБАРЕ на националистический характер его произведения и отказалось печатать. В связи с этим ЗАБАРА высказывал недовольство, заявляя, что в Советском Союзе проводится политика ограничения еврейской культуры.

В остальных произведениях ЗАБАРЫ, написанных им до войны, также протаскивались настроения о необходимости поддержания национального самосознания у еврейского населения в СССР.

Поскольку произведения ЗАБАРЫ соответствовали нашим замыслам по воспитанию еврейского населения в националистическом духе, мои сообщники ФЕФЕР, ПОЛЯНКЕР и ГОНТАР охотно печатали их в еврейском журнале «Советише литератур», издававшемся до 1941 г. в Киеве, и, как еврейскому националисту, всячески оказывали ЗАБАРЕ поддержку.

Вопрос: Только ли этим ограничивалась ваша связь с ЗАБАРОЙ в то время?

Ответ: Что касается нашей националистической связи с ЗАБАРОЙ в довоенный период в Киеве, я рассказал все и большего мне неизвестно. В начале войны большинство моих сообщников по националистической работе ФЕФЕР, ГОНТАР, ГОФШТЕЙН, СПИВАК, ЛОЙЦКЕР и я эвакуировались из Киева. ПОЛЯНКЕР и ТАЛАЛАЕВСКИЙ, а также ЗАБАРА были мобилизованы на фронт.

Вопрос: Однако преступной связи между собой не прекратили?

Ответ: Да. Это правильно. ФЕФЕР, став одним из руководителей Еврейского антифашистского комитета, привлек меня для сбора информации националистического характера об участии евреев на фронтах Отечественной войны и в народном хозяйстве страны. ПОЛЯНКЕР и ТАЛАЛАЕВСКИЙ также связывались с ФЕФЕРОМ и по его заданию собирали на фронте для комитета информацию о героизме евреев. Эти материалы МИХОЭЛС и ФЕФЕР пересылали в Америку и использовали внутри страны для националистической пропаганды среди евреев.

Вопрос: ЗАБАРА, будучи на фронте, также поддерживал связь с ФЕФЕРОМ?

Ответ: Да, поддерживал и выполнял задания ФЕФЕРА, которые имели националистический характер.

Вопрос: Показывайте об этом.

Ответ: После окончания войны ЗАБАРА продолжал еще оставаться в армии. В период 1945-46 годов он несколько раз приезжал в Киев и в беседах рассказывал мне, что находится в Берлине, где работает в одной из газет Советской Армии, издаваемой на немецком языке.

Тогда же ЗАБАРА сообщил мне, что поддерживает связь с ФЕФЕРОМ и по его заданию собирает сведения о евреях, находящихся в советской и англо-американской зонах оккупации. В 1946 году ЗАБАРА выезжал в Еврейский антифашистский комитет, где лично информировал МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА о проделанной им работе. После этого ФЕФЕР и лично сам ЗАБАРА рассказывали мне, что МИХОЭЛС остался доволен собранными сведениями и поручил ЗАБАРЕ в дальнейшем информировать его о деятельности евреев, находящихся в Германии. Для МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА из Германии ЗАБАРА привез еврейские газеты, которые издаются в англо-американской зоне. Газеты были сугубо националистического толка, призывали евреев выезжать в Палестину и ЗАБАРА распространял их среди своих националистических связей в Киеве, с которыми он продолжал общаться после демобилизации из Армии в 1947 году.

Вопрос: И проводить националистическую работу?

Ответ: Да, возвратившись из армии, ЗАБАРА стал проявлять активность. Он связался с еврейским кабинетом в Киеве и передал СПИВАКУ несколько экземпляров привезенных им из Германии еврейских газет. Поддерживая связь со мною, ПОЛЯНКЕРОМ, СПИВАКОМ, ЛОЙЦКЕРОМ, ГОФШТЕЙНОМ и ТАЛАЛАЕВСКИМ, в беседах ЗАБАРА доказывал нам, что в Советском Союзе притесняется еврейское население, в то время как за границей евреям предоставлена полная свобода для развития своей культуры и проведения работы среди евреев.

Приводя в доказательство привезенные им из Германии газеты, ЗАБАРА говорил, что нам, еврейским националистам также нужно добиваться издания своей газеты и всячески противиться процессу ассимиляции евреев, воспитывая у них настроения национального самосознания.

Еврейских писателей ЗАБАРА агитировал писать свои произведения только на еврейском языке, игнорировать русский и украинский языки, с тем, чтобы заставить советскую власть пойти нам на уступки, как утверждал ЗАБАРА, и возродить былую националистическую работу, существовавшую на Украине до войны.

До моего ареста ЗАБАРА был наиболее близок с ПОЛЯНКЕРОМ, они часто встречались и обсуждали вопросы об организации националистической работы среди еврейского населения в Киеве.

Вопрос: Что еще вы можете показать о националистической деятельности ЗАБАРЫ?

Ответ: На устраиваемых нами литературных вечерах ЗАБАРА в своих выступлениях всячески агитировал присутствующих евреев поддерживать еврейскую культуру и принимать участие в проводимой еврейским кабинетом и секцией еврейских писателей работе. В последнее время я с ЗАБАРОЙ встречался редко, но знал, что он часто

посещал еврейский кабинет, интересовался там получаемой из-за границы литературой и требовал от СПИВАКА и ЛОЙЦКЕРА, чтобы они популяризировали эту литературу среди еврейского населения в Киеве.

Допрос закончен в 17.00.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано. (Каган)

ДОПРОСИЛ: ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Подполковник (подпись) (ЛЕБЕДЕВ)

Подлинник протокола допроса находится в следственном деле № 2144.

№ 5

2-ак

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Стенограмма

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА СТОТЛАНД Абрама Иосифовича

от 1-го сентября 1947 года

СТОТЛАНД А.И., 1910 г. рождения, уроженец м. Народичи, Житомирской области, по национальности еврей, гр-н СССР, член ВКП(б) с 1943 года, со средним образованием, женат, ст. помощник нач. отделения Отдела по гражданским делам немцев-переселенцев Управления комендантской службы, воинское звание майор.

Вопрос: Когда и в силу каких причин вы стали на путь антисоветской деятельности?

Ответ: Начало своей антисоветской деятельности я отношу к ноябрю 1945 года. В этот период по долгу службы я встречался с еврейскими беженцами из Польши, а также познакомился с руководителем еврейской общины в Берлине – НЕЛЬГАНС.

Под влиянием разговоров с еврейскими беженцами и НЕЛЬГАНС у меня сложились твердые националистические антисоветские убеждения, которые и явились причиной, толкнувшей меня на путь антисоветской деятельности.

Вопрос: Расскажите, как сложились ваши антисоветские убеждения?

Ответ: При встречах с руководителем еврейской общины в Берлине НЕЛЬГАНС мы много беседовали с ним о настоящем положении евреев и их судьбе в будущем. Он дал мне ряд газет на немецком, английском и еврейском языках, издающихся в Иерусалиме и Мюнхене. Эти газеты имели националистическое направление, а ряд

статей, помещенных в них, носили открытый антисоветский характер.

Я с жадностью читал эти газеты и воспринимал их. Они и послужили началом складывания моих националистических антисоветских убеждений. В последующее время я также продолжал встречаться с НЕЛЬГАНС, беседы с которым углубляли во мне антисоветские убеждения.

В апреле 1946 года под влиянием НЕЛЬГАНС и газет, я впервые посетил синагогу, а затем периодически, главным образом в праздничные еврейские дни, посещал ее. Свое посещение синагоги я скрывал от своих товарищей и начальников, а также от партийной организации, членом которой я состоял.

Вопрос: Кто такой НЕЛЬГАНС?

Ответ: НЕЛЬГАНС по национальности еврей, германский подданный. До и во время войны он проживал в Германии на нелегальном положении. Он состоит в еврейской сионистской организации. В настоящее время он является представителем еврейской общины в Берлине. Наряду с прочей работой, НЕЛЬГАНС производит вербовку евреев для выезда в Палестину, в том числе вербовка производится среди советских граждан еврейской национальности. Проживает по адресу: Пренцлауэраллея, 35.

Вопрос: Каким образом, вы познакомились с НЕЛЬГАНС?

Ответ: С НЕЛЬГАНС я познакомился примерно в ноябре 1945 года на почве исполнения своих служебных обязанностей. В последующее время я имел с ним ряд встреч по вопросам, не связанным со службой.

Вопрос: Расскажите о характере Ваших встреч?

Ответ: Несколько раз я приезжал к нему на квартиру вместе со своей женой с тем, чтобы справить еврейские религиозные обряды. Он снабжал меня газетами. В беседах с ним рассказывал о том, как зверски расправлялись с евреями в различных лагерях и говорил о перспективах дальнейшей жизни евреев. Его точка зрения такова, если у евреев будет правительство в Палестине, тогда это правительство сумеет взять под свою защиту любого еврея в любом уголке земного шара. Он мне рассказывал о тех съездах-конгрессах, которые происходили в разное время, и какие вопросы разрешались на них. На последнем конгрессе, который состоялся в середине 1946 года, присутствовал НЕЛЬГАНС, и по приезде рассказывал мне, какие имеются разногласия между разными ответвлениями сионистов и что эти разногласия вызвали смену руководства.

НЕЛЬГАНС считал, что еврейский вопрос в Советском Союзе разрешен неудовлетворительно и политика Советского Союза по отношению к евреям приводит к их ассимиляции. Особенно неудачно, по мнению НЕЛЬГАНС, разрешен вопрос с Биробиджаном.

Эту мысль НЕЛЬГАНС я полностью разделял. В результате этих бесед у меня возникла мысль – посвятить себя борьбе за создание

еврейского государства в Палестине. С этой целью у меня возникло и укрепилось намерение и большое желание покинуть Советский Союз и бежать в Палестину.

Вопрос: Каким путем вы намеревались осуществить свои намерения?

Ответ: Я решил использовать существующую возможность, которая заключается в следующем: из Берлина партиями направлялись еврейские беженцы в лагеря, находящиеся в американской зоне и оттуда в Палестину. Главный путь лежит через Италию. Эту возможность я и хотел использовать.

Вопрос: Когда у вас созрело решение о выезде в Палестину?

Ответ: Это намерение возникло у меня в конце 1945 года и укреплялось все больше и больше. Я не покидал этого намерения до последних дней.

Вопрос: Какие практические шаги вами были предприняты для осуществления своих намерений?

Ответ: Подготовка моя заключалась в том, что я прежде всего морально подготовил себя, а затем несколько раз по этому вопросу беседовал со своей женой. В одну из встреч с НЕЛЬГАНС, летом 1946 года я высказал ему свое намерение поехать в Палестину и спросил у него, как практически можно будет это осуществить. Он одобрил мое намерение и подробно рассказал, какими путями можно достичь Палестины. Это был трудный путь, «но, – как сказал НЕЛЬГАНС, – коль ты еврей, то никакие трудности не должны остановить тебя». В заключение нашей беседы НЕЛЬГАНС сказал, что он в любое время, как только я окончательно решусь на поездку, окажет мне полное содействие.

Вопрос: Из ваших ответов видно, что вы намеревались изменить Родине. Правильно это?

Ответ: Совершенно правильно.

Вопрос: С кем вы встречались в квартире НЕЛЬГАНС?

Ответ: В первый вечер моего посещения квартиры НЕЛЬГАНС в ноябре или декабре 1945 года я встретил там советского офицера ст. лейтенанта ЗАБАРА. Он служил в одном издательстве СВА, в каком, точно не помню. Он был с девушкой еврейкой из Польши и, так же, как и я, справлял обряды. Я познакомился с ним и узнал, что он является частым гостем в квартире НЕЛЬГАНС. Разговор между нами носил общий характер. После этого ЗАБАРА я никогда не встречал. Летом 1946 года мне стало известно, что ЗАБАРА находится в Киеве.

Каждый раз, когда я бывал у НЕЛЬГАНС, там находились обычно евреи общины по 2-3 человека.

Из советских граждан часто посещал квартиру НЕЛЬГАНС еврей по имени Борис, фамилии его не знаю.

Познакомился я с Борисом осенью 1946 года на почве общности наших антисоветских взглядов и представил руководителю еврейской общины НЕЛЬГАНС, после чего Борис стал частым посетителем его

квартиры. К моменту нашего знакомства Борис был антисоветски настроен и высказывал прямое намерение ни в коем случае не возвращаться на Родину – в Советский Союз, а выехать или в Палестину или в Америку.

Последний раз с Борисом в квартире НЕЛЬГАНС я был примерно в феврале или марте 1947 года. В это время состоялась еврейская свадьба. В настоящее время Борис работает в столовой военторга СВА.

В тот же раз вместе с Борисом на свадьбе у НЕЛЬГАНС присутствовал его товарищ по имени Миша, работающий в овощном складе военторга в Карлсхорсте. Других лиц, посещающих НЕЛЬГАНС, я не знаю.

Вопрос: Кто из ваших знакомых, как и вы, имел намерение изменить своей Родине?

Ответ: Из лиц антисоветски настроенных, имеющих намерение изменить Родине, мне известен бывший служащий магазина военторга по имени Саша. С ним я познакомился летом 1946 г. через свою жену. В беседах со мной Саша высказывал антисоветские убеждения и свое твердое решение бежать в американскую зону, где его к этому времени в еврейском лагере ожидала сестра.

В конце 1946 года или в начале 1947 года Саша получил отпуск и на службу не вернулся. Я предполагаю, что он бежал в американскую зону. Других лиц, настроенных антисоветски, я не знаю.

Вопрос: Вы кому-либо сообщили о намерениях Бориса и Саши изменить Родине?

Ответ: Нет, я никому не докладывал.

Вопрос: Почему?

Ответ: По-моему это совершенно понятно. Я был таких же убеждений, как и они, поэтому, естественно, не мог донести об этом.

Вопрос: Когда вы установили связь с братом и сестрой, проживающими в Америке?

Ответ: С братом и сестрой я установил связь приблизительно 20 июня 1947 года.

Вопрос: Каким образом?

Ответ: Связь я установил через подполковника американской армии МИЛЛС.

Вопрос: Как и когда вы познакомились с американским подполковником МИЛЛС?

Ответ: С МИЛЛС я познакомился в середине мая 1947 года при следующих обстоятельствах, идя на службу после обеда по Райнштрассе в Карлсхорсте в закрытой зоне, я увидел, что у тротуара стояла машина, из которой выглядывал офицер американской армии и попросил меня указать ему адрес Гайлигенбергштрассе, 5 или 6. Так как я знал эту улицу, то согласился ему показать ее. Он пригласил меня в машину, и мы доехали до нужного адреса. Когда машина

остановилась, американский офицер вышел из нее и сказал, что он через 2-3 минуты вернется, и просил меня обождать. Через несколько минут он вернулся довольный тем, что застал человека, который ему был нужен и поблагодарил меня. В ответ на его благодарность я сказал ему – не будет ли он настолько добр, чтобы передать привет моему брату и сестре, которые проживают в Соединенных Штатах. Он охотно согласился и записал их адреса. Я ему вручил свою фотографию с сыном для посылки брату. Он обещал это сделать и если я обращусь по адресу: Кенигштрассе, 43-А, то 10 июня смогу получить ответ. Затем он отвез меня на машине на то место, где мы встретились, и там мы распрощались.

Вопрос: Называл ли МИЛЛС учреждение, в котором он состоит на службе?

Ответ: Нет, при этой встрече он не говорил. При второй встрече сказал, что работает по линии транспорта.

Вопрос: Вы ему сообщили, где вы работаете?

Ответ: Он меня об этом не спрашивал и я ему не говорил.

Вопрос: Продолжайте показания о своем дальнейшем знакомстве с МИЛЛС.

Ответ: Примерно 10 или 13 июня, предчувствуя, что должен быть ответ от моего брата, я, не решаясь из-за боязни ехать к МИЛЛС, попросил свою знакомую МОЗЕС, чтобы она справилась по известному мне адресу, есть ли для меня ответ от брата и сестры.

Приблизительно 16 или 17 июня МОЗЕС мне сообщила по телефону, чтобы я ее ожидал у шлагбаума вечером, так как она принесет мне письмо. Я вышел туда, и она мне передала три фотографии от брата и сестры с семьями и два письма. Я, безусловно, был обрадован.

Дней через 15-20 после получения писем МОЗЕС мне сообщила, что МИЛЛС собирается уезжать в Америку и приглашает меня переговорить с ним перед отъездом. Это было в первых числах июля, в воскресенье. Я с женой и МОЗЕС поехал к нему. Дома он нас принял в саду, где находилась его жена и дочь.

МИЛЛС спросил меня, где я служу. Я ответил, что работаю в Комендантском Управлении в Карлсхорсте и занимаюсь вопросами переселения немцев. Затем разговор перешел на общие темы. МИЛЛС сообщил, что он знает ряд офицеров из Карлсхорста, с которыми связан по службе, как транспортник, в частности он назвал ТРУНОВА, КВАШИНИНА, ЖАВОРОНКОВА и других.

Он также сообщил, что старается скорее выехать в США и уже ожидает назначенного на его место человека, чтобы сдать дела. Он обещал передать от меня привет моему брату, проживающему в Нью-Йорке.

МИЛЛС угостил нас содовой водой со льдом и лимонным напитком и конфетами. Вскоре мы любезно распрощались.

Вопрос: Как вы расцениваете свое вступление в связь с МИЛЛС?

Ответ: Я расцениваю это как преступление, недостойное советского

офицера.

Вопрос: Почему вы решили осуществить связь со своими родственниками, проживающими в Америке, именно через МИЛЛС?

Ответ: Я должен признаться, что делал это из-за боязни писать или связываться другими путями, которые контролируются цензурой.

Вопрос: А сколько писем послали им?

Ответ: Брату я написал два письма, из которых одно передал через МИЛЛС, а второе через знакомого МОЗЕС – Аркадия. Сестре я также написал два письма. Кроме того, вместе с письмом я послал брату и сестре несколько своих фотографий.

Вопрос: Кто такая МОЗЕС?

Ответ: МОЗЕС Маргот по национальности еврейка, уроженка и подданная Германии. Она работала в еврейской общине, затем в одном из технических отделов Управления СВА в качестве переводчицы.

С МИЛЛС она знакома примерно с 16-17 июня 1947 года. Познакомилась она тогда, когда обратилась по моей просьбе за письмами. Последнее время МОЗЕС проживала в американском секторе Берлина и работала у берлинского раввина МУНК.

Вопрос: А кто такой Аркадий?

Ответ: Аркадий – немецкий еврей, он жил во Франции, а затем в Америке. Из Берлина он выехал в американскую зону. Насколько мне известно, Аркадий сожительствовал с МОЗЕС.

Протокол допроса мною прочитан, ответы записаны с моих слов верно: (Стотланд)

ДОПРОСИЛ: ЗАМ. НАЧ. СЛЕДОТДЕЛА УПОЛН. МГБ СССР В ГЕРМАНИИ
майор (КУРТЕНКОВ)

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 5 ОТДЕЛА УПОЛН. МГБ СССР В ГЕРМАНИИ
майор (МАТВЕЕВ)

ВЕРНО: НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ
подполковник (подпись)

№ 6

е.л.-2

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА обвиняемого КАТТЕН Фритца-Людвига

от 5-го сентября 1949 г.

КАТТЕН Ф.Л., 1898 года рождения, уроженец гор. Франкенберг, еврей, подданный Германии, происходит из семьи крупного торговца, с высшим образованием, член СЕПГ, бывший начальник хозяйственного отдела полицей-президиума г.

Берлина, до ареста проживал в г. Берлин-Панков, Трелеборгерштрассе, 53.

Допрос производится на немецком языке, через переводчика ТУПЫГИНУ, которая об ответственности по ст. 95 УК РСФСР за заведомо ложный перевод предупреждена: *(подпись Тупыгиной)*

Вопрос: На предыдущих допросах в числе своих знакомых вы назвали ЗАБАРА. Что вам известно о нем?

Ответ: Старший лейтенант Советской Армии – ЗАБАРА, имя неизвестно, еврей, 40 лет, холост, до войны жил в г. Киеве, где с его слов писал статьи для разных газет и журналов, в войну исполнял якобы должность следователя и участвовал в допросах немецких военнопленных

В Берлин прибыл в 1945 году, работал в редакции газеты «Тэгглихе Рундшау», жил на частной квартире по адресу: Берлин-Пренц-лауэр-Берг, Пренцлауэраллее 92.

В 1947 году ЗАБАРА снова выехал в г. Киев, где у него проживали родственники. Впервые познакомился с ним осенью 1945 года, через бывшего руководителя еврейской общины в Берлине – НЕЛЬГАНС Эриха, арестованного в 1948 году Советскими Оккупационными властями.

Вопрос: Покажите об обстоятельствах вашего знакомства.

Ответ: С целью исполнения религиозных обрядов ЗАБАРА часто посещал синагогу по Риккештрассе 55 в Берлине.

Во время одного из таких посещений в сентябре 1945 года НЕЛЬГАНС представил меня ЗАБАРА, который был одет в форму офицера Советской Армии.

После этого я часто встречался с ним на разных совещаниях и торжествах, устраиваемых еврейской общиной, кроме того, встречался с ЗАБАРА по месту его службы. Отношения между нами были нормальными.

Вопрос: С какой целью ЗАБАРА посещал еврейскую общину в Берлине?

Ответ: Он был в хороших отношениях с ее бывшим руководителем НЕЛЬГАНС. Последний гордился тем, что ЗАБАРА, являясь офицером Советской Армии, не забыл еврейские обряды и обычаи.

НЕЛЬГАНС часто приглашал ЗАБАРА к себе на квартиру, где беседовал по вопросу создания самостоятельного еврейского государства и снабжал его еврейской литературой, рассказывающей о жизни евреев в Палестине.

Несомненно, что в числе других советских граждан НЕЛЬГАНС склонял к выезду в Палестину и ЗАБАРА. Однако добился ли он его согласия, мне неизвестно.

Вопрос: Разве НЕЛЬГАНС скрывал это?

Ответ: В моем присутствии они беседовали лишь по общим вопросам,

связанным с палестинской проблемой. ЗАБАРА всегда подчеркивал свое еврейское происхождение, но о своем намерении поехать в Палестину не говорил. Возможно, он делал это в целях предосторожности. Через НЕЛЬГАНС ЗАБАРА также имел обширные связи среди американцев.

Вопрос: С кем именно?

Ответ: Неоднократно в синагоге и на квартире у НЕЛЬГАНС я встречал ЗАБАРА вместе с сержантом американской армии АЙЗЕНБЕРГ. Последний – еврей, с января 1946 года, работает в еврейской организации «Джойнт» в Берлине.

ЗАБАРА всегда беседовал с АЙЗЕНБЕРГ на русском языке, почему содержания их бесед я не знал. Также мне неизвестно по поводу чего они встречались.

Кроме того, ЗАБАРА был хорошо знаком с американским раввином капитаном ШУБОВЫМ в Берлине.

Почти каждую субботу ШУБОВ устраивал у себя на квартире в Берлин-Далем, Унтер дер Айхен 21 вечера, на которые приходили офицеры американской армии – майор ЛАНДОФ из американской военной администрации, капитан НОВАЛЬСКИЙ – из комендатуры Кройцберг и доктор капитан ТЕЦ. В числе других приглашенных там был и ЗАБАРА.

Вопрос: Откуда вам об этом известно?

Ответ: Я сам участвовал на вечерах у ШУБОВА.

Вопрос: Какой характер носили эти вечера?

Ответ: Присутствующие на вечерах пели еврейские молитвы, после чего велась агитация за выезд в Палестину. Обычно с докладами о еврейской проблеме выступал сам капитан ШУБОВ. Кроме угощения, ШУБОВ раздавал гостям еврейскую литературу.

На квартире у ШУБОВА ЗАБАРА встречался и проводил время в обществе американских офицеров ЛАНДОФ, НОВАЛЬСКИЙ и ТЕЦ, которые все хорошо владели еврейским языком.

Там же он познакомился с американцем КОРНИК, являвшимся руководителем еврейской организации «Джойнт» в Берлине.

Вопрос: В связи с чем ШУБОВ интересовался старшим лейтенантом ЗАБАРА и приглашал его к себе на вечера?

Ответ: Я не знаю этого.

Вопрос: Было ли известно ЗАБАРА о том, что руководимая НЕЛЬГАНСОМ еврейская община занимается обработкой советских граждан в Берлине, склоняя последних к выезду в Палестину и Америку?

Ответ: ЗАБАРА знал об этом, т.к. сам посещал лагерь по Риккерштрассе и встречался там со многими советскими гражданами-невозвращенцами, которые ожидали отправки в Палестину. Он был хорошо известен всем находящимся в лагере евреям.

Вопрос: Состоял ли он в еврейской общине?

Ответ: Да, состоял и активно участвовал в ее работе, почему приглашался на все совещания общины.

Вопрос: Какое участие принимал ЗАБАРА в отправках советских граждан в Палестину и Америку?

Ответ: Мне это неизвестно.

Вопрос: Поддерживал ли он связь с еврейской общиной после отъезда в Советский Союз?

Ответ: Я не знаю об этом.

Вопрос: Какое задание он получил перед отъездом от вашей общины?

Ответ: О выезде ЗАБАРА в Советский Союз я узнал после его отъезда. О каких-либо поручениях, полученных им от еврейской общины, мне неизвестно.

Вопрос: А американцы давали ему задание?

Ответ: Об этом я не слышал ничего.

Протокол допроса прочитан мне на понятном немецком языке, все ответы с моих слов записаны правильно. (подпись)

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ ОТДЕЛА «ОС»

УПОЛНОМОЧЕННОГО МГБ СССР В ГЕРМАНИИ

ст. лейтенант

(подпись)

(ПАХОМОВ)

ПЕРЕВОДЧИК

(подпись)

(ТУПЫГИНА)

№ 7

Копия

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
обвиняемого НЕЛЬГАНС Эриха

от 26 апреля 1948 года

Вопрос: Кого вы знаете из советских граждан еврейской национальности?

Ответ: Из числа советских граждан еврейской национальности я хорошо знаю майора Советской Армии СТОТЛАНД, старшего лейтенанта ЗАБАРА и советского гражданина по имени Борис.

Вопрос: Когда вы установили с этими лицами связь?

Ответ: С майором СТОТЛАНД я познакомился в конце 1945 года во время проверки им, как представителем от Советского командования, состояния ликвидации еврейского лагеря, находящегося в советском секторе Берлина и отправки евреев в лагеря американской оккупационной зоны Германии.

После установления мною близкой связи с майором СТОТЛАНД месяца через три он познакомил меня с советским гражданином по имени Борис, который работал в одной из столовых в Карлсхорсте.

Также в 1945 году я установил дружеские отношения со старшим лейтенантом ЗАБАРА.

Вопрос: На какой почве вы поддерживал свои взаимоотношения со СТОТЛАНД, ЗАБАРА и Борисом.

Ответ: Мои взаимоотношения со СТОТЛАНД, ЗАБАРА и Борисом строились на почве общности наших национальных взглядов как евреев, которые выражались в идеях создания националистического самостоятельного еврейского государства в Палестине. Все эти лица посещали еврейскую синагогу. Кроме того, я систематически снабжал их еврейскими газетами («Унзер Вех» и «Вег»), издаваемыми в гор. Мюнхен по американской лицензии и другой еврейской националистической литературой.

Вопрос: На какие политические темы вы вели разговор с указанными вами выше лицами?

Ответ: На политические темы мне неоднократно приходилось разговаривать с майором СТОТЛАНД, в частности, я высказывал мнение о создании самостоятельного еврейского государства в Палестине, а также приходилось обсуждать вопрос о жизни евреев в СССР.

Вопрос: Вы неоткровенно ведете себя на следствии. СТОТЛАНД на допросе от 1 сентября 1947 года показал о том, что вы клеветали на политику Советского правительства по поводу жизни евреев в СССР.

Дайте показания по существу этого вопроса.

Ответ: Показания СТОТЛАНД в отношении моих высказываний о политике Советского Союза по еврейскому национальному вопросу полностью подтверждаю. В частности, я говорил СТОТЛАНД, что 10-16 лет назад еврейский вопрос в Советском Союзе был разрешен неудовлетворительно, так как Советским правительством было запрещено существование еврейских организаций и национальных партий и закрыты синагоги. Такая политика Советского правительства по отношению к евреям приводила к их ассимиляции.

Вопрос: Следствию известно, что вы склоняли СТОТЛАНД и Бориса к побегу в Америку и Палестину.

Дайте показания по этому вопросу.

Ответ: Виновным себя в этом не признаю, ни СТОТЛАНД, ни Бориса к побегу в Палестину или Америку я не склонял.

Почему они на меня так показывают, не знаю. Взаимоотношения у меня со СТОТЛАНД и Борисом были нормальные.

Протокол допроса в переводе на немецкий язык мне прочитан, все ответы с моих слов записаны правильно
(Нельганс)

ДОПРОСИЛ: ПОМ ВОЕННОГО ПРОКУРОРА СВАГ

Подполковник юстиции (ДОКУЧАЕВ)

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА

УПОЛНОМ. МГБ СССР В ГЕРМАНИИ

Капитан (ШОХ)

ПЕРЕВОДЧИК СЛЕДОТДЕЛА (БЫСТРОВА)
ВЕРНО: НАЧ ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Капитан (подпись) (ПОГРЕБНОЙ)

СПРАВКА: Подлинник протокола находится в следделе по обв. Нельганса.

№ 8

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА

обвиняемого НЕЛЬГАНС Эриха

от 23-24 июня 1948 года

Вопрос: Где происходили ваши встречи с майором СТОТЛАНД и кто присутствовал на них из числа других советских граждан?

Ответ: Примерно в начале 1946 года майор СТОТЛАНД был у меня на квартире вместе со своей женой на обеде с еврейским обрядом.

В это время у меня на квартире находились ст. лейтенант Советской Армии ЗАБАРА и мой личный секретарь девушка ШАПИРО, с которой я познакомил СТОТЛАНД и его жену.

За обедом я прочитал настольную молитву, чем вызвал у жены СТОТЛАНД слезы. Когда я спросил у нее, почему она плачет, последняя объяснила мне, что очень растрогана тем, что смогла после большого перерыва прослушать молитву. Я очень рада, сказала СТОТЛАНД, что в Германии еще до сих пор сохранились и соблюдаются еврейские обычаи, в СССР они были давно запрещены и вместо синагог Советское Правительство открыло Дом культуры.

При этой же встрече я, СТОТЛАНД и ЗАБАРА обсуждали вопрос о положении в Палестине и мы выражали надежду, что придет время, когда еврейский народ получит все свои права и будет строить свою жизнь самостоятельно.

Последующая встреча с майором СТОТЛАНД произошла у меня в синагоге по Риккерштрассе в июне 1947 года. В этот раз я познакомил СТОТЛАНД с иностранцем МУНК, работавшим от американцев при нашей общине в качестве раввина. Познакомившись со СТОТЛАНД, МУНК высказал удивление тому, что он посещает синагогу.

«Я очень рад, – сказал МУНК, – что человек в офицерском мундире посещает синагогу, я это встречаю впервые».

В дальнейшей беседе МУНК рассказал СТОТЛАНД о посещении им Палестины и о борьбе, которую ведет еврейский народ в Палестине за создание самостоятельного еврейского государства.

Кроме того, летом 1947 года СТОТЛАНД вместе со своим несовершеннолетним сыном был на свадьбе моей двоюродной сестры МОЗЕС Гертруды. На этой свадьбе, помимо СТОТЛАНД, из числа советских граждан присутствовали Борис и два его соратника по

магазину в Карлсхорсте, фамилии этих лиц не припоминаю. Эта свадьба была проведена с соблюдением всех еврейских религиозных обрядов, для чего специально приглашался кантор.

Аналогичного характера встречи с майором СТОТЛАНД я имел и в последующее время.

Вопрос: В своих показаниях вы назвали в числе знакомых ст. лейтенанта ЗАБАРА. Покажите, с какого времени вы с ним знакомы.

Ответ: Ст. лейтенанта ЗАБАРА я знаю с 1946 года. Познакомился с ним в правлении еврейской общины, куда он приезжал как представитель от советского издательства в Германии по вопросу выяснения, какая у общины имеется литература.

Впоследствии я познакомился с ЗАБАРА ближе, после чего стал снабжать его различной националистической литературой, которую он брал у меня лично для себя. ЗАБАРА несколько раз был у меня на квартире, где мы вели с ним беседы общего характера. Мое знакомство с ЗАБАРА было непродолжительным, так как он вскоре после этого был отправлен в Советский Союз.

Вопрос: ЗАБАРА рассказывал вам о своем намерении выехать в Палестину или Америку?

Ответ: Нет, таких намерений ЗАБАРА в моем присутствии никогда не высказывал.

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДОТДЕЛА УПОЛНОМ. МГБ СССР В
ГЕРМАНИИ

Капитан

(ШОХ)

ВЕРНО: НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

Капитан

(подпись)

(ПОГРЕБНОЙ)

СПРАВКА: Подлинник протокола находится в следделе Нельганса.

№ 9

фр/2

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА ДОПРОСА обвиняемого ДРУКЕРА Ирмы Хаймовича от 12 октября 1950 г., г. Одесса

Вопрос: На допросе 13 июня 1950 года вы показали, что в 1941 году, в начале войны, на квартире у ГУБЕРМАНА в г. Орджоникидзе вы встречались с ЛУРЬЕ, ГУБЕРМАНОМ, ЗАБАРОЙ и ЛЮМКИСОМ и что во время этой встречи ЛЮМКИС высказывал свои пораженческие взгляды, возводил клевету на Красную Армию и руководителей советского правительства. Какие в то время были антисоветские выступления со стороны ЗАБАРЫ?

Ответ: Кроме того, что ЗАБАРА поддерживал пораженческие взгляды и

клевету ЛЮМКИСА на Красную Армию и руководителей советского правительства, он, в свою очередь, высказывал клеветнические измышления на советскую печать, заявляя, что наша советская печать якобы не отражает реальной действительности, что будто бы советская печать преувеличивает зверства фашистов, и заявлял, что немцы не такие страшные, как их рисуют, они культурный народ, и он не верит, что они уничтожают народ.

Я вспомнил еще то, что тогда же на квартире у ГУБЕРМАНА присутствовал также еврейский писатель из Польши по фамилии БОМЗЕ, который, как мне известно с его слов, поддерживал революционные элементы Польши. ЗАБАРА, узнав об этом, тогда же начал высмеивать БОМЗЕ, заявляя: «Ты защищал революционные идеи, стремился в Советский Союз, но теперь ты видишь бессилие этой революции, видишь этот хаос и видишь, что Советский Союз не в силах побороть врага».

Хочу отметить также, что ЗАБАРА в то время высказывал также свои намерения остаться на оккупированной территории.

Вопрос: Где в настоящее время находится БОМЗЕ?

Ответ: Он по окончании войны выехал в Польшу.

Вопрос: Вы по окончании войны встречались с ЗАБАРОЙ?

Ответ: Нет, по окончании войны я с ним не встречался.

ДОПРОСИЛ: НАЧ. 3 ОТД-НИЯ СЛЕДОТДЕЛА УМГБ
ОДЕССКОЙ ОБЛАСТИ

Майор

(ГРИШАНОВ)

СПРАВКА: Подлинник протокола находится в следделе № 5025 по обвинению
ВАЙНЕРМАНА, ДРУКЕРА и др.

ВЕРНО: НАЧ. 3 ОТД-НИЯ 1 ОТДЕЛА 5 УПР. МГБ УССР

Майор

(подпись)

(СЕКАРЕВ)

СПРАВКА: Подлинник протокола находится в следделе по обв. Друкера.

№ 10

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. МИНИСТРА

ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР

Генерал-майор (подпись) (ЕСИПЕНКО)

6 января 1952 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(О продлении срока следствия и содержания под стражей)

гор. Киев, 1951 года, января 4 дня.

Я, начальник отделения Следственной части МГБ УССР капитан
ПОГРЕБНОЙ, рассмотрев материалы следственного дела № 149613 по

обвинению ЗАБАРА Натана Ильича, 1908 года рождения, уроженца гор. Рогачев, Житомирской области, еврея, гр-на СССР, беспартийного, с высшим образованием, б. члена союза советских писателей Украины, в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54-1 «б» и 54-10 УК УССР, —

НАШЕЛ:

ЗАБАРА арестован МГБ УССР 14 мая 1950 года. Следствием установлено, что ЗАБАРА, являясь еврейским националистом, с 1929 г. до начала Отечественной войны поддерживал связь с участниками националистического подполья в г. Киеве.

В 1945 году, работая корреспондентом газеты «Теглихе-Рундшау» (орган Советской военной администрации в Германии) на немецком языке, ЗАБАРА установил связь с сионистами Берлина и рядом американских офицеров, занимавшихся нелегальной переброской евреев из СССР и стран народной демократии в Америку и Палестину. ЗАБАРА оказывал помощь сионистам, получал от них нелегальную сионистскую литературу, которую в 1947 году доставил в СССР и распространял ее среди еврейских националистов. Находясь в Берлине, передал американским офицерам, связанным с разведкой, ряд сведений шпионского характера.

По делу проводится проверка и документация показаний ЗАБАРА и с этой целью направлены запросы в Управление МГБ группы советских оккупационных войск в Германии, в МГБ СССР, МГБ Литовской ССР, ответы на которые еще не поступили.

Учитывая, что срок следствия по делу истекает 14-го января 1951 года, руководствуясь ст.ст. 113 и 157 УПК УССР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство через военного прокурора войск МВД Украинского округа перед военным прокурором войск МВД СССР о продлении срока следствия и содержания под стражей ЗАБАРА Натана Ильича на ОДИН месяц, т.е. до 14 февраля 1951 года. —

НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

Капитан (подпись) (ПОГРЕБНОЙ)

СОГЛАСНЫ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

Подполковник (подпись) (ХАРИТОНОВ)

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ МГБ УССР

Подполковник (подпись) (ПИВОВАРЕЦ)

Срок следствия по делу обв. Забары продлеваю до 20 февраля и к этому сроку следствие по делу закончить.

ПОМ. ВП В/МВД УКР. ОКРУГА

Полковник юстиции (подпись)

14 2.51 г.

Фотографія Н.І.Забари з архівної кримінальної справи 32347-ФП, що зберігається у Державному архіві Служби безпеки України

№ 11

АКТ

10 сентября 1950 года, гор. Киев

Мы, начальник отдела Следчасти МГБ СССР подполковник ХАРИТОНОВ, начальник отделения Следчасти МГБ СССР капитан ПОГРЕБНОЙ, переводчик немецкого языка ТРОФИМЕНКО, просмотрели через узкоплёночный киноаппарат, изъятый у арестованного ЗАБАРЫ Н.И., 8 киноплёнок.

Просмотром установлено, что изъятые киноплёнки следующего содержания:

1. Авиация немцев в боях на фронтах.
2. Немцы оккупируют Францию.
3. Немецкие войска на фронте. Гитлер во время посещения немецких солдат.
4. Взятие г. Симферополя немцами.
5. Севастополь.
6. Военные действия немцев в районе рек Дон и Донец.
7. г. Керчь.
8. Подписание капитуляции Франции в Компьенском лесу.

О чем и составлен настоящий акт. Киноплёнки подлежат уничтожению.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ МГБ СССР		
Подполковник	(подпись)	(ХАРИТОНОВ)
НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ МГБ СССР		
Капитан	(подпись)	(ПОГРЕБНОЙ)
ПЕРЕВОДЧИК	(подпись)	(ТРОФИМЕНКО)

№ 12

"УТВЕРЖДАЮ"
ЗАМ. МИНИСТРА
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ УССР
Генерал-Майор (подпись) (ЕСИПЕНКО)
21 февраля 1951 года

*Обвинительное заключение
утверждаю. С направлением дела на
рассмотрение О.С. при МГБ СССР и
предложенной мерой наказания –
согласен.
Зам. ВП в/МВД У/о полковник юст.
(подпись) 26.И.51 г.*

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по следственному делу № 149613 по обвинению
ЗАБАРЫ Натана Ильича в совершении
преступлений, предусмотренных ст.ст. 54-1 «б»
и 54-10 ч. 2 УК УССР.

В МГБ УССР поступили материалы о националистической деятельности ЗАБАРЫ Натана Ильича, на основании которых 13 мая 1950 года он был арестован.

Следствием установлено, что ЗАБАРА на почве своих националистических взглядов еще в 1929 году примкнул к существовавшей и г. Киеве националистической группировке, и имея доступ к получаемой из-за границы Академией Наук УССР еврейской литературе, в том числе и националистической, снабжал ею участников группировки БАЙТЕРА, ГОЛЬДОРТА и др.

(том I, л.д. 33, 41, 61-70, 77, 109, 121, 145-149, 153-160, том II, л.д. 11-24, 28-30, 34).

После выезда участников этой группировки из г. Киева, ЗАБАРА, продолжая оставаться на своих националистических позициях, сблизился с ныне арестованными активными националистами и агентами иноразведок СПИВАКОМ, ГОФШТЕЙНОМ, ФЕФЕРОМ, КАГАНОМ и другими.

(том I, л.д. 26, 104-106, 155, том II, л.д. 46-89).

Находясь после окончания Отечественной войны в советских оккупационных войсках в Берлине и работая там корреспондентом газеты «Теглихе Рундшау», ЗАБАРА установил связь с американскими офицерами РОКК, АЙЗЕНБЕРГ, КЕМПНЕР и др., связанными с американскими разведорганами и работавшими в т.н. «Джойнте», используемом американской разведкой для подрывной работы против СССР и стран народной демократии.

Там же в Берлине ЗАБАРА связался с руководителями сионистов НЕЛЬГАНСОМ, АРОНОМ, ГЕПНЕРОМ, ГОЛЬД и другими.

Вместе с американскими офицерами и сионистами он обсуждал вопросы создания еврейского государства в Палестине, нелегального выезда евреев

туда и другие националистические проблемы. Оказывал материальную помощь Берлинской сионистской организации в связи с созывом очередного конгресса сионистов.

(том I, л.д. 33-51, 61-77, 103, 109, 110-114, 121, 133, 145-173, 216-220, 235-241, т. II л.д. 24, 93, 104-120, 135, 152-153, 161-163, 165-172).

При содействии американских офицеров и сионистов г. Берлина ЗАБАРА посещал лагерь бежавших из СССР и стран народной демократии.

Находясь в Берлине, передал американским офицерам информацию о положении евреев в СССР.

(том I, л.д. 51-58, 78, 80-84, 91, 148, 160-163, 235-241, т. II, л.д. 23-24, 80, 106-109, 143-149, 158-160).

Выезжая в СССР, ЗАБАРА выполнил ряд частных поручений американского офицера КЕМПНЕРА, работающего начальником отдела пропаганды «Джойнта» в Европе, невозвращенки сионистки ГОЛЬД и др. По поручению ГОЛЬД ЗАБАРА обещал передать ее родителям, проживающим в г. Вильнюсе, предложение о нелегальном бегстве из СССР.

(том I, л.д. 72-74, 82, 97-103, 141-144, 150, 164-168, 224-230, т. II, л.д. 178-180).

Наряду с этим, ЗАБАРА в период войны установил связь с руководителями «Еврейского Антифашистского Комитета» ФЕФЕРОМ, МИХОЭЛСОМ и др., по просьбе которых направил в «ЕАК» несколько очерков националистического характера, предназначенных для печатания в иностранной печати.

Уезжая в 1946 г. в Берлин, ЗАБАРА получил от ФЕФЕРА и МИХОЭЛСА задание собирать и доставлять в «ЕАК» сведения о жизни евреев в Германии. Это задание он частично выполнил и в 1946 г. на специально созванном пленуме «ЕАК» сделал подробную информацию о положении евреев в Берлине и в Германии вообще.

Информация носила националистический характер, в которой ЗАБАРА призывал «ЕАК» к активизации националистической деятельности.

(том I, л.д. 35-46, 75, 80-94, 114, 158-159, 173-178, 231, том II, л.д. 81,86).

В конце 1946 г. доставил в СССР и передал в «ЕАК» националистическую литературу, которую приобрел в Берлине у американских офицеров. Хранил до дня ареста киноплёнки немецкой кинохроники, прославляющие немецкую армию в боях за захват советской территории и стран Западной Европы.

(т. I, л.д. 28-39, 41, 50, 74, 163, 164, 180, 181, 231, 234, 242-243, том II, л.д. 22-24, 36-38, 49, 65, 72, 76-77, 87).

В предъявленном обвинении по ст. 54-1 «б» и 54-10 ч. II УК УССР ЗАБАРА виновным себя признал. Кроме того, он изобличается показаниями арестованных БАЙТЕРА, ГОЛЬДОРТА, СПИВАКА, ГОФШТЕЙНА, ЛОЙЦКЕРА, ФЕФЕРА, КОГАНА, СТОТЛАНДА, КАТТЕНА, НЕЛЬГАНСА, ЛЕОПОЛЬДА, ДРУКЕРА, ЛУРЬЕ, свидетелей КЛОЗЕ, ЭЛЬЯШБЕРГ, ГОЛЬДОС и материалами, приобщенными к делу.

(том I, л.д. 40-42, 151-182, 250-254, том II, л.д. 1-180, 197, 198 и пакет).

На основании имеющихся в деле материалов **обвиняется:**

ЗАБАРА Натан Ильич, 1908 года рождения, еврей, с высшим образованием, член Союза Советских писателей Украины, до ареста проживал в г. Киеве, по ул. Госпитальная 3-9,

в том, что:

Являясь еврейским националистом и находясь в советских оккупационных войсках в Берлине в 1945-46 гг. установил связь с рядом сионистов, американских офицеров – сотрудников американских разведорганов, а также с руководителями «Джойнта», по заданию которых проводил националистическую подрывную работу против СССР.

По заданию руководителей «ЕАК» ФЕФЕРА, МИХОЭЛСА и других в 1946 году доставил из г. Берлина в СССР антисоветскую националистическую литературу и написал ряд очерков националистического характера, предназначенных для печатания за границей,

т.е. в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54-1 «б» и 54-10 ч. II УК УССР.

Руководствуясь ст. 204 УПК УССР, следственное дело № 149613 по обвинению ЗАБАРЫ Н.И. направить на рассмотрение Особого Сопещения при МГБ СССР с ходатайством о применении к нему меры наказания 25 лет ИТЛ без конфискации имущества.

Обвинительное заключение составлено 19 февраля 1951 года.

НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

Капитан (подпись) (ПОГРЕБНОЙ)

СОГЛАСНЫ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

Подполковник (подпись) (ХАРИТОНОВ)

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ МГБ УССР

Полковник (подпись) (ФАДЕЕВ)

СПРАВКА: 1. ЗАБАРА Н.И. арестован 13 мая 1950 года и содержится под стражей во Внутренней тюрьме МГБ УССР — г. Киев.

2. Вещественные доказательства приобщены к делу в особом пакете.

НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

Капитан (подпись) (ПОГРЕБНОЙ)

№ 13

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 18

Особого Сопещения при Министре Государственной Безопасности
Союза ССР

от 5 мая 1951 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
45. Дело № 149613 МГБ Украинской ССР, по обвинению — ЗАБАРА Натана Ильича, 1908 пр., урож. гор. Рогачева, Житомирской обл., еврея, гр-на СССР, беспартийного, с высшим образованием. Обв. по ст.ст. 54-1 «б», 54-10 ч. 2 УК УССР.	ЗАБАРА Натана Ильича, за измену Родине и распространение контрреволюционной литературы заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ДЕСЯТЬ лет, считая срок с 13 мая 1950 года. 29/V 51 г. Выдан наряд в лагерь Береговой № 5 МВД г. Магадан Арх.следств. дело № п-375820

НАЧ. СЕКРЕТАРИАТА ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ

(ДАНИЛИН)

№ 14

В Комитет Государственной Безопасности при Совете Министров Союза Советских Социалистических Республик

Узнав о том, что мое дело передано для проверки в Комитет Государственной Безопасности, я нашел целесообразным отослать в Ваш адрес копию моей жалобы, написанной мною 12-IV-54 г. на имя Генерального прокурора Союза ССР

(Копия)

Генеральному Прокурору
Союза Советских Социалистических Республик

от заключенного Забары Натана Ильича, 1908 года рождения, осужденного в 1950 г. Особым Совещанием при МГБ по ст. 58-1-Б к заключению в ИТЛ на срок 10 лет, ныне отбывающего наказание по адресу: Магаданская обл., Сусуманский р-н, пос. Мяунджа п/я № АВ 261/63

ЖАЛОБА

За четыре года заключения я ни разу не писал никаких жалоб, просьб, кассаций, ибо был убежден, что придет час, когда соответствующими органами будут пересмотрены все дела, связанные с Еврейским Антифашистским Комитетом, с еврейским национализмом, и, в том числе, мое дело.

Я, Забара Натан Ильич, с 1930 г. занимался исключительно литературной деятельностью. Со дня организации Союза Советских Писателей я состоял членом его вплоть до дня ареста. До начала Отечественной Войны мной были изданы около 10 книг, среди них четыре романа: «Радиороман» – 1932 г., «Ниловка» – 1935 г., «Из страны в страну» – 1938 г., «Отец» – 1940 г.

С начала войны я был мобилизован и до окончания ее служил в действующей армии военным корреспондентом. В июне 1945 г. отдел кадров политотдела 1-ого Белорусского фронта, не демобилизовав меня, направил на работу во вновь организованную газету, — орган Советской Военной Администрации в Берлине, — «Теглихе Рундшау» (на немецком языке).

В мае 1950 г., когда меня арестовали, мне было предъявлено обвинение в подрывной антисоветской деятельности, связанной с еврейским национализмом. За время следствия (год с лишним) нарастали и другие пункты ложного обвинения. Пункты 4-ый, 6-ой и чуть ли не 8-ой ст. 58, но все они, в итоге, распались как картонный домик. В основном обвинение шло в двух направлениях:

Военному прокурору СССР
 г. Москва
 от Забарь Фирь Ильича
 № 27-1188-10000. Киев Военный 2
 27 января 1954 года
 26.11.50
 адрес жалобы по делу моего брата
 Забарь Натана Ильича, находящегося по
 адресу в Матадан № 383/20
 Это свой день я не знаю получила ли Вели
 моя жалоба, а почему направлено против
 жалоба
 Прошу учесть, что мой брат, находясь
 в такой дали, безусловно имеет возмож-
 ности направить ей своя жалоба, а
 почему прокуро мое жалобу рассмо-
 треть и сообщить мне результаты
 в моей просьбе прокуро не
 отказать
 Копию жалоба напри-
 адрес 27 января 1954, при сем прила-
 25
 №: 54. Забаре

Лист Ф.И. Забари (сестри Н.И. Забари) до військового прокурора СРСР

I. Мои связи с Е.А.К.(Еврейский Антифашистский Комитет), во главе которого стоял «матерый шпион, резидент американской разведки», Народный артист Республики Михоэлс Соломон Михайлович.

II. Мое знакомство с иностранными евреями в Берлине. В первую очередь следственный отдел добивался от меня признания в том, что я, якобы, разделяю взгляды буржуазных националистов, не взирая на то, что я никогда ни в каких националистических организациях или группировках не состоял.

При определенных обстоятельствах любого человека можно заставить признать себя царем Соломоном и я назвал себя националистом, основываясь на своей любви к родному языку, к народу, к его литературе, на моих симпатиях к возрожденному государству Израиль, которые есть и были созвучны выступлениям Громыко, Царапкина и всей советской

печати.

Теперь о моих связях с Е.А.К.'ом. Живя в Берлине и будучи по горло занят своей работой в газете «Теглихе Рундшау», я в органах печати Е.А.К. ни в Советском Союзе, ни в заграничных изданиях не участвовал. В 1946 г. во время моего отпуска покойный Михоэлс попросил меня сделать доклад, для президиума Е.А.К., о положении евреев в Берлине. Я был знаком с этим вопросом, поскольку собирал материалы для подготовлявшегося романа о послевоенном Берлине. Единственно преступным в этом моем «злодеянии», по мнению моих следователей (так и зафиксировано в протоколах) явилось то обстоятельство, что я сделал это для националистически-шпионского Е.А.К.'а, во главе которого стоял «обер-шпион» Михоэлс (хотя там и присутствовал И.Эренбург) и информация была о положении евреев. В этом следователи тоже усматривали проявление национализма. Более ничего «предосудительного» в моей информации не нашли.

В следственных показаниях Фефера (см. протокол с показаниями Фефера в моем деле) и в стенографическом протоколе заседания президиума Е.А.К. отмечено, что я тогда же ставил вопрос о назначении специального человека при С.В.А.Г. (Советская Военная Администрация в Германии), который бы занялся жертвами нацизма, большинство которых – выходцы из концентрационных лагерей, с тем, чтобы вырвать их из-под политического влияния американцев.

Как известно, Е.А.К. снабжал официальной информацией и литературным материалом о Советском Союзе все еврейские периодические издания за рубежом, даже буржуазные. Для этой цели они получали все, что печаталось в любой стране, на любом языке, из еврейской периодической печати.

В беседе с Михоэлсом, который жаловался на то, что из-за отсутствия почтовой связи с послевоенной Германией, Е.А.К. не имеет возможности приобрести печатные издания, начавшие там появляться для еврейского населения, — мне была выражена просьба: по мере возможности собирать все периодические издания и, время от времени, отправлять бандеролью на адрес Е.А.К. военно-полевой почтой. Я согласился это сделать в случае если получу специальный документ с соответствующими полномочиями. Такой документ, с сопроводительным письмом в адрес С.В.А.Г. я получил. В письме от имени Е.А.К. выражалась просьба ко всем организациям С.В.А.Г., помочь мне, как спецкору Е.А.К. собирать материал как для собственной корреспонденции, так и для отправки в Москву, на адрес Е.А.К., печатного материала. К счастью, из-за перегруженности на своей основной работе в редакции и работой над романом, который я тогда уже начал писать, я этим поручением Е.А.К. почти не занимался. Я пишу – почти, потому, что некоторые журналы, сборники, газеты, печатавшиеся в Германии на немецком и иврит языках, – я все-таки собрал. Тут я должен перейти к той части обвинения, которое касается моего знакомства с евреями иностранного происхождения.

Как указано выше, я уже тогда работал над романом о послевоенном

Берлине, представлявшем в то время конгломерат представителей разных стран и народов, где с каждым днем обострялась борьба политических влияний. В этой связи я стремился показать благотворное воздействие советских идей.

(Кстати, рукопись этого романа была возвращена следственным отделом моим родным с благородным советом хранить, так как она еще пригодится после моего освобождения).

Безусловно, я не упустил случая и узнавал будущих героев своего романа, говорил с ними, следил за перипетиями в их жизни, не ожидая, конечно, что мне когда-нибудь придется отвечать за их неблагонадежность. Впрочем, среди них были очень многие довольно благонадежными людьми, как немецкий еврей Юлиус Меер, выходец из концентрационного лагеря, заместитель Отто Нушке по О.Д.Ф. (Организация жертв фашизма), или американский журналист Кемпнер – сотрудник коммунистических газет «Моргенфрейхейт» и «Дейли Уоркер» или виленская девушка Гольд, которая с 16-ти лет была в лагере Равенсбрук и, после его освобождения Советскими войсками, стала работать в советской воинской части, где я с ней и познакомился.

Почему-то мне не ставили в вину мое знакомство с бывшими нацистами, с которыми мне приходилось сталкиваться даже на работе в нашей редакции. А между тем, я бывший советский писатель, работающий в области Советской еврейской литературы, – подчеркиваю еврейской. Мой следователь считал, что он дошел до вершин своей следовательской славы, достиг апогея, когда он принудил меня путем произвольного нажима, подписать протокол, в котором я выражаю одобрение и симпатию евреям, бежавшим из Польши. При этом он не дал мне возможности подчеркнуть, что я имел в виду евреев, бежавших не из демократической Польши, а из Польши 1946 г., где еще подвизались миколайчики и им подобные, спровоцировавшие еврейский погром в Кельцах.

Да, в одном этом признаюсь. Я перед следствием не скрывал и сейчас не буду кривить душой, – меня интересовала судьба тех евреев буржуазных стран, которые после катастрофы 1941-45 гг. искали себе убежище, которые убедились в том, что ни одна из этих стран не могла их защитить от физического истребления. (Из выступления Громько).

Я как советский человек – гуманист, как сын своего народа, тем более, как писатель – выразитель дум и чаяний народа, – встречался с ними, разговаривал, расспрашивал и записывал все то, что привлекало мое внимание и было нужным для работы над романом или для будущего творчества.

Собирая материал, как устный, так и печатный, я имел в виду задание Е.А.К. и доставал его, как в Берлине, так и по всей Германии. Некоторые печатные издания я приобрел в Берлинской еврейской общине, которая находилась в Советском секторе на Ораниенбургштрассе, другие – через работников общины у американского еврейского Чаплина (духовное лицо в

армии), который получал все, что издавалось в американской зоне оккупации – в Мюнхене, Дюссельдорфе, в Берген-Бельзе. Все это, собранное за целый год, я по приезду своем в отпуск передал в Е.А.К. Кое-что из личных материалов, как сборники по истории гетто, фольклорно-этнографические записи и др. я передавал в кабинет еврейской культуры при Украинской Академии Наук. Все мои записные книжки, документальные записи и фотоматериалы были изъяты при аресте. И единственное, – это преобладание в моих записях еврейской тематики, – признано следователями как антисоветское и преступное злодеяние с моей стороны. Как будто преступно было бы для любого писателя собирать материал для произведений исключительно о русском народе, – а ведь я писал и печатал много статей на общесоветскую тематику. Статьи в «Теглихе Рундшау» о Маяковском, Короленко, об украинском поэте Бажане, о Репине и Сурикове и др.

Следствию достаточно хорошо известно, что за время моего пребывания в Германии я не совершил и не пытался совершать никаких антисоветских проступков. Так, например, когда ко мне поступило письменное предложение от западно-германской немецкой газеты дать им разрешение на печатание моей статьи о социалистическом реализме, я не сделал это без ведома редактора. Имея полную возможность, я ни в одном чужом органе не печатался, за исключением двух статей в газете «Нойес Дойчланд» – орган С.Е.П.Г.

Когда по рекомендации еврейских польских писателей Бомзе, Карм и др., бывших тогда в Париже, ко мне в редакцию приехал спецкорреспондент еврейской либеральной нью-йоркской газеты «Дер Туг» (тогда просоветской) с предложением дать для его газеты серию статей о жизни евреев в Германии – я наотрез отказался это сделать, сославшись на отсутствие времени. Я смело могу заявить, что вел себя за границей с достоинством, безупречно как честный советский человек. Естественно, когда на следствии мне все время твердили, что Михоэлс – резидент американской разведки и, выполняя его задание, я, выходит, работал для этой разведки, мне уж нетрудно было согласиться с тем, что и в Берлине меня все время окружали одни шпионы и провокаторы и мои поступки бессознательно касались этой заразы. Какое благородное снисхождение со стороны следователя!

Невозможно в данных условиях проанализировать все подробности моего дела. Для этого нужно было бы переписать страницу за страницей, протокол за протоколом, чтобы Вы увидели и убедились, как коряво и даже не белыми нитками, а гнилой паутинкой сплетены все эти, с позволения сказать, улики.

Основные узлы я Вам показал. И стоит взяться за один из них, как все обвинения лопнут, как мыльный пузырь.

Я часто досадовал, почему мое дело не попало в судебные органы, – я знал хотя бы тогда, за что я заключен на 10 лет.

Я ведь осужден не приговором, а просто по постановлению бывшего Особого Совещания при бывшем МГБ и водворен в спецлагерь, предназначенный для «настоящих преступников».

Страшно обидно, до безумия больно сознавать свою невиновность и дышать одним воздухом со всяким смрадом.

Живу надеждой, надеюсь на Советское правосудие.

Верю в то, что та самая рука, которая вышвырнула за борт истории всех этих «героев» беззакония и произвола, вернет на Советский корабль всех тех, которые безвинно пострадали от их злодеяний.

Залог тому справедливый приговор всем этим бериям и рюминым и др., залог тому – полная реабилитация оклеветанного честного советского человека Народного артиста Республики Михоэлса, залог тому – нынешний пересмотр всех дел, связанных с этим именем и, в том числе, моего дела.

12.04.54 г.

(подпись)

№ 15

га-10

СЕКРЕТНО

Архив № 375820 НП-34188-50

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

8 октября 1955 года, гор. Москва

Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 5 мая 1951 года осужден по ст.ст. 54-1 «б» и 54-10 ч II УК УССР к 10 годам ИТЛ —

ЗАБАРА Натан Ильич, 1908 года рождения, уроженец гор. Рогачева, Житомирской области, еврей, гражданин СССР, из семьи кустика, с высшим образованием, беспартийный, холост, еврейский писатель, член Союза Советских писателей УССР, ранее не судим, до ареста проживал в гор. Киеве. Арестован 13 мая 1951 года.

ЗАБАРА был признан виновным в том, что имел националистические настроения и, находясь в качестве офицера в советских войсках в Берлине, установил в 1945-1946 гг. связь с сионистами и американскими офицерами, вел с ними националистические разговоры.

По заданию руководителей «Еврейского антифашистского комитета» собирал в Германии и в 1946 году доставил в «ЕАК» большое количество антисоветской сионистской литературы, которую распространял также среди своих знакомых.

Виновным себя на следствии ЗАБАРА признал и показал, что он еще в 1928-1929 годах на почве националистических настроений сблизился в Киеве с сионистами ГОЛЬДОРТ и БАЙТЕР и вошел в их группировку. Часто встречаясь до 1938 года друг с другом, они вели антисоветские

националистические разговоры, во время которых высказывали недовольство национальной политикой Советского правительства, считая, что евреи терпят притеснения и не имеют возможности развивать свою культуру. Занимались чтением сионистских газет и другой националистической литературы, которую он доставал в институте еврейской культуры, используя свое право «начинающего писателя» пользоваться запрещенной литературой.

С конца 1941 и до января 1948 года он находился в Советской Армии, имел звание старшего лейтенанта и работал журналистом в армейских газетах.

Работая с мая 1945 года и по день демобилизации в редакции немецкой газеты «Теглихе Рундшау», издававшейся Советской военной администрацией в гор. Берлине, он установил связь с руководителями сионистов НЕЛЬГАНСОМ, АРОНОМ, ГЕПНЕРОМ и американскими офицерами РОКК, АЙЗЕНБЕРГОМ, КЕМПНЕРОМ и другими, работавшими в американском объединенном комитете помощи евреям «Джойнт», который использовался американской разведкой для ведения подрывной работы против СССР и стран Народной демократии.

Как показал ЗАБАРА, он встречался с указанными лицами на еврейских литературных вечерах, свадьбах и вел разговоры о судьбах евреев и необходимости создания еврейского государства в Палестине. При этом американские офицеры интересовались у него наличием национальных тенденций у евреев, проживающих в Советском Союзе, их взглядами на движение за создание еврейского государства и возможностями выезда евреев из СССР в Палестину. Он информировал американцев, что евреи в СССР не ассимилировались и поддержат евреев мира в создании еврейского государства, что многие проживающие в СССР евреи настроены националистически и стремятся к выезду в Палестину, но советские власти препятствуют этому.

ЗАБАРА также показал, что, прибыв в 1946 году из Берлина в Москву в отпуск, он встречался с руководителями еврейского антифашистского комитета МИХОЭЛСОМ и ФЕФЕРОМ, информировал их о положении евреев в Берлине, а также делал доклад по этому вопросу на заседании президиума «ЕАК». Перед отъездом обратно в Берлин получил задание от ФЕФЕРА собирать нелегальную еврейскую националистическую литературу. Через руководителей сионистов в Берлине и американских офицеров собрал большое количество этой литературы (13 наименований газет, различные журналы) и после демобилизации в 1947 году привез ее в СССР.

Часть нелегальной сионистской литературы сдал в «ЕАК», а часть роздал своим знакомым.

Демобилизовавшись и проживая в Киеве, он продолжал встречаться с националистически настроенными еврейскими писателями ГОФШТЕЙНОМ, ЛОЙЦКЕРОМ и другими и вел с ними

националистические разговоры.

Кроме собственных признаний ЗАБАРА изобличается в националистической деятельности и связях с сионистами в Берлине и американскими офицерами показаниями десяти человек, арестованных по другим делам.

Так, арестованные ГОЛЬДОРТ и БАЙТЕР показали, что ЗАБАРА является еврейским националистом, в 1928-29 годах вошел в их группу, снабжал их нелегальными сионистскими газетами и журналами, принимал участие в националистических разговорах, утверждая, что Партия и Советское правительство тормозят развитие еврейской культуры, так как не дают возможности вести националистическую работу в еврейских школах и других еврейских культурных организациях.

ГОЛЬДОРТ и БАЙТЕР показали также, что ЗАБАРА в 1946⁷ гг. привозил из Германии большое количество нелегальной еврейской националистической литературы, которой снабжал их, восторженно отзывался о растущем на западе сионистском движении и своих связях с сионистами (том 2, л.д. 11-12, 22-24, 28-29, 37).

Арестованный в 1948 году советскими органами в Берлине руководитель еврейской общины НЕЛЬГАНС Эрих показал, что он в 1945 году на почве общности национальных взглядов установил дружеские отношения с ЗАБАРОЙ, который часто посещал синагогу, и он снабжал его еврейской националистической литературой (т. 2, л.д. 135-136).

Арестованные СТОТЛАНД и КАТТЕН показали, что они в 1945-46 гг. часто встречали ЗАБАРУ в синагоге и на квартире у руководителя еврейской общины в Берлине НЕЛЬГАНСА, который вел с ЗАБАРОЙ беседы по вопросу создания самостоятельного еврейского государства и снабжал его националистической литературой. Эти лица также показали, что ЗАБАРА имел связи с американскими офицерами, участвовал в работе еврейской общины в Берлине, которая проводила антисоветскую деятельность среди советских граждан – евреев с целью вербовки и переброски их в Америку и Палестину (т. 2, л.д. 93, 101-102, 106-114).

ФЕФЕР на допросе 4 ноября 1950 года показал, что ЗАБАРА по его заданию приобретал в Берлине для «ЕАК» еврейскую националистическую литературу, издававшуюся в американской и английской зонах оккупации Германии. В 1947 году он (ЗАБАРА) привозил из Германии несколько десятков различных еврейских националистических изданий. Информировал его о положении евреев в Германии, при этом возмущался тем, что Советская военная администрация в Германии не разрешила издание еврейских газет и журналов, тогда как в американской и английской зонах оккупации такие газеты и журналы издавались (т. 2, л.д. 75-81).

Арестованный еврейский писатель КАГАН А.Я. на допросе 20 апреля 1949 года подтвердил, что ЗАБАРА привозил из Германии еврейскую националистическую литературу и после демобилизации из армии продолжал проводить националистическую деятельность. ЗАБАРА говорил

ему, что в СССР еврейское население притесняется, проводится политика ограничения еврейской культуры, тогда как в капиталистических странах евреям предоставлена полная свобода для развития своей культуры и проведения работы среди евреев (т. 2, л.д. 83-89).

О националистической деятельности ЗАБАРА дали также показания арестованные по другим делам СПИВАК Э.Г., ГОФШТЕЙН Д.Н. и ЛОЙЦКЕР Х.Б.

В жалобе, адресованной 23 апреля 1954 года Генеральному прокурору СССР, ЗАБАРА, отрицая свою вину, указывает, что преступной националистической деятельностью он не занимался. Поддерживал связь с евреями иностранного происхождения потому, что собирал материал для своего нового романа о послевоенном Берлине, а еврейскую литературу в Германии собирал по поручению руководителей еврейского антифашистского комитета, на что был уполномочен специальным документом, полученным из «ЕАК».

В жалобе ЗАБАРА также указывает, что он является честным советским человеком, и безусловно вел себя за границей, что следствие по его делу велось необъективно, и он дал показания о своей преступной деятельности под нажимом следователя. Ходатайствует о пересмотре его дела.

С жалобами о пересмотре дела ЗАБАРЫ обратилась и его сестра — ЗАБАРА Ф.И., проживающая в гор. Киеве, которая также указывает, что ее брат был честным советским человеком и осужден неосновательно.

Жалобы ЗАБАРЫ и его сестры нельзя признать состоятельными, так как он наряду с признаниями на следствии изобличается в антисоветской националистической деятельности показаниями целого ряда лиц, арестованных по другим делам.

На основании изложенного и учитывая, что обвинение ЗАБАРЫ материалами дела доказано и осужден он правильно, —

ПОЛАГАЛ БЫ:

Дело внести на рассмотрение Центральной комиссии с предложением: постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 5 мая 1951 года в отношении ЗАБАРЫ Н.И. оставить без изменения, а его жалобу и жалобы гр-ки ЗАБАРЫ Ф.И. — без удовлетворения.

ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР 12 ОТДЕЛА ГЛАВНОЙ ВОЕННОЙ ПРОКУРАТУРЫ
Подполковник юстиции (подпись) (Д. КАШИРИН)

СОГЛАСЕН: ПОМ. ГЛАВНОГО ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
Полковник юстиции (подпись) (М. МАКСИМОВ)

11 октября 1955 года

СПРАВКА: ЗАБАРА содержится в Береговом ИТЛ — гор. Магадан.

ВЫПИСКА ИЗ ПРОТОКОЛА № 80

заседания Центральной Комиссии по пересмотру дел на лиц,
осужденных за контрреволюционные преступления, содержащихся
в лагерях, колониях и тюрьмах МВД СССР и находящихся
в ссылке на поселении
от 27 декабря 1955 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
§ 6. Дело № П-375820 по обвинению ЗАБАРА Натана Ильича, 1908 года рождения, уроженца гор. Рогачева, Гомельской области, осужденного 5 мая 1951 года Особым Совещанием при МГБ СССР за измену Родине и распространение антисоветской литературы по ст. 54-1 «б» и части 2 ст. 54-10 УК УССР к 10 годам ИТЛ.	ЗАБАРА Натану Ильичу в просьбе о пересмотре постановления Особого Совещания при МГБ СССР от 5 мая 1951 года по его делу — отказать.

Нач. Секретариата Центральной Комиссии

*(подпись)***№ 17**

Спец. контроль

СЕКРЕТНО
экз. № 1

В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР
ПРОТЕСТ

(в порядке надзора)

По делу ЗАБАРА Н.И.

Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 5 мая 1951 г. за измену Родине и распространение контрреволюционной литературы осужден к 10 годам лишения свободы в ИТЛ,

Забара Натан Ильич, 1908 года рождения, уроженец г. Рогачев, Житомирской области, еврей, гр-н СССР, беспартийный, до ареста член Союза советских писателей Украины.

По выводам обвинительного заключения Забара признан виновным в том, что, имея националистические настроения и находясь в качестве офицера в советских войсках в Берлине, установил в 1945-46 гг. связь с сионистами и американскими офицерами, вел с ними националистические разговоры и по их заданию проводил подрывную работу против СССР.

По заданию руководителей «Еврейского антифашистского комитета»

собирал в Германии и в 1946 г. доставил в «ЕАК» антисоветскую националистическую литературу и написал ряд очерков националистического характера, предназначенных для печатания за границей (т. 2, л.д. 206-211).

Постановление Особого Совещания при МГБ СССР от 5 мая 1951 г. в отношении Забара подлежит отмене по следующим основаниям:

Обвинение Забара в измене Родине и распространении контрреволюционной литературы основано на показаниях арестованных Байтера И.И., Гольдорта Г.Я., Спивака Э.Г., Гофштейна Д.Н., Фефера И.С., Когана А.Я., Стотланда А.И., Каттена Ф., Нельганса Э. и самого Забара, который виновным себя признал частично и показал, что в 1928-1929 гг. на почве националистических настроений он сблизился с сионистами Гольдорт и Байтер, с которыми встречался до 1938 г. и вел националистические разговоры.

Находясь с мая 1945 г. до 1948 г. в качестве офицера в советских войсках в г. Берлине, установил связь с руководителями сионистов Нельгансом, Ароном, Гепнером и американскими офицерами Рокк, Айзенбергом и Кепнером, работавшими в американском объединенном комитете помощи евреям «Джойнт», с которыми беседовал о судьбах евреев в различных странах.

В 1946 г., прибыв в отпуск в Москву, встретился с руководителями «Еврейского антифашистского комитета» Михоэлсом и Фефером, которых информировал о положении евреев в Берлине. Перед отъездом обратно в Берлин получил задание от Фефера собирать нелегальную еврейскую националистическую литературу.

Через руководителей сионистов в Берлине и американских офицеров собрал большое количество этой литературы (13 наименований газет, различные журналы) и после демобилизации в 1947 г. привез ее в СССР и сдал в «ЕАК» (л.д. 22, 249). Однако являлась ли эта литература антисоветского содержания, из показаний не видно. В процессе следствия литература не изымалась и не осматривалась.

В настоящее время Забара от данных им показаний отказался и в своих жалобах заявляет, что никаких преступлений он не совершал...

Из приобщенного к делу протокола допроса арестованного Байтера Исаака Ионовича видно, что на допросе 1 октября 1949 г. по своему делу Байтер назвал Забара «отъявленным еврейским националистом», который в 1926-1938 г. снабжал его нелегальными сионистскими газетами, которыми он имел возможность пользоваться в библиотеке Академии наук УССР, как начинающий писатель. В 1947 г. Забара привез из Германии еврейскую националистическую литературу, которую передал Еврейскому антифашистскому комитету, и часть из которой дал ему, Байтеру (т. 2, л.д. 1-2).

Однако из показаний не видно, какая именно националистическая литература была передана Забара, являлась ли эта литература антисоветской

(л.д. 23-24).

Аналогичные показания дал арестованный Гольдорт Г.Я. (л.д. 25-45).

Просмотром архивно-следственных дел по обвинению Кагана А.Я. и Спивак И.Г., с которыми Забара якобы был связан по антисоветской деятельности, установлено, что дела по обвинению Спивак и Каган производством прекращены за отсутствием в их действиях состава преступления.

Просмотром архивно-следственного дела по обвинению Фефера И.С., Гофштейна Д.Н. и других работников Еврейского антифашистского комитета, с которыми якобы Забара был связан по антисоветской деятельности, установлено, что определением Военной Коллегии Верховного Суда СССР от 22 ноября 1955 г. Фефер, Гофштейн и др. реабилитированы (т. 1, л.д. 255, 257).

Допрошенные по делу арестованные Стотланд А.И., Каттен Ф.Я. показали, что в 1945-1946 гг. они познакомились с советским офицером Забара Н.И., который посещал квартиру старшины еврейской общины в Берлине Нельганса Эриха, где вел беседы по вопросу создания самостоятельного еврейского государства. Забара также посещал синагогу и соблюдал еврейские обычаи. Бывая на квартире у Нельганса, Забара встречался там с американскими офицерами Айзенберг, Шубовым, Ландоф и другими, которые владели еврейским языком (л.д. 110-134).

Однако каких-либо фактов антисоветской деятельности со стороны Забара указанные свидетели в своих показаниях не приводят

Из приобщенной к делу копии допроса арестованного Нельганс Эриха видно, что он на допросе 26 апреля 1948 г. показал, что в 1945 г. в Германии он познакомился с советским офицером Забара Н.И., который, бывая у него на квартире, разделял вместе с ним взгляды об организации еврейского государства в Палестине, посещал синагогу и соблюдал другие еврейские обряды (т. 2, л.д. 136-156).

Других доказательств виновности Забара в материалах дела не имеется.

Имея в виду, что показания Байтера и Гольдорта записаны в общих выражениях и другими объективными данными не подтверждены, следует считать, что Забара был осужден необоснованно.

Руководствуясь ст. 25 Положения о прокурорском надзоре в СССР,

ПРОШУ:

Постановление Особого Сопещения при МГБ СССР от 5 мая 1951 г. в отношении Забара Натана Ильича отменить, дело производством прекратить за отсутствием состава преступления и Забара Н.И. из-под стражи освободить.

ПРИЛОЖЕНИЕ: дело № П-375820 в 2-х томах от н/вх № 0111750 — адресату.

ЗАМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР

Генерал-майор юстиции

(подпись)

(Е. ВАРСКОЙ)

27 апреля 1956 г.
7к-34188-50/048541

СПРАВКА: Забара отбывает меру наказания: Магаданская обл.,
Сусуманский район, пос. Муянджа, п/я АВ 261/63.

ДОКУМЕНТИ З АРХІВНОЇ КРИМІНАЛЬНОЇ СПРАВИ
Й. БУХБИНДЕРА
ДА СБУ, КИЇВ, СПРАВА 38159, Т.Т. 1, 2

№ 1

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

обвиняемого САВИЦКОГО Давида Александровича

от 9 июня 1946 года

Допрос начат в 10 ч. 45 мин.

Вопрос: Вращаясь в кругу националистически настроенных лиц, с кем конкретно у Вас происходили беседы на антисоветские темы, и в чем заключалось их содержание?

Ответ: Из среды ярких и убежденных националистов я знаю еврейского писателя БУХБИНДЕРА (имя и отчество не знаю). Познакомился я с ним в гор. Львове в июне 1945 года в гостинице «Джордж». Он и я приезжали тогда в гор. Львов закупать мебель. Впоследствии я несколько раз встречался с БУХБИНДЕРОМ в гор. Киеве.

25 июня 1946 года БУХБИНДЕР зашел ко мне в театр русской драмы и в администраторской, где кроме меня был администратор БЛИХШТЕЙН Яков Эмануилович, произнес целую агитационную речь. БУХБИНДЕР говорил: «Евреи имели бы другое лицо, если бы у них была своя республика, своя армия, своя власть». Евреи в Палестине отстаивают свои права и интересы и с оружием в руках ведут борьбу. Поговаривал и о том, что и СССР отдаст евреям Крым, где будет организовано самостоятельное еврейское государство, но этот вопрос заглох».

О себе БУХБИНДЕР высказался, что он, как еврейский поэт, ничего не пишет потому, что его произведения могут быть только на еврейском языке; по-украински он писать не умеет и не хочет.

Рассуждая далее, БУХБИНДЕР говорил о том, что евреи в СССР никогда не будут «полноправными» гражданами и в случае новой войны их вырежут, как это делалось в царской России.

По оценке БУХБИНДЕРА Гитлер проиграл войну лишь потому, что в его планы вошло истребление еврейского населения, ссылаясь при этом на талмуд, в котором якобы сказано, что кто поднимет меч на евреев, тот от меча и погибнет, так было с Гитлером, так будет и с другими.

Говорил о том, что три дня как приехал из Кисловодска, где особенно почувствовал влияние антисемитизма. Привел пример, что, гуляя с подполковником – Героем Советского Союза, им встретился полковник, который по их адресу начал в антисемитском духе

высказывать оскорбления. Этого полковника они хотели впоследствии найти, но не смогли.

БУХБИНДЕР этим фактом старался убедить меня, что антисемитизмом заражены даже такие люди, как «полковники».

Тогда же я задал вопрос БУХБИНДЕРУ о неизданных стихах Веры ИНБЕР, о которых много распространяется всяких толков среди обывателей.

БУХБИНДЕР мне обещал дать почитать какие-то особые стихи неизданные, причем заранее предупредил о секрете и возврате после прочтения.

Из беседы с БУХБИНДЕРОМ я лично для себя сделал вывод о том, что БУХБИНДЕР может принадлежать к какому-то антисоветскому подполью, и пытался повлиять и на меня.

Вопрос: Вы заявили о том, что при этой встрече присутствовал администратор театра БЛИХШТЕЙН. Как реагировал на выступление БУХБИНДЕРА последний?

Ответ: Я полагаю, что БЛИХШТЕЙН с БУХБИНДЕРОМ беседовали и раньше, в противном случае БУХБИНДЕР побоялся бы излагать свои националистические взгляды в таком духе, как это он практиковал, посетив меня.

Кроме этого, я БЛИХШТЕЙНА знаю, как националиста.

Лично мне известен случай, когда к БЛИХШТЕЙНУ, как администратору, обратился с просьбой один капитан предоставить место из брони в театре и тот демонстративно отказал ему и выдал билет стоящему сзади майору, по национальности еврею. На мое замечание объяснил, что выдал, как старшему по чину.

[...]

Каждый четверг в театре проводится политинформация. БЛИХШТЕЙН отказывается посещать, и при мне заявил, что то, что читают лектора, ему известно из газет, и выразился: «вот если бы мне разрешили, я прочитал бы даже без подготовки».

Об антисоветских высказываниях я хотел заявить в органы МГБ, но не успел, т.к. 28 июня был арестован.

Вопрос: Расскажите об антисоветских действиях со стороны других националистов?

Ответ: Во время войны директором молдавского джаза являлся СТОЯНОВ Дуся. Познакомился с ним я на Дальнем Востоке во время гастрольных поездок.

В мае 1946 года СТОЯНОВА я встретил в Киеве. Приехал он из Москвы, ожидал назначения на работу и, кажется, получил назначение в гор. Сумы. Рассказывая мне новости столицы, СТОЯНОВ поделился со мной о том, что артист Всесоюзного гастрольного концертного объединения в Москве, исполнитель еврейских песен ШУЛЬМАН

Зиновий выехал на Украину в гор. Черновцы, имея намерение бежать за границу. О намерении ШУЛЬМАНА бежать за границу ему якобы известно еще, когда он был в Москве.

Лично ШУЛЬМАНА Зиновия я знаю тоже, но встречался с ним еще до войны. Брат ШУЛЬМАНА Зиновия – ШУЛЬМАН Натан работает в Киеве пианистом филармонии.

Кроме этого факта СТОЯНОВ мне рассказывал о том, что в Москве организовывается, под административным руководством УМАНСКОГО Александра, ансамбль, который должен выехать на гастроли за границу. УМАНСКИЙ намерен бежать за границу, используя возможность выезда с ансамблем.

УМАНСКОГО я знаю лично много лет. Он является видным администратором, ездил по гастролям с Кларой Юнг и другими видными артистами. Московский адрес его я не знаю, но его хорошо в г. Москве знают все администраторы театров.

Хорошо его знает ЛАРИ Израиль Давидович – начальник театральной части центрального дома железнодорожников, у которого в период войны в Ташкенте работал УМАНСКИЙ.

Со слов того же СТОЯНОВА, УМАНСКИЙ высказывал еще раньше намерение бежать за кордон через Иран, но не знаю, почему это не осуществил. Об этом же полагаю должен знать ЛАРИ.

Допрос прерван, записан с моих слов правильно, мне прочитан, в чем и расписываюсь — *Савицкий*

ДОПРОСИЛ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПР. МГБ УССР
Майор (ЩЕРБАКОВ)

СПРАВКА: Подлинник протокола допроса находится в следственном деле
№ 148805 САВИЦКОГО Д.А.

ВЕРНО: СТ. ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ УПР. МГБ УССР
Капитан (подпись) (ГОЛУБНИЧИЙ)

3 августа 1946 г.

№ 2

ВЫПИСКА

из заявления обвиняемого САВИЦКОГО Давида Александровича,
до ареста работавшего главным администратором театра русской драмы
им. Л. Украинки

от 3 января 1947 года

«...Поэт БУХБИНДЕР, проживающей в г. Киеве, на которого я дал конкретный материал, уже во время своего ареста, лишь за 4 дня до моего ареста, а именно 25 июня 1946 г. у меня в театре, в присутствии моего помощника БЛИХШТЕЙНА, произнес яркую националистическую антисоветскую речь, в которой историческую фразу Александра Невского: «Кто поднял меч на русских, от меча и погибнет», – перефразировал историческим изречение еврейской библии (талмуд) — кто поднял руку на еврейский народ, тот сам и погибнет, сказав, что авантюра Гитлера нашла свою гибель, благодаря тому, что истреблялись евреи и сожалел, что в СССР нет еврейской республики, своей армии, культуры и т.д.

Все это говорит мне, что БУХБИНДЕР может быть связан с каким-то подпольем, лично во мне разжигал националистические чувства, и питая ко мне доверие, обещал дать почитать какие-то особенные стихи Веры Инбер, но помешал арест.

3.1.47 г.

Савицкий

ВЕРНО: ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ 2 УПРАВЛЕНИЯ МГБ УССР

Капитан

(подпись)

(ГОЛУБНИЧИЙ)

СПРАВКА: Подлинник протокола допроса находится в следделе № 148805
Савицкого Д.А.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

майор

(подпись)

(БЕЛОЗУБ)

№ 3

ик-8

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного КАГАНА Абрама Яковлевича

от 28 марта 1949 года

КАГАН А.Я., 1900 года рождения, уроженец гор. Бердичева, еврей, гражданин СССР, беспартийный, образование среднее, из семьи торговца. До ареста – еврейский писатель, проживал в Киеве.

Вопрос: На предыдущем допросе вы показали, что возвратившиеся из Америки МИХОЭЛС и ФЕФЕР активизировали посылку американцам шпионских сведений о Советском Союзе. Кто из ваших сообщников помогал МИХОЭЛСУ и ФЕФЕРУ в этом преступном деле?

Ответ: Я уже показал следствию, что ФЕФЕР пристроил в комитете близких ему людей, еврейских националистов ЛЕВИНА, ГОНТАРЯ и ЖИЦА, которые рьяно ему помогали и все полученные от ФЕФЕРА задания, касающиеся сбора информации для американцев, доводили до

сведения нас, корреспондентов, а также других еврейских литературных работников, занимавшихся добыванием сведений о советской стране.

Вопрос: Кто еще из еврейских националистов проводил шпионскую работу против Советского Союза?

Ответ: На американцев работали многие мои сообщники – еврейские националисты. Из них наиболее активными шпионами были следующие лица:

Корреспондент еврейского антифашистского комитета ПЕРСОВ, слывший в нашем кругу специалистом по выискиванию среди евреев генералов и полковников, у которых получал точные сведения об их службе и все это расписывал в хвалебных тонах. После возвращения МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА из Америки ПЕРСОВ стал собирать информацию о работе московских фабрик и заводов.

По заданию ФЕФЕРА в 1946 году он выезжал на Урал, где сумел добыть ряд серьезных материалов о металлургических заводах и других предприятиях оборонного значения.

Бывший ответственный секретарь газеты «Эйникайт» СОСОНКИН Лев Эммануилович в 1946-47 годах специально выезжал в Ленинград для сбора там материалов об экономическом состоянии города и о ходе восстановления промышленности после войны. Его информация отличалась конкретностью и давала довольно полную характеристику состояния промышленных предприятий.

Заведующий отделом культуры газеты «Эйникайт» ЛЮМКИС в 1946 году, устроившись на эту должность при содействии ФЕФЕРА, постоянно разъезжал по городам Советского Союза.

В беседах ЛЮМКИС рассказывал мне, что за период с 1946 года до закрытия комитета в 1948 году он побывал в Баку, Биробиджане, Самарканде, Львове, Черновицах и других промышленных центрах, откуда привозил шпионские материалы, характеризующие экономическое состояние этих городов. ЛЮМКИСУ удалось собрать подробные сведения о нефтяных промыслах Баку и ряде фабрик и заводов, имеющих большое народнохозяйственное значение в стране.

Еврейский писатель ГОРДОН Самуил, как я уже показывал выше, собиравший информацию о евреях-героях и куйбышевской промышленности в период 1942-1943 годов, переехав в Москву, продолжал заниматься сбором шпионских сведений о фабриках и заводах.

Примерно в 1947 году по заданию ФЕФЕРА он специально выезжал в Биробиджан и Крым. После возвращения написал большую брошюру об экономическом и культурном состоянии Биробиджана, ряд статей о еврейских колхозах в Крыму. Все эти материалы через комитет были направлены в Америку.

Такая же шпионская информация для Америки по заданию ФЕФЕРА, ЖИЦА, ГОНТРИЯ и ЛЕВИНА собиралась еврейскими националистами на Украине.

Вопрос: Кем?

Ответ: Корреспондентом газеты «Эйникайт» ВАЙНЕРМАНОМ Каноном Абрамовичем, который постоянно проживал в Одессе и в комитете считался одним из наиболее плодотворных информаторов. До последнего времени он сдал в комитет для Америки подробную информацию о работе Одесского и Херсонского портов, имеющейся в этих городах промышленности и состоянии сельского хозяйства в прилегающих районах.

Проживавший в Харькове ГОЛЬДЕС в период Отечественной войны активно сотрудничал в еврейской газете «Эйникайт» и большое количество корреспонденции слал в еврейский антифашистский комитет. По своему содержанию эти материалы носили националистический характер, в которых ГОЛЬДЕС восхвалял роль евреев в науке, их приоритет в разрешении проблем, имеющих важное значение для обороны и народного хозяйства страны.

После окончания войны ГОЛЬДЕС продолжал поддерживать связь с еврейским антифашистским комитетом. В 1947 г., будучи уже штатным корреспондентом «Эйникайт», в беседе ГОЛЬДЕС рассказывал мне, что по заданию комитета он собирает для американцев шпионскую информацию о промышленности гор. Харькова, заводах, фабриках, а также и о научно-исследовательских институтах. Жалуясь мне, что сбор этой информации сопряжен с большими трудностями, ГОЛЬДЕС высказывал мне свое недовольство. Заявляя о том, что еврейская культура среди евреев в СССР якобы не находит себе развития и это обстоятельство вынуждает его работать в области русской литературы, ГОЛЬДЕС, как еврейский националист, обвинял советскую власть, что она ущемляет национальные интересы евреев.

Специальный корреспондент газеты «Эйникайт» в Черновцах МАЛАМУД Хаим Гершкович по заданию ЖИЦА в 1948 г. выезжал в Биробиджан для сбора там экономической информации для Америки. МАЛАМУДУ удалось собрать подробные шпионские сведения об экономике Биробиджана и, как он рассказывал мне, комитет одобрил его поездку, выплатив ему вознаграждение в сумме 22 тысяч рублей.

Вопрос: Называйте других ваших сообщников – еврейских националистов, занимавшихся сбором шпионской информации для американцев.

Ответ: Шпионскую информацию на Украине собирали также и мои сообщники по националистической работе в Киеве. Одним из инициативных среди нас был ПОЛЯНКЕР. Будучи на фронте в период Отечественной войны, ПОЛЯНКЕР поддерживал преступную связь с ФЕФЕРОМ и сдал ему в комитет националистическую информацию о

«геройстве» евреев на фронте. Демобилизовавшись в 1945 году из армии, ПОЛЯНКЕР возвратился в Киев, где возобновил свою националистическую деятельность. В целях сбора разведывательной информации он по заданию ФЕФЕРА разъезжал по городам Украины. В Днепропетровске он добыл подробные материалы о металлургических заводах, а также о промышленных и сельскохозяйственных предприятиях других городов. В 1946 году ПОЛЯНКЕР выезжал в гор. Чкалов, где собрал подробную информацию об имеющейся там промышленности.

Еврейский писатель ФАЛИКМАН Ихил Шмулевич во время Отечественной войны находился на фронте, откуда направлял в еврейский антифашистский комитет большое количество националистической информации об участии евреев на фронте, восхвалял их «роль» в освобождении советских городов от немецких захватчиков. В 1946 году, приехав в Киев, ФАЛИКМАН продолжал посылать в комитет шпионскую информацию для американцев о восстановительных работах в промышленности, на транспорте, о научных учреждениях и материальных условиях жизни населения столицы Украины.

ТОКАРЬ с 1946 года занимался в Киеве сбором секретных сведений о еврейской интеллигенции, работавшей в научных учреждениях и промышленных предприятиях, имеющих важное народнохозяйственное значение для страны.

В 1948 году, будучи назначен ЖИЦЕМ на должность спецкорреспондента газеты «Эйникайт», ТОКАРЬ рассказывал мне, что он сумел раздобыть сведения о ряде харьковских заводов и выпускаемой ими продукции.

В последнее время ТОКАРЬ собирал шпионскую информацию о станкостроительном заводе имени Горького в Киеве, которая также предназначалась для отправки в Америку.

Еврейский поэт БУХБИНДЕР Иосиф Шмулевич говорил мне, что по заданию ФЕФЕРА он собирал данные о промышленности Киева. В 1947 году он выезжал в Донбасс и Запорожье и после возвращения оттуда направил в Комитет подробную информацию о восстановительных работах на шахтах и заводах.

ТАЛАЛАЕВСКИЙ так же, как и ПОЛЯНКЕР, находясь в армии в период Отечественной войны, поддерживал постоянную связь с ФЕФЕРОМ и направлял ему в еврейский антифашистский комитет националистические статьи о евреях, всячески восхвалял их «героизм» на фронте. В 1946-47 годах он посылал в комитет ряд материалов об экономическом состоянии городов Кировограда и Дрогобыча.

Вопрос: Арестованный нами за вражескую деятельность ГОФШТЕЙН на следствии показал, что вы также занимались сбором шпионских

материалов по Украине. Показывайте, какие сведения вами были посланы американцам?

Ответ: ГОФШТЕЙН показал правильно. По заданию ФЕФЕРА я, как корреспондент газеты «Эйникайт», собирал для американцев шпионские сведения о хозяйственной и культурной жизни Украины, давая в этих материалах подробную характеристику экономического состояния городов Украины и имеющейся там промышленности.

За период с 1945 по 1948 год я несколько раз посылал из Киева в Еврейский антифашистский комитет подробные данные о судоремонтном заводе им. Сталина. Посещая этот завод, мне удалось собрать шпионские сведения о численности состава рабочих, инженерно-технического персонала и о выполнении плана работ по ремонту транспортных судов для Днепровской речной флотилии.

В то же время в управлении строительства газопровода Дашава – Киев от работавших там евреев получал сведения о состоянии хода работ, производившихся на трассе газопровода, населенных пунктах, через которые проходит трасса, о ее протяженности, местах нахождения распределительных станций и промышленных предприятиях, предназначенных к подключению к газопроводу в связи с переводом их на газовое топливо.

В 1948 году я послал в комитет материалы о работе клиники академика ГУБЕРГРИЦА в Киеве. В этих материалах, наряду с восхвалением заслуг ГУБЕРГРИЦА как еврея-ученого, сообщил о профессуре, работающей под его руководством по освоению новых методов лечения желудка.

В 1946 году я собрал сведения о политехническом и медицинском институтах в Киеве, имеющейся там профессуре и численности студентов.

В 1946 году я посетил Малинскую писчебумажную фабрику, находящуюся в Киевской области, где собрал сведения о количестве выпускаемой ею продукции и бумаги, предназначенной для обеспечения нужд города Киева и табачной промышленности Украины.

В Киеве удалось добыть сведения о швейной фабрике, стекольно-термосном заводе и других промышленных предприятиях, снабжающих население Украины товарами дефицитного значения.

В период с 1945 по 1948 год, посетив города Бердичев, Житомир и Винницу, я собрал там информацию о производившихся восстановительных работах в промышленности и коммунальном хозяйстве.

В Бердичеве от местных жителей-евреев, работавших на заводе «Комсомолец», выпускающем сельскохозяйственные машины, швейной фабрике и кожевенном заводе, мною собраны сведения о

продукции этих предприятий, выполнении плана и наличии рабочей силы.

В Виннице у директора сахарного треста ЗАБАРСКОГО, еврея по национальности, получил информацию об имеющихся в ведении треста сахарных и спиртоводочных заводах и их дислокации. Там же, в Виннице, я собрал материалы о работе электростанции и депо железнодорожного узла.

Вопрос: Следствию известно, что в 1947 году через еврейский антифашистский комитет вы послали в Америку материалы под названием «Евреи на Украине». Эти материалы были также шпионского характера?

Ответ: Да. Материалы в виде брошюры «Евреи на Украине» я подготовил по заданию ФЕФЕРА, который, как он мне говорил, в 1947 году переслал их в Америку.

Вопрос: Какие шпионские сведения имелись в этой так называемой брошюре?

Ответ: В брошюре «Евреи на Украине» я обобщил собранные мною до 1947 года материалы, характеризующие состояние промышленности Украины. Кроме того, с ведома ФЕФЕРА, в брошюру я поместил присланную в еврейский антифашистский комитет шпионскую информацию о народном хозяйстве Украины моими сообщниками ПОЛЯНКЕРОМ, ВАЙНЕРМАНОМ, БУХБИНДЕРОМ, ФАЛИКМАНОМ, ТОКАРЕМ и ГОЛЬДЕСОМ.

Имея в виду, что помещаемая мною в брошюре информация ранее уже была послана американцам, я переработал ее и преподнес в виде нового материала.

Вопрос: Только эти сведения вы сообщили американцам?

Ответ: Наряду со сведениями шпионского характера брошюра была насыщена материалом националистического содержания, в котором я, а также и мои сообщники восхваляли «роль» евреев на фронтах Украины в период Отечественной войны и их «участие» в партизанских отрядах.

Должен сказать, что американцы проявляли большой интерес к нашей националистической работе на Украине, в связи с чем я подробно изложил в своей брошюре также сведения и по этому вопросу.

Допрос прерван.

Записано с моих слов правильно, мною прочитано

(Каган)

ДОПРОСИЛ: ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
подполковник

ВЕРНО: СТ. ОПЕРУПОЛНОМОЧ.
5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ УССР

№ 4

лу-5

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованного КАГАНА Абрама Яковлевича

от 6-го апреля 1949 года

КАГАН А.Я., 1900 года рождения, уроженец гор. Бердичева, еврей, гр-н СССР, беспартийный, образование среднее, из семьи торговца. До ареста – еврейский писатель, проживал в Киеве.

Вопрос: На следствии вы показали, что информировали американцев о националистической деятельности, которая проводилась вами и вашими сообщниками на Украине. Рассказывайте, в чем конкретно выражалась ваша вражеская деятельность на Украине?

Ответ: Я расскажу все по порядку. После того, как МИХОЭЛС и ФЕФЕР возвратились из Америки, и началась активная националистическая деятельность Еврейского антифашистского комитета, его руководство в лице ЭПШТЕЙНА и ФЕФЕРА в начале 1943 года дало всем еврейским писателям указание возвратиться из эвакуации к местам прежнего жительства и приступить там к налаживанию работы среди еврейского населения.

Вопрос: Такое же задание было получено и вами?

Ответ: Да. В апреле 1944 года выехал в Киев и я, где уже находились мои сообщники по вражеской работе ТОКАРЬ, ГОФШТЕЙН, СПИВАК, ЛОЙЦКЕР, МАЙДАНСКИЙ и БЕРЕГОВСКИЙ. В 1945 году в Киев приехали остальные наши сообщники: ПОЛЯНКЕР и ТАЛАЛАЕВСКИЙ.

По инициативе СПИВАКА и особенно ЛОЙЦКЕРА в Киеве возобновил свою деятельность еврейский кабинет при Академии Наук СССР, вокруг которого я, ГОФШТЕЙН, ТОКАРЬ, МАЙДАНСКИЙ и БЕРЕГОВСКИЙ помогали СПИВАКУ и ЛОЙЦКЕРУ объединять еврейских националистов.

При кабинете нам удалось организовать еврейскую библиотеку, небольшую типографию, где печатали еврейскую литературу и распространяли ее среди населения.

Тогда же в кабинете мы начали устраивать литературные вечера, беседы, лекции и доклады об «участии» евреев в Отечественной войне, их «деятельности» в тылу и, освещая это в выгодном для нас свете, мы воспитывали еврейское население в националистическом духе.

Имея задание МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА возродить на Украине националистическую деятельность, мы стали добиваться открытия существовавших до войны в Киеве еврейских культурных учреждений: издательства, газеты, журнала, библиотек, клуба, секции еврейских писателей с тем, чтобы под вывеской их можно было безнаказанно проводить преступную работу среди евреев.

В 1944 году в Киев приехал ФЕФЕР, который как представитель Еврейского антифашистского комитета пытался помочь нам наладить националистическую работу. Уезжая в Москву, он дал задание ГОФШТЕЙНУ, СПИВАКУ, ТОКАРЮ, ЛОЙЦКЕРУ и мне не оставлять начатого дела и продолжать добиваться открытия еврейских учреждений.

Вопрос: И это задание ФЕФЕРА вы выполняли?

Ответ: Да, мы принимали все меры к тому, чтобы осуществить свои преступные замыслы и открыть, по сути дела, ненужные еврейские учреждения. ТОКАРЬ, ГОФШТЕЙН, ТАЛАЛАЕВСКИЙ и ПОЛЯНКЕР неоднократно добивались в ЦК КП(б)У и в правительстве Украины открытия этих учреждений. В 1946 году я совместно с БАЛЯСНОЙ по этому вопросу обращался к секретарю ЦК КП(б)У ЛИТВИНУ.

Вопрос: Кто такая БАЛЯСНАЯ?

Ответ: БАЛЯСНАЯ Рива Наумовна – еврейская поэтесса. До начала Отечественной войны работала в еврейском издательстве в Киеве, поддерживала с нами связь и принимала участие во многих наших националистических мероприятиях. После войны БАЛЯСНАЯ стала проявлять большую активность и в нашем кругу еврейских националистов считалась своим человеком.

В происходивших между нами националистических беседах БАЛЯСНАЯ поддерживала высказывания ГОФШТЕЙНА, ПОЛЯНКЕРА и ТАЛАЛАЕВСКОГО о необходимости воспитания у еврейского населения чувства национального самосознания и в свою очередь заявляла, что нам, еврейским писателям, надо противиться ассимиляции и в этом направлении воспитывать еврейский народ.

ПОЛЯНКЕР, ТАЛАЛАЕВСКИЙ и БАЛЯСНАЯ утверждали, что нам надо всячески сохранять еврейскую культуру, язык и популяризировать это среди евреев. В этих целях ПОЛЯНКЕР, ТАЛАЛАЕВСКИЙ и БАЛЯСНАЯ до последнего времени домогались в Совете Министров УССР, чтобы нам, еврейским писателям, дали право организовать радиопередачи на еврейском языке.

Несмотря на наши настойчивые домогательства, нам не удалось легализовать свою националистическую работу, как это было до Отечественной войны. В этой связи, собираясь на квартирах друг у друга, в узком кругу мы высказывали недовольство.

Вопрос: Недовольство антисоветского характера?

Ответ: Да, это правильно. Я, ГОФШТЕЙН, ПОЛЯНКЕР, ТАЛАЛАЕВСКИЙ, ТОКАРЬ и ЛОЙЦКЕР клеветнически утверждали, что советская власть притесняет евреев и проводит политику ограничения еврейской культуры.

Несмотря на все наши усилия наладить националистическую работу, МИХОЭЛС и ФЕФЕР недовольны оставались, и поскольку на них нажимали американские хозяева, они требовали от нас большей активности.

Имея в своем распоряжении еврейский кабинет и театр, который находился в то время в Черновцах, мы организовали вокруг их всю нашу антисоветскую работу.

В 1945 году мы устроили юбилейные празднества еврейского театра им. Шолом-Алейхема, приехавшего на гастроли в Киев для показа националистической пьесы «Я живу». Тогда же к нам прибыл МИХОЭЛС, который добивался оставления в Киеве театра и открытия других еврейских культурных учреждений.

С приходом МИХОЭЛСА нам удалось значительно активизировать свою националистическую деятельность. ТОКАРЬ, СПИВАК, ЛОЙЦКЕР, ГОФШТЕЙН, ТАЛАЛАЕВСКИЙ и я организовывали массовые посещения евреями постановки «Я живу». Собравшись по случаю юбилея театра, мы перевозносили МИХОЭЛСА, как своего руководителя и защитника еврейского народа.

На одном из этих сборищ ТОКАРЬ, являвшийся личным другом МИХОЭЛСА, выступил от имени еврейских националистов Киева и заявил, что мой народ дал миру «великих» борцов и такого «великого» еврея, как МИХОЭЛС. Несмотря ни на что, говорил ТОКАРЬ, МИХОЭЛС поможет нам наладить националистическую работу на Украине, как это было до войны.

В узком кругу МИХОЭЛС называл ТОКАРЯ настоящим евреем и говорил, чтобы мы брали с него пример, и действовали смелее.

После отъезда МИХОЭЛСА я, ТОКАРЬ, ГОФШТЕЙН и ПОЛЯНКЕР, выполняя его задание, объединяли вокруг себя антисоветски настроенных евреев и использовали их в националистической работе.

Вопрос: Называйте этих лиц.

Ответ: К националистической деятельности мы привлекли еврейского писателя ФАЛИКМАНА, который, как я уже показал, еще в период своего пребывания на фронте во время Отечественной войны установил связь с Еврейским антифашистским комитетом и эту связь продолжал поддерживать после демобилизации из армии.

ФАЛИКМАН так же, как и остальные мои сообщники, направлял в комитет общую информацию о положении на Украине и одновременно

с этим принимал участие в проводимой нами националистической работе.

ФАЛИКМАН совместно с ПОЛЯНКЕРОМ и ТАЛАЛАЕВСКИМ неоднократно ставил в нашем кругу вопрос о необходимости расширения нашей деятельности. Выпячивая всюду свое пребывание на фронте в период войны, ФАЛИКМАН заявлял, что мы, евреи, «завоевали» себе право национальной самостоятельности. Мы, утверждал ФАЛИКМАН, должны сохранить свой язык и культуру и несмотря ни на что добиваться этого.

Свои националистические настроения ФАЛИКМАН высказывал не только в нашем кругу еврейских националистов, но и на устраиваемых нами литературных вечерах в еврейском кабинете, вокруг которого, как я уже показывал выше, мы объединяли националистически настроенных евреев, проживающих в Киеве.

К националистической работе ПОЛЯНКЕР также привлек проживающего в Киеве еврейского поэта БУХБИНДЕРА Иосифа.

Вопрос: При каких обстоятельствах это произошло?

Ответ: БУХБИНДЕР работал в литфонде Украины, где в 1945 году проворовался и был исключен из Союза советских писателей. Сумев избежать судебной ответственности, он с этого времени прекратил работать и переключился на литературную деятельность.

Являясь близким человеком ФЕФЕРА, последний всячески поддерживал БУХБИНДЕРА. По заданию ФЕФЕРА БУХБИНДЕР собирал экономическую информацию на Украине и направлял ее в комитет для посылки в Америку. В марте 1947 года, когда к нам вторично приехал ФЕФЕР, он помог БУХБИНДЕРУ восстановиться в правах члена Союза советских писателей Украины и рекомендовал его ПОЛЯНКЕРУ, как надежного человека.

Вопрос: В связи с чем в 1947 году ФЕФЕР приезжал в Киев?

Ответ: В 1947 году ФЕФЕР приезжал на Украину для налаживания националистической деятельности. Мы информировали ФЕФЕРА, что испытываем трудности в проведении националистической работы среди еврейского населения на Украине и просили у него помощи. Высказывая явное недовольство, ФЕФЕР обвинял нас в безынициативности и на квартире у ПОЛЯНКЕРА, где он тогда остановился, говорил мне, ПОЛЯНКЕРУ и ТАЛАЛАЕВСКОМУ, БУХБИНДЕРУ, ГОФШТЕЙНУ и ТОКАРЮ, что надо быть настойчивым в наших делах. Если бы я бездействовал, указывал ФЕФЕР, то в Москве давно бы закрыли Еврейский антифашистский комитет и вся бы наша работа пошла насмарку. В Киеве большое поле деятельности. Вспомните, какая работа кипела у нас до войны и наша задача возродить ее, заявлял ФЕФЕР.

Вместе с ПОЛЯНКЕРОМ и ТАЛАЛАЕВСКИМ ФЕФЕР добился

возобновления деятельности секции еврейских писателей в Киеве и издания альманаха «Дерштерн», что в значительной степени активизировало нашу преступную работу.

Поставленный ФЕФЕРОМ во главе всей нашей националистической деятельности на Украине ПОЛЯНКЕР стал в руководстве секции еврейских писателей, а его помощником ТАЛАЛАЕВСКИЙ. Они же совместно с ФАЛИКМАНОМ и ЛОЙЦКЕРОМ руководили работой по выпуску альманаха, а я, ГОФШТЕЙН, ТОКАРЬ, БУХБИНДЕР и БАЛЯСНАЯ активно им помогали.

По линии секции еврейских писателей мы так же, как и еврейский кабинет, стали создавать свой актив из националистически настроенных лиц еврейской национальности и устраивать литературные вечера, на которых восхваляли и всячески превозносили евреев.

Наши сообщники СПИВАК и ЛОЙЦКЕР, находившиеся во главе еврейского кабинета, всячески поддерживали деятельность секции еврейских писателей и помогли нам организовать на этом участке националистическую пропаганду среди еврейского населения в Киеве.

Вопрос: В преступной работе вам помогали не только ваши сообщники из еврейского кабинета, но и другие лица. Называйте их.

Ответ: В мае 1947 года в Киев приехал БЕРГЕЛЬСОН. В связи с этим при кабинете и секции мы организовали два литературных вечера. Стараясь как можно больше привлечь посетителей на эти вечера, мы разослали до 800 пригласительных билетов лицам еврейской национальности.

На состоявшихся вечерах БЕРГЕЛЬСОН выступал с националистическими речами, в которых призывал еврейских писателей сохранять свое национальное самосознание, всячески поддерживать еврейскую культуру и добиваться ее развития.

БЕРГЕЛЬСОН говорил, чтобы мы популяризировали среди евреев деятельность еврейского кабинета и совместно со СПИВАКОМ, возглавлявшим этот кабинет, объединяли евреев Украины. Мы, как утверждал БЕРГЕЛЬСОН, должны сохранить свое влияние на еврейское население, вести пропаганду за сохранение своего языка и как можно шире привлекать евреев к националистической работе.

Тогда же БЕРГЕЛЬСОН и ПОЛЯНКЕР выезжали в еврейский колхоз им. Кагановича, находившийся в пригороде Киева, где в беседе с колхозниками БЕРГЕЛЬСОН говорил примерно так: «Помните, что вы – евреи и не забывайте своего языка».

Выполняя указания ФЕФЕРА, МИХОЭЛСА, БЕРГЕЛЬСОНА, мы разжигали у еврейского населения чувство национального самосознания, настраивали его против национальной политики ВКП(б) и советского правительства и призывали противиться ассимиляции.

Прикрытием для нашей преступной деятельности служил еврейский

кабинет и секция еврейских писателей, где на устраиваемые вечера, беседы и доклады мы старались привлечь как можно больше посетителей евреев, для чего организовывали выступления еврейских артистов и таким путем мы достигали своей цели.

Наряду с этим среди еврейского населения Киева мы распространяли еврейскую литературу и издаваемый нами альманах «Дер штерн». По заданию ПОЛЯНКЕР, БУХБИНДЕР и ТОКАРЬ ходили по квартирам, где проживали евреи, и агитировали их подписываться на альманах. Евреев, не знающих еврейского языка и не желавших читать еврейскую литературу, БУХБИНДЕР, как он рассказывал, буквально принуждал к подписке, укоряя тем, что, отказываясь поддерживать еврейскую культуру, они выступают против евреев и этим самым помогают антисемитам.

Обманывая партию и советское правительство, мы преследовали цель добиться еще больших легальных возможностей, чтобы под вывеской этого развернуть преступную работу среди евреев, проживающих не только в Киеве, но и в других городах Украины.

Вопрос: Показывайте конкретнее, в каких еще городах Украины проводилась националистическая деятельность?

Ответ: Националистическая работа проводилась в ряде городов Украины, куда мы выезжали, устанавливали там связи с еврейскими националистами и совместно с ними организовывали антисоветскую работу среди местного еврейского населения.

Так, в 1946 году, я, ПОЛЯНКЕР и ГОФШТЕЙН разъезжали по еврейским местечкам Винницком области, где на устраиваемых литературных вечерах вели националистическую пропаганду и призывали еврейское население поддерживать еврейскую культуру.

В 1947 году ПОЛЯНКЕР и БАЛЯСНАЯ выезжали в гор. Белая Церковь Киевской области с докладом о еврейской литературе.

В том же году я, ПОЛЯНКЕР и ФАЛИКМАН в Виннице проводили работу среди евреев, выезжавших на жительство в Биробиджан, всячески внушая им, что Биробиджан должен стать центром еврейской культуры в СССР и задача евреев осуществить это.

В 1948 году БУХБИНДЕР выезжал в Бердичев и Житомир, где, как и в Киеве, распространял среди евреев подписку на еврейский альманах «Дер штерн», ПОЛЯНКЕР и ТАЛАЛАЕВСКИЙ выезжали в Черновицы.

Вопрос: Где также проводили вражескую работу?

Ответ: В Черновицах при содействии близкого нам человека – ГОЛЬДБЛАТА, являвшегося художественным руководителем еврейского театра им. Шолом-Алейхема мы старались изолировать местное еврейское население от влияния украинской культуры. В театре показывали националистические пьесы МАРКИША «Кол

Нидрей», «Восстание в гетто» и другие, которые воспитывали у еврейского зрителя чувство национальной обособленности и превосходства еврейской культуры.

Вопрос: Кроме ГОЛЬДБЛАТА преступную работу в Черновицах проводили и другие лица?

Ответ: Да. Кроме ГОЛЬДБЛАТА националистическую деятельность в Черновицах проводил еврейский литератор БЛОШТЕЙН, который примерно до 1932 года проживал в Аргентине. Возвратившись в СССР, БЛОШТЕЙН до 1941 находился в Киеве, где примкнул к нашей националистической группе, возглавлявшейся тогда ФЕФЕРОМ.

После окончания Отечественной войны БЛОШТЕЙН поселился в Черновицах и, являясь корреспондентом еврейской газеты «Эйникайт», снабжал Еврейский антифашистский комитет различной националистической информацией о «роли» евреев в экономической жизни Буковины. Кроме того, в Черновицах БЛОШТЕЙН поддерживал преступную связь с ПИНЧЕВСКИМ.

Вопрос. Кто такой ПИНЧЕВСКИЙ?

Ответ: ПИНЧЕВСКИЙ – еврейский поэт, по своим убеждениям ярый националист. Он являлся автором националистической пьесы «Я живу», которая продолжительное время ставилась театром в Черновицах, Киеве и других городах Украины и впоследствии была запрещена, по поводу чего ПИНЧЕВСКИЙ высказывал клеветнические измышления о советской власти.

Из бесед с ПИНЧЕВСКИМ мне известно, что в двадцатых годах он приехал в Советский Союз из Аргентины, где был связан с уголовным элементом. В конце тридцатых годов, проживая в Киеве, репрессировался органами НКВД. После освобождения из-под стражи до 1941 года находился в Киеве и активно сотрудничал в еврейской печати.

Тогда же он установил преступную связь с ФЕФЕРОМ, ПОЛЯНКЕРОМ, ТАЛАЛАЕВСКИМ и другими моими сообщниками по националистической работе на Украине.

ПИНЧЕВСКИЙ и БЛОШТЕЙН среди еврейского населения в Черновицах вели активную националистическую работу.

По заданию ПОЛЯНКЕРА, БЛОШТЕЙН и ПИНЧЕВСКИЙ разъезжали по еврейским местечкам Черновицкой области, где популяризировали еврейский театр, распространяли литературу и на устраиваемых докладах о еврейской культуре призывали еврейское население сохранить свою самобытность.

Используя легальные возможности секции еврейских писателей, еврейского кабинета и театра, к 1948 году нам значительно удалось активизировать свою националистическую работу, которая дискредитировала национальную политику ВКП(б) и советского

правительства.

Допрос прерван.

Протокол допроса с моих слов записан правильно, мною прочитан.

(Каган)

ДОПРОСИЛ: ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Подполковник *(подпись)* (ЛЕБЕДЕВ)

Подлинник протокола допроса находится в следственном деле № 2144.

ВЕРНО: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ 5 Упр. МГБ УССР
Майор *(подпись)* (СЕКАРЕВ)

№ 5

Копия с копии

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного ГОФШТЕЙНА Давида Наумовича

от 30 июня 1949 года

ГОФШТЕЙН Д.Н., 1889 года рождения, уроженец гор. Коростышева, Житомирской области, еврей, гр-н СССР, из семьи торговца, с высшим образованием, в 1929 году окончил аспирантуру института еврейской культуры при Академии наук УССР, член ВКП(б) с 1942 года. До ареста – еврейский поэт, член Президиума Союза Советских писателей Украины.

Вопрос: На следствии вы показали, что в связи с эвакуацией из Киева в 1941 году временно прервали проводившуюся вами антисоветскую националистическую работу. Покажите, когда вы возобновили вражескую деятельность на Украине?

Ответ: В начале 1944 года, возвратившись из эвакуации в Киев, я от своих сообщников МИХОЭЛСА, ЭПШТЕЙНА и ФЕФЕРА, являвшихся руководителями еврейского антифашистского комитета, получил задание возродить на Украине проводившуюся нами до Отечественной войны националистическую работу среди евреев. Такое же задание от ФЕФЕРА и ЭПШТЕЙНА имели вернувшиеся в Киев мои сообщники КАГАН, СПИВАК, ТОКАРЬ, МАЙДАНСКИЙ и БЕРЕГОВСКИЙ.

Вопрос: Показывайте, что вами было предпринято в осуществлении задания Михоэлса и ФЕФЕРА?

Ответ: СПИВАК и ЛОЙЦКЕР совместно с МАЙДАНСКИМ и БЕРЕГОВСКИМ сразу же возобновили свою националистическую деятельность под вывеской еврейского кабинета. Я, КАГАН и

ТОКАРЬ активно им помогали.

При кабинете мы создали еврейскую библиотеку, типографию, где печатали националистическую литературу и распространяли ее среди еврейского населения. Используя кабинет для объединения националистически настроенных евреев, мы приступили к проведению докладов, бесед и лекций об участии евреев на фронтах Отечественной войны и их деятельности в тылу, преподнося это в выгодном для нас свете. На литературных вечерах в кабинете мы всячески восхваляли еврейскую культуру и воспитывали еврейское население в националистическом духе.

В 1944 году в Киев приехал ФЕФЕР, который призывал нас к активности и помогал добиваться в правительственных инстанциях открытия существовавших на Украине еврейских учреждений. Уезжая в Москву, ФЕФЕР потребовал от нас не оставлять начатого дела и во что бы то ни стало возродить былую националистическую работу.

Вопрос: И вы этого добились?

Ответ: Да, мы до последнего времени добивались открытия в Киеве как можно больше еврейских культурных организаций с тем, чтобы под прикрытием их проводить вражескую националистическую работу.

В 1945 году, после окончания Отечественной войны, в Киев возвратились демобилизовавшиеся из армии наши сообщники: ПОЛЯНКЕР и ТАЛАЛАЕВСКИЙ. В беседах со мною и КАГАНом они требовали добиваться своих национальных прав, якобы ущемленных органами советской власти. Высказывая вражеские измышления по адресу советского правительства, я, КАГАН, ПОЛЯНКЕР, ТАЛАЛАЕВСКИЙ и ЛОЙЦКЕР прикладывали все усилия к тому, чтобы объединить еврейское население Украины и развернуть среди него националистическую работу.

Помимо еврейского кабинета для проведения националистической работы мы использовали находившийся в Черновицах еврейский театр им. Шолом-Алейхема. В 1945 году мы специально устроили юбилейные празднества театра в Киеве для показа националистической пьесы «Я живу». На эти празднества к нам прибыл МИХОЭЛС, который совместно с нами добивался оставления в Киеве театра и открытия других еврейских учреждений.

С приездом МИХОЭЛСА мы значительно активизировали свою деятельность. ТОКАРЬ, СПИВАК, ЛОЙЦКЕР, КАГАН, ТАЛАЛАЕВСКИЙ и я организовывали при кабинете вечера по поводу юбилея театра и массовые посещения евреями постановки «Я живу». На всех наших сборищах и устраиваемых вечерах мы перевозносили МИХОЭЛСА как своего руководителя и защитника еврейского народа в Советском Союзе. Уезжая, МИХОЭЛС поучал нас, что надо быть настойчивей в делах по объединению еврейства на Украине и всячески

противиться процессу ассимиляции.

В 1945-1946 гг. я, КАГАН, ПОЛЯНКЕР и ТАЛАЛАЕВСКИЙ добивались открытия еврейской секции писателей, выпуска журнала, газеты и организации радиопередач на еврейском языке. Одновременно с этим мы всячески расширяли свои националистические связи среди евреев, проживающих в Киеве.

Вопрос: Кого из еврейских националистов вы привлекли к националистической работе?

Ответ: ПОЛЯНКЕР и ТАЛАЛАЕВСКИЙ поддерживали преступную связь с еврейским писателем ФАЛИКМАНОМ Ихил Шмулевичем. Националистические убеждения ФАЛИКМАНА были нам известны еще до начала Отечественной войны, когда он принимал активное участие в устройстве литературных вечеров, где выступал за активизацию националистической работы среди еврейского населения на Украине.

Демобилизовавшись из армии после окончания войны, ФАЛИКМАН возвратился в Киев, где близко сошелся с ПОЛЯНКЕРОМ и ТАЛАЛАЕВСКИМ и вместе с ними до последнего времени занимался проведением националистической работы.

В нашей среде ПОЛЯНКЕР, ТАЛАЛАЕВСКИЙ и ФАЛИКМАН заявляли, что они, будучи в армии во время войны якобы «завоевали» право для еврейского народа сохранить национальную обособленность в условиях советской власти и этого, как утверждали они, будут добиваться.

В еврейском кабинете, где мы на устраиваемых вечерах вели националистическую пропаганду, ФАЛИКМАН был одним из активных и всячески агитировал присутствующих евреев включиться в нашу вражескую работу.

Другим не менее активным в нашей националистической деятельности был еврейский поэт БУХБИНДЕР Иосиф Шмулевич, близкий человек ФЕФЕРУ. Работая в литфонде Украины, БУХБИНДЕР проворовался там. В 1945 году его уволили из литфонда и исключили из Союза советских писателей Украины.

Сумев избежать судебной ответственности, БУХБИНДЕР нигде не работал, поддерживал связь с ПОЛЯНКЕРОМ и по его заданию занимался распространением еврейской литературы в Киеве и других городах Украины.

В марте 1947 года, когда к нам вторично приехал в Киев ФЕФЕР, он рекомендовал нам БУХБИНДЕРА как еврейского националиста и помог ему восстановиться в правах члена Союза советских писателей.

Вопрос: Зачем ФЕФЕР приезжал к вам в Киев?

Ответ: ФЕФЕР интересовался, как мы развернули на Украине националистическую работу. Тогда он требовал от нас, чтобы мы

добились открытия в Киеве существовавших до войны еврейских учреждений и под прикрытием их проводили широкую националистическую пропаганду.

При помощи ФЕФЕРА в 1947 году мы возобновили деятельность секции еврейских писателей и начали издавать литературный альманах «Дер штерн» на еврейском языке.

В руководство всей нашей националистической деятельности на Украине ФЕФЕР поставил ПОЛЯНКЕРА и его друга ТАЛАЛАЕВСКОГО. При нашем содействии они стали во главе секции еврейских писателей и совместно с ФАЛИКМАНом и ЛОЙЦКЕРОМ редактировали альманах «Дер штерн». Я, КАГАН, ТОКАРЬ и БУХБИНДЕР активно им помогали в этом. Имея в своем распоряжении секцию и альманах, мы значительно активизировали свою вражескую работу.

Используя секцию еврейских писателей во вражеских целях, мы устраивали литературные вечера, доклады, лекции и беседы о еврейской литературе и чествовали еврейских писателей. На эти «мероприятия» мы организовывали массовые посещения еврейского населения и старались привить ему «вкус» к еврейскому языку и культуре.

Вскоре после ФЕФЕРА в Киев приезжал наш сообщник БЕРГЕЛЬСОН.

Вопрос: В связи с чем?

Ответ: БЕРГЕЛЬСОН так же, как МИХОЭЛС и ФЕФЕР, считал, что мы недостаточно используем легальные возможности для проведения националистической работы среди евреев на Украине, и приехал проверить, что нами сделано после отъезда ФЕФЕРА.

Воспользовавшись пребыванием БЕРГЕЛЬСОНА в Киеве, мы организовывали литературные вечера, на которых превозносили «заслуги» БЕРГЕЛЬСОНА в еврейской литературе и призывали присутствующих евреев сохранять свою культуру в Советском Союзе.

В беседах со мной, КАГАНом, ПОЛЯНКЕРОМ и другими нашими сообщниками, БЕРГЕЛЬСОН говорил, что мы должны держать под своим влиянием еврейское население, вести массовую пропаганду за сохранение своего языка и как можно больше привлекать к нашей работе националистически настроенных евреев.

Вместе с ПОЛЯНКЕРОМ БЕРГЕЛЬСОН выезжал в еврейский колхоз им. Кагановича, расположенный в пригороде Киева, где, как нам рассказывал ПОЛЯНКЕР, БЕРГЕЛЬСОН агитировал колхозников-евреев, чтобы они читали еврейскую литературу и не забывали свою национальность.

Тогда же БЕРГЕЛЬСОН потребовал от нас, чтобы мы не ограничивали свою националистическую деятельность только Киевом,

а разъезжали по другим городам Украины и организовывали там антисоветскую работу.

Вопрос: И вы это осуществляли?

Ответ: Да, по заданию МИХОЭЛСА, ФЕФЕРА и БЕРГЕЛЬСОНА мы вели националистическую работу и вне Киева. Еще в 1946 году я вместе с ПОЛЯНКЕРОМ и КАГАНОМ разъезжали по еврейским местечкам Винницкой области, где пропагандировали националистическую литературу среди евреев.

В 1947 году ЛОЙЦКЕР выезжал в гор. Белая Церковь и провел там несколько докладов, посвященных развитию еврейской культуры, преподнося это в националистическом духе. В том же году КАГАН, ПОЛЯНКЕР и ФАЛИКМАН обрабатывали в антисоветском духе в Виннице евреев, выезжавших в Биробиджан, заявляя им, что Биробиджан должен стать центром «настоящей» еврейской культуры.

По заданию ПОЛЯНКЕРА в 1948 году БУХБИНДЕР выезжал в Бердичев и Житомир для распространения еврейского альманаха «Дер штерн» и другой еврейской националистической литературы среди евреев.

Я, ПОЛЯНКЕР и ТАЛАЛАЕВСКИЙ в разное время выезжали в Черновицы.

Вопрос: Также для организации там антисоветской националистической работы?

Ответ: Это правильно. Выезжая в Черновицы, мы проводили там вражескую работу в направлении разжигания у еврейского населения чувств национального самосознания, настраивали его против национальной политики советской власти и призывали противиться ассимиляции.

В Черновицах при содействии близкого нам человека ГОЛЬДБЛАТА, являвшегося художественным руководителем Еврейского театра им. Шолом-Алейхема, протаскивали к постановке в театре националистической пьесы «Кол Нидрей», «Восстание в гетто», «Я живу» и другие. Этим самым мы старались изолировать еврейское население от влияния всего русского и украинского и воспитывали у него чувство превосходства еврейской культуры.

Вокруг театра в Черновицах группировались местные еврейские националисты писатель БЛОШТЕЙН Герш Давидович, являвшийся корреспондентом газеты «Эйникайт», поэт ПИНЧЕВСКИЙ и литературный работник АЛЬТМАН. Все эти лица поддерживали постоянную связь с нами и вели активную националистическую работу.

Вопрос: Какую?

Ответ: С начала тридцатых годов БЛОШТЕЙН проживал за границей. Приехав в Советский Союз, он поселился в Киеве, где вскоре

установил с нами националистическую связь. До Отечественной войны БЛОШТЕЙН принимал участие во всех наших националистических мероприятиях в Киеве, выступал с националистическими речами на устраиваемых нами литературных вечерах и сотрудничал в еврейской печати.

После окончания войны я, ЛОЙЦКЕР и СПИВАК рекомендовали БЛОШТЕЙНУ поселиться в Черновицах и развернуть там вражескую работу среди евреев. Проживая в Черновицах, БЛОШТЕЙН устроился корреспондентом газеты «Эйникайт» и поддерживал постоянную связь с Еврейским антифашистским комитетом, посылая ему для Америки различную националистическую информацию о жизни и деятельности евреев Буковины.

По заданию ПОЛЯНКЕРА БЛОШТЕЙН распространял среди евреев альманах «Дер штерн». В нашей печати БЛОШТЕЙН популяризировал имеющуюся в Черновицах еврейскую школу и поскольку мы, националисты, были заинтересованы в ее существовании, оказывали ей всемерную поддержку.

Вопрос. Не только поддержку, но и направляли ее работу в своих преступных целях?

Ответ: Вначале в этой еврейской школе обучалась незначительная группа еврейских детей, и мы прилагали все усилия, чтобы расширить школу, привлечь как можно больше учащихся и воспитывать молодежь в националистическом духе.

По заданию ФЕФЕРА летом 1948 года я добивался в Министерстве народного образования Украины получения материальных средств и издания учебников для еврейской школы. Я специально выезжал в Черновицы, чтобы при школе организовать старшие классы и укомплектовать их преподавательским составом из лиц еврейской национальности. Кроме меня и БЛОШТЕЙНА в работе школы принимал участие ПИНЧЕВСКИЙ, который неоднократно посещал ее и выступал там на вечерах учащихся.

Вопрос: Какую еще националистическую работу проводил ПИНЧЕВСКИЙ в Черновицах?

Ответ: ПИНЧЕВСКИЙ долгое время проживал за границей, где работал там в еврейской печати. Приехав в Советский Союз, ПИНЧЕВСКИЙ устроился в Киеве и общался в среде еврейских националистов.

В 1938 году органами советской власти ПИНЧЕВСКИЙ был репрессирован, и в этой связи запрашивали секцию еврейских писателей о характере литературной деятельности ПИНЧЕВСКОГО. Зная ПИНЧЕВСКОГО как националиста, я и ПОЛЯНКЕР дали заключение, что ПИНЧЕВСКИЙ – талантливый еврейский писатель, и его литературные произведения якобы правильно отражают условия жизни в советской стране.

На основании выданной нами лживой характеристики ПИНЧЕВСКОМУ вскоре из тюрьмы он был освобожден и продолжал сотрудничать в еврейской печати, поддерживая с нами преступную связь.

После окончания Отечественной войны ПИНЧЕВСКИЙ вместе с БЛОШТЕЙНОМ проживал в Черновицах, где для еврейского театра он написал сугубо националистическую пьесу «Я живу». Эта пьеса ставилась театром в ряде городов Украины, пока не была запрещена как вредная. В этой связи ПИНЧЕВСКИЙ высказывал клеветнические измышления о советской власти, утверждая, что в Советском Союзе уничтожается еврейская культура.

По заданию ПОЛЯНКЕРА, ПИНЧЕВСКИЙ и БЛОШТЕЙН разъезжали по еврейским местечкам Черновицкой области, популяризировали еврейский театр, выступали с лекциями о еврейской литературе, призывали евреев сохранять свой язык и противиться ассимиляции.

Вопрос: Известно, что в Черновицах вы поддерживали преступную связь с еврейским националистом АЛЬТМАНОМ. Показывайте о его антисоветской работе.

Ответ: АЛЬТМАН, как уже мною показано следствию, поддерживал с нами преступную связь. Будучи по своим убеждениям ярким еврейским националистом, АЛЬТМАН наиболее резко выступал на устраиваемых нами литературных вечерах в Черновицах, где утверждал о превосходстве еврейской культуры над культурами других народов СССР. Работая литературным работником при Еврейском театре, АЛЬТМАН подбирал и подготавливал для постановки пьесы националистического содержания, которые вызывали справедливое недовольство у советской общественности.

Используя во вражеских целях секцию еврейских писателей, еврейский кабинет и театр, в руководстве которых стояли наши сообщники, нам удалось значительно расширить свою преступную деятельность на Украине и привлечь к националистической работе таких лиц, которые до Отечественной войны ничего общего с националистами не имели.

Вопрос: Кто эти лица?

Ответ: Еврейская поэтесса БАЛЯСНАЯ Рива Наумовна. После возвращения из эвакуации в Киев, БАЛЯСНАЯ, встречаясь со мной, КАГАНОМ, СПИВАКОМ, ПОЛЯНКЕРОМ и ТАЛАЛАЕВСКИМ, разделяла наши антисоветские взгляды в отношении того, что необходимо противиться ассимиляции. Она помогла нам восстановить националистическую работу среди евреев, проводившуюся до Отечественной войны в Киеве.

БАЛЯСНАЯ доказывала мне, что надо решительно добиваться

открытия еврейских учреждений в Киеве и при помощи их воспитывать у евреев чувство национальной обособленности. В 1946 году БАЛЯСНАЯ вместе с КАГАНОМ добивались разрешения на издание еврейской газеты, журнала и организацию радиопередач на еврейском языке. Совместно с нами БАЛЯСНАЯ принимала активное участие в организации так называемых литературных вечеров, на которых мы проводили свою антисоветскую националистическую работу.

Еврейский писатель ЗАБАРА Натан Ильич до 1947 года находился в армии и, демобилизовавшись, возвратился в Киев, где примкнул к нашей националистической группе. ЗАБАРА рассказывал мне, что после окончания Отечественной войны совместно с воинской частью, где он служил, находился в Германии. Будучи связан с ФЕФЕРОМ, по его заданию собирал в Германии материалы о евреях, находящихся в советской и англо-американской зонах оккупации.

В Киев ЗАБАРА привез из Германии большое количество еврейских националистических газет и распространял их среди еврейских писателей. Часть этих газет он передал СПИВАКУ для еврейского кабинета, где ЗАБАРА стал часто бывать, интересоваться поступающей из-за границы антисоветской литературой и принимал участие в националистической работе кабинета.

На устраиваемых нами вечерах в своих выступлениях ЗАБАРА агитировал присутствовавших евреев поддерживать развитие еврейской культуры, принимать участие в проводимой кабинетом и секцией еврейских писателей вражеской работе.

ЗАБАРА и БАЛЯСНАЯ до последнего времени рьяно помогали нами расширить националистическую работу.

Вопрос: Вы назвали следствию не всех своих сообщников. Почему вы умалчиваете о ГУТЯНСКОМ?

Ответ: Еврейский писатель ГУТЯНСКИЙ Вениамин по своим убеждениям является националистом. До Отечественной войны в Киеве он был связан с нами и проводил антисоветскую работу по воспитанию еврейской молодежи в националистическом духе. ГУТЯНСКИЙ был заместителем редактора еврейской детской газеты «Октябрь», редактором и автором ряда литературных произведений, изданных нами по линии «Укрнацмениздательства» для детей еврейской национальности.

После окончания Отечественной войны ГУТЯНСКИЙ устроился на работу в Украинское издательство «Молодежь» и писал свои литературные произведения на украинском языке.

Вопрос: Но, оставаясь убежденным националистом, продолжал поддерживать преступную связь с вами?

Ответ: ГУТЯНСКИЙ посещал устраиваемые нами националистические

сборища в еврейском кабинете. За последнее время он сделал перевод басен Крылова на еврейский язык, а также напечатал несколько небольших своих произведений в еврейском альманахе «Дер штерн». В беседах ГУТЯНСКИЙ высказывал мне свое недовольство, что в условиях советской власти еврейская культура не имеет перспектив для развития и нам, еврейским писателям, чинятся якобы всяческие препятствия.

Допрос прерван.

Протокол с моих слов записан правильно, мною прочитан

(Гофштейн)

ДОПРОСИЛ: ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ

ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР

Подполковник

(ЛЕБЕДЕВ)

Подлинник протокола допроса находится в следственном деле № 1908.

ВЕРНО: СТ. ОПЕРУПОЛНОМОЧ. 5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ УССР

Майор

(подпись)

(ЕГОРОВ)

№ 6

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

арестованного ФЕФЕРА Исаака Соломоновича

От 30 сентября 1949 года

ФЕФЕР И.С., 1900 года рождения, уроженец мест. Шполы, Киевской области, из семьи сельского учителя, еврей, с незаконченным высшим образованием, член ВКП(б) с 1919 года. До ареста – ответственный секретарь еврейского антифашистского комитета, еврейский поэт, член союза советских писателей.

Вопрос: Из ваших показаний, которые вы давали на прошлых допросах, следует, что еврейский антифашистский комитет был использован американскими реакционерами, как источник шпионской информации о Советском Союзе. Покажите, как это произошло?

Ответ: Как я уже показал ранее, Еврейский антифашистский комитет с первых же дней своего существования установил письменную связь с рядом еврейских националистических организаций Америки, в том числе с еврейским отделом «Рашен-Релиф» (организация помощи России в войну), еврейским обществом «Амбиджан» и комитетом еврейских писателей и ученых.

Мы стали посылать в Америку статьи, очерки, репортажи, а также

информационные новости и сведения, касающиеся положения евреев в СССР.

Работники комитета рыскали по Куйбышеву и Ташкенту, по Алма-Ата и Москве и собирали материалы о евреях-инженерах, евреях-партизанах. Причем, если тот или иной еврей ничем особым не выделялся, то сотрудник «дорисовывал» его. По части таких «дорисовок», а по существу литературного жульничества, особенно отличался еврейский очеркист МАРК, сочинявший для комитета серию репортажей о несуществующем партизане-еврее БЕРЕЗНЯКЕ.

Наряду с этим, мы посылали в США и такую информацию, которая во враждебном духе искажала советскую действительность и создавала у иностранного читателя ложное впечатление о внутреннем положении СССР.

Так, в очерках МАРКА в искаженном виде освещалось положение на Поволжье, а из материалов публициста ЮДИЦКОГО о создании нового шелкового комбината в Андижане вытекало, что якобы силами евреев ликвидируется хозяйственная отсталость Узбекистана.

Эти вещи за рубежом широко подхватывались и печатались.

Однако, после того, как я и МИХОЭЛС в 1943 году побывали в Америке и установили там преступную связь с матерями еврейскими реакционерами – руководителем «Джойнта» РОЗЕНБЕРГОМ, редактором еврейской реакционной газеты «Дер Тог» ГОЛЬДБЕРГОМ, представителем «Амбиджана» БУДИШЕМ и другими, характер информации, посылаемой нами в Америку, изменился.

Мы договорились с этими лицами посылать в Америку наряду с националистическими материалами также и сведения, отражающие экономическое состояние страны, т.е. ход восстановления промышленности в районах, подвергшихся немецкой оккупации, характер и производительность индустриальных объектов, быт и настроение советского народа.

Вопрос: То есть вы согласились снабжать американцев шпионской информацией?

Ответ: Да. Действуя по указке американских реакционеров, я, МИХОЭЛС и бывший ответственный секретарь комитета ЭПШТЕЙН значительно активизировали работу по сбору сведений, интересовавших американцев. Для того, чтобы более успешно собирать эти сведения, мы привлекли своих единомышленников-националистов из числа еврейских писателей и журналистов, сотрудничавших с комитетом. Через редакторский аппарат комитета эти лица инструктировались нами о характере требуемых материалов и получали определенные задания по сбору информации о Советском Союзе.

Писатель ПЕРСОВ, например, по нашему заданию создал ряд очерков под названием «Евреи завода им. Сталина» в Москве.

Рассказывая в этих очерках о евреях, как об основной силе завода, ПЕРСОВ подробно описывал их работу, сообщая таким путем сведения и о самом заводе. Это был метод зашифровки материалов, который лег в основу при посылке нами шпионских сведений в Америку.

О промышленности Киева мы поручили писать еврейскому писателю КАГАНУ, который был известен нам своими антисоветскими взглядами. По моему заданию он написал статью «Евреи в Киеве», в которой показал, что в Киеве нет ни одного предприятия, завода или лаборатории, где бы ни работали евреи. Из этой статьи КАГАНА в Америке получили полное представление о промышленности и научных учреждениях Киева.

Аналогичные статьи КАГАН, по нашему заданию, составил также о Житомире и Виннице.

Кроме КАГАНА в Еврейском антифашистском комитете сотрудничали и другие еврейские писатели, проживающие на Украине, в том числе ПОЛЯНКЕР, ТОКАРЬ, БУХБИНДЕР, ФАЛИКМАН из Киева и МАЛАМУД из Черновиц.

Вопрос: На характеристике названных лиц и участии их во вражеской работе комитета остановитесь подробнее.

Ответ: ПОЛЯНКЕРА Григория Исааковича я знаю с конца 20-х годов. Встречаясь с ним весьма часто на протяжении 12-14 предвоенных лет, мы в откровенных беседах делились своими националистическими взглядами. ПОЛЯНКЕР очень переживал упадок еврейской культуры на Украине, обвиняя в этом ЦК КП(б)У.

Сам он в свое время закончил еврейскую школу и еврейский педагогический техникум и поэтому закрытие еврейских культурных учреждений вызвало у него, как и всех нас, еврейских националистов, глубокое недовольство национальной политикой партии и советского правительства.

В 1938 году, когда меня за протаскивание националистических взглядов в литературе сняли с поста редактора еврейского журнала «Советише литератур», я устроил на это место ПОЛЯНКЕРА. Как и следовало ожидать, лицо журнала и его идейно-художественное направление от этого несколько не изменилось, по-прежнему в журнале чувствовалась национальная ограниченность и враждебные советской литературе тенденции.

В 1942 году, вскоре после создания Еврейского антифашистского комитета, ПОЛЯНКЕР, находившийся в Советской Армии, установил со мной письменную связь и стал регулярно присылать в комитет свои националистические рассказы и очерки о «героизме» евреев на фронте. Мы направляли эти рассказы и очерки ПОЛЯНКЕРА в зарубежную еврейскую печать.

В 1945 году ПОЛЯНКЕР приехал в Москву и, явившись в комитет, просил меня посодействовать его демобилизации из Советской Армии.

Вопрос: Вы, конечно, помогли ПОЛЯНКЕРУ?

Ответ: Да, я и МИХОЭЛС написали письмо в Политуправление Советской Армии с просьбой демобилизовать ПОЛЯНКЕРА, мотивируя это тем, что еврейская литература остро нуждается в литературных кадрах, а ПОЛЯНКЕР, как мы писали, является талантливым еврейским писателем. Через два месяца после посылки нашего письма ПОЛЯНКЕР был демобилизован и уехал в Киев.

Вопрос: Где немедленно включился во вражескую деятельность, проводившуюся еврейскими националистами на Украине?

Ответ: Да, ПОЛЯНКЕР принимал активное участие в развертывании националистической работы на Украине. С этой целью он добивался восстановления еврейских культурных учреждений, издания еврейской газеты и литературного альманаха на еврейском языке.

Усилия ПОЛЯНКЕРА в этом направлении не пропали даром и в 1947 году в Киеве вышел первый номер еврейского альманаха «Дер Штерн», причем редактировать его был приглашен я. Последующие номера альманаха выходили уже под редакцией ПОЛЯНКЕРА.

Являясь председателем еврейской секции союза писателей Украины, ПОЛЯНКЕР организовывал еврейские литературные вечера в Киеве и Черновицах, а также выезды еврейских писателей в различные города Украины с целью популяризации еврейской литературы среди еврейского населения.

На литературных вечерах ПОЛЯНКЕР участвовал лично, выступая с чтением своих произведений, и привлекал к этому других еврейских писателей.

О своих «успехах» ПОЛЯНКЕР неоднократно разговаривал со мной из Киева по телефону и приглашал меня принять участие в литературных вечерах.

Вопрос: В Еврейском антифашистском комитете ПОЛЯНКЕР бывал?

Ответ: После демобилизации из армии ПОЛЯНКЕР почти ежегодно приезжал в Москву и приходил ко мне в комитет. Он приносил свои новые рассказы для отправки в зарубежную печать и в беседах со мной жаловался на антисемитизм, якобы процветающий на Украине.

По словам ПОЛЯНКЕРА, евреи, возвратившиеся в Киев из эвакуации, якобы встретили враждебный прием со стороны местных властей, в результате чего многие из них в течение длительного времени не могли получить работу.

Вопрос: Рассказы, которые приносил Вам ПОЛЯНКЕР, по своему содержанию были националистическими?

Ответ: Я не могу сейчас дать оценку тем произведениям, которые ПОЛЯНКЕР представлял в комитет, так как многие из них не читал. У

меня в памяти сохранился лишь один из рассказов ПОЛЯНКЕРА под названием «Деражия – Берлин», который по своему характеру был явно националистическим. В этом рассказе в карикатурной форме описывается путь солдата-еврея, дошедшего до Берлина. Под юмористической шелухой этот еврей показан героем, чуть ли не взявшим Берлин. Насколько я помню, этот рассказ ПОЛЯНКЕРА был нами направлен в Америку.

Вопрос: А какую шпионскую информацию представлял ПОЛЯНКЕР в комитет?

Ответ: В 1947 году ПОЛЯНКЕР по командировке Еврейского антифашистского комитета выезжал в Днепропетровск и другие города Украины с целью освещения восстановительных процессов в промышленности и сельском хозяйстве. Однако, представленные ПОЛЯНКЕРОМ после этой поездки материалы я лично не читал и были ли в них шпионские сведения, сказать затрудняюсь.

Вопрос: На одном из прошлых допросов вы показали, что в 1947 году, будучи в Киеве, встречались с журналистом ТОКАРЕМ и обещали ему получить штатную работу в газете «Эйникайт». Из каких соображений вы собирались это сделать?

Ответ: Киевский журналист ТОКАРЬ Хаим Калманович, начиная с 1944 года, настойчиво добивался получения штатной работы в газете «Эйникайт». Он просил меня в своих письмах и, однажды, не помню в каком году, находясь по каким-то своим делам в Москве, специально заходил в комитет поговорить со мной по этому поводу.

Зная по прошлым встречам с ТОКАРЕМ о его националистических взглядах, я считал, что ТОКАРЬ вполне подходит для работы в газете «Эйникайт» и в 1947 году после возвращения из Киева попросил ответственного редактора «Эйникайт» ЖИЦА при первой возможности привлечь ТОКАРЯ к сотрудничеству в газете. В 1948 г. ЖИЦ устроил ТОКАРЯ в качестве специального корреспондента «Эйникайт».

Вопрос: О чем писал ТОКАРЬ в «Эйникайт»?

Ответ: Не знаю. Все материалы, поступавшие для «Эйникайт», просматривались ЖИЦЕМ и другими редакционными работниками, а я лично к этому никакого отношения не имел.

Вопрос: Покажите о националистических взглядах ТОКАРЯ.

Ответ: ТОКАРЯ я знаю примерно с 1923 года по совместной литературной деятельности на Украине. Он, правда, работал преимущественно в русской печати, но всегда живо интересовался еврейской жизнью и широко освещал ее в тех органах, которые в свое время редактировал («Вечерний Киев» и другие).

Одновременно с этим ТОКАРЬ сотрудничал и в ряде еврейских газет. В разговорах со мной, особенно в послевоенные годы, ТОКАРЬ

неоднократно высказывал недовольство своим положением. Он считал, что способен на «более крупные дела» нежели те, что ему поручают, и объяснял такую недооценку его «талантов» своим национальным происхождением.

В еврейских литературных кругах о ТОКАРЕ говорили, что он «отплывал» от еврейского националистического «берега». Это становится совершенно ясным, если вспомнить напыщенно-торжественные статьи ТОКАРЯ в украинской и еврейской печати, которые он в разные годы опубликовывал в связи с приездом на гастроли в Киев Московского еврейского театра. В статьях ТОКАРЯ не было ни одного слова критики. Он «прощал» еврейскому театру не только формализм, но и национализм, всячески вуалируя эти пороки театра абстрактной фразеологией. ТОКАРЬ рекламировал еврейский театр также и на страницах газеты «Советское искусство», издававшейся в Москве, что сблизило его с МИХОЭЛСОМ.

По словам ТОКАРЯ, он неоднократно встречался с МИХОЭЛСОМ как в Киеве, так и в Москве, но содержание их бесед мне неизвестно.

Последний раз я видел ТОКАРЯ в 1947 году, когда выезжал в Киев редактировать еврейский альманах. Узнав о моем приезде, ТОКАРЬ пришел ко мне в гостиницу. В состоявшейся между нами беседе ТОКАРЬ интересовался работой Еврейского антифашистского комитета. Я ему рассказал о своей и МИХОЭЛСА поездке в Америку, о связях с еврейскими реакционерами, которые мы там установили и о дальнейших планах работы комитета.

В частности, я сообщил ТОКАРЮ о том, что нами поставлен перед советским правительством вопрос о передаче евреям Крыма.

ТОКАРЬ со своей стороны сообщил мне ряд клеветнических измышлений о фактах антисемитизма, якобы имеющего место на Украине, и пожаловался на свое «тяжелое» положение. Он говорил о том, что ему трудно найти в Киеве какую-либо подходящую работу, так как его фамилия «не в моде» и на него даже в Киевском обкоме партии смотрят «косо».

В связи с этим ТОКАРЬ вновь просил меня устроить его на работу в Комитет или в газету «Эйникайт» и, как мною уже сказано выше, я пообещал помочь ТОКАРЮ и свое обещание выполнил.

Вот, собственно, и все, что мне известно о ТОКАРЕ.

Вопрос: А еврейский писатель ФАЛИКМАН с какого времени сотрудничал в комитете?

Ответ: ФАЛИКМАН начал присылать свои очерки и рассказы об участии евреев в войне примерно с 1944 года, еще будучи в армии. В этих произведениях ФАЛИКМАН описывал преимущественно «героизм» евреев на фронте Отечественной войны. Так как эта тематика вполне соответствовала националистической линии комитета, мы привлекли

ФАЛИКМАНА к активной работе в комитете и систематически отправляли присылавшиеся им произведения в зарубежную печать.

Кроме военных рассказов, ФАЛИКМАН написал для комитета несколько очерков на биробиджанские темы, рисуя в них жизнь евреев на «новой земле» и показывая на этом фоне экономику Еврейской автономной области.

Как в биробиджанских очерках ФАЛИКМАНА, так и в его военных рассказах, евреи показаны в отрыве от других народов, что придавало этим произведениям националистическую окраску. В 1948 году, незадолго до закрытия издательства «Дер Эмес», вышел из печати новый роман ФАЛИКМАНА об освобождении Польши.

«Профессор» НУСИНОВ, рецензировавший этот роман, характеризовал его как «выдающееся явление еврейской прозы». Однако, судя даже по отдельным главам этого романа, которые мне пришлось читать, в нем чувствовались те же националистические тенденции, которыми отличались и другие произведения ФАЛИКМАНА.

Бывая в Москве, ФАЛИКМАН несколько раз приходил ко мне в комитет и беседовал со мной о положении еврейских писателей на Украине. По его словам, из-за отсутствия на Украине еврейских газет, журналов и издательств, еврейские писатели якобы переживают большие затруднения.

В связи с этим ФАЛИКМАН жаловался на недостаточное внимание к нуждам еврейских писателей со стороны союза писателей Украины.

ФАЛИКМАН говорил, что еврейских писателей «обходят» даже при распределении материальных благ (лимиты, ордера и т.д.) и просил меня приехать в Киев, чтобы от имени комитета поставить в соответствующих инстанциях вопрос об улучшении положения еврейских писателей на Украине.

Из других названных мною выше еврейских литераторов следует остановиться на еврейском поэте БУХБИНДЕРЕ и писателе МАЛАМУДЕ.

Вопрос: Что вам известно о БУХБИНДЕРЕ?

Ответ: Поэт БУХБИНДЕР в еврейских литературных кругах известен как автор лирических стихов. Критика часто выступала против упаднических настроений БУХБИНДЕРА. В его стихах, которые мне приходилось читать, действительно много пессимизма. БУХБИНДЕР принадлежал к той группе молодых еврейских поэтов, которые оплакивали гибель еврейского местечка со всей его «романтикой и красивой отсталостью».

В начале войны БУХБИНДЕР эвакуировался совместно с Союзом писателей Украины в Уфу, где занимался хозяйственной деятельностью по линии литфонда и почти перестал писать. Он

возвратился к литературному творчеству лишь в 1945 году и с этого времени стал сотрудничать в комитете.

Я помню, что он прислал мне несколько своих произведений, в том числе две баллады: «О тополе» и «Памятник Ленина». В первой из них – о зверствах над еврейским населением, БУХБИНДЕР трактовал эту тему в явно националистическом духе, показывая зверства немцев лишь над евреями. Эту балладу, а также ряд других стихов БУХБИНДЕРА, мы отправили в зарубежную печать.

В 1947 году Еврейский антифашистский комитет командировал БУХБИНДЕРА в Запорожье, в города Донбасса. Перед этой поездкой я дал БУХБИНДЕРУ задание – осветить в ряде очерков ход восстановления промышленности и городов Украины.

Со слов редакторов комитета ГОНТАРЯ и ЛЕВИНА мне известно, что БУХБИНДЕР мое задание выполнил. Я лично очерки БУХБИНДЕРА не читал и не знаю, были ли они отправлены в зарубежную печать.

Что касается еврейского писателя МАЛАМУДА, то он в течение всей войны находился в армии. Были даже разговоры, что он убит. Однако, в 1945 году МАЛАМУД появился в Москве и пришел ко мне в комитет. Он сообщил мне, что после демобилизации устроился в Черновицах на должность ответственного секретаря областной группы еврейских писателей (по линии союза писателей Украины).

МАЛАМУД поделился со мной планами своей дальнейшей работы. В частности, он намеревался провести ряд литературных вечеров, популяризирующих еврейскую литературу и поставить в инстанции вопрос об издании еврейской газеты. Эти намерения МАЛАМУДА я полностью одобрил.

В 1947-1948 гг. МАЛАМУД вновь был в Москве. Во время этих приездов он больше поддерживал связь с ответственным редактором «Эйникайт» по Черновицкой области.

Ко мне он тогда заходил лишь пожаловаться на якобы тяжелое положение, в котором находятся еврейские писатели в Черновицах. МАЛАМУД рассказал мне, что в связи с приездом в Черновицы украинского еврейского театра, расширились возможности для ведения националистической работы среди еврейского населения. Однако, по его словам, этому «мешает» Черновицкий Обком КП(б)У.

В 1948 году, как я уже ранее показывал, МАЛАМУД по командировке редакции «Эйникайт» и на средства Еврейского антифашистского комитета выезжал в Биробиджан, откуда привез большой материал, на основании которого МАЛАМУДОМ совместно с ЖИЦЕМ была написана брошюра «Биробиджан сегодня». Я лично эту брошюру не читал, но знаю, что она была отправлена в Америку.

После возвращения из Биробиджана МАЛАМУД выехал в

Черновицы и я с ним больше не встречался.

Вопрос: Известно, что в Еврейском антифашистском комитете сотрудничали также еврейские писатели ГОЛДЕС и ВАЙНЕРМАН. Какие материалы они вам присылали?

Ответ: Еврейский писатель ГОЛДЕС, проживающий в Харькове, сотрудничал в Еврейском антифашистском комитете с момента его организации. Он присылал нам преимущественно художественные произведения и пьесы. Из произведений ГОЛДЕСА я читал лишь два его рассказа и какую-то одноактную пьесу. Припоминаю, что рассказы ГОЛДЕСА носили националистический характер. В них описывались фашистские зверства на Украине, причем особенно выпячивались жертвы, понесенные еврейским населением.

В 1945 и 1948 гг. ГОЛДЕС был в Москве и посетил еврейский антифашистский комитет. В беседе со мной он интересовался перспективами еврейской культуры, выражая свое недоумение по поводу ее слабого развития после войны и отсутствия заинтересованности в этом вопросе со стороны партийных и советских органов.

Помимо комитета ГОЛДЕС сотрудничал и в газете «Эйникайт», но какие материалы он туда присылал, мне неизвестно.

В отношении еврейского писателя ВАЙНЕРМАНА, постоянно проживающего в Одессе, мне также известно очень мало. От редакторов комитета ГОНТАРЯ и ЛЕВИНА я слышал, что ВАЙНЕРМАН писал в комитет о восстановлении Одессы и в частности Одесского порта, но я с этими материалами не знакомился.

Должен сказать, что до июля 1945 года значительная часть информации и других материалов, направлявшихся комитетом в Америку и другие страны, просматривались бывшим ответственным секретарем комитета ЭПШТЕЙНОМ, а с середины 1947 года – моим заместителем ХЕЙФЕЦОМ.

Протокол допроса записан с моих слов правильно, мною прочитан.

Фефер

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО
ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Майор (КУЗЬМИН)

ВЕРНО: СТ. ОПЕРУПОЛНОМ. 5 УПРАВЛЕНИЯ МГБ УССР
Майор (подпись) (БОНДАРЕНКО)

СПРАВКА: Подлинник протокола допроса Фефера И.С. находится в его
след. деле № 2021
Майор (подпись) (БОНДАРЕНКО)

9.7.51 г.

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
арестованного ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича

от 20 октября 1949 года

ЛОЙЦКЕР Х.Б., 1898 года рождения, уроженец г. Канева, Киевской области, еврей, гр-н СССР. До ареста работал заведующим литературным отделом кабинета еврейской культуры Академии наук УССР.

Допрос начат в 13.00.

Вопрос: На предыдущих допросах вы показали, что при возвращении из эвакуации на Украину вы и СПИВАК получили от МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА задание на проведение националистической работы. При каких обстоятельствах вы получили это задание?

Ответ: В начале 1944 года, когда встал вопрос о нашем возвращении на Украину вместе с Академией Наук УССР, я и СПИВАК, имея своей целью закрепиться вместе с кабинетом еврейской культуры в Москве при Академии наук СССР, решили посоветоваться с председателем Еврейского антифашистского комитета МИХОЭЛСОМ в расчете на его поддержку.

МИХОЭЛС, как это выяснилось из беседы с ним, категорически был против, чтобы я и СПИВАК оставались на работе в Москве, и настоял на нашем выезде на Украину, с целью развертывания там националистической работы среди еврейского населения. МИХОЭЛС нам объяснил, что в этих целях мы должны использовать кабинет еврейской культуры, как легальную возможность объединения вокруг него националистически настроенных евреев.

После того, как МИХОЭЛС обосновал, таким образом, необходимость нашего возвращения на Украину, мы беседовали об этом же с ФЕФЕРОМ и ЭПШТЕЙНОМ.

В результате всего этого я и СПИВАК пришли к твердому убеждению, что надо использовать кабинет еврейской культуры в «интересах еврейской нации» и добиваться расширения нашего влияния на Украине.

Вопрос: Как практически вы осуществляли свои вражеские замыслы?

Ответ: Выполняя указания главарей Еврейского антифашистского комитета МИХОЭЛСА, ФЕФЕРА и ЭПШТЕЙНА, я и СПИВАК вместе с еврейскими писателями-националистами КАГАНОМ и

ГОФШТЕЙНОМ выехали в Киев. Под руководством СПИВАКА, который являлся директором кабинета еврейской культуры, нам удалось значительно активизировать националистическую работу среди еврейского населения Украины и, по примеру еврейского антифашистского комитета, превратить кабинет еврейской культуры во враждебную советской власти организацию, которая вела борьбу против национальной политики партии и советского правительства.

СПИВАК и я всячески стремились обособить еврейское население и помешать естественному процессу ассимиляции, происходившему в еврейской среде. Для этой цели мы сколотили вокруг себя «культактив», на который опирались в последующем в нашей националистической работе.

Вопрос: Каким путем вам удалось это сделать?

Ответ: Мысль о создании «культактива» при кабинете еврейской культуры появилась у меня и СПИВАКА в конце 1944 года и была одобрена сотрудниками кабинета БЕРЕГОВСКИМ и МАЙДАНСКИМ. Обсудив тогда вместе с ними это мероприятие, мы пришли к выводу, что с помощью «культактива» нам легче будет проводить свою националистическую работу среди еврейского населения.

С целью привлечения в «культактив» лиц, националистически настроенных, мы выработали специальную анкету, где наряду с общими вопросами были и такие, в которых выяснялся у желающих быть в «культактиве» их интерес к еврейскому языку и еврейской культуре. Эти анкеты, как правило, мы раздавали на устраиваемых нами еврейских вечерах и тех, кто возвращал нам их заполненными, мы брали на учет и зачисляли в «культактив» евреев, приходивших в кабинет и проявлявших в разговорах с нами свои националистические чувства.

Таким образом, нам удалось сгруппировать лиц, которые затем принимали активное участие в организуемых нами, под благовидными предложениями, еврейских вечерах. На этих вечерах мы воспевали и приукрашивали все еврейское, превозносили и расхваливали роль евреев в хозяйственной и культурной жизни СССР, много говорили о героизме еврейского народа в период Отечественной войны, всячески выпячивая муки и страдания евреев, пережитые ими в результате немецко-фашистской оккупации.

Такие вечера в период 1945-1948 гг. мы неоднократно проводили с участием привлеченного нами «культактива» в конференц-зале Академии наук УССР, в клубах промышленных предприятий, а также и у себя в кабинете еврейской культуры.

В этой проводимой нами националистической работе мною и СПИВАКОМ, как я уже показывал на следствии, особенно активное участие принимали еврейские писатели-националисты ГОФШТЕЙН,

КАГАН, однако были и другие лица, группировавшиеся вокруг нас.

Вопрос: Кто именно?

Ответ: Поэтесса БАЛЯСНАЯ, которую я знаю с 1937 года по работе литредактором в Укрнацмениздате в Киеве. Ближе я с БАЛЯСНОЙ познакомился в Уфе, где она в период Отечественной войны находилась в эвакуации и однажды выступала на одном из еврейских вечеров со своим националистическим стихотворением «Я гражданин и я еврей».

Зная БАЛЯСНУЮ, как одну из рьяных «защитников» еврейской культуры, я, после ее возвращения из эвакуации в Киев, включил БАЛЯСНУЮ в список так называемого «культактива» кабинета еврейской культуры.

В 1947 году по поручению кабинета еврейской культуры и бюро еврейской секции ССПУ БАЛЯСНАЯ добивалась перед управлением Киевского культполитпросвета об организации еврейских отделов при районных библиотеках города Киева, что делалось нами в националистических целях.

Наряду с этим БАЛЯСНАЯ принимала участие во всех организуемых кабинетом вечерах, на которых выступала со своими произведениями на еврейском языке. Вместе с ней на таких еврейских сборищах, организуемых нами, часто выступал и еврейский поэт БУХБИНДЕР Иосиф, который известен был мне как сторонник организации еврейской государственности.

БУХБИНДЕР любил смаковать все еврейское и это чувствовалось почти что в каждом его выступлении на еврейских сборищах. В частных беседах он сетовал на якобы имеющуюся в Советском Союзе беспочвенность и безысходность положения еврейских писателей, которые, по его утверждению, не имеют никакой материальной базы.

В 1948 году БУХБИНДЕР активно проводил подписку на выпускавшийся в националистическом духе еврейский альманах «Дер Штерн». С этой целью он облазил все артели и учреждения города Киева с большим количеством работающих в них евреев, а также выезжал и в другие места Украины. Этим он в известной степени способствовал распространению нашего влияния на еврейские массы.

Наряду с БУХБИНДЕРОМ своей пронырливостью, направленной на разжигание националистических чувств среди еврейского населения, отличался и еврейский писатель ТАЛАЛАЕВСКИЙ Матвей.

С ТАЛАЛАЕВСКИМ я знаком по Киеву с 1930 года. В литературной еврейской среде он пользовался репутацией поверхностного писателя, однако, благодаря своей близости к ПОЛЯНКЕРУ, ему удавалось проявлять себя на литературном поприще.

Вопрос: Кто такой ПОЛЯНКЕР?

Ответ: ПОЛЯНКЕР Григорий Исаакович – еврейский писатель, по своим

взглядам убежденный еврейский националист, знаком я с ним с 1930 года. Свою карьеру ПОЛЯНКЕР начал на Украине. Сначала он был примитивным еврейским писателем, но благодаря ФЕФЕРУ вскоре вышел в число привилегированных.

В предвоенные годы ПОЛЯНКЕР был редактором еврейского журнала «Советище Литератур» в гор. Киеве, а после войны пробрался к руководству бюро еврейской секции Союза советских писателей Украины. Эта его «головокружительная карьера» также не обошлась без участия ФЕФЕРА.

Совместно с ТАЛАЛАЕВСКИМ ПОЛЯНКЕР в 1946-1948 гг. активно помогали нам в проведении националистической работы среди евреев на Украине. Оба они являлись инициаторами издания еврейского альманаха «Дер Штерн», в котором протаскивались материалы националистического порядка.

Установив, таким образом, контакт в националистической работе с ПОЛЯНКЕРОМ и ТАЛАЛАЕВСКИМ, я и СПИВАК неоднократно приглашали их на расширенные совещания кабинета еврейской культуры и на организуемые нами еврейские вечера, поручая при этом чтение написанных ими произведений на еврейские темы.

Вопрос: Кого еще вы привлекли к националистической работе из числа еврейских писателей?

Ответ: В «культактиве» кабинета еврейской культуры был еврейский писатель ЗАБАРА Натан Ильич. Последний появился в Киеве в 1945 году, как прибывший из Германии по демобилизации из Советской армии. ЗАБАРА часто присутствовал на устраиваемых кабинетом еврейской культуры еврейских вечерах. Кроме того, среди еврейских писателей распространял националистическое содержание журналов, привезенных из Германии. Эти журналы издавались на еврейском языке в западных зонах оккупации Германии, однако, каким путем он приобрел их, мне не известно.

В списках «культактива» кабинета еврейской культуры находились также еврейские писатели ВОЛКЕНШТЕЙН Давид Исаакович, ТАБАЧНИКОВ Хаскель Хаимович, ФАЛИКМАН Ихиль Шмулевич, ЧЕРНЯВСКИЙ Шлем Борисович, ХАЙКИНА Дора и КИРИЧЕНСКИЙ.

Эти еврейские писатели тоже были приверженцами еврейской культуры, проявляли большой интерес к работе кабинета и привлекались нами к чтению своих произведений на организуемых еврейских вечерах, то есть принимали участие в националистической пропаганде, которую мы проводили среди еврейского населения.

Вопрос: Но не только еврейских писателей вы привлекали в так называемый «культактив»?

Ответ: Наряду с писателями в «культактиве» Кабинета еврейской культуры

состояли также и учителя. БОРОДЯНСКИЙ Яков, ГОТЕРМАН Соломон, ГЛУЗБЕРГ Моисей и ряд других, фамилии которых я сейчас не помню. Эти лица, посещая кабинет еврейской культуры, интересовались еврейской литературой, а также участвовали в проводимых нами еврейских вечерах. Причем некоторые из них, подогреваемые мною и СПИВАКОМ, оказывали нам помощь в националистической работе.

В частности учитель ГЛУЗБЕРГ в 1948 году обрабатывал своих сослуживцев обратиться с ходатайством в соответствующие органы Советской власти об открытии еврейских библиотек и вечерних еврейских школ в городе Киеве, обосновывая это необходимостью «спасать» еврейский язык и культуру. В этом направлении ГЛУЗБЕРГА поддерживали и другие учителя, из числа состоявших в «культактиве» кабинета, но кто конкретно – я сейчас не помню.

Должен показать, что в «культактиве» находилась также ВИНЬЯР Надежда Абрамовна, бывшая артистка Киевского еврейского театра, жена композитора КОМПАНИЕЦ, которая проявляла большой интерес к проводимой нами среди еврейского населения националистической работе. Будучи связана со мной и СПИВАКОМ, она как артистка часто выступала на еврейских вечерах с художественным чтением произведений еврейских писателей.

Кроме этого, в 1948 году ВИНЬЯР организовала драмкружок, в который привлекла немало знакомых ей евреев. Вместе с ними ВИНЬЯР, не без идейного участия меня, СПИВАКА и других сотрудников кабинета, разучила ряд пьес, написанных еврейскими писателями, с которыми выступала перед еврейской аудиторией в клубе полиграфистов.

Что касается других лиц, вовлеченных нами в «культактив», то я затрудняюсь сейчас показать что-либо конкретное об их участии в националистической работе.

Допрос окончен в 17.10.

Записано с моих слов и мной прочитано.

(Лойцкер)

ДОПРОСИЛ: СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО
ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР —
Майор (ЗАЙЦЕВ)

Подлинник протокола допроса находится в следственном деле № 2254.

ВЕРНО: ЗАМ. НАЧ. 3 ОТД.-Я, 2 ОТД. УПР. МГБ УССР —
Капитан *(подпись)* (ПОНОМАРЕВ)

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА
Обвиняемого ЛУРЬЕ Натана Михайловича
от 16 октября 1950 года, г. Одесса

Допрос начат в 10-00

Вопрос: Вы следствию не все показали о своей преступной связи с еврейскими националистами, проживающими в Киеве. Продолжайте свои показания по этому вопросу.

Ответ: Я по этому вопросу показал все.

Вопрос: Вы показали о своих встречах с ними только в гор. Киеве. Разве в Одессе вы с ними не встречались?

Ответ: В послевоенный период в Одессе я встречался с ТАЛАЛАЕВСКИМ, ВЕЛЕДНИЦКИМ и БУХБИНДЕРОМ.

Вопрос: Когда именно вы встречались с ТАЛАЛАЕВСКИМ в Одессе?

Ответ: В 1947 или 1948 году.

Вопрос: Зачем ТАЛАЛАЕВСКИЙ приезжал тогда в Одессу?

Ответ: В то время одесская оперетта готовилась к постановке его пьесы, название которой я сейчас не помню и он, как автор этой пьесы, приезжал на репетицию.

Вопрос: Где вы с ним встречались?

Ответ: Я вместе с ВАЙНЕРМАНОМ и ДРУКЕРОМ встречался с ним, кажется, в гостинице «Красная».

Вопрос: Что это была за встреча?

Ответ: Мы с ним встретились, как со старым своим знакомым, но при этой встрече произошла дискуссия между ДРУКЕРОМ и ТАЛАЛАЕВСКИМ о литературной политике. Их высказывания по этому поводу я сейчас не помню.

Вопрос: Какие установки вам привозил ТАЛАЛАЕВСКИЙ из Киева?

Ответ: Никаких установок он не привозил.

Вопрос: Вы выше упоминали ВЕЛЕДНИЦКОГО и БУХБИНДЕРА, что они собой представляют?

Ответ: ВЕЛЕДНИЦКИЙ, имени, отчества не знаю, литературный критик. Знаю его, примерно, с 1932 года. В настоящее время он проживает в Киеве, где он продолжительное время работал под руководством СПИВАКА в еврейском кабинете при Академии Наук.

БУХБИНДЕР Иосиф, отчества не знаю, – поэт, сейчас проживает в г. Киеве. Знаю его, примерно, с 1932 года.

Вопрос: Когда и зачем ВЕЛЕДНИЦКИЙ приезжал в гор. Одессу?

Ответ: ВЕЛЕДНИЦКИЙ приезжал в г. Одессу в 1948 году отдыхать в санаторий имени Чкалова.

Вопрос: А БУХБИНДЕР?

Ответ: БУХБИНДЕР приезжал в качестве лектора от лекторского бюро

города Киева для читки лекций в Котовском районе.

Вопрос: В каком году приезжал в Одессу БУХБИНДЕР?

Ответ: В 1947 году.

Вопрос: Где вы с ним встречались?

Ответ: С ВЕЛИДНИЦКИМ я, ВАЙНЕРМАН и ДРУКЕР встречались в санатории им. Чкалова, а с БУХБИНДЕРОМ на квартире у ВАЙНЕРМАНА.

Вопрос: Откуда вы узнали о их приезде?

Ответ: Каким образом мы узнали о приезде ВЕЛЕДНИЦКОГО, я уже не помню. Что же касается БУХБИНДЕРА, то он сам пришел на квартиру к ВАЙНЕРМАНУ.

Вопрос: Покажите о характере ваших встреч с ВЕЛЕДНИЦКИМ и БУХБИНДЕРОМ.

Ответ: Наши встречи с ними не носили преступного характера. Мы встретились с ними, как со старыми знакомыми и беседовали с ними о литературных делах, интересуясь при том новостями, относящимися к еврейским писателям города Киева. Но должен сказать, что БУХБИНДЕР в беседе с нами высказывал недовольство своим положением в связи с тем, что его произведения не печатались. Настроен он в то время был упаднически.

Допрос окончен в 17-00.

Протокол допроса мною прочитан, показания с моих слов записаны правильно, в чем и расписываюсь.

ДОПРОСИЛ: НАЧАЛЬНИК 3 ОТД. СЛЕДОТДЕЛА УМГБ О/О

Майор

(ГРИШАНОВ)

Стенографировала: Нечаева

СПРАВКА: Подл. протокола наход. в следств. деле № 5025 по обв: Лурье, Друкера и др.

НАЧ. ОТД. СЛЕДОТДЕЛА УМГБ

Майор

(подпись)

(ГРИШАНОВ)

№ 9

«УТВЕРЖДАЮ»

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ

МГБ УССР

Майор (подпись) (ЛИМАРЧЕНКО)

26 апреля 1951 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о принятии дела к производству)

гор. Киев, 1951 года, апреля «26» дня

Я, зам. нач. отделения Следственной части МГБ УССР майор БЕРЕЗА, рассмотрев материалы следственного дела № 149755 по обвинению БУХБИНДЕРА Иосифа Шмулевича, в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54-10 ч. 2 и 54-11 УК УССР, —

НАШЕЛ:

БУХБИНДЕР арестован 26 апреля 1951 года за принадлежность к еврейскому националистическому подполью и проведение активной анти-советской деятельности.

Учитывая, что по делу необходимо провести ряд следственных действий, руководствуясь ст.ст. 93 ч. 2 и 108 УПК УССР,

ПОСТАНОВИЛ:

Следственное дело № 149755 по обвинению БУХБИНДЕРА Иосифа Шмулевича принять к своему производству и приступить к расследованию.

Копию постановления направить в Отдел «А» МГБ УССР и Прокурору.

ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

Майор

(подпись)

(БЕРЕЗА)

СОГЛАСЕН: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

Майор

(подпись)

(КОЗЛОВ)

№ 10

ВИТЯГ З ПРОТОКОЛУ № 1

засідання Президії Спілки Радянських Письменників України

24 січня 1951 року

СЛУХАЛИ: 12. Персональні справи:

а) Персональну справу БУХБИНДЕРА Й.Ш.

УХВАЛИЛИ: тов. БУХБИНДЕРА Йосифа Шмулевича виключити зі Спілки Радянських Письменників за творчу бездіяльність.

ЗАСТУПНИК ГОЛОВИ ПРАВЛІННЯ

СПІЛКИ РАДЯНСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ УКРАЇНИ

(М.БАЖАН)

ВІДПОВІДАЛЬНИЙ СЕКРЕТАР ПРАВЛІННЯ СРПУ

(Ю.ЗБАНАЦЬКИЙ)

З оригіналом згідно:

ЗАСТ. ВІДПОВІДАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ПРАВЛІННЯ СРПУ (підпис) (Є.ВАВІЗЕЛЬ)

23/III-51 р.

№ 11

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. МИНИСТРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ УССР
Генерал-Майор *(подпись)* (ЕСИПЕНКО)
12 сентября 1951 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о направлении арестованного на судебно-психиатрическую экспертизу)

г. Киев, 1951 года, сентября «11» дня

Я, мл. следователь Следчасти МГБ УССР лейтенант ХАРЮТА, рассмотрев материалы следственного дела № 149755 по обвинению БУХБИНДЕРА Иосифа Шмулевича, 1908 года рождения, уроженца города Черняхова, Житомирской области, гр-на СССР, еврея, беспартийного, с высшим образованием, из семьи служащего, семейного, ранее не судимого, до ареста занимался литературной деятельностью, проживающего в г. Киеве, по Рыльскому переулку дом № 6, кв. 6, в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54-10 ч. II и 54-11 УК УССР, —

НАШЕЛ:

БУХБИНДЕР арестован 26 апреля 1951 года МГБ УССР за проведение антисоветской националистической работы.

Находясь под стражей во внутренней тюрьме МГБ УССР, БУХБИНДЕР написал заявление на имя прокурора УССР, в котором сообщил, что он с 1936 года болен психоастенией.

В связи с этим БУХБИНДЕР был направлен на судебно-психиатрическую экспертизу при Киевской психиатрической больнице им. Павлова. Согласно заключению комиссии от 31 августа 1951 года, БУХБИНДЕР подлежит стационарному исследованию в специальной психиатрической больнице.

На основании изложенного, руководствуясь ст. 193 УПК УССР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Обвиняемого БУХБИНДЕРА Иосифа Шмулевича направить на судебно-психиатрическую экспертизу в тюремное отделение психиатрической больницы при тюрьме № 1 УМВД город Харьков на предмет установления его вменяемости и ответственности за совершенные им преступления.

МЛ. СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Лейтенант *(подпись)* (ХАРЮТА)

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Майор *(подпись)* (КОЗЛОВ)

СОГЛАСНЫ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР

Майор (подпись) (ГУЗЕЕВ)

НАЧАЛЬНИК СЛЕДСТВЕННОЙ ЧАСТИ МГБ УССР
Полковник (подпись) (ФАДЕЕВ)

№ 12

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Майор (подпись) (СИВОВОЛОВ)
9 ноября 1951 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (о возобновлении следствия)

гор. Киев, 1951 года, ноября 9 дня.

Я, следователь Следственной части МГБ УССР лейтенант Харюта, рассмотрев материалы следственного дела № 149755 по обвинению БУХБИНДЕРА Иосифа Шмулевича, в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 54-10 ч. II и 54-11 УК УССР, —

НАШЕЛ:

БУХБИНДЕР арестован 26 апреля 1951 года МГБ УССР за проведение антисоветской националистической работы и принадлежность к еврейскому националистическому подполью.

Согласно решению судебно-психиатрической экспертной комиссии при Киевской психоневрологической больнице им. академика Павлова от 31 августа 1951 года БУХБИНДЕР был направлен на стационарное исследование в гор. Харьков, в силу чего следствие по его делу было приостановлено.

Судебно-психиатрической экспертизой при санчасти тюрьмы № 1 УМВД Харьковской области БУХБИНДЕР признан вменяемым.

Учитывая, что по делу БУХБИНДЕРА необходимо провести ряд следственных действий, руководствуясь ст. 215 УПК УССР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Следствие по делу арестованного БУХБИНДЕРА Иосифа Шмулевича возобновить.

Копию настоящего постановления направить Прокурору и в Отдел «А» МГБ УССР. —

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Лейтенант (подпись) (ХАРЮТА)

СОГЛАСНЫ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛЕНИЯ СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Майор (подпись) (КОЗЛОВ)

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Майор (подпись) (ГУЗЕЕВ)

№ 13

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. ПРОКУРОРА УССР
Государственный советник
юстиции 3 класса
(подпись) (С.ШУГУРОВ)
8 февраля 1952 года

СЕКРЕТНО
экз. №...

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1952 года, февраля 5 дня, гор. Киев

Пом. Прокурора УССР по спецделам – советник юстиции УТИНА, рассмотрев поступившее из МГБ УССР дело по обвинению БУХБИНДЕРА Иосифа Шмулевича по ст. 54-10 ч. II и 54-11 УК УССР и учитывая, что расследование по делу окончено, добыто достаточно данных для предания БУХБИНДЕР Иосифа Шмулевича суду по ст. 54-10 ч. II, 54-11 УК УССР, что обвинительное заключение составлено в соответствии с материалами дела, поэтому на основании изложенного и руководствуясь ст. 223 п. 3 УПК УССР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Обвинительное заключение по делу по обвинению БУХБИНДЕРА Иосифа Шмулевича по ст. 54-10 ч. II и 54-11 УК УССР — утвердить, дело направить на рассмотрение Особого Сопещения при МГБ СССР. С предлагаемой мерой наказания — 10 лет ИТЛ — согласиться.

ПОМ. ПРОКУРОРА УССР ПО СПЕЦДЕЛАМ
Советник юстиции (подпись) (УТИНА)

№ 14

СССР
МИНИСТЕРСТВО
ГОСУДАРСТВЕННОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
Отдел «А»
... апреля 1952 г.
№ 18/П/2— 129384
гор. Москва

§ 78
НАЧАЛЬНИКУ ОТДЕЛА «А» МГБ
УКРАИНСКОЙ ССР

СОВ.СЕКРЕТНО
Литер «А»

гор. Киев

Препровожаем для объявления и немедленного исполнения выписку из протокола № 20 Особого Сопещения при МГБ СССР от 19 марта 1952

года по делу № 149755 на БУХБИНДЕР Иосифа Шмулевича, которого для отбытия срока наказания, согласно персонального наряда ГУЛАГа МВД СССР № 9/СО — 3042 направьте в Степной лагерь МВД.

За направлением осужденного по назначению проследите, дату объявления выписки сообщите.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Выписка в 2 экземплярах и наряд.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 2 СЕКТОРА ОТДЕЛА «А» МГБ СССР
Подполковник (КРОТОВ)

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 2 ОТДЕЛЕНИЯ 2 СЕКТОРА
Подполковник (СОСИН)

№ 15

СЕКРЕТНО

**ПОСТАНОВЛЕНИЕ № 08/1779-С-56
ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

4 января 1957 года

Под председательством

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР — тов. УСПЕНСКОГО В.А.

С участием

ЗАМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО
ПРОКУРОРА СССР — тов. БОЛДЫРЕВА В.А.
при секретаре — тов. ГРИШАНИНЕ И.Ф.

**ПРОТЕСТ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР по делу
Бухбиндера Иосифа Шмулевича**

По постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 19 марта 1952 года Бухбиндер Иосиф Шмулевич за антисоветскую националистическую деятельность по ст.ст. 54-10 часть II и 54-11 УК УССР был заключен в исправительно-трудовом лагере сроком на 10 лет.

Согласно обвинительному заключению Бухбиндеру вменено в вину, что он, являясь участником еврейского националистического подполья, проводил среди населения антисоветскую националистическую агитацию, восхвалял жизнь в одной из капиталистических стран, писал и распространял произведения националистического характера.

По протесту Генерального прокурора СССР 23 октября 1954 года дело по обвинению Бухбиндера И.Ш. было рассмотрено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда СССР, которая признала осуждение Бухбиндера по ст. 54-11 УК УССР необоснованным по мотивам

недоказанности участия его в контрреволюционной организации. Коллегия также признала, что переданные Бухбиндером для печатания произведения «Тополь» и «Ковалиха» не содержат в себе элементов антисоветской агитации.

Вместе с тем коллегия признала Бухбиндера виновным в проведении антисоветской националистической агитации, однако, учитывая характер его националистических высказываний, нашла возможным снизить ему меру наказания.

В связи с этим коллегия прекратила обвинение Бухбиндера по ст. 54-11 УК УССР, а по ст. 54-10 ч. II УК УССР меру наказания снизила ему до 5 лет лишения свободы и с применением Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 года «Об амнистии» из-под стражи его освободила со снятием судимости.

На это определение в части признания Бухбиндера виновным в проведении антисоветской агитации Генеральный прокурор СССР внес протест в Пленум Верховного Суда СССР.

В протесте указывается, что имеющиеся в деле данные недостаточны для вывода о виновности Бухбиндера по ст. 54-10 ч. II УК УССР и предлагается дело о нем производством прекратить за недоказанностью обвинения.

Рассмотрев протест и материалы дела, Пленум находит протест подлежащим удовлетворению.

Из материалов дела усматривается, что обвинение Бухбиндера в проведении антисоветской агитации националистического характера основано на показаниях свидетелей Савицкого Д.А., Майданского М.Н. и на оперативных материалах.

К делу приобщена копия протокола допроса обвиняемого по другому делу Савицкого Д.А., который на допросе его 9 июля 1946 года показал, что в июне месяце 1946 года Бухбиндер в помещении театра русской драмы в гор. Киеве в его присутствии, а также в присутствии администратора театра Бликштейна допускал антисоветские националистические высказывания, заявляя, «что евреи в СССР никогда не будут полноправными гражданами и в случае новой войны их вырежут, как это делалось в царской России».

Бухбиндер показания Савицкого категорически отрицал и на допросе 26 января 1952 года показал, что Савицкого и Бликштейна он вообще не знает.

Очной ставки между Савицким и Бухбиндером проведено не было.

Допрошенный в качестве свидетеля Бликштейн И.И. показания Савицкого об антисоветских высказываниях Бухбиндера отрицал.

Свидетель Майданский на допросе 14 ноября 1951 года показал, что со слов Береговского А.Я. ему известно, что Бухбиндер вел антисоветские националистические разговоры и, в частности, говорил, «что борьба с космополитизмом является якобы предлогом для Советского правительства, чтобы вытеснить евреев с ответственных и руководящих должностей».

Между тем Береговский, на которого Майданский ссылался в приведенных показаниях, по делу не допрошен.

Бухбиндер на очной ставке с Майданским приведенные показания последнего категорически отрицал.

При таких обстоятельствах показания Савицкого Д.А. и Майданского М.Н. об антисоветских высказываниях Бухбиндера не могут быть положены в основу обвинения.

Что касается приобщенных к делу в особом пакете оперативных материалов об антисоветских высказываниях Бухбиндера, то эти материалы неконкретны, проверке не подвергались и другими данными по делу не подтверждены, в силу чего они также не могут рассматриваться как бесспорное доказательство обвинения Бухбиндера.

В определении Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 23 октября 1954 года указано, что в проведении антисоветской агитации националистического характера Бухбиндер изобличается показаниями свидетелей Межерицкого и Гофштейна.

Однако ни Межерицкий, ни Гофштейн никаких показаний об антисоветских высказываниях Бухбиндера по делу не дали и ссылка на этих свидетелей в определении коллегии сделана необоснованно.

Наконец, из приобщенного к протесту письма правления советских писателей Украины от 15 августа 1956 года видно, что литературное творчество Бухбиндера в настоящее время проверено Президиумом Союза советских писателей Украины, который считает, что его произведения не содержат каких-либо антисоветских или националистических тенденций.

Учитывая все изложенное, и находя в связи с этим предъявленное Бухбиндеру обвинение в проведении антисоветской агитации националистического характера недоказанным, Пленум Верховного Суда СССР, соглашаясь с протестом,

ПОСТАНОВЛЯЕТ:

Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 19 марта 1952 года и определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 23 октября 1954 года в отношении Бухбиндера Иосифа Шмулевича отменить и дело о нем за недоказанностью обвинения производством прекратить.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СЕКРЕТАРЬ

(В.УСПЕНСКИЙ)
(И.ГРИШАНИН)

ВЕРНО: ЗАВ. СЕКРЕТАРИАТОМ ПЛЕНУМА
ВЕРХОВНОГО СУДА СССР *(подпись)* (МИРОНОВА)

отп. 8 экз.

1 — прот.

2—4 — пр-во
5 — дело
6 —МВД
7 — коллегия
8 — пр-ра
№ 266 14.1-57 г.
Вх. 292с 25.1.57.

**ДОКУМЕНТИ З АРХІВНОЇ КРИМІНАЛЬНОЇ
СПРАВИ І. КІПНІСА
ДА СБУ, КИЇВ, СПРАВА 41017-ФП**

№ 1

«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА
СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Майор *(подпись)* (ЛИМАРЧЕНКО)
18 октября 1949 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(О приобщении к следделу протокола собрания)

гор. Киев, 1949 года, октября 18 дня

Я, зам. нач. отдела Следственной части МГБ УССР капитан ГОРЮН, рассмотрев материалы следственного дела № 149358 по обвинению КИПНИСА Исаака Нухимовича в совершении преступлений, предусмотренных ст. 54-10 ч. 2 УК УССР, —

НАШЕЛ:

Следствием добыт протокол собрания еврейской секции Союза советских писателей Украины от 25 июля 1947 года, из которого видно, что за проводимую КИПНИСОМ антисоветскую националистическую работу собрание евсекции приняло решение об исключении его из членов союза советских писателей.

Учитывая, что указанный протокол имеет существенное значение по делу КИПНИСА, —

ПОСТАНОВИЛ:

Упомянутый выше протокол собрания еврейской секции Союза советских писателей Украины, приобщить к следственному делу № 149358 по обвинению КИПНИСА Исаака Нухимовича.

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 2 ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Капитан *(подпись)* (ГОРЮН)

№ 2

ПРОТОКОЛ

заседания еврейской секции Союза Советских писателей Украины
от 25.VII. 1947 года

Присутствовали: ПОЛЯНКЕР, ГОФШТЕЙН, ФАЛИКМАН, КАГАН,
БАЛЯСНАЯ, ХАЙКИНА, ГУТЯНСКИЙ, ШЕХТМАН,

ЗАБАРА, БЕНДОС, ТАБАЧНИКОВ, ВЕЛЕДНИЦКИЙ,
ЧЕРНЯВСКИЙ, МИЖИРИЦКИЙ, ВОЛКЕНШТЕЙН,
КИПНИС, БУХБИНДЕР.

От Президиума и парторганизации т.т. Иван ЛЕ и критик тов. САНОВ.

ПОВЕСТКА ДНЯ:

1. О вредном рассказе И. КИПНИСА «Без корысти», (информирует тов. ПОЛЯНКЕР).

СЛУШАЛИ: Информацию тов. ПОЛЯНКЕРА.

Литературная общественность, критика еще десять лет тому назад выступала с острой критикой идейно-художественных ошибок, пороков отдельных произведений И.КИПНИСА (я имею в виду его книгу «Месяцы и дни» и т.д.). Критика неоднократно указывала на идейную фальшь и других произведений КИПНИСА, на мелкобуржуазную национальную ограниченность его произведений.

Общественность пыталась писателя КИПНИСА правильной большевистской критикой поставить на путь истинный, на путь советского писателя.

В 1946-1947 г. на страницах украинской прессы и в газете «Эйникайт» были помещены совершенно правильные статьи о безыдейных пошлых

Фотографія І.Н.Кіпніса з архівної кримінальної справи 41017-ФП, що зберігається у Державному архіві Служби безпеки України

рассказах КИПНИСА. Однако КИПНИС не сделал для себя необходимых выводов. В 1947 г. КИПНИС преподносит нам «сюрприз», превышающий его прошлые ошибки. Для советских читателей существует единственный путь печатания своих произведений за рубежом через ВОКС, антифашистский комитет. КИПНИС стает на другой путь. Он самостоятельно, как кустарь-одиночка, посылает идейно-порочный, националистический рассказ в польско-еврейскую газету «Дас найэ лебн». Рассказ называется «Без корысти».

Взяв благородную тему дружбы народов, он опошлил ее, исходя из националистических позиций. Благородная украинская колхозница во время немецкой оккупации спасает от немцев двух еврейских детей. У КИПНИСА в душе тревога – эти дети перестают быть евреями, они уже «идишгоэше киндер» (слово «гой» звучит как оскорбление для украинского народа в данном контексте). КИПНИС желает, чтобы евреи воины, шагающие по Берлину, носили на груди рядом с орденами «щит Давида», чтобы все евреи говорили только по-еврейски.

Во всем этом рассказе выпячивается это «чисто» еврейское. Удивляет, что некоторые наши критики, как ВЕЛЕДНИЦКИЙ, пытаются взять под защиту КИПНИСА, чрезмерно захваливают его и замазывают его ошибки. Я имею в виду прошлое собрание, на котором ВЕЛЕДНИЦКИЙ говорил, что 3 очерка, написанные КИПНИСОМ для «Эйникайт» это лучшее, что печатали писатели в газете... Хочу прибавить: рассказ, о котором идет речь, был КИПНИСОМ послан в Антифашистский комитет, его там забраковали, но КИПНИС посылает его за границу. Польская газета на евр. языке подхватила рассказ и напечатала его вместе с хвалебной заметкой о порочной книге «Месяцы и дни». КИПНИС поступил не как советский писатель и мы вправе сегодня прямо поставить перед ним вопрос о его идейном облике и его проступке.

ВЫСКАЗАЛИСЬ:

КИПНИС: Я прислушиваюсь к критике. Мою книгу «Месяцы и дни» и хвалили и ругали. Она издана дважды. Издавалась и на русском языке. Теперь о моем рассказе «Без корысти». Он в сокращенном виде печатался в газете «Эйникайт» (Москва). Почему я писал так о «Щите Давида» рядом с орденами? В прессе были статьи о том, что французские девушки в знак протеста против немецких зверств над евреями одевали шестиконечную звезду, что датский король то же самое сделал. Я писал, что немцы уничтожили всех евреев и богатых и бедных, всех евреев заставляли носить знак «щит Давида», как знак позора, а мне хотелось, чтобы еврей после войны носил «щит Давида» как знак гордости...

Почему я самостоятельно послал рассказ за границу. Я лично знаком с редактором газеты Марком. Он коммунист. Недавно вышла его книга в изд-ве «Дер Эмес», поэтому я ему и послал материал. Мне кажется, что два года тому назад рассказ этот был активным, а сейчас он носит националистический характер.

Еще я хочу сказать, что мне не доверяют. Вот писатель ЯНОВСКИЙ был и редактором и занимает положение в Союзе, а я на задворках. Я считаю, что рассказ — это пятно. Мне надо много работать, чтобы искупить свою вину.

ГОФШТЕЙН: Ми повинні засудити вчинок КИПНИСА, як непристойний для радянського письменника. Він не кустар-одиночка. Багато з нас

одержують запрошення друкуватися в іноземній пресі. Але ми це робимо через державні радянські установи. Помилка КІПНІСА не тільки політична, а й художня. Оповідання це – художнє непорозуміння. Назва оповідання говорить про чистоту намірів, а «лірика» КІПНІСА шкідлива, націоналістична. КІПНІС мав змогу порадитися з товаришами, але він цього не зробив. Газета ця буржуазна. Вона друкує всіх: і сіоністів, і бундівців, і статті прорадянські. КІПНІС цього не відчув. Безперечно, вчинок КІПНІСА треба гостро засудити, як не радянський вчинок.

ВЕЛЕДНИЦЬКИЙ: Почему я нашел нужным на прошлом собрании говорить и о недостатках и о положительном творчестве КИПНИСА? Потому, что я считаю необходимым писателя учить на чем-то конкретном. Я указал на хорошие его рассказы и очерки, чтобы на них КИПНИСА ориентировать. Безусловно, надо осудить и технический момент – посылки материала за границу самостоятельно. По существу я не совсем разделяю подход к этой вещи по цитатам. Момент с «могендавидом» (щитом Давида). Я знаю давно КИПНИСА. Он советский человек и чужд национализма. У него была идея рассказа верная: о дружбе народов. Но ему свойственны срывы. И этот рассказ не лишен ляпсусов. «Идишгоэше кинд» по моему мнению, не имеет того оттенка, какой приписывает КИПНИСУ докладчик.

ГУТЯНСКИЙ: Наміри були у КІПНІСА хороші. Але не про наміри ми сьогодні повинні говорити, а про те, як він здійснив ці наміри. Мені не подобаються виступи т.т. ГОФШТЕЙНА та ВЕЛЕДНИЦЬКОГО. Яку ще пораду треба було КІПНІСУ? Після поради газети «Эйникайт». Газета дала оповідання в іншому вигляді, ніж його написав КІПНІС. Антифашистський комітет за кордон оповідання відмовився надсилати. Оповідання націоналістичне. Про це треба прямо сказати. «Гой» це націоналістичне слово, образливе. Це не народ. В нашій пресі такого слова не пропустили б. Про КІПНІСА було багато розмов: він робить спроби писати про сьогоднішній день. На жаль, це його найслабші оповідання. Він майже не працює. Він нехтує громадською думкою. Його багато авансують: таланти, тонкий письменник... Це перебільшено. Він дуже довго не дає хороших творів. Він нехтує радянською дисципліною. Деякі товариші виявили ініціативу влаштувати КІПНІСУ ювілей. Ювілей ми робимо тоді, коли ми товариша шануємо за роботу, а не за прожиті роки. КІПНІС повинен посправжньому працювати в літературі. Без цього, з нього діла, як кажуть, не буде.

Іван ЛЕ: Присутні цілком віддають собі відчит про що говорять. Вірно говорив ГУТЯНСЬКИЙ. Я знаю, що КІПНІС в скрутному стані. Але на що надіявся КІПНІС, посилаючи за кордон це оповідання? Це свого роду внутрішній протест — ви мені ювілей не справляєте — я апелюю до за-

кордону. Хай там надавлять на громадську думку Радянського Союзу. Дивіться – який я!

Припустимо, що вислів «ідишгоеше», «єврейська радість» іде за рахунок колориту. Можна навіть пояснити і з «щитом Давида», як гордістю. Але ми на суді, де захисник повинен вивернутися. Ми радянські люди, що боремось за нове суспільство. Коли радянський письменник прикривається радянським як ширмою, а сам чіпляється за старе, архаїчне, відстале, щоб якесь охвістя залишити слідувачому поколінню – це антирадянська людина. Ми знаємо письменників з реакційним грузом минулого, але вони перебудувалися, стали передовими письменниками нашого часу.

Проступок КІПНІСА не можемо розглядати ізольовано. Це не помилка, а концепція. Це метод вислову протесту проти нового, проти радянського.

ФАЛИКМАН: Верно, КИПНИС напечатанием этого рассказа нам хотел бросить вызов: «Вы на меня не обращаете внимания, меня другие ценят». По-видимому, рассказ сопровождался письмом. Ибо откуда редакция знала, что КИПНИСУ 50 лет? Недели две тому назад я был у КИПНИСА, на столе у него лежала книга еврейского критика из Америки. Разговаривая со мной, он все время глядел на эту книгу. В книге, может быть, писалось и о нем. Я ему тогда сказал: «Перестаньте надеяться на них, на заграницу. Ориентируйтесь на нашу советскую критику».

Рассказ «Без корысти» — порочный. Он весь пропитан болью, тревогой, что двое еврейских детей перестают быть евреями... Нация теряет двух евреев! С другой стороны книжка клеветет и на еврейский народ. В рассказе есть такой эпизод: один еврей приходит к колхознице, спасшей двух еврейских детей, с таким предложением: за большую сумму денег – спасти его двух детей, а тех других детей выгнать... Это гнусная клевета. КИПНИС в рассказе мечтает, чтобы все евреи (инженеры, красноармейцы, рабочие) разговаривали только по-еврейски.

Я хочу сказать, что «так называемые» друзья тов. КИПНИСА (критики) делают ему плохую услугу. Они его захваливают, похлопывают по плечу: талант, талант... А талант должен писать талантливые советские книги, а не националистические писания.

КАГАН: Меня возмущает сам факт существования двух вариантов этого рассказа. Первый для советской прессы под названием «Любовь» напечатан в газ. «Эйникайт», а второй для заграницы. В рассказе самое порочное – его лирические отступления, комментарии. Они идут от националистического нутра КИПНИСА. Ему многократно указывали на его ошибки, но он упрямо не воспринимал критику. КИПНИС, как писатель, интересуется отсталым, а не прогрессивным, новым в нашей жизни. Он вылавливает мутное и реакционное в старом местечке. Он невероятно отстал и в своем художественном методе. Я хочу, чтобы КИПНИС видел жизнь глазами

советского человека. КИПНИСА убаюкивали, талант, способный и т.д., а он не оправдал надежды критики. Вот и КИПНИСУ в польско-еврейской газете устроили с его инициативы юбилей. Поступок его недостойный поведения писателя. Я считаю, что необходимо сейчас устроить специальный вечер КИПНИСА, посмотреть, что он написал за последнее время, чем он дорожит, как советский писатель. Осуждаю антисоветское поведение КИПНИСА, его националистический пасквильный рассказ. Наш народ идет к коммунизму, а такие «опусы» как кипнисовское последнее творение нам мешает в этом.

САНОВ: Для нас ясно, що оповідання КІПНІСА націоналістичне, а поступок його антирадянський. Виступ КІПНІСА мене зовсім не задовольнив. Його думка, що для Гітлера були однакові і капіталісти і комуністи євреї — неправильна. Коли у нього така концепція, як же він може працювати в радянській літературі? Адже ми стоїмо на платформі показу класової боротьби. Ми знаємо, що в самій Німеччині, в Румунії, Венгрії євреї-капіталісти залишилися жити, а деякі працювали на німця. Як може радянський письменник не знати те, що знає дитина? Я читав ряд оповідань КІПНІСА в перекладах. Вражає їх ідейна обмеженість.

В нього нема тяги до громадського. Ми його не бачимо на лекціях, на демонстраціях. Він не цікавиться нашою дійсністю і це впливає на його оповідання. Якщо виступ ВЕЛЕДНИЦЬКОГО це – критика, то треба прямо сказати, що з сьогоднішнього виступу не видно, щоб він міг навчити чомусь письменника. Він говорив не те, про що треба було йому говорити. Ще одне зауваження КІПНІСУ: не кивайте на ЯНОВСЬКОГО. По-перше, тов. ЯНОВСЬКИЙ багато зробив для української літератури, а по-друге, коли ЯНОВСЬКИЙ робив помилки, ми про це йому відверто і гостро говорили.

МЕЖИРИЦЬКИЙ: Меня удивляет предложение КАГАНА. Мы все знаем творчество КИПНИСА. Много раз говорили о его отсталости на собраниях, что же нового даст нам его творческий вечер? Критики не должны его учить. Писатель должен учить критиков... Ведь критик это в первую очередь читатель. Надо сказать, что Шолом-Алейхем в своих произведениях осуждал тех, о ком захлебываясь от восторга говорит КИПНИС в своих произведениях. В этом его беда. Он отстал. Но все же я считаю, что последний поступок превышает все его прежние идейные ошибки и срывы.

НЕХОДА: Тов. МЕЖИРИЦЬКИЙ продемонстрував нерозуміння ролі критика. Мене дивує думка тов. МЕЖИРИЦЬКОГО відокремити одну помилку від другої. Поступок КІПНІСА від його ідеології. Це дві сторони однієї медалі. Його апеляція до закордону краще всього свідчить про це. Чи розуміє, чи не розуміє КІПНІС про те, як ГІТЛЕР ставився до євреїв-капіталістів та євреїв-робітників-комуністів? Це ж дитина знає. КІПНІС на

дуже низькому рівні. Але багато в чому він прикидається незнайкою. З виступів САНОВА, КАГАНА, ФАЛІКМАНА ясно, що концепція оповідання КІПНІСА буржуазно-націоналістична. КІПНІСА не турбує, чи хороших радянських громадян виростить колгоспниця, а турбує – чи виростуть вони євреями? Це перекликається з скрипниковщиною з його примусовою українізацією.

Справа йде не про окрему помилку. Любов до народу і гордість за євреїв-воїнів, що і вони разом з іншими народами відстояли в боях Батьківщину, повинно було стати темою радянського єврейського письменника, а не роз'єднання народів за допомогою «щита Давида».

Сам факт написання такого оповідання – є антирадянським вчинком. Які поради ще давати КІПНІСОВІ? Найкращою порадою була постанова ЦК КП(б) та КП(б)У про літературу.

Своєю творчістю КІПНІС поставив себе за межі радянської літератури. Він не радянський письменник. Стаж в літературі це ніяке не виправдання, щоб порівнювати себе з ЯНОВСЬКИМ. З творчості КІПНІСА не видно ніякого таланту. Він нічого видатного не зробив в літературі.

БЕНДОС: Политически я оцениваю поступок КИПНИСА как своего рода протест. «Смотрите – я такой! Я на таких позициях, это мое мышление!».

Писатель наш является пропагандистом передовых идей. Рассказ КИПНИСА безусловно подхватят сионистские газеты. Мысль поставит «могендавид» рядом с орденами Советского Союза – это пропаганда сионистско-фашистских символов. Корень зла во враждебном выступлении КИПНИСА, а не в непонимании роли искусства, как это пытается объяснить МЕЖЕРИЦКИЙ. Неправильно также выступление ВЕЛЕДНИЦКОГО. Я тоже знаю КИПНИСА как советского человека. Однако, идеология у него порочная. Он талантлив, но он должен перевооружиться, он недостаточно связан с нашей советской действительностью.

ШЕХТМАН: Я хочу говорить о КИПНИСЕ, как о зрелом и талантливом писателе. Он не ребенок. Он обязан понимать элементарные нормы поведения советского человека; верю, что он субъективно думал одно, но объективно получилось совсем другое. Он совершил политическую ошибку. Многие из нас в силу условий жили и работали за границей. Но никому из нас в голову не приходило использовать пребывание там, чтобы без наших советских органов цензуры печатать наши произведения.

Я был комендантом города. Верьте мне, что по первому моему приказанию в любой из типографий я мог напечатать свои книги, но я этого не делал. Ошибка КИПНИСА идет за счет нашей всей литературы. У него широкие плечи и пусть он в полной мере отвечает за свою политическую ошибку.

ВОЛКЕНШТЕЙН: Я не нахожу слов для осуждения проступка КИПНИСА. Какой смысл в его таланте, если он допускает такие грубые ошибки? Ошибки у КИПНИСА повторялись многократно. Он ищет друзей там, где враги. Он невероятно отстал и упрям. Он ничего полезного не сделал за последнее время для литературы. У него нет желания учиться. За десятки лет он не стал умнее. Он питает свой талант не из чистых источников и ему не дороги идеи нашей действительности. Только так я могу объяснить его ошибки.

ЗАБАРА: Нам известно, что фельдмаршал МИЛЬХ – еврей. Когда к ГЕББЕЛЬСУ в свое время «чистокровные арийцы» по этому вопросу обратились, он ответил: «Что касается того, кто евреи и кто не евреи – разрешите мне знать!» Нам известно, что в Германии уцелело много евреев-капиталистов. И это понятно всем, кроме КИПНИСА. Я был в Германии два года, но ни разу не давал в печать ничего без нашей цензуры. Да будет известно КИПНИСУ, что «щит Давида» – это не эмблема передовых евреев, а тем паче не эмблема советских евреев. Ошибка КИПНИСА – это ошибка националистического толка.

ТАБАЧНИКОВ: Мне было бы куда радостнее присутствовать на хорошем творческом вечере еврейского писателя, чем на таком печальном для нас собрании. Поступок КИПНИСА, безусловно, заслуживает самого строгого осуждения.

БАЛЯСНАЯ: Партия, советская власть особо бережно относятся к писателям. Мы ценим каждую творческую единицу, работающую на благо народа. Все сидящие здесь долгие годы знают КИПНИСА, критиковали его ограниченные, идейно-порочные произведения. Но многие сидящие здесь (я имею в виду ВЕЛЕДНИЦКОГО, МЕЖЕРИЦКОГО) похлопывали его по плечу: это самородок, талант, мол, вывезет! Я считаю, что националистический рассказ «Без корысти», посылка материалов в иностранную газету – это логическое завершение всех его предыдущих ошибок. Мы часто пытались его вразумить (я имею ввиду критику в прессе, собрания, отбор материалов его для альманаха). Он упорно цеплялся за безыдейное и политически порочное. На наших глазах он в моральном отношении скатывался в болото. КИПНИС потерял чувство достоинства советского человека и писателя.

Кстати попутно хочу сказать, что и в выступлениях ГОФШТЕЙНА часто отсутствует должная принципиальность. Он и на последнем партийном собрании говорил почему-то «О нашей бедной еврейской литературе». Нечего приbedняться! Мы – равные среди равных. Темой наших произведений должны быть не только страдания народа, но и борьба народа, достойная – наряду и вместе со всеми народами нашего Союза. КИПНИСУ

не следует отнести ошибки за счет отсутствия знаний. Он, видите ли, потому писал о «могендавиде» рядом с орденами, потому что датский король и французские девушки носили его в знак протеста против немецких зверств... Сам факт работы в две руки: один вариант рассказа для нашей прессы, а другой – для заграницы, говорит уже за себя. Я считаю, что КИПНИС поставил себя сам вне рядов советской литературы. Наше собрание должно осудить его националистический рассказ и антисоветский поступок и поставить перед Президиумом вопрос о пребывании КИПНИСА в Союзе писателей.

КИПНИС: Я недавно говорил с тов. ЛЕ. Он мне сказал: «Хорошо, мы вам поможем, но я хочу вашего обещания, что вы наши надежды оправдаете». Я не успел оправдать надежд. Я понимаю, что все сегодняшние выступления т.т. – это выступления желающих мне только добра. Здесь нет личных моих врагов. Я только прошу, чтобы Союз ко мне прикрепил товарищей, которые со мною бы беседовали и помогали мне. Я знаю, что я плохо поступил.

ПОЛЯНКЕР: Положительно оценив ряд выступлений (КАГАНА, ГУТЯНСКОГО, БАЛЯСНОЙ, ЛЕ, САНОВА, НЕХОДЫ), он отметил неверные выступления ВЕЛЕДНИЦКОГО, МЕЖИРИЦКОГО. Надо сказать, что такая «критика» помогает КИПНИСУ делать ошибки. Правды о его произведениях ему не говорят. На щит поднимает КИПНИСА и такой небезызвестный критик как НУСИНОВ (Москва). (Он стал теперь «известным» по его порочной работе о Пушкине). Выступления ВЕЛЕДНИЦКОГО, МЕЖИРИЦКОГО – далеки от партийной критики. Кстати и «юбилей» КИПНИСУ газета «Дас ноэ лебн» справила захудалый. Материал поместили на задворках, на последней странице... Газету эту подписывают наряду с членом ППР МАРКОМ – сионисты, бундовцы и другие. Гордиться таким «юбилеем» КИПНИСУ нечего. Я считаю, что все 3 выступления КИПНИСА были не на высоте.

Надо поставить перед Президиумом вопрос о КИПНИСЕ, как члене союза писателей.

ЛЕ: Я испытал бы больше удовольствия, если бы мы КИПНИСА принимали в союз, а не исключали. Краснеть за КИПНИСА – это краснеть за союз. КИПНИС часто пишет не так, как нужно и не то, что нужно. Я считаю, что предложение должно быть более конкретным – об исключении его из Союза.

ПОСТАНОВИЛИ:

Общее собрание еврейских писателей единодушно осуждает националистический рассказ Ицика КИПНИСА «Без корысти», помещенный в Лодзинской газете «Дас ноэ Лебн», а также посылку материалов за границу без ведома соответствующих организаций.

Собрание считает, что своим недостойным советского литератора по-

ведением, КИПНИС поставил себя вне рядов советской литературы и ставит вопрос перед Президиумом Союза Советских писателей Украины о пребывании КИПНИСА в Союзе. Только упорным трудом и новыми высоко идейными и высоко художественными произведениями КИПНИС сумеет вернуть себе право быть членом Союза Советских писателей.

Предложение принято единогласно.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОБРАНИЯ (ПОЛЯНКЕР)
СЕКРЕТАРЬ (БАЛЯСНА)

21/IX-49 г.

С подлинным верно: *(подпись)*

С настоящим протоколом ознакомился Кипнис И.Н. 18/X-49 г.

№ 3

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛА
СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Майор *(подпись)* (ЛИМАРЧЕНКО)
18 октября 1949 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о приобщении к делу вещественных доказательств)

гор. Киев, 1949 года, октября 18 дня.

Я, зам. начальника отдела Следственной части МГБ УССР капитан ГОРЮН, рассмотрев материалы следственного дела № 149358 по обвинению КИПНИСА Исаака Нухимовича, в совершении преступлений, предусмотренных ст. 54-10 ч. 2 УК УССР,

НАШЕЛ:

При обыске у арестованного КИПНИСА изъята написанная им книга «Месяцы и дни» и рукопись книги «Тоска по детству, по дому».

Согласно заключению Киевского Обллита обе эти книги по содержанию являются националистическими.

Кроме того, следствием добыт рассказ КИПНИСА «Без хитростей, без расчета» националистического содержания, напечатанный в 1947 году в Лодзинской еврейской газете «Дас найе лебен».

Учитывая, что указанные выше книга, рукописи книги, заключения Обллита и рассказ изобличают арестованного КИПНИСА в проводимой им антисоветской националистической работе, руководствуясь ст. 67 УПК УССР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Книгу «Месяцы и дни», рукопись книги «Тоска по детству, по дому», заключения Обллита по этим книгам и рассказ «Без хитрости, без расчета» приобщить к следственному делу № 149358 по обвинению КИПНИСА Исаака Нухимовича в качестве вещественных доказательств. —

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА 2 ОТДЕЛА СЛЕДЧАСТИ МГБ УССР
Капитан (подпись) (ГОРЮН)

№ 4

«УТВЕРЖДАЮ»
НАЧАЛЬНИК СЕКРЕТАРИАТА
ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ МВД СССР
Генерал-Майор (подпись) (В.ИВАНОВ)
4 июня 1953 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Рассмотрев в связи с заявлением КИПНИС Л. архивно-следственное дело № П-314612 на осужденного —

КИПНИС Исаака Нухимовича, 1894 года рождения, уроженца Житомирской области, еврея, гражданина СССР, беспартийного. До ареста – еврейского писателя, литературного работника, —

по ст. 54-10 ч. II УК РСФСР, —

НАШЕЛ:

КИПНИС был арестован МГБ УССР 25 июня 1949 года и осужден Особым Совещанием при МГБ СССР 25 января 1950 г. за антисоветскую националистическую агитацию к 10 годам ИТЛ.

Основанием к аресту КИПНИС послужили материалы о проведении им антисоветской агитации и контрреволюционной националистической работы.

Виновным себя в проведении антисоветской агитации КИПНИС не признал.

Вместе с тем по существу предъявленного обвинения показал:

«... признаю, что я, будучи еврейским писателем, допускал в своих произведениях националистические извращения. Так в написанной мною в 1926 году книге «Месяцы и дни» я показал украинцев врагами еврейского народа, призывал к кровавой мести над украинцами... (л.д. 31, 115).

... В 1947 году я поместил в еврейской газете, издававшейся в Польше рассказ «Без хитрости, без расчетов» националистического содержания... В этом же рассказе я допустил шовинистические выражения в отношении украинцев, за что тогда же исключался из членов союза советских писателей...

... В 1935 году мною был написан рассказ «Фарвус» – идеологически вредный, за что также исключался из союза советских писателей Украины ... (л.д. 33).

... Через имеющиеся у меня в США связи я намеревался издать в 1947 году в Америке ряд своих произведений, в том числе книгу «Месяцы и дни» (л.д. 115).

В 1946-1949 г.г. КИПНИС написал рукопись рассказа «Тоска по детству, по дому», которая носила националистический характер. По существу указанной книги КИПНИС на допросе показал:

«... Признаю, что в рукописи книги «Тоска по детству, по дому» я допустил выражения националистического содержания... в частности, указано: один вывод, который я могу из всего этого сделать – это то, что бог велик, своих еврейчиков он любит потому, что все остальные народы являются, очевидно, лишь придатком к евреям... я допустил и другие выражения, в которых выражалась национальная рознь между евреями с одной стороны и русскими и украинцами с другой...» (л.д. 131, 132).

КИПНИС также показал, что в 1949 году, когда его сын при достижении 16-летнего возраста должен был получить паспорт и намеревался свою национальность указать украинец — по матери, то он, КИПНИС, возражал против этого, считая это оскорблением, и высказывал намерение покончить жизнь самоубийством.

Изложенные выше факты националистической деятельности КИПНИСА подтверждены также показаниями обвиняемых по другим делам САКЦИЕРА, ЛОЙЦКЕРА, ФЕФЕРА, ряда свидетелей и официальными документами.

В проведении контрреволюционной клеветнической агитации КИПНИС изобличался оперативными материалами.

Сын осужденного КИПНИС 20 апреля 1953 г. подал заявление, в котором, считая, что его отец осужден неправильно, просит о пересмотре дела.

Учитывая, что материалами дела обвинение, предъявленное КИПНИС, доказано, поэтому не находя оснований к пересмотру решения по его делу,

ПОСТАНОВИЛ:

Заявление КИПНИС Л. оставить без удовлетворения, о чем ему сообщить через 1 Спецотдел МВД СССР.

СТАРШИЙ ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ СЕКРЕТАРИАТА
Подполковник (подпись) (АКОПЯН)

СОГЛАСЕН: НАЧАЛЬНИК 2 ОТДЕЛЕНИЯ СЕКРЕТАРИАТА
ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ МВД СССР
Полковник (подпись) (СЕДОВ)

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

(по архивно-следственному делу № П-314612)

Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 25 января 1950 года осужден по ст. 54-10 ч. 2 УК УССР к 10 годам ИТЛ —

КИПНИС Исаак Нухимович, 1894 года рождения, уроженец местечка Словечно, Словечанского района, Житомирской области, еврей, гр-н СССР, беспартийный, с низшим образованием, до ареста – член Союза Советских писателей УССР, проживал в гор. Киеве, по адресу: ул. Ленина, дом № 68, кв. 37.

Основанием к осуждению КИПНИСА послужили его признания, показания арестованных по другим делам САКЦИЕРА М.А., ЛОЙЦКЕРА Х.Б., ФЕФЕРА И.С., ГУТЯНСКОГО В.И., свидетелей КУНДЗИЧ А.А., ГОРОДЕЦКОЙ К.А., ИЛЬЧЕНКО А.Е., а также вещественные доказательства и документальные данные – протокол заседания еврейской секции Союза Советских писателей УССР (л.д. 252-268) о том, что в 1926 году он написал и издал книгу «Месяцы и дни», в которой разжигал национальную рознь между еврейским и украинским народами, показывая всех украинцев врагами евреев и призывая последних к кровавой мести по отношению к украинскому населению.

В 1935 году КИПНИС поместил в журнале «Октябрь» свой рассказ «Фарвус», в котором клеветал на колхозный строй и идеализировал кулацкий элемент, за что в 1936 году был исключен из Союза Советских писателей (восстановлен в 1938 году).

В 1947 году через посредство своих знакомых, проживающих в гор. Лодзи (Польша), КИПНИС опубликовал в еврейской газете «Дас нойс лебн», издававшейся в этом городе, свой рассказ «Без хитрости, без расчетов», в котором проповедовал националистические настроения и оскорбительно отзывался об украинцах. За опубликование этого рассказа в иностранной прессе КИПНИС в июле 1947 года обсуждался на заседании еврейской секции Союза Советских писателей Украины, где было принято решение просить Президиум Союза об исключении КИПНИСА из членов Союза Советских писателей.

В 1946-1949 гг. КИПНИС написал рассказ «Тоска по детству, по дому» (не опубликовывался, рукопись изъята при аресте), в котором проповедовал националистические настроения, идеализировал жизнь дореволюционного еврейского местечка, протаскивал идеи «еврейства вообще», без буржуазности еврейского населения. В этой рукописи он, в

частности, писал следующее:

«Один вывод из всего этого я могу сделать – это то, что бог велик, своих еврейчиков любит потому, что все остальные народы являются, очевидно, лишь придатком к евреям». (Л.д. 131,138, вещественные доказательства.)

В начале 1949 года КИПНИС, проявляя себя убежденным еврейским националистом, заявил своей жене и сыну, родившемуся от матери-украинки, что если последний при получении паспорта укажет свою национальность по матери, то он – КИПНИС, примет это как тяжелое оскорбление и покончит жизнь самоубийством, а также убьет сына.

В этом он изобличается показаниями свидетелей КИПНИС В.Ф., КИПНИС Л.И., КИПНИС Б.И.

Кроме того, к моменту осуждения КИПНИС имелись оперативные материалы четырех источников о том, что в период 1940-1944 гг. в беседах с ними он высказывал резкие антисоветские националистические настроения. (Л.д. 281 — особый пакет, стр. 1-4.)

Будучи осужден и отбывая наказание, КИПНИС 13 февраля 1954 года направил в ЦК КПСС заявление, в котором утверждает, что националистом он не был, антисоветской деятельностью не занимался и в связи с этим просит пересмотреть решение по делу и реабилитировать его.

Никаких доводов в опровержение предъявленного ему обвинения КИПНИС в своем заявлении не приводит.

На основании изложенного —

ПОЛАГАЛ БЫ:

Постановление Особого Сопределения при МГБ СССР от 25 января 1950 года в отношении КИПНИСА Исаака Нухимовича – оставить без изменения.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ 4 ОТДЕЛА СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Капитан

(подпись)

(КОВАЛЕВ)

СОГЛАСЕН: ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА ОТДЕЛА ПО СПЕЦДЕЛАМ ПРОКУРАТУРЫ СССР

Государственный советник юстиции III класса (подпись) (СУЧКОВ)

28 декабря 1954 года

СПРАВКА: Осужденный КИПНИС И.Н. содержится в Унжлага МВД СССР.

Капитан

(подпись)

(КОВАЛЕВ)

№ 6

ПРОКУРАТУРА СОЮЗУ
РАДЯНСЬКИХ СОЦІАЛІСТИЧНИХ
РЕСПУБЛІК

СЕКРЕТНО

экз. №1

ПРОКУРОР
УКРАЇНСЬКОЇ РАДЯНСЬКОЇ
СОЦІАЛІСТИЧНОЇ РЕСПУБЛІКИ
№ 01-34548/5470с
18.X. дня 1955 р.
м. Київ

Взято на контроль

**ЗАМЕСТИТЕЛЮ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УСССР**
полковнику тов. ТИХОНОВУ

Направляется Вам архивно-следственное дело №-314612 по обвинению КИПНИСА Исаака Нухимовича вместе с его заявлением о пересмотре дела.

КИПНИС И.Н. осужден 25 января 1950 года Особым Совещанием при МГБ СССР к 10-ти годам ИТЛ за то, что он в ряде своих литературных трудов: «Месяцы и дни», «Фарвос», «Без хитрости, без расчетов», «Госка по детству, по дому», протаскивал националистические идеи и, кроме того, среди своего окружения проводил антисоветскую агитацию.

Основанием для осуждения КИПНИСА послужили показания арестованных по другим делам: Сакциера, Лойцкера, Фефера и других, а также справки цензора Киевского обллиста гр-на Арона.

Эти доказательства подлежат тщательной проверке.

Из справок цензора Арона видно, что он большую часть их посвятил унижению достоинства и способности КИПНИСА, как писателя, а не разбору его литературных трудов (л.д. 252-260).

Кроме того справки цензора Арона не могут заменить собой заключения экспертизы, так как они получены без соблюдения ст.ст. 166-172 УПК УССР.

Показания арестованных Лойцкера, Фефера и др., допрошенных по настоящему делу в качестве свидетелей, также подлежат проверке.

Материалы проверки обоснованности осуждения КИПНИСА вместе с его делом ожидаются не позднее 10 ноября с.г., так как указанное дело Прокуратурой СССР взято на особый контроль. ПРИЛОЖЕНИЕ: дело в 2-х томах с заявлением КИПНИСА (в деле).

ПРОКУРОР УКРАИНСКОЙ ССР
Государственный советник юстиции 2 класса

(подпись) (Д.ПАНАСЮК)

№ 7

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ

СЕКРЕТНО
экз. №...

В СУДЕБНУЮ КОЛЛЕГИЮ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
ВЕРХОВНОГО СУДА УКРАИНСКОЙ ССР

ПРОТЕСТ
(в порядке надзора)

по делу КИПНИСА И.Н.

25 января 1950 г. по постановлению Особого совещания при МГБ СССР,

КИПНИС Исаак Нухимович, 1894 г. рождения, уроженец местечка Словечно, Словечанского района, Житомирской области, еврей, с низшим образованием, беспартийный, ранее не судим, в момент ареста член Союза советских писателей Украины,

— осужден к 10 года лишения свободы за проведение антисоветской националистической агитации.

Кипнис обвинялся в том, что, будучи еврейским писателем, в своих произведениях 1926-1947 гг. разжигал национальную рознь между еврейским и украинским народом, возводил клевету на колхозный строй.

Кроме того, среди своего окружения клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, осуждал советскую национальную политику.

Постановление Особого совещания является неправильным и подлежит отмене по следующим мотивам:

Кипнис был арестован 23 июня 1949 года МГБ УССР, однако материалов, послуживших основанием к его аресту, в деле нет.

Будучи допрошенным в процессе предварительного следствия около 30 раз, Кипнис дал показания о том, что в его литературной деятельности, особенно в ранние годы, имелись ошибки, за что в свое время он наказывался и подмеченные недостатки в его литературных произведениях исправлял. Проведение же антисоветской агитации Кипнис категорически отрицал.

Проверкой установлено, что обвинение Кипнис в националистической деятельности основано на заключении экспертизы о том, что он в своем первом произведении «Месяцы и дни», изданном в 1926 году, скатился с позиций грубого натурализма на позиции буржуазного национализма; националистические ошибки, не носящие, однако антисоветского характера, Кипнис допустил и в рассказе «Без хитрости, без расчета», изданном в 1947 году. В других же произведениях, подвергавшихся экспертизе, указанных ошибок не обнаружено, (л.д. 355-356).

Из дела видно, что в 1937 году работа Кипниса «Месяцы и дни» (1926 г.) действительно подвергалась острой критике литературной общественности и Кипнису было указано на серьезные ошибки в этом его

литературном труде, (л.д. 230).

Привлечение же его к уголовной ответственности за то же самое в 1950 году не может быть признано правильным.

Никаких доказательств проведения Кипнисом антисоветской агитации среди своего окружения в деле нет.

Считаю, что Кипнис осужден Особым совещанием по настоящему делу необоснованно.

Руководствуясь ст. 16 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик,

ПРОШУ:

Постановление Особого совещания при МГБ СССР от 25 января 1950 г. в отношении Кипнис Исаака Нухимовича отменить, дело прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

ПРИЛОЖЕНИЕ: дело № 314612 в 1 томе и материалы с вещественными доказательствами (всего два тома) № 39784.

ЗАМ. ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР

Государственный Советник Юстиции I класса

(подпись)

(П.КУДРЯВЦЕВ)

26 октября 1956 г.

№ 13/ок-2796-53/27797с

№ 8

В ВЕРХОВНЫЙ СУД СОЮЗА ССР

Кипниса Исаака Нухимовича, проживающего в Киевской обл., в Боярке по ул. Витянской 13

ЗАЯВЛЕНИЕ

25 июня 1949 года я был арестован бывшими органами МГБ и впоследствии осужден ОСО к десяти годам лишения свободы.

Меня обвинили в так называемой националистической антисоветской деятельности.

Кому, как не Вам известно, клеветнически сфабрикованное дело в отношении ряда еврейских писателей. Если в отношении отдельных писателей, ныне реабилитированных, смогли сфабриковать материалы, обвиняя писателей в антисоветской деятельности и измене родины, то мне за восемь месяцев содержания под стражей (при ежедневных ночных допросах), целого ряда провокационных действий органов следствия, не смогли доказать обвинение в антисоветской деятельности и измене родины, так как

этого не было и не могло быть в природе, ибо я был и есть честный советский писатель.

Решение ОСО, которым я был осужден, опротестовано Прокурором Союза 26 октября 1956 г. № 13/ок-279653.

Дело поступило на рассмотрение в Верховный Суд УССР и здесь была рыба пущена в воду. Поддержать протест должен был прокурор, ранее наблюдавший за ведением следствия в МГБ во время моего содержания под стражей; лица, виновные в том, что я незаконно был арестован, поняли, что если дело в отношении меня будет прекращено, им придется нести ответственность.

Дело было назначено в Верховном Суде к слушанию, но почему-то из состава суда оно было истребовано Прокуратурой УССР и после непонятной «возни» дело снова поступило в Верховный Суд УССР и Прокуратура УССР в судебном заседании не поддержала протест Прокурора Союза, страхуя себя.

Определением Уголовной Коллегии Верховного Суда протест отклонен.

Убедительно прошу Вас истребить дело и положить конец беззаконию.

Мне пошел седьмой десяток. Я тяжело болен после всего перенесенного и не имею возможности жить вместе со своей семьей, а вынужден скитаться у чужих людей.

В деле имеется целый ряд ходатайств Союза Писателей и отдельных известных писателей страны, знающих меня на протяжении нескольких десятков лет как честного советского писателя.

Прошу ускорить мою реабилитацию, я хочу при жизни убедиться в том, что справедливость восторжествовала.

4/1-57 г.

Кипнис И.Н.

№ 9

И.Г.ЭРЕНБУРГ
Депутат Верховного Совета СССР
Москва, ул. Горького, 8, кв. 48

17 августа 1956 г.

Заместителю Генерального Прокурора СССР
тов. Салину

Мною получено письмо от Ицика Нухимовича Кипниса (г. Киев, Боярка, ул. Витянская 13).

И.Н.Кипнис является автором целого ряда книг, изданных на

еврейском языке и затем переведенных на русский, украинский и другие языки.

В 1949 г. тов. Кипнис был осужден ОСО на 10 лет. В 1956 г. его освободили по указу от 3.9.1955 г. без реабилитации.

Прошу Вас пересмотреть дело тов. Кипниса. Буду признателен, если Вы поручите сообщить мне о результатах.

С уважением

(подпись И.Эренбурга)

№ 10

ОСОБЫЙ КОНТРОЛЬ

СЕКРЕТНО

экз. № 1

В ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА УССР

ПРОТЕСТ

(в порядке надзора)

по делу КИПНИСА И.Н.

25 января 1950 года по постановлению Особого совещания при МГБ СССР,

КИПНИС Исаак Нухимович, 1894 г. рождения, уроженец местечка Словечно, Словечанского района Житомирской области, еврей, с низшим образованием, беспартийный, ранее не судим, в момент ареста член Союза советских писателей Украины,

осужден к 10 годам лишения свободы за проведение антисоветской националистической агитации.

Кипнис обвинялся в том, что, будучи еврейским писателем, в своих произведениях разжигал национальную рознь между еврейским и украинским народом, возводил клевету на колхозный строй. Кроме того, среди своего окружения клеветал на руководителей ВКП(б) и Советского правительства, осуждал советскую национальную политику.

Считая осуждение Кипниса необоснованным, Прокуратурой СССР 26 октября 1956 года был внесен протест в Судебную Коллегию Верховного суда УССР на предмет прекращения дела.

30 декабря 1956 года Судебная Коллегия Верховного суда УССР протест Прокуратуры отклонила.

Определение Судебной коллегии Верховного суда УССР от 30/XII-1956 г. не может быть признано правильным по следующим мотивам:

Из определения видно, что показания Кипниса на предварительном следствии использованы Судебной Коллегией как основной доказательственный материал для его обвинения. Кипнис на предварительном следствии показал, что его литературные труды «Месяцы и дни» (1926 г.), «Без

хитрости, без расчета» (1947 г.) и незаконченная и необработанная рукопись книги «Тоска по детству, по дому» являются националистическими. Вместе с тем он показал, что в 1936 году он исключался из Союза советских писателей за его ошибки в рассказе «Фарвос».

В своих же многочисленных заявлениях после осуждения Кипнис категорически отказался от своих показаний и заявил, что дал их в результате неправильного следствия, (л.д. 368).

Вместе с тем он как на предварительном следствии, так и в своих заявлениях указывал, что его первая работа «Месяцы и дни», изданная в 1926 г., после критики ее недостатков была им переработана и издана в 1930 году в русском переводе, (л.д. 368).

Тем не менее, к делу приобщен экземпляр книги «Месяцы и дни» на еврейском языке издания 1926 года и вывод об антисоветском ее содержании делается на основании заключения экспертов Барабой, Феликмана и Либмана от 14/ХІІ-1955 г., которые, выхватывая отдельные цитаты книги, по-разному оценили их и составили в связи с этим два заключения на л.д. 321-338 и 339-356.

Независимо от этого обвинение Кипниса в 1950 году за издание книги «Месяцы и дни» в 1926 году, т.е. 24 года назад является неправильным, тем более, что он еще в те годы подвергался за это литературной критике и был наказан, (л.д. 230).

Ссылка Судебной Коллегии на то, что Кипнис в 1947 г. пытался издать книгу «Месяцы и дни» в США по делу не проверена и ничем не подтверждена. По этому поводу имеются в деле показания только самого Кипниса, который показал, что он систематически через Еврейский антифашистский комитет печатал свои произведения в США, после того, как они были опубликованы в Советском Союзе, и что в 1947 году он хотел послать в США для опубликования книгу «Месяцы и дни». Но какую книгу – исправленного ли издания 1930 года или издания 1926 года – в его показаниях не сказано.

Других же доказательств в подтверждение этого в деле нет.

Из полученной же из государственной библиотеки СССР имени В.И. Ленина фотокопии книги «Месяцы и дни», изданной на русском языке в Москве в 1930 году, видно, что книга действительно перерабатывалась Кипнисом и не имеет тех ошибок, на которые ему указывалось литературной критикой в 1926 году и тех мест, которые «признаны» экспертизой националистическими. Ссылка судебной коллегии на заключение экспертов в подтверждение того, что книга 1926 г. является националистической, вообще не правильна, ибо это по закону не входит в компетенцию экспертов. Судебная коллегия имела возможность ознакомиться с книгой непосредственно и дать ей политическую оценку.

В определении Судебной коллегии указано, что в 1935 году Кипнис в журнале «Октябрь» поместил свой рассказ «Фарвос», в котором возводил

клевету на колхозный строй. В подтверждение этого в деле нет никаких доказательств, а показания Кипниса на л.д. 101 о том, что он за этот рассказ в 1936 году исключался из Союза Советских писателей, а потом восстановлен — следствием не проверено, в деле по этому поводу нет никаких документов.

Из полученного же из Союза советских писателей перевода рассказа «Фарвос» (что значит в русском переводе «Почему» или второе его название «Вот эти-то не обманывают») видно, что в показаниях Кипниса на предварительном следствии, имеется самооговор, ибо клеветы на колхозный строй этот рассказ не содержит, а, наоборот, Кипнис в этом рассказе показывает преимущества коллективного хозяйства перед единоличным, (см. приобщенный к делу перевод).

В связи с этим и этот эпизод вменен в вину Кипнису неосновательно.

Тот факт, что Кипнис в 1947 году самовольно поместил в польской еврейской газете рассказ «Без хитрости, без расчета» по делу доказан.

Рассказ этот «признан» экспертизой националистическим, однако отдельным его местам три эксперта в двух заключениях дают разные оценки, (л.д. 329 и л.д. 347).

В определении Судебной Коллегии указано, что Кипнис в этом рассказе утверждает, что советские воины-евреи наряду с советскими орденами и медалями должны носить так называемый «Щит Давида», являющийся символом сионистов.

Об этом дословно Кипнис в рассказе говорит так: «Мне хочется, чтобы все евреи, которые проходят теперь твердым, победоносным шагом по берлинским улицам, носили на груди рядом с орденами и медалями также и маленький красивый щит Давида. Он (Гитлер) хотел его сделать знаком позора. Он хотел, чтобы все видели, что это еврей, преследуемый, оскорбляемый и оплеванный им. Поэтому хочется мне теперь, чтобы все видели, что я еврей и мое еврейское и человеческое достоинство между всеми свободлюбивыми гражданами ничем не ущемлено», (стр. 6-я перевода).

Вот это место в рассказе «Без хитрости, без расчета» экспертами с оговорками «признано» националистическим и также считаю неправильно оценено судебной коллегией.

В определении Судебной Коллегии указывается, что в 1946-1949 гг. Кипнис написал рукопись рассказа «Тоска по детству, по дому», в котором он с националистических позиций показал жизнь дореволюционного еврейского местечка, восхвалял религиозность и т.д.

По поводу этой рукописи Кипнис на предварительном следствии показал, что это черновой, неотработанный набросок рассказа далеко еще не окончанный.

Эксперты и по поводу этой рукописи дали различные заключения, в зависимости от фраз, которые каждый из них цитировал. Эксперты Бара-бой

и Феликман в заключении указали: «В своем рукописном неоконченном произведении «Тоска по детству, по дому» Кипнис отошел от националистической концепции расовой вражды и неоднократно подчеркивает свои симпатии к украинскому народу. Грубый натурализм его творческого метода здесь связан с национальной и местечковой ограниченностью» (л.д. 337-338).

Эксперт же Либман в своем отдельном заключении л.д. 356 дает этой рукописи другую оценку.

Однако, имея в виду, что это не законченный литературный труд, а лишь черновые записи будущего рассказа, следует прийти к выводу, что разбор его с указанной точки зрения является преждевременным, а использование его как доказательство обвинения Кипниса в контрреволюционной деятельности явно неправильным.

Обвинение Кипниса в распространении клеветнических измышлений на жизнь в Советском Союзе, как указано в определении Судебной Коллегии, подтверждено показаниями свидетелей Кундзича, Хаимской, Городецкой, Ильченко, женой, дочерью и сыном Кипниса.

Свидетель Хаимская не предварительном следствии была допрошена один раз и показаний, порочащих Кипниса, вообще не дала (л.д. 193-197).

Свидетель Кундзич — писатель, сосед по квартире, также не дал показаний о клеветнических измышлениях Кипниса на жизнь в Советском Союзе (л.д. 183-192), он дал отрицательную оценку ему как писателю. Очной ставки между свидетелем Кундзич и Кипнис не проводилось.

Свидетель Городецкая — домохозяйка, жена свидетеля Кундзича подтвердила показания последнего, хотя не уточнила из каких источников ей домохозяйке известно о литературных ошибках Кипниса в напечатанной им работе за границей.

Свидетель Ильченко — писатель — ничего об антисоветской деятельности Кипниса не показал (л.д. 210-214).

Жена, дочь и сын Кипниса также не дали показаний об антисоветских суждениях Кипниса. Тот спор, который произошел в семье в связи с выбором национальности сыном Кипниса, не образует состава контрреволюционного преступления.

Имея в виду изложенное, считаю, что обвинение Кипниса в проведении антисоветской агитации среди своего окружения материалами не доказано.

Вместе с тем, считаю совершенно неправильным осуждение Кипниса по ст. 58-10 УК за его ошибки в литературных произведениях, изданных в свое время советским государственным издательством.

Руководствуясь ст. 16 Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик,

ПРОШУ:

постановление Особого совещания при МГБ СССР от 25 января 1950 года и

определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 30 декабря 1956 г. в отношении Кипниса Исаака Нухимовича отменить, дело прекратить за отсутствием в его действиях состава преступления.

ПРИЛОЖЕНИЕ: дело № 314612 в 1-м томе, папка с вещественными доказательствами и фотокопией книги «Месяцы и дни» и перевод рассказа «Фарвос».

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СССР
Государственный Советник Юстиции
I класса (подпись) (Д.САЛИН)

31 мая 1957 года
№ 130к/2796-53/8721

№ 11

ПОСТАНОВА № 743н-57

м. Київ

21 червня 1957 року

ПРЕЗИДІЯ ВЕРХОВНОГО СУДУ УКРАЇНСЬКОЇ РСР

В складі головуєчого:

Заступника Голови Президії Верховного суду Української РСР тов. КУХАРЯ О.В.

Членів Президії т.т. АНТОНОВА М.Ф., ГЛУЩЕНКО Ю.І., ЄВСЕЄНКО Т.С., КУЗОВКША О.С., ЯКИМЕНКО О.Н. та ШЕВЧЕНКО Л.Я.

з участю Прокурора УРСР тов. ПАНАСЮКА Д.Х.

Розглянула кримінальну справу за протестом заступника Генерального прокурора Союзу РСР тов. Кудрявцева П.І. на постанову Особливої наради при МДБ СРСР від 25/1-1950 року, ухвалу Судової Колегії в кримінальних справах Верховного суду УРСР від 30/ХІІ-1956 року.

Постановою Особливої наради при МДБ СРСР від 25/1-1950 року КІПНІС Ісак Нухімович, 1894 року народження, уродженець м. Словечно, Словечанського району, Житомирської області, єврей, безпартійний, несудимий, одружений, член Спілки радянських письменників України, засуджений за ст. 54-10 ч. II КК УРСР на 10 років ув'язнення.

30/ХІІ-1956 року Судова колегія в кримінальних справах Верховного суду УРСР наглядний протест заступника Генерального прокурора Союзу РСР, в якому ставилося питання про скасування постанови Особливої

наради при МДБ СРСР від 25/1-1950 року та закриття переведенням справи Кіпніса, відхилила.

В протесті ставиться питання про закриття переведенням справи засудженого Кіпніса І.Н. за відсутністю в його діях складу злочину.

Заслухавши доповідь члена Верховного суду УРСР тов. Туболец, висновок прокурора УРСР тов. Панасюка Д.Х., який підтримує протест, та перевіривши матеріали справи, Президія Верховного суду УРСР вважає протест обґрунтованим і підлягаючим до задоволення по таких мотивах:

КІПНІСУ вмінялось в вину, що він, з'являючись єврейським письменником, в своїх творах «Месяцы и дни» 1926 року, «Без хитрости, без расчета» 1947 року, оповіданні «Фарвос» 1936 року та рукопису «Тоска по детству, по дому» 1946-1949 років, розпалював національну ворожнечу між єврейським і українським народом, зводив наклеп на колгоспне життя СРСР.

Серед свого кола ганьбив Радянську національну політику і зводив наклеп на керівників КППС та Радянського уряду.

Відхиляючи протест заступника Генерального прокурора СРСР, судова колегія в кримінальних справах Верховного суду УРСР в своїй ухвалі обґрунтувала доведеність вини Кіпніса його визнанням на попередньому слідстві та висновками експертизи.

Класти покази Кіпніса для обґрунтування його вини не було підстав, оскільки ці покази з'являються самооговором, бо здобуті слідством при багатьох його допитах вночі.

З матеріалів справи видно, що твір Кіпніса «Месяцы и дни» видання 1926 року, після його критики громадськістю, був ним перероблений та надрукований в 1930 році без помилок і зберігається в державних бібліотеках.

При такому положенні у Особливої наради МДБ СРСР і судової колегії Верховного суду УРСР не було підстав класти цей твір до обґрунтування вини Кіпніса.

З приєднаного до справи російського перекладу оповідання Кіпніса «Фарвос» видно, що в ньому засуджений показує перевагу колгоспного господарства перед одноосібним.

Покази Кіпніса на попередньому слідстві про цей твір з'являються самооговором, тому у судової колегії не було підстав покликатись на те, що в цьому творі Кіпніс зводив наклеп на колгоспне життя СРСР.

По справі доведено, що Кіпніс в 1947 році надрукував у Польській газеті своє оповідання «Без хитрости, без расчета» без дозволу Спілки

В Верховний суд УРСР

143/117

редакція рукопису
Київського Кіпніса
згодом у рукопису
Київ ул. Коцюбинська
23 кв. 63

Ось ми маємо нагороджені індивідуально
тільки самі тільки в Україні такі
престижні (нагороджені з усіх країн)
с розрешенням Верховного суду О. Кіпніса та В. Ф. Кіпніса

Київський Кіпніс
21/11-53

Київ Коцюбинська 23 кв. 63

Листом протеста

Без жодної солідарності на це,
в мене, як не свідка, уможовити
моє рукописи і листи.

Жодна редакція рукопису (21-11-53)
і есею протестів в жодній редакції
жодна редакція рукопису протестів
(редакція на мій лист) - жодна
на жодному, мій протестів
жодна жодна і жодна жодна жодна
жодна жодна жодна жодна

Лист І.Н.Кіпніса до
Верховного суду УРСР

письменників УРСР. Але висловлені в цьому оповіданні бажання Кіпніса про те, щоб євреї, йдучи по Берліну, під час перемоги над Німеччиною, носили на груді «Щит Давида» разом з орденами і медалями Союзу РСР, як доказ рівноправності зганьбленої Гітлером єврейської нації, розцінене судовою колегією як антирадянське, не утримує складу злочину.

Посилання судової колегії при обґрунтуванні вини Кіпніса на те, що в 1946-1949 роках Кіпніс написав рукопис майбутнього оповідання «Тоска по детству, по дому», в якому він в націоналістичному дусі освітлював життя дореволюційного єврейського містечка, вихваляв релігійність, з'являється невірним, оскільки це оповідання не закінчене і не оброблене.

Крім того, з висновку експертизи видно, що в цьому, хоча і не закінченому оповіданні, Кіпніс з глибокою симпатією розкривав образи українських селян, багато разів підкреслював їх моральну чистоту.

З матеріалів справи видно, що Кіпніс, як письменник, має дуже обмежений кругозір і в своїй творчості допускав багато великих помилок, але виправити їх не міг завдяки своїй обмеженості.

Посилання судової колегії Верховного суду УРСР на покази свідків Кіпніс В.Ф., Кундзича А.А., Хаїмської Д.Н., Кіпніс Б.І., Городецької К.А., Ільченко А.Є, як на докази вини Кіпніса в тому, що він зводив наклепи на керівників КПРС і Радянського уряду та ганьбив національну політику Радянського Союзу, є безпідставним, оскільки ці свідки на попередньому слідстві про такі дії Кіпніса не розповідали.

На підставі наведеного і погоджуючись з протестом заступника Генерального прокурора Союзу РСР, Президія Верховного суду УРСР, керуючись Указом Президії Верховної Ради СРСР від 14/VIII-1954 року,

ПОСТАНОВИЛА:

Постанову Особливої наради при МДБ СРСР від 25/1-1950 року, ухвалу судової колегії в кримінальних справах Верховного суду УРСР від 30/XII-

1956 року відносно Кіпніса Ісака Нухімовича скасувати, а справу переведенням закрити за відсутністю в його діях складу злочину.

ГОЛОВУЮЧИЙ

(підпис)

О.КУХАР

ДОКУМЕНТИ З АРХІВНОЇ КРИМІНАЛЬНОЇ СПРАВИ Ю. ЛОЙЦКЕРА

ДА СБУ, КИЇВ, СПРАВА 37408-ФП, Т.Т. 1, 2

№ 1

Международное еврейское
культурное общество
Нью-Йорк
Ежемесячный журнал
«Еврейская культура»
Редактор — НАХМАН Майзиль
24.1X-45 г.

Перевод с еврейского

В Еврейский Кабинет
при Академии Наук в Киеве

В газете «Морген-Фрайгайт» мы прочли Ваш зов об оказании вам помощи в восстановлении вашей еврейской библиотеки. Мы готовы вам помочь, но для этого нужно было бы лучше организовать отправку книг для того, чтобы мы были уверены, что книги будут получены Вами. Мы можем вам посылать не только наши издания, а можем также собрать у различных людей, древнееврейском и других языках. Было бы хорошо, если бы мы получили от Вас подробное письмо о том, в чем вы нуждаетесь.

Вы также должны связаться со здешним консульством, или с организацией, которая посылает и получает книги из Америки, которая находится в Москве, и тогда мы могли бы посылать Вам большое количество книг, журналов и ценных изданий.

Просто посылать пакеты по почте не так легко. Принимаются посылки весом не свыше в 4 фунта, а каждый фунт стоит 12 центов, однако мы не знаем, прибывают ли точно эти посылки к Вам. Пока мы послали вам несколько пакетов и в ближайшее время пошлем еще и еще, но это мелочи, мы хотели бы помочь вам в большом количестве.

Если вы получите дубликаты, было бы целесообразно пересылать их в другие города, которые нуждаются в еврейских книгах, как Одесса, Бердичев и др.

Для того, чтобы мы могли развернуть большую кампанию для вас, мы должны получить необходимые сведения от вас.

Письмо пишет вам киевлянин Нахман МАЙЗИЛЬ. Я особенно счастлив участвовать в оказании помощи моему родному городу.

Привет старым товарищам и друзьям — т. Спиваку, который сделал первые шаги для меня, а также всем остальным.

Сообщайте нам почаще ваши новости и посылайте нам Ваши издания.

С товарищеским приветом.
Ваш Нахман МАЙЗИЛЬ.

17.I-49 г.
Перевела — ТУМИМ (*подпись*)

№ 2

5 апреля 1947 года
№ 94

Копия

Перевод с еврейского

«Дорогой товарищ НОВИК!

Еще в ноябре прошлого года я Вам согласно обещанию переслал в Москву в адрес антифашистского комитета, информацию о кабинете еврейской культуры на 7-ми печатных листах, – получили ли Вы и как Вы думаете это использовать.

Я читал Вашу книгу «История Советского Союза», «Очерки о Киеве». Очень интересно и сердечно написано. Теперь я обращаюсь к Вам с просьбой. Мы нуждаемся в американском издании «Ива», «Еврейский язык», начиная с 1940 г., особенно нас интересуют специальные сборники Переца.

Если есть возможность, то пришлите для кабинета по одному экземпляру мне и СПИВАКУ.

Как обстоит дело с линотипами и другими приспособлениями для печатания для нас?

Что слышно насчет того, чтобы отпечатать у Вас, что-нибудь из наших работ?

Большое Вам спасибо заранее, за все Ваши труды.

Мы с нетерпением ожидаем Вашего ответа.

Привет Вам от СПИВАКА (ему до сих пор жаль, что не было в Киеве, в то время, когда Вы нас посетили) и от всех остальных наших товарищей.

С приветом и сердечной дружбой,
Ваш ЛОЙЦКЕР

П.С. Я разрешаю себе напомнить Вам о нашей просьбе, – если возможно, достать для нас переводы ШОЛОМ-АЛЕЙХЕМА на английском языке...»

Перевела ВОДОТЕЙСКАЯ
Верно: (*подпись*)
10 марта 1949 года

№ 3

...ноября 1947 г.

Копия

Американско-еврейскому обществу
восстановления России
Председателю Комитета Л. Левину
Директору-администратору Л. Гольдичу

Многоуважаемые гр-не!

Мы получили Ваше любезное письмо от 25/VI с.г. по поводу приобретенного типографского оборудования для восстановления разрушенной немецкими фашистами еврейской полиграфической базы на Украине.

Выражаем нашу глубокую благодарность Американско-еврейскому Комитету и объединяемым им членам за этот акт помощи, свидетельствующий о дружбе между нашими народами.

При этом посылаем Вам необходимую техническую информацию о размерах матриц, прокладок и проч.

С дружественным приветом

И.о. Директора Кабинета
еврейской культуры АН УССР

(Х.Б.ЛОЙЦКЕР)

№ 4

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО
ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Полковник *(подпись)* (КОМАРОВ)
2 ноября 1949 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о выделении материалов из следственного дела)

Гор. Москва, 1949 года, ноября 18 дня

Я, следователь Следчасти по особо важным делам МГБ СССР майор ЗАЙЦЕВ, рассмотрев материалы следственного дела № 2254 по обвинению ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а», 58-10 ч. I и 58-11 УК РСФСР, —

НАШЕЛ:

Показаниями арестованного ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича в проведении антисоветской националистической работы изобличаются:

ГОФШТЕЙН Д.Н. — еврейский писатель, бывш. член президиума Союза Советских писателей Украины; КАГАН А.Я. — еврейский писатель,

быв. член Союза советских писателей Украины; НУСИНОВ И.М. – быв. член Еврейского антифашистского комитета, профессор I Московского педагогического института; ДОБРУШИН – еврейский писатель, быв. член Еврейского антифашистского комитета; БЕРГЕЛЬСОН Д.Р. – еврейский писатель, быв. член Еврейского антифашистского комитета; КВИТКО Л.М. – еврейский поэт, бывш. зам. отв. секретаря Еврейского антифашистского комитета; МАРКИШ П.Д. – еврейский поэт, быв. член Еврейского антифашистского комитета; СПИВАК Э.Г. – быв. директор Кабинета еврейской культуры при Академии наук УССР; ФЕФЕР И.С. – еврейский поэт, бывш. ответственный секретарь Еврейского антифашистского комитета; ЭПШТЕЙН А.Б. – бывш. ответственный секретарь Еврейского антифашистского комитета; ГОЛЬДБЕРГ Бенциан – еврей, подданный США, один из редакторов еврейской буржуазной газеты «Дер Тог»; ЛЕВ И.Я. – инженер з-да № 850, проживает в Ленинграде; БАЛЯСНАЯ Р.Н. – поэтесса, член союза Советских писателей Украины; ТОКАРЬ Х.Б. – быв. корреспондент газеты «Эйникайт» на Украине; КИПНИС И.Н. – еврейский писатель; ШТУТМАН М.М. – быв. библиотекарь Кабинета еврейской

Фотографії Х.Б. Лойцкера з архівної кримінальної справи 37408-ФП, що зберігається у Державному архіві Служби безпеки України

культури при Академии Наук УССР; члены Союза советских писателей Украины – БУХБИНДЕР И.Ш., ТАЛАЛАЕВСКИЙ М.М., ПОЛЯНКЕР Г.И., ЗАБАРА Н.И., ВОЛКЕНШТЕЙН Д.И., ТАБАЧНИКОВ Х.Х., ФАЛИКМАН Г.Ш., ЧЕРНЯВСКИЙ Ш.Б., ХАЙКИНА Дора; бывшие еврейские учителя в Киеве – БОРОДЯНСКИЙ Яков, ГОТЕРМАН Соломон, ГЛУЗБЕРГ Моисей; быв. артистка Киевского еврейского театра ВИНЬЯР Н.А.; бывш. сотрудники Кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР – БЕРЕГОВСКИЙ М.И., МАЙДАНСКИЙ М.Я., МИЖИРИЦКИЙ, КАНШАРГОРОДСКАЯ Х.А., ВЕЛЕДНИЦКИЙ А.М., ЛЕРНЕР Р.Я.,

ОЙСЛЕНДЕР Н.Е.; еврейские писатели – Ноях ЛУРЬЕ и ПИНЧЕВСКИЙ М.Я.

Руководствуясь ст. 117 УПК РСФСР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Следственные материалы на всех перечисленных выше лиц из настоящего следственного дела выделить и направить;

а) в отношении арестованных ГОФШТЕЙНА, КАГАН, НУСИНОВА, БЕРГЕЛЬСОНА, КВИТКО, МАРКИША, СПИВАК, ФЕФЕРА и ДОБРУШИНА — для приобщения к их следственным делам.

б) в отношении остальных лиц, в соответствующие органы МГБ для оперативного использования.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР

Майор

(подпись)

(ЗАЙЦЕВ)

СОГЛАСЕН: ПОМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР

Полковник

(подпись)

(ГЕРАСИМОВ)

№ 5

ел.6

По следственному делу № 2254

"УТВЕРЖДАЮ"
ЗАМ. МИНИСТРА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ СССР
Генерал-лейтенант (подпись)
(БЛИНОВ)

19 декабря 1949 года

*Обвинительное заключение –
утверждаю. С предложением о
мере наказания – согласен.
Военный Прокурор войск МВД
СССР генерал-майор юстиции
(подпись) 30.XII.49*

ОБВИНИТЕЛЬНОЕ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по обвинению ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича
в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-
1а, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

5 марта 1949 года МГБ УССР за антисоветскую деятельность был арестован зав. литературным отделом Кабинета еврейской культуры Академии Наук УССР — ЛОЙЦКЕР Хаим Беркович.

Следствием по делу установлено, что ЛОЙЦКЕР, будучи убежденным еврейским националистом, до последнего времени занимался организованной вражеской деятельностью против советской власти.

Еще в 1916 году ЛОЙЦКЕР, являясь членом буржуазно-националистической организации «Младосионисты», активно боролся против влияния большевиков на еврейские массы.

В 1917 году, находясь на Украине в местечке Канев, он выступал про-

тив поддержки революционного восстания и установления под руководством большевиков советской власти, (л.д. 47-48).

В последующем, работая на протяжении ряда лет воспитателем и учителем еврейских детских школ на Украине и будучи враждебно настроен к советской власти, ЛОЙЦКЕР прививал еврейской молодежи националистические взгляды (л.д. 49).

В 1930 году ЛОЙЦКЕР установил преступную связь с еврейскими националистами, пробравшимися в Институт еврейской культуры в Киеве и вместе с ними проводил вражескую националистическую работу.

После того, как в 1936 году Киевский институт еврейской культуры был закрыт, а возглавлявшие его лица арестованы за вражескую деятельность, ЛОЙЦКЕР с оставшимися на свободе еврейскими националистами СПИВАКОМ, ГОФШТЕЙНОМ и другими обосновался в Кабинете еврейской культуры при Академии Наук УССР, где продолжал антисоветскую деятельность.

Через еврейскую печать и в своих выступлениях на организуемых Кабинетом еврейской культуры вечерах ЛОЙЦКЕР вел пропаганду националистических взглядов, одурманивая еврейское население буржуазно-националистической идеологией и отчуждая его от советской власти (л.д. 52-57, 200-201, 266).

В начале Отечественной войны ЛОЙЦКЕР связался по преступной работе с засевавшими в Еврейском антифашистском комитете ярыми националистами – МИХОЭЛСОМ, ЭПШТЕЙНОМ и ФЕФЕРОМ, которые наводнили комитет своими единомышленниками, и, превратив его в антисоветскую организацию, проводили вражескую деятельность против партии и советского правительства.

По заданию главарей Еврейского антифашистского комитета МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА, ЛОЙЦКЕР со своими сообщниками СПИВАКОМ, ГОФШТЕЙНОМ и КАГАНОМ восстановили в 1944 году деятельность Кабинета еврейской культуры в Киеве и прикрываясь его вывеской, развернули националистическую работу среди евреев, создав вокруг себя так называемый «культактив» из числа еврейских писателей, учителей и других националистически настроенных лиц (л.д. 58-61; 66-68; 109-111; 193; 216; 243-244; 275).

С помощью «культактива» ЛОЙЦКЕР на протяжении 1944-1948 г.г. систематически организовывал еврейские вечера при Кабинете еврейской культуры, а также в клубах промышленных предприятий г. Киева, которые проводились в духе разжигания националистических чувств у еврейского населения (л.д. 74-78; 112-119; 247; 252; 288-291).

Наряду с этим, в 1945 году ЛОЙЦКЕР установил связь с буржуазно-националистическими еврейскими организациями США, от которых в течение ряда лет получал враждебную Советскому Союзу литературу и в свою очередь вместе со СПИВАКОМ, КАГАНОМ и другими направлял в

Америку шпионскую информацию об Украине и материалы о работе Кабинета еврейской культуры (л.д. 68; 84; 146-147; 189-190; 239; 280-281).

В 1946 году ЛОЙЦКЕР встречался в Киеве с приезжавшими в СССР американцами ГОЛЬДБЕРГОМ и НОВИКОМ, которых лично снабдил сведениями о деятельности Кабинета еврейской культуры и данными о проводимой националистической работе на Украине (л.д. 68-73; 143-145; 285-286).

Будучи допрошен в качестве обвиняемого, ЛОЙЦКЕР виновным себя в предъявленном ему обвинении признал и, кроме того, в проведении вражеской деятельности изобличается показаниями арестованных ГОФШТЕЙНА Д.Н., КАГАНА А.Я., СПИВАКА Э.Г., очной ставкой с последним, а также другими материалами, приобщенными к делу (л.д. 27-29; 47-85; 157; 197; 242; 260; 302; 319)

На основании имеющихся материалов ОБВИНЯЕТСЯ:

ЛОЙЦКЕР Хаим Беркович, 1898 года рождения, уроженец г. Канева, Киевской области, сын владельца обувной мастерской, еврей, гражданин СССР, член ВКП(б) с 1945 года. До ареста – зав. литературным отделом Кабинета еврейской культуры Академии Наук УССР, —

в том, что:

являясь врагом советской власти, на протяжении ряда лет группировал вокруг себя еврейских националистов, вместе с которыми проводил активную подрывную работу против партии и советского правительства. Кроме того, поддерживал преступную связь с иностранцами, которым передавал шпионские сведения о Советском Союзе, то есть в совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 58-1а, 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.

Руководствуясь ст. 208 УПК РСФСР, следственное дело № 2254 по обвинению ЛОЙЦКЕРА направить на рассмотрение Особого Совещания при Министре Государственной Безопасности Союза ССР.

Мера наказания ЛОЙЦКЕРУ Хаиму Берковичу предлагается 15 лет ИТЛ.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Майор (подпись) (ЗАЙЦЕВ)

СОГЛАСЕН: ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДЧАСТИ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Полковник (подпись) (КОМАРОВ)

СПРАВКА: 1. Обвиняемый ЛОЙЦКЕР Х.Б. содержится под стражей во
Внутренней тюрьме МГБ СССР.
2. Вещественных доказательств по делу нет.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Майор (подпись) (ЗАЙЦЕВ)

№ 6

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. НАЧ. СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО
ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Полковник (подпись) (КОМАРОВ)
21 декабря 1949 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
(о направлении в особый лагерь)

г. Москва, 1949 года, декабря 19 дня

Я, следователь Следчасти по особо важным делам МГБ СССР майор ЗАЙЦЕВ, рассмотрев материалы следственного дела № 2254 по обвинению ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича, 1898 года рождения, уроженца г. Канева, Киевской области, из семьи владельца обувной мастерской, гр-на СССР, еврея, члена ВКП(б) с 1945 года, с высшим образованием, работавшего до ареста зав. литературным отделом кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР, —

НАШЕЛ:

ЛОЙЦКЕР Х.Б., являясь врагом советской власти, на протяжении ряда лет занимался организованной антисоветской националистической деятельностью. Кроме того, имел шпионскую связь с американцами, т.е. совершил преступления, предусмотренные ст.ст. 58-1 «а», 58-10 ч. I и 58-11 УК РСФСР.

Учитывая тяжесть совершенного преступления, —

ПОСТАНОВИЛ:

После осуждения ЛОЙЦКЕРА Х.Б. направить для отбытия наказания в особый лагерь МВД СССР.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Майор (подпись) (ЗАЙЦЕВ)

Согласен: ПОМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДЧАСТИ
ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МГБ СССР
Полковник (подпись) (ГЕРАСИМОВ)

№ 7

Выписка из протокола № 3

Особого Совещания при Министре
Государственной Безопасности Союза ССР

зн. 5

от 25 января 1950 г.

СЛУШАЛИ	ПОСТАНОВИЛИ
<p>6: Дело № 2254 Следчасти по Особо Важным делам МГБ СССР по обвинению ЛОЙЦКЕР Хаима Берковича, 1898 г.р., ур. г. Канева, Киевской обл., из семьи владельца обувной мастерской, еврея, гр. СССР, беспартийного (быв. чл. ВКП(б)).</p> <p>Обвин. по ст. 58-1 «а», 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР.</p>	<p>ЛОЙЦКЕР Хаима Берковича, за антисоветскую националистическую деятельность и передачу шпионских сведений американцам заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на ПЯТНАДЦАТЬ лет, считая срок с 5 марта 1949 г.</p>

Нач. Секретариата Особого Совещания (подпись)

№ 8

Исп.вх.2/016987

СЕКРЕТНО
экз. № 1

ПРОКУРАТУРА
Союза Советских
Социалистических Республик
ГЛАВНЫЙ ВОЕННЫЙ ПРОКУРОР
... июля 1953 г.
№ 2/4-28404-49
г. Москва, ул. Кирова, 41

ЗАМЕСТИТЕЛЮ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ
ДЕЛ СОЮЗА ССР — ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИКУ
тов. СЕРОВУ И.А.

Постановлением Особого Совещания при МГБ СССР от 25 января 1950 года за антисоветскую националистическую и шпионскую деятельность осужден к заключению в ИТЛ сроком на 15 лет – ЛОЙЦКЕР Хаим Беркович, 1898 года рождения, гражданин СССР, еврей, член КПСС с 1945 года.

Из материалов дела видно, что ЛОЙЦКЕР осужден по обвинению в националистической антисоветской деятельности, проводимой им в период работы в кабинете еврейской культуры при Академии наук УССР с 1936 года, а затем в период Отечественной войны. ЛОЙЦКЕР, установив связь с работниками еврейского антифашистского комитета МИХОЭЛСОМ, ЭПШТЕЙНОМ и ФЕФЕРОМ, которых ЛОЙЦКЕР считает националистами, по их заданию в 1944 году развернул свою националистическую деятельность в указанном кабинете еврейской культуры.

В процессе следствия ЛОЙЦКЕР виновным себя признал.

В жалобах, адресованных Генеральному прокурору СССР, ЛОЙЦКЕР,

отрицая свою вину в антисоветской националистической и шпионской деятельности, указывает, что следствие по его делу проведено следователем следственной части по особо важным делам МГБ СССР МАКАРОВЫМ, с участием РЮМИНА необъективно, что в результате изнурительных ночных допросов и применения методов запугивания и угроз он, ЛОЙЦКЕР, был вынужден дать вымышленные показания о признании себя виновным в несовершенном преступлении.

Исходя из обстоятельств дела, характера предъявленного ЛОЙЦКЕР обвинения, прошу Вас дать указания о производстве проверки собранных по делу доказательств и приводимых в жалобах ЛОЙЦКЕР доводов о незаконных методах следствия по его делу.

ПРИЛОЖЕНИЕ: 2 жалобы ЛОЙЦКЕР на 3 листах и архивно-следств. дело по его обвинению в 1 томе на 362 листах от н/вх 2/0015189 и 2/016987 — адресату.

ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ ЮСТИЦИИ

(подпись)

А.ВАВИЛОВ

г. Сорокину Г.А.

Прошу дать заключение по делу ЛОЙЦКЕРА (подпись) 18.VII-53 г.

№ 9

2/016987

Генеральному Прокурору СССР

з/к Лойцкера Ефима (Хаима) Берковича,

л/д СЮ-226, рожд. 1898, ст. 58-1а, 10, 11, ср.15 л.
ИТЛ, нач. ср. 5/III-1949 г.

5-ое лаготделение Степлага п/я 392/5

Заявление

Как мне стало известно из передовой «Правды» от 5 апреля с/г., разоблачен б. Зам. Министра МГБ Рюмин как авантюрист и вредитель.

В дополнение к моей жалобе от 4 с/м довожу до Вашего сведения, что означенный Рюмин, будучи ст. следователем по особо важным делам, в марте-июне 1949 г. вел следствие по моему «делу». Это он сфабриковал мне обвинительное заключение, это он шантажом, угрозами и лишением сна заставлял писать угодные ему «показания», которые он еще «усиливал» своей собственной редакцией, заставлял меня подписывать совершенно ложные «показания» вроде того, что Председатель Антифашистского евр. комитета МИХОЭЛС якобы поручил мне поехать на Украину «проводить там антисоветскую работу» и т.п.

После разоблачения Рюмина и реабилитации Нар. арт. СССР

С.М.Михоэлса становится особенно ясной полная несостоятельность возведенных на меня обвинений и вопиющая незаконность наказания, которому меня подвергли.

Еще раз прошу освободить меня от дальнейшего отбывания наказания и полностью меня реабилитировать.

29.IV-1953

(подпись Лойцкера)

При сем прилагаю копию моей жалобы от 4 апреля 1953 г.

№ 10

2/016987

Генеральному Прокурору СССР
з/к Лойцкера Ефима (Хаима) Берковича,
л/д СЮ-226, рожд. 1898 р., кандидат фил.
наук
Ст. 58-1а, 10, 11, ср.15 лет ИТЛ, нач. ср.
5/Ш-1949 г.
5-ое лаготделение Степлага, п/я 392/5

Жалоба

Уже свыше 4-х лет томлюсь в заключении, несмотря на то, что никаких преступлений против Советского государства я никогда не совершал.

Вся моя «вина» состоит в том, что, осуществляя национальную политику Советской власти, я работал в области советской еврейской культуры, да еще в том, что, состоя ученым секретарем и ст. научным сотрудником б. Кабинета евр. культуры Украинской Академии наук, во время войны и в послевоенные годы был связан с Антифашистским еврейским Комитетом СССР, с его председателем С.М.Михоэлсом писал статьи о еврейской литературе и некоторые из них посылал через Антифаш. евр. Комитет в антифашистскую просоветскую печать за границу.

Сильным давлением следователей Рюмина и Меркулова, угрозами, шантажом, лишением сна, также рукоприкладством (Меркулов) меня, сбитого с толку, изнуренного и доведенного до протрации бесконечными ночными допросами (подчас сопровождавшимися глумлением и антисемитскими выпадами) заставили подписать раньше обвинительное заключение, а затем какие-то протоколы, содержавшие много небылиц, извращения фактов, чудовищные вымыслы, вроде «антисоветских разговоров» (никогда у меня не существовавших) или наличия, якобы, в моих учебниках и статьях «антисоветских» националистических моментов, без ссылки хотя бы на один такой момент (а на самом деле в моих работах,

проходивших всегда ряд фильтров, никаких националистических извращений не было обнаружено; наоборот, все мои труды прямо или косвенно были утверждением советского патриотизма, проникнуты борьбой против буржуазного национализма, что очень легко установить, ознакомившись с содержанием этих работ); или же, напр., такой вымысел: на встрече с Михоэлсом последний, якобы, «дал директивы» мне и члену-корреспонденту АН УССР Спиваку «проводить на Украине антисоветскую подрывную (или «вражескую» – точно не помню) работу»(!): на самом деле никаких директив Михоэлс нам не давал и давать не мог, и т.д. и т.п.

4/3196

№ 11

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. МИНИСТРА
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР
Генерал-Полковник (подпись) (И.СЕРОВ)
4 августа 1953 года

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

по архивно-следственному делу № 2882 на ЛОЙЦКЕРА Х.Б.

Гор. Москва, 1953 года, августа 4 дня.

Я, пом. начальника Следчасти по особо важным делам МВД СССР, полковник СОРОКИН в связи с заявлением ЛОЙЦКЕРА Х.Б. о пересмотре его дела, рассмотрев архивно-следственное дело № 2882 на ЛОЙЦКЕРА Хаима Борисовича, 1898 года рождения, уроженца г. Канева, Киевской области, гр-на СССР, бывшего члена КПСС с 1945 года, еврея, с высшим литературным образованием, кандидата филологических наук, бывшего ученого секретаря Кабинета еврейской культуры при Академии наук СССР, осужденного 25 января 1950 года Особым совещанием МВД СССР по ст.ст. 58-1«а», 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР к 15 годам заключения в исправительно-трудовой лагерь, —

НАШЕЛ:

ЛОЙЦКЕР Х.Б. был арестован 4 марта 1949 года МГБ Украинской ССР как активный буржуазный националист, проводивший вражескую работу против Советского государства.

В середине марта того же 1949 года ЛОЙЦКЕР был этапирован из Киева в МГБ СССР и на первых же допросах сознался в совершенных им преступлениях.

18 марта 1953 года он показал:

«Признаю себя виновным в том, что, являясь научным сотрудником

Кабинета еврейской культуры Академии наук СССР, я поддерживал преступную связь с еврейскими националистами и многие годы вел враждебную деятельность, направленную на подрыв национальной политики партии и Советского правительства...

...Кроме того, под прикрытием кабинета еврейской культуры, я вел переписку с буржуазными еврейскими организациями и издательствами Америки и направлял туда свои националистические статьи».

На последующем допросе у другого следователя ЛОЙЦКЕР, будучи изблещен показаниями арестованных своих сообщников по вражеской работе еврейского поэта ГОФШТЕЙНА, еврейского писателя КАГАНА, директора Кабинета еврейской культуры Академии наук УССР СПИВАКА и изъятыми при обыске документами, 25 июля 1949 года показал:

«В 1916 году в Каневе я вступил в молодежную буржуазно-националистическую организацию «Младосионисты», которая активно проводила контрреволюционную деятельность.

Борясь против влияния большевиков на еврейские массы, мы, участники этой организации, объявляли надвигающуюся в России революцию «чумой» для еврейского народа и призывали евреев к «бесклассовому объединению».

«... Когда до нашего местечка дошли известия об Октябрьском восстании и захвате власти пролетариатом, я был среди тех, которые выступали против поддержки революционного восстания и установившейся под руководством большевиков советской власти.

В период гражданской войны я вместе с моими сообщниками по сионистской организации продолжал вести среди местного населения буржуазно-националистическую пропаганду.

... До 1926 года я работал воспитателем и учителем в еврейских детских домах и еврейских школах на Киевщине, где всячески стремился привить молодежи националистические настроения, пользуясь в своей «воспитательной» работе националистическими книгами, написанными СПИВАКОМ.

... В силу своих враждебных побуждений мы проводили воспитание молодежи изолированно, в сугубо националистическом духе и в полном отрыве еврейских учащихся от других национальностей».

О своей подрывной деятельности на Украине в 30-х годах ЛОЙЦКЕР показал, что, возвратившись в Киев, он связался с враждебными элементами из числа изменников Родины, сионистов и бундовцев, группировавшихся в т.н. Институте еврейской культуры, вместе с которыми проводил националистическую работу.

«Органам советской власти стало ясно, что институт еврейской культуры превратился во враждебную организацию и поэтому летом 1936 года он был закрыт, а главные руководители института ЛИБЕРБЕРГ, ЛЕВИТАН... — арестованы.

После этого я, СПИВАК, ГОФШТЕЙН и ФЕФЕР растерялись и притихли, но вскоре у нас появилась надежда на возможность продолжения националистической работы среди евреев, так как при Академии наук УССР был создан Кабинет еврейской культуры, директором которого в 1937 году удалось устроиться нашему единомышленнику СПИВАКУ».

О том, как ЛОЙЦКЕР и его единомышленники восприняли создание Еврейского антифашистского комитета и как они активизировали свою националистическую деятельность, заседав в Кабинете еврейской культуры при Академии наук УССР, он показал:

«Я, СПИВАК и ГОФШТЕЙН решили тогда, что в связи с созданием Еврейского антифашистского комитета и газеты «Эйникайт» у нас открываются большие возможности для развертывания... широкой националистической деятельности среди евреев, проживающих в СССР.

Вскоре я связался с МИХОЭЛСОМ и ЭПШТЕЙНОМ и по их заданиям стал писать националистического характера статьи о еврейской литературе для отправки в Америку и для газеты «Эйникайт», которая была превращена руководящей верхушкой Комитета в трибуну еврейской националистической пропаганды».

Далее ЛОЙЦКЕР показал:

«Как говорили ФЕФЕР и МИХОЭЛС, они добились сближения и взаимопонимания с еврейскими кругами в США и заручились их поддержкой в проведении националистической работы в Советском Союзе.

От ФЕФЕРА и МИХОЭЛСА я узнал также, что американские еврейские лидеры потребовали, чтобы евреи, проживающие в СССР, завязывали тесный контакт с еврейскими землячествами Америки...

После этого в деятельности Еврейского антифашистского комитета стало заметно чувствоваться американское влияние. В Америку широким потоком потекли из Комитета статьи тенденциозно националистического характера и информационные материалы о внутреннем положении Советского Союза...

... В ноябре 1944 года я и СПИВАК вместе с нашими сообщниками КАГАНОМ и ГОФШТЕЙНОМ выехали из Москвы в Киев и по указанию МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА развернули антисоветскую националистическую работу среди еврейского населения Украины.

Не скрою, что в своей антисоветской деятельности мы ориентировались на Америку и по указанию главарей Еврейского антифашистского комитета в 1945 году установили непосредственный контакт с еврейскими организациями СТА.

Я и СПИВАК до последнего времени были связаны с американским еврейским союзом «ИКУФ», с редакцией журнала «Эйникайт» и Нью-Йоркской газетой «Морген Фрайгайт», а ГОФШТЕЙНУ, кроме того, удалось установить тесную связь с Коростышевским землячеством в США, откуда он получал много писем и посылок».

Оценивая в конце своих показаний всю свою деятельность в Кабинете еврейской культуры, ЛОЙЦКЕР показал:

«СПИВАК, я, ГОФШТЕЙН и КАГАН для националистической деятельности прежде всего использовали Кабинет еврейской культуры, под прикрытием которого вели борьбу против национальной политики партии и Советского правительства».

Единомышленники ЛОЙЦКЕР, СПИВАК, ГОФШТЕЙН и КАГАН полностью подтвердили на следствии его показания о совместно проводимой ими вражеской деятельности и сотрудничестве с реакционными кругами США.

23 июля 1949 года дело ЛОЙЦКЕРА принял к своему производству третий следователь, на допросах у которого ЛОЙЦКЕР уточнял свои показания о проводимой им вражеской работе на Украине и назвал новых своих сообщников.

10 октября 1949 года ЛОЙЦКЕР показал:

«МИХОЭЛС, как это выяснилось из беседы с ним... категорически был против, чтобы я и СПИВАК оставались на работе в Москве, и настаивал на нашей поездке на Украину с целью развертывания там националистической работы среди еврейского населения...

Выполняя указания ... МИХОЭЛСА, ФЕФЕРА и ЭПШТЕЙНА, я и СПИВАК вместе с еврейскими писателями-националистами КАГАНОМ и ГОФШТЕЙНОМ выехали в Киев. Под руководством СПИВАКА... нам удалось значительно активизировать националистическую работу среди еврейского населения Украины...

СПИВАК и я всячески стремились обособить еврейское население и помешать естественному процессу ассимиляции, происходившему в еврейской среде».

Будучи допрошен прокурором, ЛОЙЦКЕР 29 ноября 1949 года показал:

«Да, виновным я себя признаю и по существу предъявленного мне обвинения я следствию дал подробные показания, которые подтверждаю...

Признаю себя виновным в том, что я, будучи по убеждению националистом, имел связь с другими лицами, националистически настроенными, и в течение ряда лет проводил антисоветскую националистическую работу».

Эти свои показания ЛОЙЦКЕР также подтвердил на очной ставке с арестованным СПИВАКОМ.

13 июля 1953 года Главный Военный Прокурор направил в МВД СССР две жалобы ЛОЙЦКЕРА для производства проверки собранных по делу доказательств и фактов якобы незаконного ведения следствия по его делу.

В своих жалобах ЛОЙЦКЕР полностью отказался от данных им на следствии показаний и заявляет, что:

а) Ст. следователь РЮМИН в марте-июне 1949 года вел следствие по его делу и сфабриковал обвинительное заключение... Шантажом, угрозами и лишением сна заставлял писать угодные ему показания, которые усиливал своей собственной редакцией, и заставлял его подписывать совершенно ложные показания...

Это заявление ЛОЙЦКЕРА вызывает сомнение в его правдоподобности по следующим мотивам:

После доставления ЛОЙЦКЕРА из Киева для допросов в МГБ СССР старший следователь РЮМИН, как это видно по делу, заполнил с ним анкетные данные, а 18 марта 1949 года допросил в течение двух часов.

ЛОЙЦКЕР тогда не дал существенных показаний, которые были записаны всего лишь на неполных трех страницах протокола допроса, и поэтому не могут рассматриваться, как фальсифицированные. РЮМИН также не имел отношения к составлению обвинительного заключения по делу, поскольку в декабре 1949 года следствие по делу вел следователь Следчасти по особо важным делам МГБ СССР ЗАЙЦЕВ, который и составил обвинительное заключение.

б) Далее ЛОЙЦКЕР заявил, что сильным давлением следователей РЮМИНА и МЕРКУЛОВА, угрозами, шантажом и лишением сна его заставляли подписать какие-то протоколы, содержащие много небылиц, извращенных фактов, чудовищных вымыслов, вроде «антисоветских разговоров»...

Это утверждение ЛОЙЦКЕРА о фальсификации следователем МЕРКУЛОВЫМ его показаний также вызывает сомнение, ибо показания ЛОЙЦКЕРА подтверждаются показаниями его сообщников СПИВАКА, ГОФШТЕЙНА и КАГАНА.

Конкретизируя свое заявление, ЛОЙЦКЕР утверждает, что его показания о полученных от МИХОЭЛСА вражеских заданиях по проведению на Украине антисоветской работы являются вымышленными.

Однако его сообщник КАГАН об этом показал:

«По инициативе СПИВАКА и особенно ЛОЙЦКЕРА в Киеве возобновил свою деятельность еврейский комитет при Академии наук УССР, вокруг которого я, ГОФМАН... помогали СПИВАКУ и ЛОЙЦКЕРУ объединить еврейских националистов...»

По заданию МИХОЭЛСА и ФЕФЕРА возродить на Украине националистическую деятельность мы стали добиваться открытия существовавших до войны в Киеве еврейских культурных учреждений... с тем, чтобы под вывесками их можно было безнаказанно проводить преступную работу...».

И далее КАГАН показал:

«МИХОЭЛС и ФЕФЕР привезли в Советский Союз идею создания в Крыму еврейской республики и руководители еврейских кругов в Америке обещали поддержку в осуществлении этого плана... ФЕФЕР и ЭПШТЕЙН

говорили мне, что американские евреи имеют большое влияние на внешнюю политику правительства США, через которое они окажут давление на Советский Союз в деле созданию еврейской республики в Крыму.

Все мы, еврейские националисты, хорошо понимали, что Крым интересуется американцев не менее нас и, строя на этом расчеты, всячески смаковали возможности осуществления своих долгожданных чаяний.

Дело дошло даже до того, что еврейские националисты уже начали делить между собой министерские портфели в будущем правительстве еврейской республики. ЭПШТЕЙН готовился стать премьер-министром, ФЕФЕР – министром иностранных дел, а член Комитета врач Боткинской больницы ШИМЕЛИОВИЧ – министром здравоохранения».

Аналогичные показания с приведением фактов, изобличающих ЛОЙЦКЕРА в подрывной антисоветской деятельности, дали его единомышленники по вражеской работе СПИВАК и ГОФШТЕЙН.

Следует также отметить, что с конца июня 1949 года следователь МЕРКУЛОВ не имел отношения к делу ЛОЙЦКЕРА. С июля вплоть до окончания дела в декабре 1949 года ЛОЙЦКЕРА допрашивали два других следователя. Причем на допросах у этих следователей в течение полугода, в том числе и на допросе у прокурора от 29 ноября 1949 года, ЛОЙЦКЕР никаких заявлений о несостоятельности его показаний или фальсификации следственного дела, а также допущенном якобы рукоприкладстве со стороны следователя МЕРКУЛОВА не сделал.

Отбывая в течение трех с половиной лет наказание в ИТЛ, ЛОЙЦКЕР, как это видно из дела, не подал вплоть до апреля 1953 года ни одной жалобы на незаконные действия следствия, что также вызывает сомнение в правдоподобности выдвинутых им в своих жалобах доводов.

в) В конце жалобы ЛОЙЦКЕР пишет, что он всегда осуществлял национальную политику советской власти и поэтому во время войны и в послевоенные годы был связан с Еврейским антифашистским комитетом в СССР, с его председателем МИХОЭЛСОМ, писал статьи и посылал их через комитет в антифашистскую просветительную печать за границу.

Это заявление ЛОЙЦКЕРА не требует каких-нибудь пояснений, так как оно соответствует его показаниям, которые он дал на предварительном следствии о вражеской связи с реакционными кругами Америки.

Таким образом, в результате произведенной проверки собранных по делу доказательств и приводимых в жалобах ЛОЙЦКЕРА доводов о незаконных методах ведения следствия по его делу, которые по истечении четырех лет можно проверить, следует считать его ходатайство о пересмотре дела необоснованным.

На основании всего вышеизложенного, —

ПОЛАГАЛ БЫ:

ЛОЙЦКЕРУ Х.Б. в ходатайстве о пересмотре его дела на предмет отмены решения Особого совещания МГБ по его делу и освобождения

ЛОЙЦКЕРА из-под стражи с полной реабилитацией — отказать, о чем сообщить Главному Военному прокурору и заявителю.

ПОМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МВД СССР
Полковник (подпись) (СОРОКИН)

СОГЛАСЕН: И.О.НАЧАЛЬНИКА СЛЕДЧАСТИ ПО ОСОБО ВАЖНЫМ ДЕЛАМ МВД СССР
Подполковник (подпись) (КОЗЫРЕВ)

№ 12

СЕКРЕТНО
экз. № 2

В ВОЕННУЮ КОЛЛЕГИЮ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР

ПРОТЕСТ

(в порядке надзора)

по делу ЛОЙЦКЕР Х.Б.

Решением Особого Совещания при МГБ СССР от 25 января 1950 года за антисоветскую националистическую деятельность и передачу шпионских сведений американцам по ст.ст. 58-1а, 58-10 часть 1 и 58-11 УК РСФСР осужден к 15 годам ИТЛ

ЛОЙЦКЕР Хаим Беркович, 1898 года рождения, еврей, гр-н СССР, в прошлом член КПСС с 1945 года, до ареста заведующий литературным отделом Кабинета еврейской культуры Академии Наук УССР.

ЛОЙЦКЕР на допросах признал, что, работая в должности заведующего литературным отделом Кабинета еврейской культуры Академии Наук УССР, «поддерживал преступную связь с еврейскими националистами и многие годы вел враждебную деятельность, направленную на подрыв национальной политики партии и Советского правительства», что в этих целях он, ЛОЙЦКЕР, организовывал литературные вечера, выступал с докладами, помещал в печати статьи по вопросам еврейского языка и литературы.

ЛОЙЦКЕР также показал, что он и СПИВАК (арестован по другому делу) были связаны с американским еврейским союзом «Икуф» и нью-йоркской газетой «Морген Фрайгат», что он и СПИВАК «направляли в Америку свои статьи... По заданию ФЕФЕРА и МИХОЭЛСА я и СПИВАК направляли в США подробные сведения о работе Кабинета еврейской культуры... В течение трех лет получали из Америки письма и буржуазно-националистическую литературу».

По рекомендации быв. еврейского антифашистского комитета ЛОЙЦКЕР и СПИВАК в 1946 году в помещении Академии Наук УССР

принимали прибывших из США представителей еврейских организаций ГОЛЬДБЕРГА и НОВИК, которых информировали о деятельности возглавляемого ими кабинета еврейской культуры.

Дело расследовано неполно.

Обвинение основано главным образом на личных признаниях ЛОЙЦКЕР, причем эти показания записаны в общей неконкретной форме. Каких-либо других доказательств, подтверждающих антисоветскую, националистическую и шпионскую деятельность ЛОЙЦКЕР, в деле нет.

Так, по материалам дела видно, что ЛОЙЦКЕР совместно с быв. директором Кабинета еврейской культуры СПИВАК вели в течение трех лет переписку с еврейскими организациями США, получали от этих организаций литературу. ЛОЙЦКЕР поместил в советской и американской печати ряд статей, посвященных вопросам еврейского языка и литературы, направил в США материал о работе Кабинета еврейской культуры.

Каким образом, с ведома каких органов или отдельных лиц ЛОЙЦКЕР и СПИВАК установили связь с еврейскими организациями и редакциями газет США, каков характер материалов, направленных и полученных ими из этой страны, каков характер статей, помещенных обвиняемым в советской печати — все эти вопросы по делу остались невыясненными.

Экспертизы на предмет установления, являлись ли все эти материалами по своему содержанию антисоветскими и направленными на подрыв национальной политики Советского Союза — по делу не проводилось.

Ряд важных обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого и подтверждающих его преступную деятельность, остались не расследованными.

Обвиняемый ЛОЙЦКЕР показал, что, работая до 1926 года «воспитателем и учителем в еврейских детских домах и школах, всячески стремился привить молодежи националистические настроения, пользуясь в своей работе националистическими книгами, написанными СПИВАКОМ».

В дальнейшем, находясь на научной работе (до 1936 г.), «я и СПИВАК издавали для еврейского населения журнал «Афн шпрахфронт», на страницах которого протаскивали националистические взгляды».

Заключений компетентных органов о том, что учебники, авторами которых являлись ЛОЙЦКЕР и СПИВАК, и издаваемый ими журнал «Афн шпрахфронт» являлись по своему содержанию антисоветскими, националистическими — в деле также не имеется.

ЛОЙЦКЕР показал, что в октябре 1917 года он был «среди тех, которые выступали против поддержки революционного восстания, что в период гражданской войны вместе со своими сообщниками продолжал вести среди населения буржуазно-националистическую пропаганду».

Эти факты преступной деятельности ЛОЙЦКЕР остались, по существу, не расследованными.

К делу приобщены копии протоколов допроса бывшего директора

Кабинета еврейской культуры СПИВАК и сотрудничавших в этом кабинете бывших писателей ГОФШТЕЙН и КАГАН (осуждены по другим делам как еврейские националисты).

Показания этих лиц носят общий характер, конкретных фактов, подтверждающих антисоветскую националистическую деятельность ЛОЙЦКЕР, в этих протоколах допроса не приводится.

Дело в отношении СПИВАК производством прекращено, так как, будучи арестованным, он в апреле 1950 года в тюрьме умер.

Как установлено проверкой, в деле по обвинению СПИВАК имеются показания ГОФШТЕЙН и ФЕФЕРА, которые о ЛОЙЦКЕР что-либо существенного не показали, отметив только то, что он является сотрудником кабинета еврейской культуры и что этот кабинет «вел активную антисоветскую работу по объединению евреев на Украине». Другие свидетели по делу — ГОНТАРЬ, МАРКИШ и КОТЛЯР никаких показаний в отношении преступной деятельности ЛОЙЦКЕР не дали.

Осужденный ЛОЙЦКЕР, не признавая себя виновным, в своих жалобах сообщает, что следствие по его делу проводилось необъективно, что показания о признании своей вины были им даны в результате физического воздействия, запугивания и угроз со стороны органов следствия.

МВД в своем заключении по делу, ссылаясь в основном на признательные показания ЛОЙЦКЕР, считает, что он осужден правильно.

Учитывая, однако, что следствие по делу проведено неполно, объективных данных для обвинения ЛОЙЦКЕР, кроме его показаний о признании своей вины, записанных к тому же в общей неконкретной форме, в деле нет, руководствуясь ст. 16 Закона о судостроительстве и Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 сентября 1953 года,

ПРОШУ:

Решение Особого Совещания при МГБ СССР от 25 января 1950 года по делу ЛОЙЦКЕР Хаима Берковича отменить и дело по мотивам, изложенным выше, возратить в МГБ СССР на доследование.

ЗА ГЕНЕРАЛЬНОГО ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР

Генерал-лейтенант юстиции

(А.ВАВИЛОВ)

20 февраля 1954 года

СПРАВКА: Осужденный ЛОЙЦКЕР Х.Б. содержится в 5 лаготделении Степлага.

№ 13

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА

ГОСБЕЗОПАСНОСТИ

ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР

Генерал-Майор (*подпись*) (В.НИКИТЧЕНКО)
26 июля 1954 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о продлении срока следствия и содержания обвиняемого под стражей)

гор. Киев, 1954 года, июля 26 дня

Я, следователь Следуправления КГБ при Совете Министров УССР ст. лейтенант ПАЦУЛА, рассмотрев материалы следственного дела № 6 по обвинению ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича, в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а», 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР, —

НАШЕЛ:

6 марта 1954 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР своим определением за № 4-Н-02003/54 решение Особого Совещания при МГБ СССР по делу ЛОЙЦКЕРА отменила и дело направила на доследование со стадии предварительного следствия.

Дело поступило в КГБ при Совете Министров УССР 2 июня 1954 года. Арестованный ЛОЙЦКЕР во внутреннюю тюрьму КГБ при СМ УССР прибыл 12 июля 1954 года.

Учитывая, что для передопроса и проведения очных ставок с обвиняемым ЛОЙЦКЕРОМ из мест отбытия наказания этапируются в КГБ при СМ УССР его соучастники по проведению преступной деятельности — КАГАН Абрам Яковлевич и ШТУТМАН Менаш Менделевич, а также для выполнения определения Военной Коллегии необходимо провести ряд других следственных действий, а срок следствия и содержания арестованного под стражей истекает 6 августа 1954 года, руководствуясь ст.ст. 113 и 157 УПК УССР,—

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство перед Главным Военным Прокурором Советской Армии о продлении срока следствия и содержания обвиняемого ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича под стражей на один месяц, т.е. до 6 сентября 1954 года.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР
Ст. лейтенант (*подпись*) (ПАЦУЛА)

СОГЛАСНЫ: ЗАМ. НАЧ. ОТДЕЛА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР
Майор (*подпись*) (ПОГРЕБНОЙ)

ЗАМ НАЧАЛЬНИКА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР
Подполковник (*подпись*) (МАЙОРОВ)

№ 14

«УТВЕРЖДАЮ»
ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР
Полковник *(подпись)* (П.ТИХОНОВ)
28 августа 1954 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о продлении срока следствия и содержания обвиняемого под стражей)

гор. Киев, 1954 года, августа 28 дня

Я, следователь Следуправления КГБ при Совете Министров УССР – ст. лейтенант ПАЦУЛА, рассмотрев материалы следственного дела № 6 по обвинению ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а», 58-10 ч. 1 и 58-11 УК РСФСР, —

НАШЕЛ:

6 марта 1954 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР своим определением за № 4-Н-02003/54 решение Особого Совещания при МГБ СССР по делу ЛОЙЦКЕРА отменила и дело направила на доследование со стадии предварительного следствия.

Дело поступило в КГБ при СМ УССР 2 июня 1954 года. Арестованный ЛОЙЦКЕР во внутреннюю тюрьму КГБ при СМ УССР прибыл 12 июля 1954 года.

Учитывая, что для передопроса и проведения очной ставки с обвиняемым ЛОЙЦКЕРОМ из места отбытия наказания этапируется в КГБ при СМ УССР его соучастник по проведению преступной деятельности – КАГАН Абрам Яковлевич, постановление на конвоирование которого из КГБ при СМ УССР направлено 20 июля 1954 года, а также для выполнения определения Военной Коллегии необходимо провести ряд других следственных действий, а срок следствия и содержания арестованного под стражей истекает 6 сентября 1954 года, руководствуясь ст.ст. 113 и 157 УПК УССР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Возбудить ходатайство перед Главным Военным прокурором Советской Армии о продлении срока следствия и содержания обвиняемого ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича под стражей на один месяц, т.е. до 6 октября 1954 года.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР
Ст. лейтенант *(подпись)* (ПАЦУЛА)

СОГЛАСНЫ: НАЧ. ОТДЕЛА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР
Подполковник (подпись)

(ЗАЩИТИН)

ЗАМ. НАЧАЛЬНИКА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР
Подполковник (подпись)

(МАЙОРОВ)

№ 15

«УТВЕРЖДАЮ»
И.О. НАЧ. СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ
КОМИТЕТА ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
Полковник
(подпись)
(КОЗЫРЕВ)
30 июня 1954 года

«САНКЦИОНИРУЮ»
ЗАМ. ГЛАВНОГО
ВОЕННОГО ПРОКУРОРА
Полковник юстиции
(подпись)
(ТЕРЕХОВ)
30 июня 1954 года

ПОСТАНОВЛЕНИЕ (об этапировании заключенного)

Гор. Москва, 1954 года, июня 29 дня

Я, ст. следователь 1-го отдела Следственного управления Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР майор ПОПОВ, рассмотрев следственное дело № 2254 по обвинению ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича, 1898 года рождения, уроженца гор. Канева, еврея, гражданина СССР, до ареста – ученого секретаря кабинета еврейской культуры Академии наук Украинской ССР, —

НАШЕЛ:

25 января 1950 года ЛОЙЦКЕР Х.Б. был осужден Особым совещанием при МГБ СССР к 15 годам ИТЛ.

В марте 1954 года Военная Коллегия Верховного Суда СССР отменила указанное решение Особого совещания в отношении ЛОЙЦКЕРА и возвратила дело на него на доследование со стадии предварительного следствия.

Для выполнения определения Военной Коллегии ЛОЙЦКЕР был этапирован из лагеря в Москву во внутреннюю тюрьму КГБ.

Учитывая, что по указанию Председателя Комитета госбезопасности при Совете Министров СССР тов. СЕРОВА доследование по делу ЛОЙЦКЕРА поручено проводить Комитету госбезопасности при Совете Министров Украинской ССР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Заключенного ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича этапировать из внутренней тюрьмы КГБ при Совете Министров СССР в гор. Киев, во внутреннюю тюрьму КГБ при Совете Министров Украинской ССР.

СТ. СЛЕДОВАТЕЛЬ I ОТДЕЛА СЛЕДСТВ. УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Майор

(подпись)

(ПОПОВ)

СОГЛАСЕН: НАЧ. I ОТДЕЛА СЛЕДСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР

Подполковник

(подпись)

(ОЖЕРЕЛЬЕВ)

№ 16

«УТВЕРЖДАЮ»

ЗАМ. ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КОМИТЕТА
ГОСБЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР

Полковник

(подпись)

(ТИХОНОВ)

6 октября 1954 года

Согласен:

ЗАМ. ВОЕННОГО
ПРОКУРОРА КВО

Подполковник

(подпись)

(ВОЛЧЕНКО)

6/Х.54

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

(о прекращении уголовного преследования
и освобождении обвиняемого из-под стражи)

гор. Киев, 1954 года, октября 4 дня

Я, следователь Следуправления КГБ при Совете Министров УССР ст. лейтенант ПАЦУЛА, рассмотрев материалы следственного дела № 6 по обвинению —

ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича, 1898 года рождения, уроженца г. Канева, из семьи кустика, еврея, гр-на СССР, до ареста члена КПСС, заведующего литературным отделом Кабинета еврейской культуры при Академии Наук УССР, проживавшего в гор. Киеве, —

в преступлениях, предусмотренных ст.ст. 58-1 «а», 58-10 ч. I и 58-11 УК РСФСР, —

НАШЕЛ:

ЛОЙЦКЕР был арестован 5 марта 1949 года МГБ СССР за проведение активной антисоветской националистической деятельности.

На допросах в 1949 году в МГБ СССР обвиняемый ЛОЙЦКЕР о своей преступной деятельности показал, что в 1916 году он, являясь членом

буржуазно-националистической организации «Младосионисты», активно боролся против влияния большевиков на еврейские массы.

В 1917 году, находясь в г. Каневе, выступал против поддержки революционного восстания и установления под руководством большевиков советской власти.

В последующем, работая на протяжении ряда лет воспитателем и учителем еврейских детских школ на Украине и, будучи враждебно настроен к советской власти, прививал еврейской молодежи националистические взгляды.

В 1930 году, как показал ЛОЙЦКЕР, он установил преступную связь с еврейскими националистами, пробравшимися в Киевский институт еврейской культуры, и вместе с ними проводил вражескую националистическую работу.

После того, как в 1936 году Киевский институт еврейской культуры был закрыт, он вместе с еврейскими националистами СПИВАКОМ, ГОФШТЕЙНОМ и другими обосновался в кабинете еврейской культуры при Академии Наук УССР, где продолжал антисоветскую деятельность.

Через еврейскую печать и в своих выступлениях на организуемых кабинетом еврейской культуры вечерах вел пропаганду националистических взглядов.

В начале Отечественной войны связался по преступной работе с засевшими в еврейском антифашистском комитете националистами ЭПШТЕЙНОМ, ФЕФЕРОМ и другими, по заданию которых совместно со своими сообщниками СПИВАКОМ, ГОФШТЕЙНОМ и КАГАНОМ развернул среди евреев националистическую деятельность.

Далее обв. ЛОЙЦКЕР показал, что на протяжении 1944-1948 гг. он систематически организовывал еврейские вечера при кабинете еврейской культуры, а также в клубах промышленных предприятий г. Киева, которые проводились в духе разжигания националистических чувств у еврейского населения.

Наряду с этим в 1945 году установил связь с буржуазно-националистическими организациями США, от которых в течение ряда лет получал враждебную Советскому Союзу литературу, а также вместе со СПИВАКОМ, КАГАНОМ и другими направлял в Америку шпионскую информацию об Украине и материалы о работе кабинета еврейской культуры.

В 1946 году встречался в Киеве с приезжавшими в СССР американцами ГОЛЬДБЕРГОМ и НОВИКОМ, которых лично снабжал сведениями о деятельности кабинета еврейской культуры и данными о проводимой националистической работе на Украине.

В предъявленном обвинении по ст.ст. 58-1«а», 58-10 ч. I и 58-11 УК РСФСР ЛОЙЦКЕР виновным себя признал и, кроме того, в проведении вражеской деятельности изобличался показаниями арестованных

ГОФШТЕЙНА Д.Н., КАГАНА А.Я., СПИВАКА Э.Г., очной ставкой с последним и приобщенными к делу документами:

1. Выпиской из докладной записки о состоянии бывшего института еврейской пролетарской культуры.

2. Копией письма редактора американского журнала «Еврейская культура» Нихман Майзеля в адрес кабинета еврейской культуры от 24.IX.1945 года.

3. Копией письма к НОВИКУ от 26.IV.1947 года.

5. Фотографией НОВИКА с еврейскими писателями Украины.

В своих показаниях арестованные ГОФШТЕЙН, КАГАН и СПИВАК указали, что они совместно с ЛОЙЦКЕРОМ и другими сотрудниками кабинета еврейской культуры и еврейскими националистами по указанию руководителей «Еврейского антифашистского комитета» развернули на Украине активную антисоветскую националистическую и шпионскую деятельность.

Создали при кабинете еврейской культуры библиотеку, получая в фонд последней из США и других стран националистическую еврейскую литературу, типографию и добивались от органов советской власти открытия еврейских культурных учреждений, утверждая при этом, что советская власть притесняет евреев и проводит политику ограничения еврейской культуры.

В своей практической работе и на проводимых вечерах еврейской интеллигенции пытались обособить еврейское население, заразить его националистическими настроениями и помешать этим естественному процессу ассимиляции, происходившему в еврейской массе.

Настраивая еврейские массы против национальной политики партии и Советского правительства, превозносили и раздували роль евреев в жизни СССР, умалчивая при этом или упоминая лишь мимоходом о культуре русского, украинского и других народов Советского Союза.

Кроме этого, в послевоенный период, как показал СПИВАК, ими и в частности ЛОЙЦКЕРОМ была дана американцам НОВИКУ и ГОЛЬДБЕРГУ информация о работе кабинета еврейской культуры и проводимой националистической деятельности на Украине.

25 января 1950 года решением Особого Совещания при МГБ СССР ЛОЙЦКЕР был осужден к 15 годам ИТЛ.

В апреле 1953 года в адрес Генерального прокурора Союза ССР ЛОЙЦКЕР написал жалобу, в которой ходатайствует об освобождении его от дальнейшего отбывания наказания. Кроме этого, ЛОЙЦКЕР в своих жалобах указывал, что на следствии он оговорил себя и признательные показания о проводимой преступной деятельности дал в силу применения к нему незаконных методов ведения следствия.

6 марта 1954 года по протесту Генерального прокурора Союза ССР Военная Коллегия Верховного Суда СССР своим определением решение

Особого Совещания при МГБ СССР по делу ЛОЙЦКЕРА отменила и дело направила на доследование со стадии предварительного следствия.

В процессе доследования обв. ЛОЙЦКЕР от всех ранее данных им показаний отказался и заявил, что никакого преступления перед Советским государством он не совершил и признательные показания дал в силу применения к нему в МГБ СССР незаконных методов ведения следствия.

Одновременно с этим ЛОЙЦКЕР сознался в том, что в период 1916-1918 гг. он в г. Каневе являлся участником молодежной буржуазно-националистической организации «Младосионисты», ставившей своей целью воспитание молодежи в националистическом духе и борьбу за создание еврейского государства в Палестине. Однако как участник названной организации какой-либо антисоветской деятельности не проводил.

Являясь сотрудником бывшего Киевского института еврейской культуры, а затем ученым секретарем кабинета еврейской культуры при Академии наук УССР, никакой преступной деятельностью не занимался.

В 1942 году, установив связь с бывшим «Еврейским антифашистским комитетом» (ЕАК), направлял в адрес последнего и редакцию газеты «Эйникайт» (печатный орган ЕАК) различные материалы, но эти материалы по своему содержанию были патриотического, научного и антифашистского характера.

Одна из таких его работ была помещена в американском журнале «Идише культур».

Кроме этого, ЛОЙЦКЕР показал, что в период 1945-1946 гг. по инициативе руководства кабинета еврейской культуры (СПИВАКА и его) была установлена связь с организациями и редакциями американских газет, от которых в течение двух или трех лет кабинет еврейской культуры получал различного содержания еврейскую литературу, предназначенную для использования в научных целях.

В послевоенный период кабинет еврейской культуры при Академии Наук УССР посетили американцы НОВИК и ГОЛЬДБЕРГ, которых он и СПИВАК информировали о планах и проделанной кабинетом работе и по просьбе НОВИКА направил в «Еврейский антифашистский комитет» отпечатанный на пишущей машинке на 7 листах доклад о работе кабинета еврейской культуры. Доклад был предназначен для передачи НОВИКУ.

НОВИК и ГОЛЬДБЕРГ по показаниям осужденных руководителей еврейского антифашистского комитета являются агентами американской разведки (сообщение КГБ при СМ СССР № 2/1-1927 от 23 июля 1954 года).

Одновременно с этим ЛОЙЦКЕР показал, что в 1948 году он пытался при содействии американца НОВИКА получить из США для кабинета еврейской культуры необходимое типографское оборудование с еврейским шрифтом.

По вопросу получения этого оборудования он обращался в партийные органы. В связи с закрытием органами советской власти кабинета еврейской

культуры это типографское оборудование получено не было.

Кроме этого, ЛОЙЦКЕР показал, что перечисленные приобщенные к настоящему следственному делу в качестве вещественных доказательств копии писем, действительно в разное время им были написаны и получены из организаций и редакций газет США. Однако, связываясь с различными еврейскими организациями США, он контрреволюционных целей не преследовал.

В отношении показаний арестованных ГОФШТЕЙНА, КАГАНА, СПИВАКА и очной ставки с последним ЛОЙЦКЕР показал, что эти показания он не подтверждает как не соответствующие действительности.

В процессе проверки показаний ЛОЙЦКЕРА и материалов следствия из места отбытия наказания был этапирован в КГБ при СМ УССР осужденный КАГАН А.Я., который при передопросе от ранее данных им показаний как о своей преступной деятельности, так и о преступной деятельности ЛОЙЦКЕРА отказался.

Показания ГОФШТЕЙНА Д.Н. и СПИВАКА Э.Г. перепроверить не представилось возможным, так как обвиняемый СПИВАК, находясь под следствием в МГБ СССР, умер, а обвиняемый ГОФШТЕЙН в числе других руководителей бывшего «Еврейского антифашистского комитета» за преступную деятельность Военной Коллегией Верховного Суда Союза ССР в июне 1952 года был осужден к ВМН и приговор приведен в исполнение.

В судебном заседании ГОФШТЕЙН Д.Н. о конкретных фактах преступной деятельности ЛОЙЦКЕРА показаний не дал.

Допрошенные в качестве свидетелей – осужденный ШТУТМАН М.М. – бывший библиотекарь кабинета еврейской культуры, а также бывшая сотрудница кабинета еврейской культуры ШАЙКИС Э.М. и ГЕЛЬФЕНБЕЙН С.А. показали, что на вечерах еврейской интеллигенции, которые проводились под руководством ЛОЙЦКЕРА и СПИВАКА, показывалось * лишь о еврейском народе.

По делу осужденных к ВМН бывших руководителей Киевского института еврейской культуры ГОРОХОВА Г.Б., ЛИТВАКОВА М.И. и ЛИБЕРБЕРГА И.И. (названные ЛОЙЦКЕРОМ на первичных допросах как его соучастники по преступной деятельности), ЛОЙЦКЕР не проходит.

Согласно сообщению Следуправления КГБ при СМ СССР от 10 июня 1954 года, осужденные ФЕФЕР И.С., бывший секретарь «Еврейского антифашистского комитета» и ГРУБИЯН М.М., редактор этого комитета, о каких-либо фактах преступной деятельности ЛОЙЦКЕРА показаний не дали.

Истребованные из архивов бывшего «Еврейского антифашистского комитета» статьи и рукописи ЛОЙЦКЕРА каких-либо антисоветско-националистических трактовок или сведений, составляющих государ-

* Так у текстi. — Авт.

ственную тайну, не содержат.

Учитывая, что материалов для предания ЛОЙЦКЕРА суду собрано недостаточно, руководствуясь ст. 197 ч. II УПК УССР, —

ПОСТАНОВИЛ:

Следствие по делу ЛОЙЦКЕРА Хаима Берковича дальнейшим производством прекратить и обвиняемого ЛОЙЦКЕРА из-под стражи освободить.

Копию настоящего постановления направить Прокурору Киевского Военного округа.

СЛЕДОВАТЕЛЬ СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР

Ст. лейтенант

(подпись)

(ПАПУЛА)

СОГЛАСНЫ: НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ

ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР

Подполковник

(подпись)

(ЗАЩИТИН)

НАЧАЛЬНИК СЛЕДУПРАВЛЕНИЯ КГБ

ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ УССР

Полковник

(подпись)

(ПИВОВАРЕЦ)

СПОГАДИ І РОЗДУМИ

Олег Беренштейн

М.ТАЛАЛАЄВСЬКИЙ: ПОСТАТЬ ПОЕТА В ІНТЕР'ЄРІ ЕПОХИ

Мотл Талалаєвський (1909-1978) не належить до таких яскраво індивідуальних постатей в єврейській літературі як І.Кіпніс, Н.Забара, не кажучи вже про Д.Гофштейна, Дер Ністера, знакових фігур П.Маркіша та Д.Бергельсона. М.Талалаєвський як і Р.Балясна, І.Фалікман, Д.Хайкіна цікавий саме своїм походженням з єврейських мас і творчою та життєвою типовістю, навіть пересіченістю. Він і сам неодноразово декларував приналежність до сільських євреїв, необізнаність з єврейською релігійною освітою і традицією, на відміну від Д.Бергельсона чи Дер Ністера.

З автобіографічних поезій М.Талалаєвського видно, що він походив з дуже бідної родини і заробляв в юності торгівлею вроздріб. Як і Р.Балясна, яка у вірші «Алейхем Шолом» («Ідише культур», 1949, № 11) підкреслювала, що лише «Жовтень» дав їй життєву і творчу перспективу, М.Талалаєвський сформувався повністю у річищі радянської єврейської культури.

Отримавши радянську шкільну освіту, він у 1927-1929 р. р. навчався у Києві — спочатку на рабфаці, а згодом у єврейському педагогічному інституті, який не закінчив, кинувши навчання після другого курсу. У 1934 р. Талалаєвський закінчив Київський інститут народної освіти.

Літературний дебют М.Талалаєвського відбувся у 1927 р. і він став членом київської групи молодих прозаїків і поетів, що їх очолював Д.Гофштейн, і відтоді друкував свої поезії у щоденній загальноукраїнській газеті «Штерн», та у журналах «Проліт», «Ройте велт», «Штерн», «Юнге бой кланг».

Як видно з вірша «Радість», присвяченого Д.Гофштейну (у рукописі, вилученому під час арешту), а також з вірша-відповіді на відомий твір Д.Гофштейна «У зимове надвечір'я» (опублікований у численних радянських виданнях), М.Талалаєвський вважав себе учнем Д.Гофштейна і продовжувачем його каліграфічної, насиченої символікою манери письма.

Фотографія М.А.Талалаєвського з архівної кримінальної справи 36663-ФП, що зберігається у Державному архіві Служби безпеки України

Цей безумовний вплив імпресивного методу Д.Гофштейна присутній в творах М.Талалаєвського як в 20-30-х рр., коли його вірші нагадують добре з «комсомольською» затятістю заримовані лозунги, так і в філософській ліриці 60-70-х, що створювалась в руслі відповідних тенденцій української та й взагалі радянської літератури того часу (М.Рильський, П.Тичина, Е.Межелайтис, Б.Слуцький):

— ось перекреслюються нові смуги електричного світла військових прожекторів в синьому нічному небі, вихоплюю чи на мить чорні хрести літаків («Прожектори»), «зелене око радіоприймача» бачить «республіки й країни», транслюючи звуки життя світу в оселю письменника («Радіоприймач»);

— «хлопчик Мотл» замість «Алеф-Бейс» в хедері вчиться читати «по зорях в чистому небі» («Мої вчителі»);

— ось вже відомий поет і літня людина відчуває себе, що він «маленький атом на земній корі», «крапелька», «молекула»; відчуває «бездонність і безкінечність» зеленого цвіту — цвіту життя. («Роздуми», «Зелені всходи»);

— «Комсомольські, атеїстичні, рабфаківські лозунги 20-30-х рр. змикаються з «технологічністю», «космізмом» (що, однак, віддають газетною шпальтою) 60-х.

У 1930-ті роки вийшло кілька збірок його поезій цілком у дусі соціалістичного реалізму, що можна зрозуміти вже з назв — «Підйом» (1932), «Землі колгоспні» (1934), «На посту» (1934), «Батьківщина» (1935). Були в нього твори і менш ідеологізовані — збірники «Вулиці та провулки» (1930) та «Кохання» (1940).

У другій половині 1950-х років та в 1960-х роках у театрах Києва йшли

п'єси, що М.Талалаєвський написав українською мовою — «Перші конвалії» (1957) та «На світанку» (1964). М.Талалаєвський також переклав українською мовою п'єсу єврейського письменника М.Данієля «Винахідник і комедіант» (про Й.Гутенберга) та повість Й.Бухбіндера «Серед хвиль».

Найцікавішим в історичній ретроспективі є період 1940-х — початку 1950-х років, коли М.Талалаєвський воював на фронті, а потім був репресований і перебував на засланні у Середній Азії.

Під час Другої світової війни, яку М.Талалаєвський закінчив у званні майора, він пройшов шлях від Сталінграда до Берліна і за безпосередню участь у військових діях був нагороджений Орденом Вітчизняної війни та іншими відзнаками. Разом з фронтовим товаришем харківським поетом З.Кацем опублікував російською мовою збірки нарисів та поезій «Разведка боем» (1941), «Сталинградские стихи» (1943), «Легенда» (1946), «Солдат и знамя» (1947). В цих творах ми не знайдемо нічого специфічно національного, вони за формою і змістом не відрізняються від прийнятого в цей період канону. Можна припустити, що якби М.Талалаєвський обмежився російськомовними творами і не був заангажований у літературу на ідиш та у громадські справи, пов'язані з національним самовиявленням, він міг би спокійно пережити період репресій. Однак він — разом з Г.Полянкером та І.Фалікманом був (1947 р.) членом організаційного бюро відродженої секції єврейських письменників при Спілці єврейських радянських письменників України. У 1948 р. він активно публікував свої твори в органі Єврейського Антифашистського Комітету — газети «Ейнікайт» (Москва). У 1947 р. Київський Державний Єврейський театр ім. Шолом Алейхема здійснив постановку п'єси Талалаєвського «На все життя». У 1947 р. він також написав на ідиш п'єсу «Місце під сонцем» та нову збірку віршів «Лехаїм!» (Будьмо!).

У статті про М.Талалаєвського з «Лексикону нової літератури на ідиш» (Нью-Йорк, 1961), що був виданий Всесвітнім Конгресом Єврейської Культури, наводиться бібліографія публікацій поета на Заході — у Монреалі, Нью-Йорку, Парижі (у 1941-1947 рр.). Вона, однак, не є повною — відсутня, наприклад згадка про вірш Талалаєвського «Сталін» до 70-річчя Й.Сталіна, надрукований разом з творами інших єврейських радянських поетів у «Ідише культур» (Нью-Йорк, 1950, № 1). Американські видання, присвячені репресіям щодо єврейських письменників у Радянському Союзі — «Кров на сонці» Г.Вейнройха (Нью-Йорк, 1950) та «Радянська література під склом» Е.Саймонса (Нью-Йорк, 1953), мало що дають для розуміння причин арешту М.Талалаєвського. Втім, сам факт численних публікацій на Заході та в «Ейнікайт», публічні виступи на гостро політичні теми, як, наприклад, у Чернівцях у 1945 р., де Талалаєвський гостро критикував євреїв, що пережили Катастрофу, за їхнє бажання емігрувати до Палестини, словом, літературно-громадська активність могла бути достатньою причиною для підозр.

Радянські довідково-бібліографічні видання згадують про те, що в книзі «Як солдат» (1946) звучить тема Катастрофи і героїзму, що є непрямим свідченням інтересу поета до національної проблематики. Адже, як стверджував американський літературний критик М.Нотович у своїй статті «Єврейські радянські письменники у Червоній Армії» («Ідише культур», 1945, № 12), «ясно виділилися нові тенденції і мотиви, що запанували у творах радянських єврейських письменників внаслідок великого нещастя єврейського народу». Відомий американський літературний критик лівої орієнтації Н.Майзіль, що починав свою літературну кар'єру у Києві разом з Д.Бергельсоном і після війни підтримував зв'язки з діячами єврейської культури Києва (напр. з академіком Е.Співаком), опублікував у лівому журналі «Ідише культур» статтю під назвою «Друга світова війна і єврейська література» («Ідише культур», 1946, № 1), де стверджував, що єврейська література у Радянському Союзі під час війни «по-справжньому освоїла батальний жанр». На його думку, твори єврейських літераторів Радянського Союзу на мові ідиш були «глибоко єврейськими». Незважаючи на «рівні права», «спільні і суттєво схожі тенденції і настрої, проблеми і мрії» представників єврейської літератури та літератур інших народів СРСР, «все ж війна та її катастрофічний вплив на загальне життя єврейського народу мусили все ж, звичайно, інакше відбитися на «творчості значних радянських єврейських митців».

До речі, саме творчість мовою ідиш у цей період як у Радянському Союзі, так і в Польщі, Західній Європі, Північній Америці та Аргентині найбільшою мірою відтворила драматичні і трагічні події Другої світової війни — геноцид, загибель, героїчний опір у гетто, боротьбу у партизанських загонах та регулярних армійських з'єднаннях. Твори літераторів, що писали іншими мовами (наприклад, івритом чи англійською), не могли за своєю масштабністю та інтенсивністю переживань, національним пафосом дорівнювати творам, написаним на ідиш як радянськими письменниками і поетами (І.Фефер, П.Маркіш), так і літераторами, що були далекими від захоплення комунізмом (А.Суцкевер, І.Кацнельсон).

Деякі західні літературні критики дійшли висновку, що єврейська традиція збереглася у творчості єврейських письменників у «радянському і навіть у сталінському вбранні». Ця думка належить Б.Ривкіну, який у книзі «Основні тенденції єврейської літератури в Америці» (Нью-Йорк, 1948) наводить приклад з творів Д.Бергельсона, де «Ілля-пророк з'являється у вигляді Сталіна». Небезпідставно Б.Ривкін ставить питання «Чи повинна ідишкайт (Єврейська релігійна традиція) мати якусь одну форму?». Національно-орієнтований літературний дискурс поступово починає допускати (спочатку у США, потім у Палестині та самому Радянському Союзі) можливість поєднання традиційно-єврейського і радянського, що з безпрецедентною експресією було виражено у вірші І.Фефера «іх бін а ід»

(«Я — єврей», 1943), який одразу одержав міжнародний резонанс. Сталін і Каганович у цьому творі поєдналися з Самсоном і Далілою та іншими біблійними персонажами, а також Бар Кохбою, Макавеями та іншими національними героями. З другого боку, відомий американський письменник Ш.Аш у своєму оповіданні «Тальне житиме» (Зі збірника «Неопалима купина», Нью-Йорк, 1946) змальовує процес повернення молодого єврея — червоноармійця до національно-релігійних традицій рідного хасидського містечка Тальне на Черкащині, яке він визволяв у лавах регулярних частин Радянської Армії. В обох випадках поєднання лояльності до радянського і до традиційно-єврейського, а також солідарність євреїв різних країн, легітимізуються грандіозністю єврейської національної Катастрофи. Надії на об'єднання євреїв різних країн, політичних, ідеологічних та мовно-культурних напрямків підігрівалися також почуттям провини і впевненістю, що євреї програли через відчуженість всередині єврейського світу, що мала згубні наслідки.

Прагнення до солідарності було настільки сильним, що п'єса Д.Бергельсона «Ми хочемо жити» (про спільну боротьбу євреїв та українців з українського села проти нацистів) йшла з аншлагом у 1944 р. у перекладі на іврит у головному національному театрі «Габіма» (Тель-Авів) незважаючи на репутацію Д.Бергельсона як речника радянського патріотизму. У п'єсі члена Єврейського антифашистського комітету Д.Бергельсона своєрідно поєднується радянська та національна і навіть сіоністська символіка, що відповідала настроям багатьох. 50-та вистава п'єси у Тель-Авіві збіглася з прем'єрою у Нью-Йорку 17 грудня 1944 р., яку відвідали як представники радянського істеблішменту у Нью-Йорку на чолі з генеральним консулом, так і діячі єврейської еліти США, а також цвіт єврейсько-американської ліволіберальної інтелігенції.

У цьому контексті можна зрозуміти деякі національні акценти і у творах М.Талалаєвського, про що можна судити з текстів, вилучених під час його арешту.

М.Талалаєвському явно бракує знання традицій і відповідного виховання, тому біблійних і талмудичних мотивів у цих текстах немає, але тим цікавіші ті акценти, в яких виявляє він свої національні почуття.

Якщо у поемі «На весіллі» ми бачимо безпроблемну ідилічну картину єврейського життя у післявоєнному колгоспі, а у вірші «Україна — моя Батьківщина» (до 30-річчя встановлення радянської влади) дано традиційний набір ідеологічно безпечних образів, то у поезії «В одну з ночей» відчувається прихований драматизм (написано у 1943 р. на Південному фронті). Ліричний герой поета відчуває заздрість до азербайджанських друзів, що співали і танцювали всю ніч. Він два з половиною роки не чув ні єврейської пісні, ні мови ідиш, а лише стогін в окопах.

Національний ідеал набуває конкретно-чуттєвих обрисів у нарисі «Такий він — Бін'йомін Мазепа». Командир — єврей Б.Мазепа не лише відзна-

чається хоробрістю, має імпазантну зовнішність (високий на зріст, сильний фізично). Він також бере участь у єврейському культурному житті (до війни був одним з читачів «Штерну»), а відвага, що виділяє Мазепу між товаришами по зброї, має національний мотив — він хоче помститися за єврейських дітей з вулиці Леніна у Києві. Цікаво, що М.Талалаєвський викреслив з тексту нарису кілька речень, де йшлося про те, що Мазепа, батьків якого вбили петлюрівці, на якийсь час забув про свою національну приналежність. Але М.Талалаєвський повернувся до цього мотиву у вірші «Мій другий початок!», який викликав особливу цікавість представників відповідних органів і був єдиним з віршів поета, вилучених при арешті, текст якого було повністю перекладено російською мовою перекладачем — молодшим лейтенантом Гойхманом.

Серед інших фронтових нотаток М.Талалаєвського — численні версії нарису «Євреї на фронті», який від ЄАК було переслано телеграфом у латинській транскрипції до Лондону, а звідти — в редакцію провідної палестинської газети «Давар», що виходила мовою іврит.

Той факт, що нарис було надруковано у 1942 р. у такій престижній газеті як «Давар», вимагає особливого коментарю. Щоденна газета «Давар» видавалася протягом 71 року до 21 травня 1996 року. Офіційний орган профспілок Гістадрут до проголошення незалежності «Давар» був більше, ніж щоденна газета — він був неофіційним рупором населення Ізраїлю, що мав інформативні, просвітницькі та виховні функції. Це була газета, що мала певну ідеологічну лінію — поширювала ідеї соціалістичного сіонізму. Хто хотів мати уявлення про актуальні питання, мусив у підмандатній Палестині читати редакційні статті головних редакторів та публіцистів «Давару» — Б.Кацнельсона, М.Шертока, З.Рубашова, Н.Альтермана та інших. «Давар» символізував особливий спосіб життя, втілював дух піонерів. Давид Бен Гуріон, що регулярно писав до «Давару» і надрукував там свої мемуари, пояснював, що «Давар» — газета, яка повинна скерувати робітничий рух на правильний і здоровий ґрунт. У «Даварі» регулярно друкувався майбутній лауреат Нобелівської премії Ш.Агнон, а також співець сильної людини (з присмаком ніцшеанства) поет Урі Цві Грінберг, що писав як на івриті, так і на мові ідиш.

Появу саме у такій газеті нарису Талалаєвського «Євреї на фронті» можна вважати знаковим явищем. Герої нарису Талалаєвського — сильні, вольові люди, не схожі на традиційні образи діаспорних євреїв. Але в культурі Палестині саме в цей час теж культивували образ нової людини — уродженця країни — сабри, фізично міцного, рішучого, людини дії. Саме таким був кумир палестинської молоді — Урі з роману М.Шаміра «Він йшов по полях». Таких героїчних хлопців оспівувала поетеса Лея Гольдберг, яка часто друкувалася у «Даварі». Нарешті, нарис М. Талалаєвського був цілком у дусі військової організації «Хагана», рупором якої був «Давар», і яка готувалася до боротьби з британською адміністрацією і захоплення влади у

країні. Таким чином, тексти М.Талалаєвського є непрямим свідченням глибокого внутрішнього зв'язку, який існував між збройною боротьбою євреїв на фронтах Другої світової війни і боротьбою за незалежність Ізраїлю. Очевидно, ті, хто займався справою М.Талалаєвського, добре усвідомлювали цей зв'язок...

ВИЛУЧЕНО ПІД ЧАС АРЕШТУ (З ЛІТЕРАТУРНОЇ СПАДЩИНИ М.ТАЛАЛАЄВСЬКОГО)

Під час арешту поета 15 лютого 1952 року було вилучено наступні рукописи:

1. Вірш «Мій другий початок» («Майн цвейтер онгейб»). До машинопису тексту мовою ідиш додано рукописний переклад російською мовою за підписом «молодший лейтенант Гойхман».

2. Нарис «Євреї на фронті» (перекладено уривок з нарису) — чотири примірники чернеток, де текст надруковано мовою ідиш єврейським шрифтом, і один примірник, що надруковано латинським шрифтом. Цей текст було відправлено телеграфом від Єврейського антифашистського комітету у Москві до Лондону і далі у Палестину в редакцію провідної щоденної газети «Давар». Про це свідчать написи на аркуші з текстом та позначення: «Исх. 118 (тел. 321. 24) VII-42 г.».

Мотл Талалаєвський

МАЙН ЦВЕЙТЕР ОНГЕЙБ

Іх гоб офт фаргесн, аз іх бін а ід,
Нор с 'гот дос лебн мір дермóнт ніт ёйнмол.
Дан флег мір цўкумен а найе лід
Ун іх флег шверн:
— Ніт фаргесн кёйнмол,
Ун ніт арóйслóзн фун клорн зін
І вер,
 І вос,
 І ву іх бін.
Ді швуе — лід із тіф ін гарц фарблібн
Нор вер кон зогн ці ін кріг
Х'вел лебн блайбн...
Гоб іх ді лід ун от дем гефт фаршрібн
Дем тінт міт ейгн блут фармішт
Ер зол гедіхтер шрайбн.

МІЙ ДРУГИЙ ПОЧАТОК

Я часто забував, що я — єврей,
Але життя мені про це нагадувало не один раз
Тоді мені додався новий вірш
І я поклявся:
— Не забувати ніколи,
І не втрачати ясного розуміння того,
Хто я, що собою являю і де перебуваю.
Цей вірш — клятва глибоко запав мені в душу,
Але хто може сказати чи на війні
Залишусь я живим...
Я цей вірш у цей зошит записав,
Чорнило змішав з власною кров'ю
Щоб воно було густішим.

ЄВРЕЇ НА ФРОНТІ (ІДН АФН ФРОНТ)

(Уривок)

Козаков — колишній оперний співак, а тепер — капітан. Він має свій рахунок до Гітлера. З нашої розмови виявилось, що він не лише співак, але ще й історик за фахом.

«Мені не треба вас довго переконувати — каже Козаков — то під час війни кожен народ, кожна нація повинна показати, на що вона здатна, виявити свій національний талант. Тоді вони зможуть після війни сказати: «Ми показали у бою на що ми здатні».

Далі Козаков розповідає про свої особисті враження: «У бою стаєш особливо щирим. Скажу вам правду, я був одним з тих, хто думав, що талановитий єврейський народ може все грати, співати, мислити, кінець кінцем навіть працювати.

Але воювати? Це вже вибачайте! Я навіть думав, що якщо вже і зустріну ваших братів на війні, то треба буде їх шукати серед комісарів, інтендантів, штабістів, але не там, де ллється кров і де зустрічаються вогонь з вогнем, життя зі смертю. Але на війні я побачив щось таке, що подіяло на мене сильніше, ніж лекція чи книга з національного питання.

Я побачив живих людей. Деякі з них тепер — мої найближчі друзі, про інших можна зараз лише згадувати, тому що їх уже немає в живих».

Задзеленчав польовий телефон. Капітана викликали у штаб бригади на нараду. Часу в нас було обмаль і капітан обмежився лише двома епізодами.

«Це було у найважчі місяці минулого року, коли я потрапив в оточен-

ня. Нас захопили і погнали так, як женуть череду худоби на бойню. Серед нас було багато євреїв. Я бачив як їм виколювали очі, забивали на смерть. Мене здивувало, що ніхто з них не просив пощади в гітлерівських убивць. Більше того коли одна жінка, єврейка, очевидно санітарка, втратила свідомість, до неї одразу підбігли двоє і взяли її за руки. Цих двох було вбито на місці. Жінка напружила всі сили і пішла далі, але вона знову впала, фашист підійшов до неї і вдарив її автоматом, щоб вона підвелася. Тоді вона підвелася, збрала всі сили і дала йому ляпасу у нахабну пику. Німець застрелив її на місці.

Мені вдалося втекти з пекла і вночі в одному селі зустріти двох хлопців, що були у формі Червоної Армії. Вже одне це було величезним ризиком. Щохвилини їх могли схопити. Ми домовилися йти далі. Але мені аж урвало подих і я забув про втому, коли один з них виявився талановитим скрипалем, який вчився в училищі ім. Гнесіна.

Скрипалеві ледь було 19 років. Я спитав його: «Що ти робиш тут?». Він мені відповів: «Те саме, що і ти». «Але я — військовий, а ти?».

Скрипаль тоді мені дослівно відповів так: «А я — єврей!».

«Але тебе, талановитого скрипаля напевно не взяли б на фронт» — сказав я не без задньої думки.

«Мене не треба було брати» — відповів він — «Я пішов сам. Я — єврей. Я маю свій додатковий рахунок до Гітлера. Тепер мені не треба грати, тепер мені треба стріляти». А чому ти не перевдягнешся?» — «Я хочу повернутися в свою частину як червоноармієць.

*Абрам Кацнельсон,
письменник (Лос-Анджелес, США)*

ТАК БУЛО...

Коли 1946 року я демобілізувався з армії, то як і багато бувших фронтовиків, сподівався, що нарешті настає мирне життя, про яке ми так мріяли на фронті і за яке так самовіддано воювали. Але кінчилася війна гаряча і почалася війна холодна, кінчалася воєнне становище, яке так набридло суворим лімітуванням життя, але не скінчилося воєнне становище на терені ідеології, воно не тільки продовжувалося, а, сказати б, ще більше загострилося. Була видана низка ідеологічних постанов, які називалися «історичними», з питань літератури, музики, кіно. В них звинувачувалися конкретні митці й конкретні твори як носії буржуазної ідеології.

Ми ведем тут розмову про розгром Єврейського антифашистського комітету. Добре, що почали з того, що показали цей розгром в контексті державного антисемітизму, який, на наш сором, існував у країні, яка найгучніше в світі декларувала про «дружбу народів».

Цей розгром був не тільки антиєврейською акцією, з якою пов'язані й боротьба з космополітизмом, і «справа лікарів», а це була ланка одного ланцюга, одного, можна сказати, «цепу», яким жорстоко молотилася вся наша культура. Мені хотілося б тут сказати про те, що на Україні цьому передувала кампанія боротьби з так званим «українським буржуазним націоналізмом». Десь на початку 1947 року над українською інтелігенцією нависла чорна хмара переслідувань, яка розрядилася страшною грозою, під удари якої підпали найсвітліші, найгуманніші українські письменники — Максим Рильський, Юрій Яновський, Іван Сенченко та багато інших. При цьому застосовувалась єзуїтська тактика нацьковування представників однієї національності на представників іншої національності.

Запам'ятався такий епізод. Якось в перерві під час письменницького пленуму, присвяченого боротьбі з «українським буржуазним націоналізмом», до мене підійшов Юрій Яновський і сказав: — Абраме, чого Ви такий блідий? Не переживайте. Тепер лають мене, а через деякий час лятимуть Вас. Вивчайте діалектику...

І справді, як інтуїтивно відчував мудрий Юрій Іванович, через деякий час почалася кампанія боротьби з «буржуазним космополітизмом», яка по суті була боротьбою з інтелігенцією єврейського походження, і я, звісно, теж був звинувачений. Розкривалися псевдоніми — в дужках значилися єврейські прізвища. Я не мав псевдоніму — й мене не розкривали. Але кілька років не друкували. Дружину — вчительку — зняли з роботи. А у нас двоє маленьких дітей. Спасибі Максиму Рильському, який клопотався у «вищих інстанціях» — і мене почали потроху друкувати, хоча книжка не виходила шість років.

Звинувачення були здебільшого сфальсифіковані. Леоніда Первомайського, приміром, звинуватили в сіонізмі, бо в одному з його фронтових віршів згадувався Сінай, а це, мовляв, ідеться про Палестину. Насправді ж у вірші згадувався румунський Сінай, повз який війська наші проходили в час війни.

Але заперечувати не можна було, бо важливим було не те, як воно насправді, а те, як писалося в партійному офіціозі, якому тільки й треба було вірити. І чимало людей, на жаль, вірили, Про «безрідних космополітів» широко писалося не тільки в пресі, про них розповідали на зборах майже в усіх колективах, навіть в тваринницьких фермах...

Ось в такій атмосфері відбувався розгром Єврейського антифашистського комітету, до якого входили найвидатніші діячі єврейської культури, зокрема письменники: Давид Бергельсон, Давид Гофштейн, Перец Маркіш, Іцик Фефер, Лейб Квітко... Всі вони вихідці з України. Давид Гофштейн жив до арешту в Києві, а Іцик Фефер і Лейб Квітко після війни переїхали до Москви.

Я добре знав Давида Гофштейна і Іцика Фефера. Це були не тільки прекрасні поети, а й видатні особистості. Вони любили Україну, знали і любили українську культуру. Давид Гофштейн був одним із найулюбленіших друзів Максима Рильського. У них було багато спільного — і в доброті, гуманності їхніх характерів, і в їхній поезії. В останньому 20-му томі творів Максима Рильського, який вийшов недавно, вміщено лист Максима Тадейовича до мене про потребу вшанування пам'яті Давида Гофштейна. Видатний український поет по-братньому турбувався про гідне вшанування свого єврейського побратима. Він майстерно переклав його кращі ліричні твори. Давид Гофштейн в свою чергу переклав багато творів української поезії, зокрема свого друга Максима, а також «Заповіт» Тараса Шевченка та чимало інших творів великого Кобзаря.

Коли за прикладом Павла Тичини я, вже будучи дорослим, почав вивчати єврейську мову — ідиш, то допомагав мені в цьому Іцик Фефер. Уже в моїх збірках «Достигають плоди» і «Ряст», які вийшли ще до війни, були вміщені в перекладах з оригіналу твори єврейських поетів, зокрема, «Балада про пожежу» Іцика Фефера про те, як Тарас Шевченко рятував од пожежі єврейську хату. Іцик Фефер був одним із організаторів і керівників єврейського літературного процесу в пореволюційній Україні. Він, як і Гофштейн, любовно перекладав твори своїх українських друзів-поетів.

Слідом за патріархами єврейської літератури були заарештовані майже всі активні діючі єврейські письменники у всіх республіках Союзу. Хоча їх і не розстріляли, але мучили в тюрмах і гулагівських таборах. Із тих, що жили в Україні, — це Іцик Кіпніс, Григорій Полянкер, Еля Шехтман, Йосип Бухбіндер, Рива Балясна, Матвій Талалаєвський, Абрам Гонтар, Натан Забара, Ханан Вайнерман та багато інших. З багатьма із них я дружив. Майже всі вони були учасниками Вітчизняної війни проти німецько-фашистських

загарбників.

Я хочу закінчити віршем єврейського поета Хаїма Бейдера в моєму перекладі про ту страшну ніч, коли почалися арешти членів Єврейського антифашистського комітету.

Хаїм Бейдер

УРИВОК З ПОЕМИ

Мов у командора, кроки вперті.
В чорній мантиї — ще й крила в ній —
Малхамовес — грізний демон смерті —
йде в Москві по вулиці нічній.

Супроводжувать його не треба —
все давно йому відоме тут.
Із косою, піднятою в небо,
свій чіткий він здійснює маршрут.

Вивірена добре ця дорога
у самому центрі у Москві.
Боронь Боже, не забудь нікого,
всі адреси в нього в голові.

По-чортячому спина сутулиться,
він коси стискає рукоять.
По московській тихій, сонній вулиці
лунко його кроки гримкотять.

Точний і розмірений у всьому,
він упевнено верстає путь.
Горького от дім шістдесят сьомий,
поверх сьомий — як повинно быть.

Пильно він вдивляється у аркуш.
Дзвоник так нервово дзеленчить.
— Це ж бо Ви, напевне, Перец Маркіш?
Я впізнав з портрета Вас умить...

Вже зачинено за ними двері.
Мовчки, німо йдуть вони удвох.
Жде одного — успіх у кар'єрі,
другого — тюрми холодний льох.

От уже і Горького п'ятнадцять.
Жодне тут не світиться вікно.
Номер три — не треба й підніматься,
та й немає ліфта все одно.

І ніяких часу тут порушень,
все за планом — справжня благодать.
— Раджу Вам, професоре Добрушин,
не забути палицю узять...

— Вдячний за пораду... Це ж не звичай,
а потреба... Роки вже не ті... —
(Палицю оту невдовзі слідчий
на Добрушинським злама хребті.)

Ніч трива зловісна... О четвертій
їх уже не троє йде, а п'ять.
Малхамовес — грізний демон смерті —
їх веде — і кроки гримкотять.

Пацу вогнедишну смерть розкрила
і ковтає жертви все нові.
В чорній мантиї, простерши крила,
Малхамовес ходить по Москві.

*Роза Клопер,
журналіст (ФНР)*

12 АВГУСТА 1952 ГОДА

*О вечность! Я на твой порог иду зарубленный, убитый,
бездыханный...
...звезды в небесах не падают, блуждают.*

*(Перец Маркиш — Неугасаемый светильник.
У гроба (1948).*

О расстреле членов советского Еврейского антифашистского комитета я до эмиграции мало что или вовсе ничего не знала — все перемешалось в те зловещие поздние 40-е — ранние 50-е; «разоблачения» «космополитов», а вслед за ними «хаинов» (от фамилии Хаин, что, как известно, на слух воспринимается как «Хаим» — жид). «Космополитов» «разоблачали» как «безродных и беспаспортных». «Хаинов» — как кровопийц-воров, расхитителей народного добра: они были работниками торговли. Со знанием дела приготовленная смесь «работала» в правильном направлении. И все это обрамлялось или, скажем, освещалось, как залпами транссирующих — освещающих направление атаки — пуль, убийством Михоэлса 13 января 48-го и «делом врачей» 13-го же января 53-го. Сплав всего этого и был нашей жизнью в то славное пятилетие!

Итак, я осознала 12 августа 1952 г. как день расстрела еврейской культуры много лет спустя, и посегодняя он отзывается во мне «эхом и упреком» (П.Маркиш). Я прочитала об этом в изданной в Израиле книге нашего, ныне покойного, земляка Вольфа Ортенберга (литературный псевдоним Меир Шалант) «Промолчавши жизнь». Вольф Ортенберг не только принадлежал к поколению расстрелянных, он был связан с ними духовно, с одним из них (Д. Гофштейн) дружил. Он, в молодости восторженный и активный участник борьбы за возрождение еврейской культуры, на Украине в пред- и послереволюционные годы, «промолчавши» — из страха — «жизнь», донес свой рассказ о тех бурных днях и о муках страха и унижений последующих десятилетий, о боли и сострадании к жертвам Катастрофы, но и о потаенных чаяньях и надеждах своих собратьев и земляков до Израиля с тем, чтобы поведать нам, русским евреям, историю нашего недавнего прошлого, в котором мы были свидетелями и объектами, но меньше всего участниками, ибо, хоть и находились с ним рядом, его — почти? — не замечали. Литературные достоинства книги М. Ш. может и невелики и сильно в ней бросаются в глаза наивно пропагандистские сионистские передержки, но ее историческая ценность несомненна, и мне хотелось бы в этом кругу воздать ему должное и почтить его память. И как ни бедна — деньгами и бумагой — сегодня еврейская культура в Украине,

отдельные главы из книги М. Ш. следовало бы переиздать — как памятник истории — пусть даже ротапринтом.

М.Ш. говорит, что 12 августа 1952 г. следует приравнять к 9-му Аба (Ава) — дню траура по разрушенному римлянами Иерусалимскому храму. Идея бесспорно воспитательного смысла и «с намеком»: неплохо бы, мол, заодно, нынешним советским евреям вспомнить-узнать о том, что был у них Храм, известный всему «цивилизованному миру» конца дохристианской и начала христианской эры, и что с его разрушением началась наша, если не «новая», то, безусловно, иная еврейская история — рассеяние, изгнание — галут или «гулес», как говорили на идиш.

Примечательно, что и календарно эти две даты близки: 9-ое Ава обычно тоже приходится на август (в этом году 8-го).

Но если и исключить все вышесказанное, близость, подобие этих почти на 2 тысячелетия стоящих друг от друга событий в том, что оба они символизируют конец — насильственную смерть многих тысяч во время Иудейской войны 1-го столетия н. э., завершившейся разрушением Храма, а в наши дни — расстрел 24-х на Лубянке (эту приблизительную цифру называет Еврейская энциклопедия) и вместе с тем — конец, уничтожение традиции.

Однако, как известно, Йоханнан Бен Закайи, мудрый старец из фарисеев — приверженец строгого исполнения Закона (Торы), предвидя неизбежное разрушение Храма, спасся из осажденного Иерусалима и вынес оттуда свиток Торы. И когда Храм уже более не возвышался на холмах Иерусалима, дразня римлян своей непостижимой для них тайной незримого Бога, своей роскошью и красотой, в маленьком южном городке Явне скромно и для гоим — неевреев — малоприметно начал действовать Синедрион — новое средоточие еврейского духа. Традиция приобрела новую форму, но не прервалась. «Не вмирає душа наша, не вмирає воля»...— Так у Шевченко. Но «волей» это можно было назвать весьма условно.

Ничего подобного не произошло 12 августа 1952 года. В этот день были убиты не только люди, — именно так это было задумано Сталиным с присущим ему коварством,—а и расстреляна еврейская культура и литература.

В сегодняшние поминки по ней мы должны включить и тех, кто «исчез» в 37-ом (назовем хоть одно имя — писатель Моше Кульбак), и «незнаменитых» или просто нам неизвестных поименно. Расстреляли 12 августа и тех, кто «отделался» лагерем и, выпущенный оттуда в хрущевскую «оттепель», с разрушенным здоровьем дожил кое-как свой век «на свободе» (Шмуэль Галкин умер в 1960, Ицик Кипнис — в 1974).

А расстрелянный 12 августа 1952 г. актер Вениамин Зускин стоит, как и в жизни — рядом с Михоэлсом.

Сегодня, в эти бесконечно печальные «сороковины», мне бы хотелось по-своему сказать Кадиш по покойным, оглянуться на их исполненную

противоречий и внутренней борьбы жизнь и на их страшный конец.

Я представляю и — не могу, страшусь представить себе этот день, этих людей, евреев, которых, наверное, как это водится, на самом рассвете выводят на расстрел. Их целая группа, но каждый жалок и одинок, один со своим невыносимым ужасом перед смертью, которая неумолимо целит в затылок. Или они все-таки обратились друг к другу и обнялись, и этим смягчили смертную муку и возвысились над своими палачами?

Мы никогда этого не узнаем. В архивах КГБ значится стандартное: «приговор приведен в исполнение». (Это знаешь, не читая.) «Исполнители», надо полагать, получили в этот день удвоенную или утроенную норму водки. А в придачу, может быть, и орден. Как они воспринимали своих жертв и себя — оставим это их памяти и совести.

Что же было у Расстрелянных и Умерших в тюрьме (Дер Нистер — Пинье Пинхас Каганович род. в 1884 г., умер в 1950 г.) перед тем? Все они — известные еврейские писатели: Давид Бергегльсон, самый старший из них («праздновал» 1-го августа свое шестидесятивосьмилетие), Дер Нистер (см. выше), Давид Гофштейн (род. в 1889 г.), Лейб Квитко (род. в 1890 г.), Перец Маркиш (1895), Ицик Фефер (1900) — наши земляки, выходцы из еврейских местечек Украины, которые были, кстати сказать, живыми центрами еврейского духа, были — старшие из них уже в 10-е гг., а младшие — в пред- и послереволюционные месяцы и годы известны еврейской читательской публике и считали себя наследниками и продолжателями традиции «золотого века» и одновременно новаторами — «обновителями» литературы на идиш. Их творчество — проза и поэзия — охватывало обширный спектр проблем: национальных, социологических, микро- и макрокосмических.

Все они, (за исключением И.Фефера, который с самого начала и неизменно был «правильным» еврейским писателем-коммунистом и даже, говорят, под конец стукачом — но это по слухам, сама я об этом не читала. Может быть, он даже удовлетворял «любимой формуле» — социальной по духу, национальной по форме. Может быть... Но сейчас не об этом речь — и, упокой, Господи, его душу!) так вот, все они, кроме Фефера, в начале 20-х гг. покинули пределы России — Украины и отправились на Запад.

Можно с достаточной степенью уверенности предположить, что их отвратили от советской власти, в которую они верили или уверовали поначалу, ожидая от нее решения «еврейского», как и всех прочих, больных вопросов человечества, недопущения зверств гражданской войны, где «белые» и «красные» одинаково глумились над беззащитными людьми и зверски убивали их — только что у «белых» раввины и еврейские дети расплачивались за Троцкого, а у «красных» те же дети или старики, и вообще кто угодно, за то, что они «буржуй». Хотели ли еврейские писатели на расстоянии осмыслить происходящее или просто уйти от него? (скорее всего и то и другое). Оставаясь на более или менее продолжительное время,

они жили в разных городах Европы, где писали и печатали написанное (одно время в Берлине было что-то вроде еврейского издательского центра), выступали с лекциями (в Польше, в Литве, в Румынии), двое (Д.Гофштейн и П.Маркиш) побывали в палестинском «ишуве», Гофштейн даже «осел» там на несколько месяцев, но все, кто раньше, кто позже, к концу 20-х вернулись на родину: манили, очевидно, возникающие там многочисленные на идиш «фарлаги», театры, верилось — или хотелось верить, что именно там, когда ужасы погромов и гражданской войны ушли в прошлое, будущее еврейской культуры. В то же время Европа — особенно Германия — изнемогающая от инфляции, безработицы, мало походила на башню из слоновой кости, в которой свободный художник мог бы укрыться от мира и возвыситься над ним.

Велика ли была их сделка с совестью, когда они просили разрешения вернуться на родину, заверяя в своей верности и любви к советской власти? Мы оставим этот вопрос открытым, так же как и второй, вытекающий из предыдущего: что испытывали они, поняв, что попали в пожизненный духовный плен, в котором, правда, можно тешить грешное и жадное до жизни тело, но дух, дух надо задушить, пожалуй, что навсегда. Но может вовсе и не было этой проблемы, может это только «игра воображения» (моего).

Мы знаем, что в 1927 году П.Маркиш пишет некоему М.Равичу (по Х.Шмерук «Антология 12-ти казненных советских еврейских писателей». 1964, Тель-Авив, на идиш, место пребывания адресата в источнике не указывается), письмо, которое воспринимается — сегодня — как примечательное и пророческое. О «светлом будущем еврейской культуры в нем нет и речи». Идиш в России, — говорит Маркиш, — обречен стать сектой. «Идишкайт» (еврейство) убывает тем более, чем более евреев становится «советским народом». Он пишет о своих планах опять уехать — «я заявил, что уеду» — но было, очевидно, уже поздно. О М. Литваке, главе «евсекции» в Украине и ретивом борце с «еврейским национализмом», незадолго перед тем громившем во всяческих тогдашних масмедиях за этот самый «национализм» самого Маркиша, а также Гофштейна, Квитко и др., П.М. говорит, что этот герой кажется ему более «трагическим, чем коммунистическим»... Вот уж действительно как в воду глядел: 10 лет оставалось вояке-коммунисту до трагической гибели в Гулаге. Впрочем, Маркиш, скорее всего, представлял себе это не буквально, а метафизически. А вот «секта» и «идишкайт» — об этом следует поговорить в этот день, если мы хотим «смотреть в корень». Да, мучительно было притворяться, писать заведомую ложь и пошлую безвкусицу — вспомним, что именно в это время П. Маркиш пишет в «Семье Овадис» о том, как хорошо живет еврей при сов. власти (кажется, именно в этой пьесе поется и «Ломир зинген а лехаим аф дем либн хавер Сталин, аф Октобер-революцие ун аф Сталине Конституцие». Воистину, слова из песни не выкинешь!), и получает за это

какой-то орден (кажется, Ленина). Процесс, впрочем, был по отношению к другим «народам и нациям» зеркальным: Алексей Толстой написал «Хождение по мукам» — у Д.Бергельсона это называлось «Ам Днепр», — интеллигенция (как русская, так и еврейская», немного перед тем по интеллигентской бестолковости «помучившись», осознала, что «лучше нету того свету», чем советская власть. О том, как хорошо живет украинскому колхозному крестьянству, писал Корнейчук (а Микитенко уже был в Гулаге), а кто именно о счастливых русских колхозниках писал, я уже забыла (да и кому эти имена интересны), но писали и ордена получали. Страшно было заглянуть в пропасть, на дне которой были «исчезнувшие» в ГУЛАГе друзья или собратья по перу (Моше Кульбак, Исаак Бабель, Осип Мандельштам и сколько других, уже забытых имен), и все это как-то шло дальше, хотя было мерзко, и «сладкий» писательский или, скажем, творческий хлеб был, наверное, не однажды горек. Но еще горше, пожалуй, от сознания, что ложь или правду, хорошо или плохо пишешь — ни для кого, потому что «идишкайт», читателя, — нас с вами, — нет. И тут, как говорится, круг сомкнулся. Сталин расстрелял 12 августа 1952 г. элиту еврейского народа, которая жила в пустом пространстве.

Профессор Хоне Шмерук в Иерусалиме с искренней болью, но совершенно простодушно восклицает: «Оне фар вус вен» (ни за что ни про что). Вот уж действительно чисто «несовковая» наивность! Как будто бы все эти бесчисленные миллионы человеческих жизней были уничтожены Сталиным за «что-то»! Я не хочу здесь касаться ни формальных, (т.н. «Крымское дело»), ни каких либо иных возможных причин этого сталинского — последнего — террористического антисемитского акта. По-моему, для истории — которая есть наше бессмертие — они имеют второразрядное значение. На поминках по этим жертвам и вместе с тем по их пособникам — потому что приспособиваясь, они становились пособниками тирана — я хочу рассказать о том единственном акте сопротивления тирании, которое они совершили, которое совершил один из них: я говорю о стихотворении П.Маркиша «Михоэлсу — Неугасимый светильник у гроба». Это стихотворение, написанное в разгар сталинского антисемитского шабаша, когда, убив на глазах у всего света Михоэлса, Сталин как бы объявил евреям: «Теперь ваши дни сочтены!», было, может быть, актом отчаянья, но оно было и актом освобождения от духовного рабства. Как и вообще похороны Михоэлса были актом протеста против сталинского террора. Объявив об официальных торжественных похоронах, Сталин попал — кажется в первый и в последний раз — в им самим расставленную ловушку. Наверное, он утешался тем, что последнее слово — уничтожение воспользовавшихся его недомыслием евреев и гнилых интеллигентов—все равно за ним. 12 августа 1952 г. он отчасти выполнил свое намеренье. И Маркиш, вчера еще раб, сам трепетавший перед тираном, которому все вокруг денно и ночью курили фимиам, превознося его до небес и выше

Бога, поднял свою уже обреченную голову и назвал его прилюдно злодеем и убийцей, приравняв открыто к Гитлеру, проклятому всей мировой общественностью человеко-убийцей:

Следы злодейства я, (Михоэлс) как мой народ, сберег,
Чтоб ты (вечность) узнала нас, взглядевшись в эти раны.
Сочти их до одной. Я спас от палачей
Детей и матерей ценой своих увечий.
За тех, кто избежал и газа, и печей,
Я жизнью заплатил и мукой человеческой...

Как мы уже слышали, Маркиш обращается от имени теперь уже бессловесного Михоэлса к вечности. Его стихотворение, напутственное слово Михоэлсу на дальнюю дорогу — в небо, к вечности, к звездам, среди которых сейчас в его (Михоэлса) честь зажглась одна и носит его имя.

Собравшимся в честь и в память этих «сороковин» у «круглого стола» «странным», «нееврейским» евреям, в совсем другое и совсем по-другому трудное время, уже наверное не стать «идишкайт», не стать читателями Расстрелянных 12 августа. Это уже завершившийся, необратимый процесс. И все же есть у нас теперь — у кого в большей, у кого в меньшей мере — желание и потребность приблизить к себе эту культуру, проникнуть в нее, дабы она не исчезла бесследно — и мы вместе с ней.

Сегодня мы, евреи, — наша «пятая графа» — официально в моде и весьма даже привилегированная. Опускаю разговор о том, как мы этим пользуемся, но не могу не думать о том, чем это может обернуться на следующем витке истории (и ударит, как это всегда бывает, по тем, кто как раз привилегией то и не пользовался).

Что же сказать «под занавес»? Пусть это не покажется прекраснодушием и претенциозной фразой, но мне кажется, что если, как это ни трудно, подняться над заботами, тревогами и вожделениями сегодняшнего дня, то увидишь исторический космос, исполненный горя и страданий, и только высший Дух — который наши предки тысячелетия назад называли единосущим Богом — может принести нам радость и утешенье — если мы найдем его в себе.

*Петро Осадчук,
письменник (Київ, Україна)*

МІЙ ДРУГ БУХБІНДЕР

Був у мене мудрий, життєрадісний і дотепний сусід і, смію твердити, добрий друг Йосип Бухбіндер. Ще до того, як ми весною 1982 р. поселилися в одному під'їзді будинку, спорудженого Укрлітфондом, я перекладав його вірші з єврейської мови ідиш на українську мову, певна річ, через так званий підрядник, тобто дослівний переклад, який супроводжується даними про структуру, форму вірша, систему римування і т.п.

У час нашого облаштування в новому домі зустрічаю Йосипа Шмульовича. Стоїть на тротуарі, виглядає замовлених майстрів. Виймає з кишені пляшку-чвертку і каже, що це для майстрів пароль. А я питаю, чи не замало для сучасних шабашників. Він виймає з другої кишені ще один «шкалик» і каже, що то резерв — мовляв, як справляться майстри, то отримають другу чвертку, а ставити відразу півлітра — нераціонально. А й справді, думаю, ощадливий і дотепний підхід. Згодом, у колі друзів, я розповів про цей епізод. Хтось із нас запропонував перейти на чвертки і називати їх «бухбіндерками». І так мені сподобалося це перейменування, що й досі на «шкалик» кажу «бухбіндерка».

Щільно зійшлися ми з Йосипом Шмульовичем багато років тому, коли в письменницькому кафе «Еней» приймали московських гостей після успішно проведеного в Будинку літераторів вечора, присвяченого 25-річчю часопису «Советіш Гаймланд». То було в середині чи на подальшому марші 70-х років. На вечорі виступали переважно українські і єврейські поети. Мені випало прочитати серед інших вірш Й.Бухбіндера «Я в дозорі чекання стою» — сумний, ліричний і, як мені уявляється, глибоко символічний. Там у долі окремої людини вгадується важка доля народу. У тому вірші — лише вісім рядків. Перших чотири я продекламував мовою оригіналу, вивчивши їх напередодні з листочка, на якому сам автор, звісно, на моє прохання, округлими, напівдрукованими слов'янськими буквами написав для мене єврейські віршовані слова. Далі я увесь текст прочитав у своїй інтерпретації українською мовою, Зал, ущерть заповнений київськими євреями, переважно літнього віку, вибухнув тривалими оплесками радості й людського порозуміння.

Наша творча співпраця продовжувалася, тим паче, що ми стали сусідами: він жив на восьмому, а я на дев'ятому поверсі. Я бував у нього в хаті, він бував у мене. Шкода, що тепер доводиться говорити про нього в минулому часі: жив, бував...

Мій друг Бухбіндер не міняв свій рід
На мішуру і дармовий калач.

А я спізнав його чарівний світ
Як вдячний учень і перекладач.
Давно Бухбіндер — добрий мій сусід
По той бік світла в щільній чорноті.
Але по сей бік його світлий слід
З людьми лишився у земнім житті.

Напередодні 85-річчя Йосипа Бухбіндера, восени 1993 р., ми домовилися, що я буду головувати на його ювілейному вечорі. Поет був бадьорий, оптимістично настроєний. «Господь бачив і знає, — жартував майбутній ювіляр, — як у сталінські часи я намучився. То він мені подовжить віку до 120 років. А там видно буде». Йосип Шмульович передав мені більше десятка віршів на переклад, поміж них «Не варт на когось нарікати», що сприймається як гостра антисталінська інвектива. До речі, наприкінці в чомусь частково перегукується з відомою фольклорною мініатюрою, що й досі ходить серед любителів гострих політичних епіграм:

Вышло так, что сапожник родом
Взошел на царский пьедестал.
И стал народ врагом народа,
А он один народом стал.

Пообіцяну роботу я не тільки встиг виконати ще до ювілею, хоча був надто закручений у вирівнітті депутатських клопотів. Я встиг почути від схвильованого поета схвальний відгук про переклади, що йому дуже сподобались. Але сам ювіляр, на превеликий жаль, не дожив до свого 85-річчя, незважаючи на те, що, здавалося, не був обтяжений тягарем проминутих років. І духом, і тілом він готов був жити й творити довго-предовго, орієнтуючись на Божий віддарунок за злигодні й страждання, що випали на долю поета в жорстокі часи.

Судячи за автографом, що зафіксував цю дату, Й.Бухбіндер 2 липня 1991 р. подарував мені свою нову книжку «Последний первый снег», видану того ж року в Москві. Крім віршів різних років, сюди вміщено автобіографічну повість «Страницы моей жизни». В ній розповідається про період життя поета, який раніше замовчувався і не згадується в попередніх письменницьких довідниках. Так, в біобібліографічному довіднику «Письменники Радянської України» (1988 р.), що охоплює історичний відрізок часу за 1917-1987 рр., читаємо: «Бухбіндер Йосип Шмульович народився 25 грудня 1908 р. в м. Черняхіві на Житомирщині у сім'ї стельмаха. Закінчив Київський педінститут (1935). Був на педагогічній та журналістській роботі.

Пише єврейською мовою. Книги видавалися мовою оригіналу, російською та українською. Окремими виданнями вийшли збірки «Бабенко» (1930), «Командир Сизов» (1936), «Ліричні мотиви» (1940), «Останній сніг»

(1964), «Дорога життя» (1966), «Між хвилями» (1970), «Ясними очима» (1975), «Тобі, мій друг» (1980), «Світлий погляд» (1981), «Близька далечінь» (1984, 1987, 1988). Член СП СРСР з 1937 р.». От і всі офіційні дані. Нічого, як бачимо, не сказано, навіть у розпалі горбачовської перебудови і гласності, про те, що Йосип Бухбіндер був репресований і ув'язнений. Його безпідставно звинуватили в тих самих смертних гріхах, що були пред'явлені багатьом чесним євреям, видатним діячам літератури і мистецтва, які входили до Єврейського антифашистського комітету. Уславлений в світі комітет, який збирав на всіх континентах великі кошти на боротьбу Червоної Армії проти гітлерівців, після війни, як відомо, зазнав жорстоких переслідувань, а його провідні діячі були фізично знищені. В їх числі наші земляки поети Фефер, Гофштейн, Квітко...

Про сталіністів варто розповісти,
Щоб знали дорослі й діти, —
Теоретично — інтернаціоналісти,
Практично — антисеміти.

Повість «Страницы моей жизни» — авторитетний людський документ, звинувачення репресивній системі, що інтереси держави ставила вище прав людини й громадянина, принижувала і розчавлювала мільйони людей в ім'я торжества утопічних, маніякальних ідей. Відображена в повісті Й.Бухбіндера атмосфера слідства, перебування в тюрмі й концтаборі засвідчує, що антисемітизм в Радянському Союзі був невід'ємною складовою державної політики і ретельним супровідником практичного втілення комуністичної ідеології, що маскувалася фальшивими гаслами інтернаціоналізму і галасливими закликами до дружби народів. Й.Бухбіндер у своїй повісті переконливо показав, що людина світла і чиста залишається світлою і чистою за всіх обставин, на зло усім тиранам і душителям свободи.

Пропоную увазі читачів кілька віршів Й.Бухбіндера в перекладах українською мовою з числа тих, що він передав мені незадовго до своєї раптової смерті.

Йосип Бухбіндер

* * *

Не варт на когось нарікати,
Потрапивши в біду страшну.
Навчись із себе починати,
З'ясуй найперш свою вину.
Чому мовчав ти спереляку,
В собі найкраще притаїв.
Як на добро пішли в атаку
Злі сили підлих холуїв?
Ти ж, як і я, ні на хвилину

Не сумнівавсь у правоті
Вождів, що зрадили людину
Й людське вбивали у житті.
Ти ж вірив, що кремлівський зодчий
Для всіх буде світлий храм, —
Полуду почепив на очі
І жив, як той сексот і хам.
Таємні нишпорки затято
Ступали в кожен чесний слід,
Щоб деспот звався: народів тато,
Щоб ката славив цілий світ. Брехня правдивому від роду
Брутально затискала рот, —
Ще трохи — й ворогом народу
Мав стать розтерзаний народ.
А ти, як віруючий ревно
Моливсь, мов Богові, йому, —
Явивши рабську вдачу древню,
Свободою ти звав тюрму.
Вождеві слава! Батьку браво! —
Кричав холуй на всі лади.
Кругом людське топтали право,
А ти мовчав — боявсь біди.
Хто ж винен? Ти чи деспот хижий?
Що посміхавсь, як тать, з Кремля?..
Дивуюсь, як народ наш вижив,
З орбіти не зійшла земля!

* * *

Чом ти зириш на мене очиськом лютим
І ступаєш за мною підступно, як тать?
Ти б хотів мою гідність в дугу зігнути,
А серце моє у грязюку втоптати.
На южному кроці мені дошкуляти
Давно призвичаївсь. Тож чому тепер
Берешся напоказ мене захищати?
Для честі і правди давно ти помер.
Я сам переможу облуду і тлінь,
Не ступай лиш за мною, як чорна тінь.

* * *

Дарував би я світу на всі часи
Невідквітне весняне цвітіння, —
Щоб людство жило у полоні краси,
Не знаючи смерті і тління.
Я світ обсадив би з кінця в кінець
Садами братерства й любові, —
Щоб чисті пориви людських сердець
Проростали, мов квіти чудові.

Квітували б постійно поля і ліси,
Одягнуті в шати зелені,
А я наслухав би пташок голоси
Й переймав їх пісні натхненні.

ПЕРШИЙ ПОЦІЛУНОК

Куди б не йшов, де б не траплялось будь мені,
Хай скільки літ минуло й промине,
Моєї юності цілунок незабутній
Мені належить і роз'ятрює мене.

Я чую, чую на краю розлуки:
Стріляє кулемет в мою любов,
Вона до мене простягає руки
І в Бабин яр шугає стрімголов.

Вона встає, знов падає в безодню,
До мене в сні, як блискавка летить...
Її цілунок перший і сьогодні
Криваво на губах моїх горить.

Переклав з єврейської Петро Осадчук

*Григорій Полянкер,
письменник (Київ, Україна)*

ОСТАННЯ ЗУСТРІЧ З СОЛОМОНОМ МІХОЕЛСОМ

Моє перше знайомство з Міхоелсом, треба признатися, почалось не дуже вдало. А якщо вже говорити щирю правду, то я на нього навіть трохи образився...

До нас в Умань тоді, — гай-гай, скільки років тому! — докотилася чутка, що до міста приїздить театр, й не якийсь там звичайний, а Московський єврейський театр. Ставлять «Шімеле Сорокера», тобто «Найбільший виграш», «Мандри Веніаміна Третього» і таке інше. В місті понаклеювали барвисті афіші, зчинилася справжнісінька веремія, метушня, біганина, галас.

Легко сказати — приїздить такий прекрасний театр! З усіх вулиць і завулків, із Раківки і Торговиці, із Старого міста і з «босого Хрещатика», з околиць Остапівки і навіть із сусідніх малих містечок народ повалив добувати квитки. Не встигли оговтатись, як усі до одного були розпродані.

Нас, десяти-одинадцятилітніх хлопчаків, ця обставина нітрохи не турбувала. Квитки нам ні до чого. В нашому старому театрі нам відома кожна дірка, кожна шпарина. І виставте навкруг хоч полк солдатів, хоч усю міліцію, нічого вам не допоможе — ми однаково прослизнемо. Як не в партер, то на гальорку, не на гальорку, то за лаштунки, не туди — то в яму, де грають музиканти, а то під самий дах, чи у суфлерську будку.

В крайньому разі зачекаємо біля входу, коли з'являться биндюжники, ті нас проведуть уже напевне. Для них не існує театральних квитків. За фіглі-міглі, що їх акторщики показують на сцені, гроші вони не платять, навпаки, заявляють: оті штукарі повинні ще дякувати, що люди приходять на них подивитися...

Биндюжники, як ви самі розумієте, народ особливий, і з ними жартувати годі. Перед ними тремтить усе місто, зокрема й міліція. А коли так, то немає сумніву, що ми проберемося в зал, навіть сидітимемо на найкращих місцях.

Однак, судячи з того, що відбувалося в місті, ми збагнули, що цього разу здійснити задумане буде не так просто й легко. Адже приїздить не якась там ватага жебраків-фокусників чи бродяча трупа, а славетний театр із самої Москви.

Тож ми серйозно замислилися. Як може таке бути: приїздить такий театр, а ми на його виставу не потрапимо? Річ абсолютно неймовірна. Домовились розійтись по домівках — виспимося, а рано-вранці, з першими променями сонця, зберемося біля театру й обміркуємо це діло ґрунтовніше.

Сказано — зроблено.

Вранці всі були біля театру. Посідали на широких сходах і почали бу-

дувати найрізноманітніші плани. Якщо нашим десятком зухвальцям вдасться прорватися в зал, то завтра вони розкажуть всім з подробицями, що там бачили й чули.

Щоправда, цей план не був схвалений. У нашої ватаги залізний закон: один за всіх, всі за одного. Що це таке — дехто прорветься в зал, а решта залишиться по той бік? Ні, такий план до біса. Або всі, або ніхто.

Хтозна, скільки б ми сперечалися, аж тут на гумових колесах під'їхала бричка, а в ній дебелий дядько з кучмою вогненно-рудого волосся, довгуватим, густо вкритим ластовинням, злим обличчям, великими трохи вирякуватими очима, у витертому шкіряному піджаку, дуже схожий на розбійника.

Спритно стрибнувши з брички, він підійшов ближче до сходів, з презирливою посмішечкою зміряв нас з голови до п'ят, а потім вигукнув:

— Ба! Така вишукана компанія! Я бачу, публіка вже зібралася, можна піднімати завісу...

Його розбишацька, презирлива посмішечка нам не сподобалася, і хтось із нас, сміючись, закричав:

— Пробі, пожежа, горимо! Біжим гасити! Мерщій пожежників! Дядько відразу второпав, у чий город камінець. Надувшись, мов той індик, він скорчив страхітливую міну:

— Не бачу тут нічого смішного, байстрята. Втиштесь і слухайте вухами! Так от, шановне панство, ось що я вам скажу. По ваших кирпах видно: вам кортить побачити наш театр. І в жодного з вас, певна річ, немає в кишені й щербатого п'ятака. Коротше, я з вами укладу угоду, і ви щодня зможете приходити в театр без копійки грошей і сідати на найкращі місця. Але з однією умовою: ви повинні нам допомогти, а не розсиджуватися тут на голих сходах, байдикуючи. Розумієте, що я вам кажу, чи ні?

— Розуміємо, дядечку, розуміємо!

— Вельми люб'язно з вашого боку... Скажіть-но лишень, ви коли-небудь чули таке ім'я — Міхоелс? Соломон Міхоелс? Мушу вам признатися, що я не Міхоелс і навіть ніякий не артист. Але в чому річ? Я права рука Соломона Міхоелса. Що значить бути правою рукою? А те, що без мене, Оскара Соловейчика, він не зміг би вийти на сцену... Що значить — не зміг би вийти на сцену? Дуже просто. Він геній, великий талант, мудрець, але без мене йому не обійтися, у мене в руках декорації, реквізит... Ви знаєте, з чим це їдять? Ні? Я зараз вам поясню. Я в Міхоелса завідую господарством. Без мене, тобто без Оскара Соловейчика, свого адміністратора, Міхоелс зі своєю гучною славою, усією своєю мудрістю, з усім своїм театром мав би кепський вигляд. Бо що він зробить без декорацій, без реквізиту? Нічогісінько.

Навіщо я все це розповідаю вам? Бо хочу видати таємницю. Попри свою гучну славу, попри галас, що чиниться навколо нього, наш чудовий театр горить, горить з усіх чотирьох боків. Що значить — театр горить з

усіх чотирьох боків? От ви сидите, бісові діти, на сходах і бачите, що театр стоїть на місці і зовсім не горить, але можете повірити мені, повірити Оскарові Соловейчику, що театр горить. Сьогодні ввечері, як ви читали на афішах, Міхоелс ставить «Найбільший виграш». Тобто він повинен сьогодні ставити, але яким чином він ставитиме, коли наші декорації, реквізит, музичні інструменти і все таке інше й досі на вокзалі? А вокзал, як вам відомо, за п'ять верст від театру. А ваші вантажники, биндюжники, сто болячок їм у печінку, хочуть роздягти театр до тіла, злупити шкуру, вимагають цілий статок за те, що приставлять сюди наше майно. Уявляєте собі таких підлотників? То що ж, театр — це Ротшільд з його капіталами? Що, в нас лантухи з грошима? Та навіщо я все це вам кажу? Бо я таки роздобув двох балагул з їхніми колимагами, домовився з ними, що вони не лупитимуть з театру шкуру і перевезуть сюди весь мотлох. Але балагули самі не впораються, потрібно їм допомогти. Й мені спало на думку, що ви, пацани, зможете врятувати театр. Ви змогли б підсобити, якщо не полінуєтесь. Ніякого маєтку я вам за вашу працю не обіцяю, але обіцяю ось що: ви зможете потрапити в театр без копійки грошей і почуватимете себе в нас, як Господь Бог в Одесі, як у тата у винограднику. Ви мене зрозуміли?

Він ще питається, чи зрозуміли? Звісно, ми зрозуміли й готові мчати на вокзал і попереносити не тільки декорації, усе їхнє манаття, а й саму будівлю вокзалу.

Соловейчик миттю вишикував нас в одну шеренгу, як солдатів, пройшовся перед нами, роздивляючись по черзі кожного окремо. Дужчих на один бік, мовляв, ці здатні попрацювати, слабших на другий — можете йти додому спати...

Тим часом надїхали дві підводи. Ми собі любісінько посідали на них і рушили на вокзал.

До полудня вантажили на підводи різні декорації, ящики, дошки, столи, столики і ще дідько його знає що, розвантажували речі біля театру й тягай на сцену, натрудилися, як барабан на весіллі, старалися, щоб наш Соловейчик залишився задоволений нашою роботою.

Під час роботи вивозилися, як чорти. На що тільки стали схожі наші штанці й сорочки... Не уявляв собі, як у такому вигляді покажемось на очі матерям.

Нищечком, манівцями пробиралися додому, щоб ніхто нас не бачив. Повідмивалися, сяк-так підправили одяг і подалися до театру.

Біля входу вже зібрався чималий натовп. Зал швидко виповнився народом, не було де голці впасти, а ми, дітлашня, стояли і видивляли очі, чекаючи на нашого Соловейчика.

Із залу уже долинув другий дзвінок, ось зараз розпочнуть виставу, позамикають на засуви всі входи і виходи, а ми все ще надворі. Ніхто і в гадці не має, щоб пустити нас до театру. Ну, як вам це подобається?

Комусь із нас спало на думку, що ми можемо простовбичити тут до

приходу Месії. Треба негайно бігти до чорного входу. Примчали туди як навіжені і бачимо біля дверей здорового, як бугай, пожежника в мідній касці із замашним кийком у руці — ну спробуй тут прослизни до театру, коли він не зводить із тебе очей. І скільки б ми йому не втовкмачували, хто ми такі й чому нас повинні впустити до театру без квитків, що сам Соловейчик звелів...

Як горохом об стіну. Його це не обходило:

— Геть, халамидники, інакше вам від мене перепаде...

Ми хором заповзялися кричати, гукати Соловейчика — але марно.

Почувши галас, біля пожежника раптом з'явився середнього зросту, кремезний чолов'яга в жилеті, в зім'ятому картузі на самій маківці та з сантиметром у руках. Він зиркнув на нас темними сміхотливими очима, запитуючи, чого ми так репетуємо.

Перебиваючи один одного, ми взялися розповідати, як Соловейчик попросив нас допомогти перевезти сюди зі станції декорації, обіцяючи впустити нас без квитків у театр, але підступно обдурив...

Незнайомець розреготався:

— То, виходить, півміста хлопчаків допомагали Соловейчикові перевозити декорації? Як же можна всіх впустити в театр, коли зал переповнений? — Потім замислився і додав: — Ми, хлоп'ята, мабуть, вирішимо так. Кількох товаришечків впустимо сьогодні, решту — завтра... післязавтра...

Зчинилася штовханина, галас, до дверей кинулися першими саме ті хлопці, котрі й пальцем не ворухнули, щоб допомогти Соловейчикові.

Пожежник розізлився. Метнув погляд на актора, який збирався впустити нас:

— Товаришу Міхоелс!.. На сцені ви господар, а тут, біля запасного виходу, командую я... У вас там ваші інструкції, а в мене тут мої інструкції...

Він хотів був іще щось сказати, аж тут пролунав третій дзвінок — і Міхоелс поспішив до сцени.

Пожежник спритно зачинив двері перед самим нашим носом. Тої ж миті ми забули про несправедливість, залишившись стояти по той бік дверей із розкритими ротами. Що? Отой чолов'яга в пом'ятому картузику, в жовтій жилетці і є великий Міхоелс? Отака проста, доступна, звичайна людина. А ми уявляли його зовсім іншим.

Ні, все-таки Міхоелс мав би впустити нас до театру. Задля справедливості мусив би так зробити. І ми затаїли на нього образу...

Щодня біля готелю, — він називався «Франція», — а також на тихих алеях нашого знаменитого парку «Софіївка» ми зустрічали Соломона Міхоелса. Дивилися на нього з величезною шанобою, не зачіпали жодним неприязним словом, зате від нас дуже перепадало Оскарові Соловейчику.

— Брехло! Рудий чортяка, пожежа! Біжіть, люди, гасити! — гукали ми йому вслід, і він не знав, куди подітися. А перехожі, чуючи, як ми збиткуємося з дорослої людини, не могли зрозуміти, що спричинило таку

нашу неповагу.

Скільки разів мені потім випадало зустрічатися, спілкуватися, бесідувати з Соломоном Міхоелсом! Навіть траплялася не раз нагода розповісти йому історію, яка сталася багато років тому, але кожного разу щось ставало на заваді, і я відкладав це на кращі часи.

«Кращі часи», на жаль, відсувалися. Розпочалася війна. Вона і розлучила нас на цілі чотири роки.

Восени 1947 року мені довелося поїхати до Москви. Кожна поїздка до столиці нагадувала свято, правда, цього разу на душі було сумно: багато моїх щирих друзів, колег полягло на полі бою, дехто ще не повернувся з евакуації. В Москві залишалося дедалі менше друзів, з якими можна було б зустрітися, провести час.

Але все-таки кілька адрес зоставалося. І я вибрав найважливішу, де міг відразу зустрітися з багатьма моїми друзями, колегами, письменниками, артистами, художниками.

В першу чергу я вирушив на Кропоткінську, 10, де містився Єврейський антифашистський комітет і газета «Ейнікайт» («Єдність»).

Хоча ще тільки звернуло з півдня, у фойє розкішної будівлі віяло пустою. Раптом із залу долинув гомін. Я обережно прочинив двері і побачив: за довгим дубовим столом сидять мої давні друзі та знайомі, декотрі стоять по кутках, біля відчинених вікон і палять. Здається, коротка перерва під час якогось засідання, чи що?

Я зауважив Соломона Міхоелса, Іцика Фефера, Давида Бергельсона, Переца Маркіша, Самуїла Галкіна, Лева Шейніна, Лію Штерн, Арона Кушнірова, інших знайомих і незнайомих.

Аби не заважати, я тихенько причинив масивні дубові двері, але тут почулося кілька голосів — мене гукали:

— Гість із Києва! Давайте до столу! Добре, що ви прийшли!

Я зовсім зніяковів.

Стало гамірно. Давні мої друзі кинулися до мене з привітаннями, адже впродовж усіх воєнних років, перебуваючи на фронті, я не бачився з багатьма колегами, і теперішня зустріч була сердечна, щира, бурхлива. Мене обступили, розпитували, як там у Києві, на Україні...

Іцик Фефер, який сидів поруч із Соломоном Міхоелсом, ухопився за останні слова і запропонував, щоб я розповів, що чути на Україні, адже це всіх цікавить.

Він знав, що після того, як я прийшов з війни й повернувся додому, в Київ, я об'їздив ряд міст і містечок Поділля та Волині, чимало побачив і почув.

І, не чекаючи, поки народ заспокоїться, а я прийду трохи до тями після такого гамору, одразу надав мені слово.

Сказати правду, я трішечки розгубився, не уявляючи, про що розповідати. Довкола столу сиділи, а попід стінами, біля вікон стояли стільки

уславлених письменників, учених, артистів, громадських діячів, блискучих ораторів, і виголошувати перед такою аудиторією промову зовсім нелегка річ. Та іншого виходу я не мав. Усі погляди звернено на мене. Навкруги запанувала тиша, присутні жадібно чекали на мою розповідь.

Я зібрався з думками, зважуючи, з чого розпочати. Що нині може зацікавити таких вибагливих слухачів? Всі й самі добре знають, жахлива навала зовсім недавно бурею прокотилася над Україною, Бабин яр... Стерто з лиця землі прекрасні міста і містечка, скрізь руїни, страхіття. Одні за одним люди повертаються з евакуації, голодні, босі, не знаючи, до чого братися, де знайти дах над головою, де жити, де притулитися, коли поблизу кожного міста й містечка, в ярах і братських могилах, які залишили гітлерівські нелюди, ще свіжі сліди крові, невинної крові мучеників.

То невже я прийшов сюди, аби повторювати моїм друзям і колегам те, що вони знають самі, через що їхні серця не перестають боліти, прийшов ятрити їхні рани? Не цього чекають тепер.

І я розміркував, що, мабуть, краще обмежитися розповіддю про історію, яка відбулася в страшне воєнне лихоліття в маленькому селищі на Поділлі, на самому березі Дністра.

І, зібравшись з думками і з силами, без жодних прикрас, просто і стисло почав розповідати про Яругу... Невеличке селище на Поділлі, єврейське поселення, якому вже виповнилося кілька століть...

Не знаю, чи комусь із вас доводилося бувати колись у Ярузі, яка заховалася осторонь від великих шляхів, між берегом та глибокими долинами, яругами, саме через це до неї й приліпилася назва — Яруга...

З одного боку яру, притиснувшись до самого берега Дністра, поміж замшілими скелями, густими чагарниками притулилося селище. Тут, між скелями, простягайся його вулиці й завулки. Тут жили прості трударі. Сотні років тому їхні пращури, переслідувані й гнані іспанськими інквізиторами з міст і сіл Європи, прибилися до дикого, безлюдного берега, кілька десятків єврейських родин. На високому схилі гори, що тягнеться до самого обрію, насадили вони виноградники. Виготовляли знамениті іспанські вина.

По той бік яру прослалося до голого степу українське село. І довгі роки жили в сусідстві єврейське селище та українське село.

Неподалік від виноградників стоїть обгороджений муром старовинний цвинтар, де ще й досі можна прочитати на могильних плитах, що їм уже майже чотириста й більше років, і, на щастя, збереглися вони й сьогодні, правда, осіли в землю. Трударі, які насадили тут чудові виноградники, овіяні живими легендами.

Я зробив коротеньку паузу, перевів подих і оглянув присутніх, чи слухають мене з інтересом, чи їм не нудно, але, пересвідчившись, що моя розповідь справила враження, я продовжив далі. І ще впало мені в очі, що з особливим інтересом дослухається до моїх слів Соломон Міхоелс, щось тихенько шепоче і не зводить з мене пильного погляду.

Він стояв біля навстіж відчиненого вікна, тримав у пальцях сигару, і, здається, щойно почуте щось у ньому пробудило. Міхоелс нетерпляче кивнув мені, мовляв: ну, чого ж ви замовкли... ми слухаємо...

Його погляд мене підбадьорив, і я розповідав далі. Жителів селища, які отаборилися на землях поміж ярами та бескиддями і насадили на схилах гори виноградники, навколишні жителі прозвали «іспанцями». Багато років по тому тут, поряд з «іспанцями», також оселилися євреї з Поділля, з Кам'янця-Подільського, Старокостянтинова, ремісники, які кували зброю, шили одяг.

Люди любили землю, свої виноградники. Вони жили у злагоді, у великій дружбі із сусідами по той бік яру — з українськими селянами. Ділили навпіл горе і радість. Добре й лихе переживали спільно.

Траплялася біда — випадав на виноградники сильний град і вибивав виноград, над селищем нависала тінь голоду. Приходили на допомогу сусіди-українці, ділилися останнім шматком хліба. Спалювала посуха поля сусідів — приходили на допомогу виноградарі з Яруги.

Отак і жили.

Великі свята справляли разом, веселилися, танцювали, ходили одні до одних у гості. Траплялася тут або там біда — разом горювали. Подекуди село й селище зрослися між собою. Церква стояла на землі селища, а частина синагоги стояла на землі українського села; коли якось у церкві сталася пожежа, прибігли пожежники з селища й загасили вогонь. Євреї врятували від полум'я ікони, короги, все церковне начиння, і все село було вдячне сусідам. Під час зливи сильно потерпіла синагога, що однією стіною виходила в бік українського села. Стіна завалилася, тоді прийшли селяни-українці і протягом кількох днів відбудували синагогу.

Відколи в Ярузі утворили колгосп, а також з'явився колгосп в українському селі, сусіди ще дужче подружилися. Звели спільний клуб посередині між селищем і селом, і люди приходили сюди слухати концерти, дивитися кінофільми.

Чудовими літніми вечорами можна було чути єврейські пісні, що їх співали хлопці та дівчата з українського села. А в Ярузі єврейські юнаки та дівчата незгірше співали українських пісень. Українська молодь розмовляла добірною єврейською мовою, і в єврейському селищі також чулася соковита українська мова. До четвертого класу учні вчилися нарізно своєю рідною мовою, а потім ходили до однієї школи.

Дуже рідко між євреями та українцями траплялися сварки, непорозуміння, навпаки, сусіди жили мирно і у великій пошані одне до одного.

Під час громадянської війни українські та єврейські юнаки створили загін самооборони і не підпускали й близько жодної банди, запобігаючи погромам.

І ось розпочалася війна. Фашистські орди затопили Поділля. Вони вдерлися сюди швидко, несподівано — ніхто не встиг виїхати, врятуватися.

Паніка охопила Яругу. Моторошні чутки долинали із тих містечок, де пройшли кати. Яруга потерпала від страху і жаху. Селище лежало, як уже сказано, осторонь великого шляху, і поки що там було тихо. Настав саме час праці на виноградниках, але ніхто не виходив до виноградних лоз, грона висіли на дротах і на тичках, немов осиротілі.

Мертвий виноградник далеко прослався по безкрайньому схилу гори, яка тягнеться від обр'ю до самого берега Дністра. Та кого він зараз обходить, виноградник, — життя висить на волосині?

Тихого літнього світанку, — коли все навкруги спало, заціпенівши в тривозі й жахові перед завтрашнім днем, у селищі немов із-під землі виросла численна згряя німецьких катів, озброєних до зубів. Вони кинулися в будинки, хапаючи все, що можна було поцупити, і виганяючи малих і старих на майдан біля селищної Ради.

Кати повитягали з хат геть усіх, тяжкохворих, нездатних пересуватися, немовлят з колисок, жінок, кажучи, що відправлятимуть жителів селища в інше місто, де ті зможуть спокійно жити й працювати...

Однак люди здогадалися, куди й навіщо їх ведуть. Лемент і зойки долинули до сусідів з українського села. На церковній дзвіниці забамкали дзвони. І всі — малі й старі, здорові й недужі — повиходили з хат, взяли в руки ікони, корогви й подалися до єврейського селища, звідки лінули крики, плач, голосіння.

Народ був страшний у своєму гніві.

— Куди, куди женете ви людей, наших сусідів? — чулися звідусіль голоси.

Павло Денисович Паламарчук, бригадир тваринницької ферми, стрибав на милицях. Сорочка на кошлатих грудях розхристана, сиве волосся розкуйовджене.

— Куди ви забираєте людей? — вимахувала кулаками Олеся Руденко, стара селянка с суворим, довгообразим, засмаглим від сонця і вітру обличчям. — Побійтеся Бога! Куди ви їх женете? Сотні років вони живуть тут і гарують. На оцій-от землі трудилися їхні діди й прадіди... Погляньте, який виноградник, яке диво викохали на горі...

Люди хвилювалися дедалі більше, колона зупинилася. Гітлерівці, побачивши стривожений, збуджений натовп, зупинились, дивилися на свого командира з довгими сивими вусами й чекали його наказу. Але той, роздратований, вихопив з кобури парабелум і вистрілив у повітря.

— Проклята свинота, якщо життя вам не набридло, забирайтеся геть! — загорлав він. — Ви мусите бути вдячні нашому фюрерові, який визволяє вас від пархатих жидів. Усе їхнє майно, поля, виноградники перейдуть до вас...

— Ми чесні слов'яни, не розбишаки! — почувлися вигуки. — Чуже добро нам не потрібне. Ми не загарбаємо їхньої важкої праці. Ми люди, не кати! Сотні років живемо тут по сусідству, і ніхто ні в кого й нитки не взяв.

Із збуреного натовпу виступив старий священник у рясі з великим наперсним хрестом. Підійшовши ближче до офіцера, він вигукнув:

— В ім'я Господа Бога, не чіпайте людей! Вони, правда, іншої віри і служать іншому Богові, але це порядні люди, трудівники... Вас Бог покарає, якщо ви їх займете...

Розлючений офіцер підбіг до священника, порвав на ньому рясу і штурхонував старого на землю. Побачивши таке, народ кинувся на офіцера, ладний тут-таки роздерти його на шматки. Заляцали постріли. Проте люди не злякалися. Хтось допоміг старому підвестися, і той вигукнув:

— Будьте прокляті ви і весь рід ваш!..— І, озирнувшись на збуджену юрбу своїх парафіян, продовжив:—Якщо вони ведуть наших сусідів на смерть, то хай і нас ведуть. Ми не повинні допустити смертовбивства, люди... Не повинні.

І старий розплакався. Дивлячись на нього, заголосили то тут, то там діти й жінки... Натовп кинувся до перехрестя, перегородив дорогу колоні, і німці зупинилися. Вони зрозуміли, що люди не дозволять вивезти євреїв із селища.

Офіцер, вибравшись із людського тлуму, оголосив, що за такий бунт він зітре з лиця землі і село, і селище... Але своїх солдатів відвів нагору, до старезних дерев, за якими стояли потужні ваговози.

Кілька разів приходили сюди німці проводити каральну акцію, але щоразу повставало сусіднє село.

Трохи згодом у цьому краї з'явилися румуни і взялися тут порядкувати. Життя в селищі стало тяжким, жителів грабували, мучили, і під час облав євреї рятувалися в українському селі. Там кожен мав свою схованку, і коли загрожувала небезпека, українці брали під свій захист єврейських сусідів...

Я вдруге перехопив пильний погляд Соломона Міхоелса. Ще ніколи не бачив його таким замисленим, таким зосередженим, як тієї хвилини. Очі його змінили колір, вони просто-таки палали, і я зрозумів, що він чекає на останній епізод, який мені залишилося розповісти. І я вів далі.

Настав серпень 1944 року. Бої вже точилися на Дністрі, на Поділлі. Кілька днів і ночей дрижали земля і зелені гори неподалік від Яруги. У смертельному жаху жили люди, чекаючи своєї долі.

Одного блакитного ранку, коли стрілянина трохи вщухла і дехто вже виліз із погребів, озираючись навкіл, аби побачити, що робиться на білому світі, люди помітили ген удалині, на самій вершині гори, де кінчаються виноградники, купку солдатів у зелених маскхалатах, які обережно спускалися до селища. Перші сонячні промені заграли на їхніх касках — заблищали червоні зірки. То були наші розвідники. Люди вибралися з погребів. Вони обступили червоноармійців, обіймали їх, цілували. Радість і сльози. Із сусіднього села поприбігали селяни.

Жителі селища, голодні, змарнілі, не знали, як дякувати бійцям. Ста-

ренька єврейка, дивлячись на знеможених солдатів, закушпелених з ніг до голови, вигукнула крізь сльози:

— Погляньте, людоньки, так довго чекали на наших рятівників, дочекалися з божою поміччю, та немає чим їх пригостити...

Тут із юрби виступив старий Гедалі, славетний винороб з артілі, Гедалі «з іспанців». Він позирнув на стареньку з докором:

— Що ви таке говорите, Хайко? Хто вам таке сказав, що немає чим пригостити наших визволителів?

І, кивнувши на Менаше, бондаря, що стояв осторонь, усміхнувся:

— Ану, Менаше, серце, будь такий ласкавий, принеси-но мені заступа...

Той з острахом поглянув на Гедалі, немов кажучи: «Нащо тобі зараз здався заступ?» Але все-таки побіг до повітки й приніс заступа.

Юрба, розгубившись, завмерла на місці.

Гедалі взяв заступ, підійшов до старезного горіхового дерева, яке своєю розлогою кроною затуляло шмат майдану від ранкового сонця, ступив десять кроків в один бік, потім ще відміряв десять кроків праворуч і завзято заходився копати пересохлу, потріскану землю. І ось він видобув із ями старе, почорніле дубове барильце. Попросивши жінок принести кухлі, Гедалі обтер рукавом землю з барильця і вибив чіп.

Старий почав обережно наливати в кухлі темно-рожеве вино—в повітрі полинув божественний аромат.

Перші налиті кухлі Гедалі простягнув солдатам.

— Що значить — нічим пригостити визволителів? — знай повторював він. — Беріть, беріть, дітки, випийте за нашу зустріч, аби ми більше не знали такого горя...

Солдати з задоволенням пили, хвалили вино і передавали кухлі літнім людям, які стояли поруч.

Менаше, бондар, узяв кухоль вина обома руками, відпив трохи, і заросле бородою обличчя його засяяло. Він підійшов до свого давнього побратима Гедалі, довгу хвилю розглядав його, ніби побачив уперше в житті, і, хитаючи головою, озвався:

— Ай, Гедалі, Гедалі! Всі наші люди мають тебе за незвичайного винороба, і до того ж іще й за мудрака, а ти, виявляється, трохи пришелепуватий...

— Чим же, Менаше, серце, заслужив я в тебе таку неймовірну пошану?..

— Ви чули, люди, він ще питає! — розсердився Менаше. Де ж це видано, щоб нормальна людина взяла й закопала в землю такий дорогоцінний трунок? Наше життя весь час висіло на волосині. Дякуючи сусідам, ми з божою поміччю zostалися живі, врятувалися, значить. Скільки разів траплялося, що гітлерівські головорізи могли нас убити, знищити, тоді пропало б дорогоцінне барильце вина, незрівнянний напій, що його виго-

товив такий видатний майстер, як ти, Гедалі...

Той кілька секунд поміркував, а тоді відповів:

— Бачиш, любий друже Менаше, я добре знав, що життя наше висить на волосині і що гітлерівські іроди хочуть нас знищити, щоб і сліду нашого не зосталося. Тож коли з великого винного льоху ми повиливали в Дністер усе вино, усі бочки, аби харцизяки не змогли пожитися, одне барильце, оце-от, я закопав у землю. Я вірив, що для фашистських виродків прийде страшний кінець, вони зазнають поразки! І якби навіть із нас ніхто не врятувався і тут би постала гола пустеля, все одно, міркував я, через двадцять, тридцять, через п'ятдесят років на оцій землі, на руїнах наших домівок, оселяться інші люди, такі самі трударі. І, копаючи цю землю, хтось із них неодмінно натрапить на оце барильце вина, покуштує плід нашої праці і напевне скаже: «Не такі вже прості люди жили тут колись, золоті майстри, як видно, були!».

І тут я раптом почув, як Соломон Міхоелс вигукнув: — От!.. Гедалі!.. Менаше...

Я здивувався, спочатку не зрозумівши, що сталося. Я підвів розгублений погляд на Міхоелса і зовсім його не впізнав. Рідке волосся на голові скуйовджене, а очі, його розумні, проникливі очі сяють якимсь незвичним блиском. Він пробрався до мене, узяв за руку, й прошепотів на вухо:

— Завтра о другій годині дня чекаю на Вас у себе в театрі. Рівно о другій. Нам треба зустрітися.

І повернувся на своє місце...

Я, приголомшений, залишився стояти. О другій годині... В театрі... Дуже важлива справа... Міхоелс на мене чекатиме... Що це все має означати? До театральних справ я маю вельми віддалений стосунок. Майже ніколи не був пов'язаний з театром, не писав п'єс і не збирався їх писати в найближчі роки. Я лише недавно змінив військовий одяг на цивільний і мав намір з головою поринути в роман про війну. Крім того, мені відомо, як заклопотаний нині Соломон Міхоелс, має підготувати нову виставу, він дні й ночі проводить зі своїм колективом, не кажучи вже про численні громадські обов'язки, наприклад, він голова Єврейського антифашистського комітету, в театральному товаристві столиці в нього сила-силенна різних доручень, і от маєш: завтра рівно о другій дня чекаю на Вас у себе в театрі...

Розмова затяглася. Товариші ставили запитання, потрібно було давати відповіді, про щось розповідати, вислуховувати зауваження. Зустріч закінчилася, почали обмінюватися дотепами, жартами, після чого групами рушили в місто.

Ми з Щиком Фефером ішли зеленим бульваром, що починався біля метро «Кропоткінська», згадуючи, як напередодні війни разом з Давидом Гофштейном та Мойсеєм Аронським виїздили в Яругу, провели літературний вечір у клубі знаменитої артїлі, пригадали про частування, яке там там улаштували, і як ми дегустували славетні ярузькі вина, чудово

відпочили на березі Дністра, де зустріли схід сонця.

Коли ми прощалися, Іцик Фефер, котрий, як відомо, 1943 року разом з Міхоелсом відбув у подорож до Америки і Канади з важливою культурною місією й дуже подружився з видатним актором, признався, що підслухав ненароком, як Міхоелс запрошував мене до себе в театр на другу годину. При цьому Фефер зауважив, що я повинен прийти точно, не запізнитися, бо Міхоелс страшенно завантажений, кожна хвилина йому дорога.

Навіщо Міхоелс запрошує мене до себе отак невідкладно? Фефер розвів руками. Він не мав уявлення, так само як і я, тільки сказав, що Міхоелс, певно, щось задумав, до завтра лишилось не так багато часу, і мені треба набратися терпіння. Гаразд, я наберуся терпіння і в точно призначену годину прийду до цієї дивовижної людини й актора, до кого я відчував величезну любов і повагу, незважаючи на те далеке наше, невдале перше знайомство там, в Умані, на завдану мені тоді образу...

І я подумав, що завтра під час зустрічі я неодмінно виберу момент, аби нагадати йому про ту давню історію. Адже він, попри все, Соломон Міхоелс, весела людина і вмє цінувати гумор...

Рівно о другій годині я ввійшов до приймальні біля його скромного кабінету, де вже чекало багато відвідувачів. Телефон раз у раз дзвонив, метушня чимдалі зростала. Вбігали й вибігали заклопотані актори, кивали на двері художнього керівника, довідувалися у секретарки, чи шеф ще не звільнився і чи можна до нього зайти, але вона відмахувалася — хазяїн дуже зайнятий і сьогодні нікого не прийме. Він готує новий спектакль. У кабінеті повно людей... Йому і вгору ніколи глянути...

Видно, я прийшов невчасно. Уже почав міркувати, чи не залишити цидулку з поясненням, що я завітаю іншим разом. Та коли годинник на стіні вибив два рази, двері кабінету розчинилися — і на порозі став Соломон Міхоелс, збуджений, з розкудланим волоссям, очі палають. Побачивши мене, підійшов, простягнув руку. З приязною усмішкою провів до себе в кабінет і попросив людей, які там сиділи, вибачити йому...

— О, дуже добре, що Ви прийшли... Я вже на Вас чекав! — Він зняв чорний піджак і почепив його на спинку стільця.

— Але ж, Соломоне Михайловичу, секретарка сказала, що Ви сьогодні дуже зайнятий і нікого не прийматимете... Може, я прийду іншим разом, коли ви трохи звільнитеся...

Він гірко всміхнувся:

— Нащо Ви прислухаєтеся до того, що кажуть жінки?.. Вас це аж ніяк не стосується. Я дуже радий, що Ви прийшли вчасно... А щодо того, коли я звільнюся? Як видно, ніколи... — Відвернувшись від мене, почав повільними кроками походжати взад і вперед по кабінету, очевидно, забувши про мою присутність.

— Прошу вибачити... Я дуже втомився... Учора довго не міг заснути. Чимало передумав... І знаєте, хто в цьому винен?

Я напружено дивився на Міхоелса, не знаючи, що відповісти. Помітивши мою розгубленість, він додав:

— Винні в цьому Гедалі та його побратим Менаше, бондар... Ваша Яруга... Бодай цього не згадувати... Вони мене розтривожили...

Відчинивши двері, він попередив секретарку, щоб вона нікого не впускала, не з'єднувала по телефону. Потім замкнув двері, навстіж розчахнув вікно, щоб цигарковий дим вивітрився з кімнати, надовго задумався і, піднявши комір голубої сорочки, насунувши на голову картузик, що лежав збоку на стільці, ступив кілька кроків і мовив проникливим голосом:

— Менаше, серце, ти чуєш, Менаше, будь такий ласкавий, подай-но мені заступа...

Мить — і Міхоелс ніби вже тримає в руках заступа, ступив кілька кроків і заходився копати землю. Витерши рукавом піт з чола, добув з ями барильце вина, вибив чіп і почав наливати в кухлі, підносити солдатам... Переді мною стояв не Соломон Міхоелс, а мій давній знайомий винороб із знаменитого єврейського селища і пригощав визволителів. За одну хвилину великий актор перетворився, перетворився на трударя, філософа. Хвилини п'ятнадцять грав дивовижний актор, і я геть забув, що перебуваю в робочому кабінеті Соломона Міхоелса, а не в театрі...

Тяжко зітхнувши, втерши рясний піт із свого сократівського високого чола, опустився на стілець поруч, не зводячи з мене усмінено-пильного погляду.

— Тепер, пане Григорію, ви вже здогадуєтеся, для чого я просив Вас завітати до мене? Я відповів:

— Взагалі я надзвичайно радий, що сьогодні зустрівся з Вами, і від щирого серця вдячний за те, що тільки-но побачив і почув. Тільки, сказати правду, я не здогадуюся, навіщо Ви сьогодні змарнували на мене свій дорогоцінний час...

Він ледь захвилювався.

— Не здогадуєтеся?..—повторив він, затягуючись димом.— Шкода... Я вже давно не виступав на сцені з новою річчю... — вів далі, стишивши голос, немов бажаючи вилити свій душевний біль. — І Ви не уявляєте, що в Міхоелса багато ворогів, недоброзичливців... Вони твердять, що Міхоелс займається режисурою, виголошує промови на мітингах і зборах, виступає на диспутах, зробився патякалом, дає людям добрі поради, став адвокатом, але як актор він вичерпався. Він зіграв Тев'є, Шімеле Сорокера, короля Ліра чи Веніаміна... Але жодного героя нашої доби, нашого сучасника, зіграти він не може... Вони не знають, з яким задоволенням я зіграв би нового Тев'є, як хочеться мені показати на сцені красу і велич нашого народу, його барвистої рідної мови, його душі, думок, показати глибоке коріння його історії, його сильних земних людей... Мені здається, що я залюбки зіграв би Гедалі... Зускін зіграв би Менаше, бондаря... Я бачу виноградник, лози, дужих єврейських хлопців і дівчат, бачу, як вони простують між

виноградних шпалер, несучи на плечах плетені кошики із соковитими гронами винограду... Мені потрібна така п'еса... Як би вона могла називатися? — Міхоелс замислився.

— Така п'еса могла б, на мою думку, називатися «Батьківський виноградник», — сказав я.

— Бачте, — зрадів Міхоелс, — у Вас навіть є назва: «Батьківський виноградник»... Здається, непогано. У Вашому стилі... Я пригадую Вашого «Шмаю-розбійника», «Шойла-сіткаря»...

— Так, але Ви забули одну дрібничку, — знову докинув я несміливо, — це ж романи... До п'ес я ніколи не брався і не уявляю, як писати п'есу... До того ж іще для Соломона Міхоелса, для такого славетного актора...

І, помітивши, що він знову запалив цигарку, я нагадав йому, як в ті далекі роки ми, хлопчаки, возили зі станції декорації, а він, Соломон Міхоелс, не впустив нас до театру... Він дзвінко розсміявся, згадав Умань, Софіївку, своїх уманських знайомих і додав:

— Ну що ж, гадаю, цього разу ми Вас не підведемо, як тоді, впустимо в театр...

— Але ж, Соломоне Михайловичу, я не драматург! У мене з п'есою нічого не вийде...

Він подивився на мене з усмішкою:

— Мене Ви не обдурите... Якщо пам'ять мене не зраджує, я не так давно читав у газеті, що перед війною Ви брали участь у конкурсі на кращу одноактівку. І навіть одержали другу премію. Я навіть запам'ятав назву Вашої одноактівки: «Гість у містечку»... Ну, піймав я Вас, га? — розсміявся він.

Я зовсім знітився.

— Так, це правда. Одержав премію, але ж то була одноактівка. А Вам потрібна п'еса на три дії. Таку я не пробував...

— Ніколи не думав, що Ви такий впертох, — він трохи розсердився. — Коли Ви вже зуміли написати одну дію, то спроможете й на три... Пам'ятаєте прислів'я: «Не ангели ліплять пельмені»? У Вас готова п'еса. Вона, я вірю, вийде! А я вам усіма силами в цьому допоможу.

Глибоко затягнувшись цигарковим димом, він усміхнувся:

— До того ж, як Ви мені щойно розповіли, я Ваш давній боржник, ще з Умані... Ми з Вами, я вірю, станемо сватами. Я це відчуваю. Вчора я це відчув. І саме тому запросив Вас до себе... Серце мені ніби підказує, що п'еса в нас вийде. Головне, не слід боятися. Ви ж були солдатом. Пройшли всю війну...

— Все так, — спробував я відмовитися, — але ж я не драматург...

Він, похитавши головою, натиснув на кнопку на столі, ввійшла секретарка. Вона глянула на мене трохи скося, не розуміючи, чим я заслужив таку честь і хто я такий, що Міхоелс приділяє мені стільки часу, тоді як дуже відомі люди чекають на шефа і просяться в неї, щоб їх пропустили до

кабінету бодай на хвилинку.

— Прошу викликати товариша Фішмана, а якщо є Альтман, то я чекаю на обох, — звернувся до неї Міхоелс.

Я здивувався. Навіщо він викликає їх так негайно? Гаразд, Альтмана я знав, літературний керівник театру, відомий театральний критик. Можливо, Міхоелсу потрібно з ним поговорити чи порадитися. Але ж Фішман, новий директор театру... Навіщо кличуть його?

Через декілька хвилин увійшов директор і за ним Альтман. Міхоелс чемно привітався з ними і, відрекомендувавши мене, сказав:

— Ну, як він вам подобається? Майже написав добру п'єсу і приховує її від мене... А я так довго чекаю на неї! «Батьківський виноградник». Сучасна п'єса.

Обидва презирнулися, не розуміючи, про що Міхоелс веде мову. А він раптом рішуче повернувся в мій бік:

— Коли Ви збираєтесь їхати додому, в Київ?

Я від несподіванки не відразу збагнув, про що мене запитують. І не відразу відповів:

— Певне, за тиждень, коли закінчу свої справи...

— Що? За тиждень? — націлив на мене пронизливий погляд. — Виключено! Ви поїдете завтра. Так, завтра Ви поїдете і негайно сідаєте за роботу... — Повернувшись до ошелешеного директора: — До Вас у мене прохання, дістаньте для нашого гостя квитки на завтрашній поїзд.

А коли той рушив до дверей, Міхоелс зупинив його:

— Ага, мало не забув... Дайте мені зараз же на підпис угоду з автором «Батьківського виноградника» і випишіть йому ще сьогодні аванс, щоб він кілька місяців не брався за сторонні роботи. Адже Ви знаєте, що письменник не одержує платні. Він вільний митець...

Я був просто-таки приголомшений тим, що відбулося тут, у кабінеті, за якийсь короткий час. Я був зворушений, окрилений, але водночас відчував і неабиякий страх. Таке замовлення і так раптово, несподівано! Легко сказати — написати п'єсу. Для цього треба мати справжнє покликання, а я... Який стосунок маю я до драматургії? Чимало моїх колег бралися іноді писати п'єси, і з цього виходив пшик. Але відступати було нікуди. Машина закрутилася. Соломон Міхоелс чекатиме, я повинен якнайскоріше приїхати до нього і прочитати першу дію ще не існуючої п'єси «Батьківський виноградник».

Голова в мене пішла обертом... Надіти собі на шию отаке ярмо?

Крім того, ніхто з моїх московських друзів і колег, яких я мав відвідати, не зрозуміє, що зі мною сталося: не встиг приїхати до столиці, огледітися, і маєш — на другий день утік, повернувся додому, не попрощавшись. Такого за мною ніколи не водилося.

Повернувшись додому, я відразу засів за роботу. Буквально ув'язнив себе в чотирьох стінах. Занедбав усі інші справи. Весь час перед моїми

очима стояв Соломон Міхоелс. Я чув його голос: «Ну як, пане Григорію, посувається робота?» Боже мій, така людина покладає на мене стільки надій, чи ж можу я її підвести?

Вкотре в моїх вухах лунав знайомий голос: «Дарма, не ангели ліплять пельмені...»

І я забув про відпочинок, про сон, працював, як ніколи. Якось пізно ввечері задзвонив телефон. І я почув знайомий хрипливатий, стомлений голос. Міхоелс.

— Як іде робота?

Такі дзвінки повторювалися дедалі частіше з наближенням строку, коли я мав їхати до Москви, щоб прочитати Міхоелсу першу дію. Це додавало мені наснаги, сил, адже на мене чекають. Я працював іще напруженіше.

Час летів швидко. Не зогледівся, як настала пізня осінь. Періщили дощі, часто змішані із снігом. Я захопився — вже час їхати до Москви.

В останній нічній розмові з Міхоелсом він жартома сказав, що коли перша дія ще не остаточно відшліфована, це, зрештою, не має значення, бо він, мовляв, належить до тих людей, яким можна показувати половину роботи...

Я виїхав до Москви з трепетом у серці. Довго стояв перед дверима театру, на Малій Бронній, 2, не наважуючись переступити поріг. Мулявся, немов учень, який збирається складати важкий іспит суворому вчителю. Безліч думок роїлося мені в голові. Здається, третій монолог Гедалі повинен би починатися інакше, пісня, яку наспівує Менаше, бондар, коли лагодить барильце, має бути веселішою... Сварку дівчат, які обрізають виноградні грона, треба зробити стриманішою... Так, але нащо тепер розмірковувати про це?

От я вже стою в приймальні, і знайома секретарка вітає мене приязніше, ніж першого разу. На моє запитання, чи Міхоелс прийшов, глянула на мене здивовано:

— Соломон Михайлович уже півгодини як чекає на Вас... Прошу...

Міхоелс зустрів мене дружньо, чемно. Нетерпляче взяв рукопис і, надівши окуляри, занурився в мою працю.

Я сидів в куточку і занепокоєно стежив, як він читає. Його чисто виголене, ледь суворе, засмагле обличчя стало поважним, а от розпливається у миловидній усмішці, раптом він голосно сміється, хитає головою. Затумувавши подих, я стежу, як його повна, трохи опущена спідня губа ворухиться, як він щось шепоче, а от зараз робить коротку паузу, задумується на хвилику, перегортає сторінку. Я сиджу як на голках. Намагаюся з кожного виразу вгадати, про що зараз думає видатний актор, митець і який вирок винесе мені...

Минула, здається, ціла вічність, поки він прочитав шістнадцять перших сторінок, глибоко замислився, підвівся, підняв комір свого трохи

втертого на ліктях чорного піджака, ступив кілька кроків по кабінету, зробив жест, ніби взяв до рук заступа й почав копати. Ось він видобув із ями барильце вина, вибив чіп, наливає в кухлі...

— Бачиш, любий друже Менаше, — заговорив Міхоелс своїм сильним грудним голосом, — я добре знав, що лиходії хочуть нас знищити, вирвати з корінням. Але я все-таки вірив у їхній неминучий крах, в їхню остаточну поразку... І якби навіть ніхто з нас не вижив і навкруги знову постала пустка, все одно через двадцять, через п'ятдесят років на цій землі знову оселилися б люди-трударі, і, перекопуючи землю, яку наші пращури полили своїм потом і кров'ю, натрапили б на оце барильце, і, покуштувавши плід нашої важкої праці, схилили перед нашою пам'яттю голови, сказавши: «Так, не звичайні люди колись жили на цій землі!».

Він сів поруч зі мною і радісно промовив:

— Тепер бачите, що моє чуття мене не підводить? Я не даремне вірив, що у вас вийде. Так, Менаше я запропоную грати Зускшу. Це саме роль для нашого Веніамша... Початок у Вас добрий... Але це місце, може б, ви ще раз переглянули, зробили його трохи стислішим... — Міхоелс перегорнув декілька сторінок — Перехід варто б підсилити... А втім, це деталі. Ви на правильному шляху. Якщо дві Інші дії вийдуть такі, як перша, ми відсвяткуємо нашу перемогу... Просувайтесь далі!

Замислившись, він пройняв мене пильним поглядом:

— А коли ви збираєтеся додому, в Київ?

— Гадаю, днів за три-чотири... — відповів я невпевнено.

— Що? Ні-ні! — перебив. — Ми не маємо права марнувати час! — І, відчинивши двері, чемно попросив секретарку, аби вона передала директорові, щоб той дістав мені квиток до Києва на завтра. — Бачте, — пояснив він мені, — коли розпочинаєш важливу роботу, не слід перериватися, треба доводити справу до кінця.. Спокою я вам не обіцяю, аж поки не відбудеться прем'єра . Я чекаю на другу і третю дії... Хай щастить.. Я вам подзвоню...

Вже давно не було в мене так гарно на душі, як отієї хвилини. З серця впав камінь. В мене виростили крила. Цього разу я повернувся додому набагато бадьорішим, аніж тоді, коли Міхоелс іще нічого не прочитав з моєї п'єси. Я ще з більшим натхненням узявся до роботи, і весь час у вухах лунали його теплі слова: «Вийде... Просувайтесь далі...»

І я просувався. Але не тільки я просувався, а й час не стояв на місці. Рано впала зима зі своїми лютими морозами і вітрами, та я не відчував холоду, навпаки, відчував надзвичайне тепло від того, що працював напружено. До того ж пізно вночі я дедалі частіше чув по телефону Міхоелсів сердечний голос.

— Як просувається наша справа? Де ми зараз? Я чекаю на другу дію... Я розповідав, як іде в мене робота і коли я збираюся до Москви. Залишалось кілька днів до нового 1948 року, і ми домовилися зустрітися відразу після

Нового року, в перші дні січня... Тут Міхоелс трохи помовчав і додав:

— Дуже добре... Тільки мені доведеться на початку січня поїхати до Мінська.. Я, на додачу до повного щастя, ще член Комітету по присудженню Сталінських премій, і мене попросили подивитися в мінському театрі виставу, яку висунуто на премію. Домовимося так. як тільки повернуся з Мінська, тільки виконаю своє доручення, я вам зателефоную, і ви до мене завітаєте

Я чекав на Міхоелсів дзвінок. Минали дні. Холодні, непривітні січневі дні.

Я чекав. Знов і знов переписував деякі картини мого «Батьківського виноградника», але Міхоелс не дзвонив. Не інакше як затримався в Мінську

Чотирнадцятого січня на світанку телефонний дзвінок пробудив мене від сну, і я почув схвильований, уриваний плачем голос. Телефонував мій добрий приятель. Ледве спромігся вимовити жахливу звістку: вчора вночі, 13 січня, Соломон Міхоелс загинув у Мінську під колесами вантажної машини... Ми втратили диво нашої культури, видатного митця і велику людину...

Уночі? В Мінську... Під колесами вантажної машини загинув Соломон Міхоелс?! Що ж це таке, лихий сон? Чи не переплутали щось? І в мозку промайнула інша думка: щось тут не ліпиться. Трагічний випадок? А що, коли тяжкий злочин? Всі злочини переважно скоюються вночі... Як могла загинути така людина отак безглуздо?

Морозного січневого дня 1948 року я поспішав до Москви. На моторошно скорботне прощання з людиною, в яку був закоханий, до якої кожного разу приходив, як на свято.

Я урвав роботу над п'єсою. Мені здавалося, що ніхто в світі не зуміє зіграти Гедалі, людину з народу, славетного, потомственного виноградаря, нащадка з далекої Іспанії.

Я поспішав на останню трагічну зустріч з геніальним єврейським актором, мислителем, людиною, учителем Соломоном Міхоелсом. І довго довшо мазок свердлила думка: то не звичайна смерть, не звичайні колеса...

Про великого актора, мислителя і громадського діяча в пресі тоді виступило багато видатних акторів, письменників, учених. Наприкінці кожен із них додавав, що такого-то дня трагічно загинув Соломон Міхоелс, але ніхто не наважився сказати, що то було жахливе вбивство; когось великий актор лякав, хтось не міг чути його імені, не міг стерпіти, що він такий знаменитий і має таку гучну славу...

Трагічно загинув... Під час автомобільної катастрофи... В Мінську... 13 січня 1948 року...

Хіба мало катастроф відбувається в світі?.. Так умовляли народ. Але багато хто не повірив. Люди просто не могли заїкнутися, відкрито висловити думку. Ніхто в ті страхітливі часи сталінського культу не насмілювався глибоко проникнути в цю жахливу загадку. Але, як це було вже не раз

доведено, не існує загадки, якої люди не змогли б розгадати, немає і не може бути жодних таємниць, коли про них знає бодай двоє людей...

Авторизований переклад з ідиш М.Тупайла

*Дора Фефер
(Москва, Россия)*

МОЙ ОТЕЦ ИЦИК ФЕФЕР

Фефер Исаак Соломонович ушел из дома украинского местечка Шпола 17-летним юношей, получив домашнее образование. Его отец был учителем древнееврейского языка и стихотворцем. Он погиб в Шполянском гетто 50 лет назад, 16 июля 1942 года. Немцы уничтожили всех евреев, кто там тогда находился. С 1920 года Ицик Фефер до начала войны жил в Киеве. Здесь шло становление его личности и творчества. В этом же году он издает первую книгу стихов. Затем ежегодно выходили сборники стихов, поэм, баллад, написано много публицистических статей, две пьесы, которые были поставлены еврейскими театрами. До последних дней он был в творческом полете. Его книги переведены на многие языки. Обладая ораторским талантом, много ездил по стране, выступая перед людьми. За 10 лет он стал известным поэтом и активным общественным деятелем.

С 1932 г. по 1941 г. Фефер возглавлял еврейскую секцию при Союзе писателей Украины, был членом правления СП, редактировал журнал «Пролит». В Киеве отец был счастлив и в личной жизни. Кроме того, у него было много друзей, люди тянулись к нему как к человеку многосторонне одаренному, мудрому, остроумному, общительному, доброжелательному. Несмотря на огромную занятость, семью он всегда одаривал добротой, вниманием и любовью.

1941 г. Война. Мы с мамой уехали в эвакуацию. Папа был прикомандирован к Управлению Киевского военного округа, участвовал во фронтовой печати, выступал по всесоюзному радио. В 1942 г. его отозвали для работы в Еврейском антифашистском комитете, с Комитетом мы переехали в Москву. Вскоре Михоэлс и Фефер были командированы в США, там они находились 7 месяцев. После многочисленных концертов, при огромных сборах, все заработанные средства и драгоценности они перечислили в Фонд обороны. Вернулись из командировки в 1944 г. Оставалось 4 года до Конца. Не могу сказать, что эти годы были благополучными. Изменились ситуация в стране, отношение к Комитету, сложно складывались отношения и в самом Комитете. В Москве Фефера приняли не однозначно. Временами казалось, что он спешит сделать все возможное, по-видимому, предчувствия мучили его. В его умных, добрых глазах все чаще появлялись печаль и тревога.

В 1947 г. он написал пророческое стихотворение «Я силач», русский перевод Бугаевского.

Толпятся сто смертей у моего порога,
Что побуждает их искать ко мне дорогу,
Чем я их так привлек, что все наперебой

Кричат они «ты мой, ты не уйдешь, ты мой!»

Одна из них в мое окно крылами бьется,
Досадуя, что ей никак не удается
Недолгих радостей земных меня лишить:
По улице пройтись, с друзьями пошутить.

Винтовку на меня наставила другая,
Из черноты ствола насмешливо мигая, —
Готовясь вылететь оттуда невпопад,
Настичь меня, догнать, лишить простых услад.

Простых услад: смотреть, как тает дым над крышей,
Как вздрогнет пруд — и вновь гуляет рябь по тиши,
Иль вишни кислотой чуть освежить свой рот,
Иль слышать, как мой пес залает у ворот.

А третья лязгает железом, сталью ржавой,
И чем, скажите, я пришелся ей по нраву,
Что гонится она за мною по пятам,
Тоскуя по моим натруженным костям.

Они ей кажутся добычею богатой,
А я, чуть сгорбленный, худой, подслеповатый,
Со всеми ими все ж выдерживаю спор
И ни одной из них не сдался до сих пор.

Страх истинный наш враг, но я сумел, как воин,
Пригнать его к земле и сердцем я спокоен.
Ведь смерть ничто! Лишь страх способен в грозный час
Лишить нас сил, обезоружить нас.

Наступил 1948 г. — с самого начала до конца он был трагичным. После убийства Михоэлса четче проявилось предчувствие большой беды. В ноябре 1948 г. ликвидировали ЕАК, не было Михоэлса, после смерти ответственного секретаря Комитета Эпштейна отец выполнял его функции, поэтому ему пришлось сдавать все дела. Домой приходил поздно, усталый, расстроенный. Чтобы нас не огорчать, — особенно щадил меня, он шутил и старался быть спокойным, но глаза выдавали его, время неумолимо приближало нас к финишу. 24 декабря 1948 г., в день рождения мамы, ночью пришли за ним, всю ночь был обыск, перевернули весь дом, опечатали комнату. Перед тем, как его увели, он сказал мне: «Родная моя! Помни и знай, что я ни в чем не виноват перед тобой, Родиной, людьми». И в самых тяжелых ситуациях, ни разу в жизни, не усомнилась в этом.

Через две недели новая беда, 13 января 1949 г. арестовали маму и младшую сестру отца. Еще один унижительный обыск. Впоследствии мама и тетя были отправлены в разные лагеря, где отсидели по 7 лет. 44 месяца я

ходила на Лубянку, в справочное бюро, выстаивала огромные очереди, чтобы узнать что-нибудь о трех самых дорогих и близких мне людях. Ответы были односложными. Даже после гибели отца у меня приняли деньги для него и сказали, что следствие продолжается. Свидание разрешили один раз, с мамой, когда ее отправляли из Бутырской тюрьмы в лагерь. Папу я больше не видела. Мы с мужем были изолированы от всего мира, за нами беспрестанно следили, сопровождали на работу и обратно. Ни с кем не общались, кроме брата мужа, который, рискуя всем, помогал чем только мог. Мужа исключили из Военной Академии и из партии.

Но впереди нас ожидали новые испытания. 2 февраля 1953 г., уже после гибели папы, пришла и наша очередь. Нас отправляли в ссылку, в Северо-Казахстанскую область, сроком на 10 лет. Третий обыск был изнурительным и издевательским. За три обыска они конфисковали все папины архивы, книги, фотографии. Мы, пройдя зак. вагоны, пересыльные тюрьмы, прибыли в село Красноярка в день смерти Сталина.

Колесо истории закрутилось в обратную сторону. Мы с мужем посылали в Москву запросы и нам разрешили вернуться через три года. Только по возвращении мы узнали о жуткой трагедии, постигшей еврейскую культуру, узнали и черную дату — 12 августа 1952 года.

Можно бесконечно вспоминать эти годы страданий, унижения, горя, обиды, беспомощности, но тяжелая жизнь продолжалась. Приехав в Москву, нужно было жизнь начинать сначала. Несмотря на реабилитацию, отметка в документах была по нашим судьбам. Под знаком «репрессированный» проходила сложная жизнь, особенно у мужа. Когда мама освободилась из лагеря, ее выслали в Красноярский край, она прислала мне письмо и умоляла помочь ей выбраться оттуда. А я была ссыльная, невыездная. С огромными трудностями пробилась к начальнику Санитарного Управления МВД г. Омска, где я в то время работала врачом в больнице МВД. К счастью, он оказался хорошим человеком и помог мне, позвонил в УВД г. Тайшет и дал мне туда командировку. Оттуда я привезла маму в Омск, где мы тогда жили. В лагере мама перенесла кровоизлияние в мозг. На лесоповале на нее упало дерево, был тяжелый перелом ноги. Но, приехав в Москву, она энергично занялась делами папы. Пришлось восстанавливать его произведения по книгам, чудом сохранившимся у родственников и знакомых. Ей удалось издать пять поэтических сборников Фефера и составить «Книгу воспоминаний современников» (русских, украинских, еврейских писателей). Когда мама умерла, мы с мужем поставили памятник, на котором поместили их общую фотографию с папой и написали — «поэт Ицик Фефер».

Несмотря на то, что прошло столько лет со дня ареста папы, меня не отпускает постоянная, острая боль.

Пусть остается моя боль —
Не надо утешать,
Когда на раны сыпят соль,
Не стоит облегчать.

Боль мою не смыть
Обильными дождями,
Ее не перекрыть
Морозными снегами,
Не пересолить
Солеными слезами,
Боль не охладить
Холодными ветрами
И не подсластить
Бесценными дарами.

Мне с этой болью нужно быть
До самого конца,
Чтоб в своем сердце сохранить
Верность памяти отца.